

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО ГАЗЕТНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Robert Szymula

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО ГАЗЕТНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Białystok 2018

Recenzent: prof. dr hab. Iryda Grek-Pabisowa,
dr hab. Jan Sokołowski, prof. nadzw. UW r

Redakcja i korekta: Anna Romanik

Skład, opracowanie graficzne: Ewa Frymus-Dąbrowska

 **Wydział
Filologiczny**
UNIWERSYTET W BIAŁYMSTOKU

Wydanie publikacji sfinansowano ze środków Wydziału Filologicznego
Uniwersytetu w Białymstoku

ISBN 978-83-7657-291-8

Copyright by: Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2018

Mariusz Śliwowski
ul. Hetmańska 42; 15-727 Białystok
tel. 602 766 304, 881 766 304
e-mail: prymat@biasoft.net, www.prymat.biasoft.net

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава I	
Политическая лингвистика: понятийный аппарат и терминология	19
1. К вопросу о дискурсе	19
2. Политический дискурс: современные научно-теоретические подходы к определению понятия	36
3. Признаки политического дискурса	56
Выводы	69
Глава II	
Дискурсивные практики средств массовой информации	73
1. Интердискурсивность политической коммуникации (политический дискурс и средства массовой информации – точки пересечения)	73
2. Политический газетный текст как объект лингвопрагматического исследования	83
Выводы	99
Глава III	
Политическая лексика в дискурсивных практиках российских печатных средств массовой информации	101
1. Изменение эмотивного коннотативного компонента лексики, используемой в российском политическом дискурсе	101

2. Лингвопрагматический потенциал заимствований из английского языка, используемых в современном русском политическом дискурсе	118
3. Стилистически сниженная лексика в русском политическом дискурсе: потенциал речевого воздействия	136
Выводы	179

Глава IV

Политическая метафорика как когнитивный механизм речевого воздействия в газетных политических текстах	181
1. Метафоры, их виды и функции	181
2. Военная метафорика в газетных политических текстах	192
3. Театральная метафорика в газетных политических текстах	232
Выводы	262
Заключение	265
Список сокращений	273
Библиография	277
Указатель фамилий авторов, цитируемых в тексте	329
Указатель анализируемых в тексте слов и словосочетаний	333
Streszczenie	337
Summary	345

ВВЕДЕНИЕ

Исследования политической коммуникации (процесса общения между участниками политической деятельности) представляют собой большой лингвистический интерес, который со временем увеличивается, так как данное явление связано с особенностями мышления определенных социальных групп и отдельных индивидов, особенностями национальной культуры, а также с историческими событиями.

Политической коммуникацией начали интересоваться уже в Древней Греции и Риме (изучение политического красноречия), однако такие исследования наиболее активно появляются в демократических обществах (социальная востребованность). Эдуард В. Будаев и Анатолий П. Чудинов [2006а, 10-15] выделяют четыре основных этапа в развитии исследований политической коммуникации в Западной Европе:

- исследования политической коммуникации в рамках традиционной риторики и стилистики;
- исследования двадцатых-пятидесятых годов XX века (становление самостоятельного научного направления, политической лингвистики);
- исследования шестидесятых-восьмидесятых годов XX века;
- современные исследования.

Научные труды, возникшие в рамках традиционной риторики и стилистики, носили преимущественно восхваляющий или критический характер. В работах восхваляющего характера ученые стремились показать, каким образом можно добиться успеха в публичных речах, а также проводили анализ выступлений различных политических деятелей, причинами их убедительности считая фонетические и ритмические особенности, остроумие, задушевность, открытость, простоту, образность и т.п. Критические труды были посвящены описанию недобросовестных намерений политических противников, а также их косноязычию, малообразованности и речевой небрежности.

Интерес к политической коммуникации сформировался в самостоятельное научное направление (политическую лингвистику) в двадцатые-пятидесятые годы XX века. В это время происходят значительные изменения в политической и социальной сферах общества. Точкой отсчета для становления нового научного направления стала

Первая мировая война. Необходимость изучения политической коммуникации в ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами становилась все более очевидной. В это время появились первые методики изучения политической лексики и политического мышления. Начальный этап развития исследований политической коммуникации этого времени связан с интересом к тоталитарному дискурсу. Исследователи занимались в своих работах проблемами формирования общественного мнения и механизмов манипуляции им, а также эффективностью политической агитации и военной пропаганды. Эти исследования позволили обнаружить множество сопоставимых для разных дискурсов фактов и закономерностей, но обнаруживались также признаки национальных тоталитарных дискурсов.

Начиная с 60-70-х годов XX в., ученые сосредоточили внимание на анализе политической коммуникации в западных демократических государствах. Следует упомянуть такие фамилии, как Р. Водак, Т. ван Дейк, Дж. Лакофф, Н. Хомский и др. Исследования этих ученых свидетельствуют о том, что в условиях демократии также используется языковая манипуляция сознанием граждан, но в более изощренной форме. Новые условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика является всегда борьбой за власть, а в этой политической борьбе победителем становится тот, кто лучше владеет средствами коммуникативной манипуляции. Представители Франкфуртской школы начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания Второй мировой войны. В эпоху холодной войны особое внимание ученых привлекал милитаристский дискурс. В этот период внимание исследователей привлекали вопросы анализа политической лексики, теории и практики политической аргументации, политической коммуникации в исторической перспективе, политических символов, метафор, функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы, парламентских и президентских дебатов, а также партийного дискурса.

Современный этап развития исследований по политической коммуникации (конец XX – начало XXI в.) связан с обращением к новым проблемам современного мира (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность, социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.). Эдуард В. Будаев и Анатолий П. Чудинов [2006б, 84]

считают, что признаками современного этапа развития исследований политической коммуникации является также «глобализация» исследований (если ранее соответствующие научные публикации появлялись, как правило, в Европе или Северной Америке, то в последние годы подобные труды все чаще появляются в разных странах Азии, Африки, Латинской Америки и Океании).

В области русской науки можно выделить три этапа развития исследований политической коммуникации:

- 20-е – 30-е гг. XX в.,
- 30-е – 40-е гг. XX в.,
- 50-е – 80-е гг. XX в. [Романова 2014].

В 20-е – 30-е гг. XX в. заметным является интерес к изучению общественно-политической лексики. Были обнаружены значительные изменения в лексической и стилистической системе (появление множества аббревиатур, экспансия варваризмов и диалектизмов, значительное влияние просторечия и одновременно официально-деловой речи, сдвиги в семантике многих лексических единиц и т.д.).

На втором этапе (30-е – 40-е гг. XX в.) основным направлением становился анализ речевой деятельности отдельных политических лидеров, но данные исследования носили восхваляющий характер (ученые отмечали ораторское мастерство большевистских руководителей, «народность» их речи, в смысле ее доступности для широких масс населения).

В 50-е – 80-е гг. XX в. в связи с цензурой исследователи не могли свободно выражать свои мысли, но по-прежнему оставались актуальными исследования в области политической коммуникации, связанные с проблемами теории и практики ораторского искусства и лекторского мастерства, деятельности средств массовой коммуникации, агитации и пропаганды, развития русского языка, его стилистической дифференциации, обогащения его лексико-фразеологического фонда и т.д. Следует подчеркнуть, что исследование политической коммуникации в русской лингвистике советского периода происходило вне контекста мировой науки. Западные публикации по данной тематике считались идеологически чужими и почти не были известны в России. Среди специалистов, занимавшихся политической коммуникацией в то время, можно назвать такие фамилии, как Г.З. Апресян, Ю.А. Бельчиков, С.Г. Капралова, В.Г.

Костомаров, Н.Н. Кохтев, М.В. Панов, И.Ф. Протченко, Г.Я. Солганик и др.

В конце XX – начале XXI вв. исследования области политики активно развиваются. Этому явлению способствовали изменения в языке политики, отражавшие социальные преобразования в постсоветской России, а также возможность открыто выражать свои взгляды и использовать опыт западной науки. Тематикой языка политики и политической коммуникации активно занимаются такие исследователи, как В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, Н.А. Безменова, О.П. Ермакова, О.С. Иссерс, Е.Г. Казакевич, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Н.А. Купина, П.Б. Паршин, Г.Г. Почепцов, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов, В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал и др.

Многообразие аспектов исследования политической коммуникации отражает интерес, который проявляется к этой тематике, и многообразие материала и позиций, которые характерны для современной науки. Эдуард В. Будаев и Анатолий П. Чудинов [2006а, 16-25] обращают внимание на следующие аспекты (противопоставления) исследования политической коммуникации:

- исследование языковых, текстовых или дискурсивных феноменов;
- исследование современного политического языка и историческое изучение политического языка;
- исследование общих закономерностей политической коммуникации и изучение идиостилей различных политических лидеров;
- исследование институционального, медийного и иных разновидностей политического дискурса;
- сопоставительные и несопоставительные исследования.

В рамках современной западноевропейской политической лингвистики можно выделить четыре относительно автономных научных направления:

- критический анализ,
- контент-анализ,
- риторический анализ,
- когнитивное исследование политического дискурса [Романова 2014].

Критический анализ политического дискурса связан с изучением приемов, с помощью которых социальная власть осуществляет господство в обществе. Внимание ученых особенно привлекают факты злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни. Материалом для исследований в рамках данного направления являются тексты на

политические темы, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов (социальное, гендерное (половое) и этническое неравенство). Изучение таких текстов позволяет выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе представить эффекты воздействия дискурса на восприятие информации аудиторией.

Исследования в рамках контент-анализа направлены на систематическое выделение и фиксацию определенных единиц содержания текста, квантификацию полученных данных и последующую интерпретацию результатов с целью оценки и прогнозирования действий политических факторов. Ученые, связанные с этим направлением, дистанцируются от субъективности исследователя и анализируют большие корпуса текстов на политические темы с использованием методов компьютерной обработки материала. На основе количественных данных делаются выводы о качественных характеристиках политической коммуникации с целью выявления связи между социально-политической жизнью общества и использованием языка политики, поиска закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме.

Целью использования риторического анализа политического дискурса является показание того, что не лежит на поверхности, показать то, что скрыто и только подразумевалось автором выступления, но не было высказано в действительности.

Важное место в когнитивных исследованиях политической коммуникации занимает метафора, понимаемая как ментальный феномен. Метафора в политической коммуникации является значимым средством манипуляции общественного сознания.

Следует подчеркнуть, что между представленными направлениями нет непроницаемых границ и в практических исследованиях возможно использование разнохарактерных методов (комплексные методики изучения политической коммуникации).

По мнению А.П. Чудинова [2003], в русских исследованиях политической коммуникации также можно выделить несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений:

- исследования в области теоретических основ политической лингвистики и анализ конкретных единиц в рамках политических текстов;

- исследование советского политического языка и изучение языка постсоветской эпохи;
- нормативный и дескриптивный подходы к изучению политического языка;
- автономное исследование отдельных аспектов политического языка;
- исследование жанров и стилей политического языка;
- исследование идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий;
- дискурсивное исследование коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик;
- сопоставительные исследования;
- политическая лингвистика «в маске» и «без маски».

Важное место среди основных понятий, связанных с использованием языка в политической коммуникации, занимает дискурс. Анализ дискурса позволяет вскрыть механизмы взаимодействия власти, познания, речи и поведения. Термин «дискурс» принадлежит и рассматривается различными научными системами и изучается с различных позиций. Владимир И. Карасик [2000а, 15], например, выделяет четыре основных подхода к пониманию сущности дискурса: коммуникативный подход (дискурс понимается как вербальное общение, диалог, единство регулярно-коллективного и творчески-индивидуального начал речи), структурно-синтаксический подход (дискурс толкуется как фрагмент текста, либо как развернутый смысл текста в сознании получателя речи), структурно-стилистический подход (дискурс интерпретируется как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечетким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью и высокой контекстностью), социально-прагматический подход (дискурс понимается как текст, погруженный в ситуацию общения, речь погруженная в жизнь).

Политический дискурс представляет собой сложное речевое образование, которое также не имеет еще полной научной рефлексии в лингвистической литературе. Политическим дискурсом интересуются как профессионалы (политики, спич-райтеры, специалисты по созданию имиджа политиков, политологи, журналисты), так и широкие массы населения. Это явление, с которым сталкиваемся ежедневно. Значимость

этой сферы все время возрастает, так как в условиях демократии вопросы, связанные с политикой и властью, обсуждаются шире и более открыто, чем в условиях социалистического государства.

Политический дискурс является предметом интереса представителей разных областей науки, и поэтому его исследование нуждается в междисциплинарном подходе. Междисциплинарность исследований обуславливает анализ политического дискурса с разных точек зрения: филологической (политический текст рассматривается как обычный текст, однако на фоне политических и идеологических концепций), политологической (политологическая интерпретация), социопсихолингвистической (измерение эффективности достижения целей говорящего), индивидуально-герменевтической (интерпретация политического дискурса в определенных обстоятельствах) [Демьянков 2002, 34]. Специфика исследовательской позиции и цель изучения этого явления определяют своеобразие понимания сущности политической коммуникации и направления ее анализа. Проблемы изменений, происходивших в политическом дискурсе, исследовались в работах таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, В.З. Демьянков, Т. Добжиньска, М.Р. Желтухина, М.В. Ильин, Е.Г. Казакевич, И. Каминьска-Шмай, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, К. Клосиньска, И. Куява, Э. Ляковска, М.Л. Макаров, К. Ожуг, П.Б. Паршин, В.В. Петров, А.А. Романов, Ю.А. Сорокин, А.П. Чудинов, В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал, и др.

Целью изучения политического текста и его элементов в дискурсе является прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов. Предметом такого рода исследований является политическая коммуникация, которая не является только средством передачи информации, но также оказывает эмоциональное воздействие на адресатов, преобразует находящуюся в сознании граждан страны политическую картину мира. Она отражает существующую в данной стране политическую реальность, преобразовывается вместе с ней и одновременно участвует в ее изменении. Главной функцией политической коммуникации и политического дискурса является борьба за политическую власть и ее удержание, реализуемая при помощи разного рода коммуникативной деятельности (служит средством воздействия на

сознание принимающих политические решения субъектов политической жизни).

Политическая коммуникация всегда несет в себе не только информацию, но и оценку рассматриваемых событий. Цель текста в рамках политического дискурса состоит не в объективном описании реалий, а в убеждении адресатов (граждан данной страны) и побуждении их к определенным действиям. Задачей политической коммуникации является мобилизация избирателей (граждане побуждаются передать власть определенной партии или политику, оказать этой партии поддержку и действовать согласно принимаемым ею решениям) и позднейшее создание в их сознании впечатления, что их выбор был правильным. Она является примером речевого воздействия, так как призвана эмоционально воздействовать на адресатов и формировать в их сознании соответствующую политическую картину мира. Оксана С. Иссерс [2003, 21] определяет речевое воздействие как «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности». Людмила Л. Федорова [1991, 46-50] различает следующие его виды: информационное, социальное (наличие социальных речевых актов при отсутствии информации и реального адресата), волевое (выполнение воли адресанта), оценочное и эмоциональное. По мнению Марины Р. Желтухиной [2003, 59-60], возможность и эффективность речевого воздействия обуславливает несколько факторов:

- лингвистический (механизмы вербального воздействия на сознание через лексику, например, квазисинонимия, намеренная двусмысленность, идеологическая связанность, коннотативные оттенки значения, эксплицитность и имплицитность плана содержания и т.п.);
- экстралингвистический (семиотические, психические, этнокультурные, социальные, когнитивные и другие характеристики жизни человека);
- семиотический (варьирование языковых выражений в соответствии с установками, притязаниями и целями коммуникантов);
- социальный (учет стереотипов и мифов массового сознания, ориентация на «МЫ-группу», авторитетные заявления и т.п.);
- когнитивный фактор (обработка информации человеком);

- психологический (эмоциональное речевое воздействие на адресата в форме логических аргументов, т.е. опора на разум, и эмоциональных аргументов, т.е. апелляция к эмоциям и приведение адресата в нужное для целей адресанта эмоциональное состояние.

Эмотивная функция политического дискурса ориентирована на возбуждение эмоций граждан, так как выражение разных эмоций (надежды, уверенности, гордости, враждебности и т.п.) влияет на зарождение или укрепление таких же эмоций у адресатов. Именно создание эмоционального фона является важной предварительной стадией для последующего переубеждения адресата и побуждения его к соответствующим действиям.

Средством, с помощью которого политический дискурс становится достоянием народа, являются средства массовой информации, благодаря которым граждане могут наблюдать за политическими событиями. Средства массовой информации связаны с сильным аналитическим прессингом, когда интерпретация событий приобретает иногда большую значимость, чем само событие. Дискурс масс-медиа находится в тесных отношениях с политическим дискурсом. Журналисты, влияя на адресатов, формируют общественное мнение, они по-своему интерпретируют политический дискурс.

Одной из традиционных областей существования языка политики является газета, которая играла особенно существенную роль в советские времена, но сегодня также выполняет важную функцию. Современный язык прессы сильно отличается от языка советских газет, прежде всего в лексико-семантическом аспекте. На изменения в данной области обращает внимание, например, Михаил В. Панов. Ученый подчеркивает следующие черты языка современной прессы, отличающие ее от прессы предшествующей эпохи: диалогичность, усиление личностного начала, стилистический динамизм, явления «переименования», сочетание резко контрастных стилистических элементов в пределах текста и словосочетания (словосочетания становятся метафорическими, метонимическими, сужают или расширяют свои значения) [Панов 1988, 23]. В сегодняшнем языке газеты заметны противоречия информационной и экспрессивной функций языка, причем эти противоречия часто разрешаются в пользу экспрессивной функции. Елена В. Какорина замечает в связи с этим: «В сфере массовой коммуникации (далее МК) все виды текстов, включая

«прототипически» информационные жанры новостей, обязательно содержат не только сообщения, но и аксиологические высказывания или их компоненты. Это связано с ориентированностью любой информации в МК на воздействие» [1996а, 412].

Целью настоящего исследования является анализ лексических средств с эмотивным компонентом, используемых в газетных текстах российского политического дискурса, и определение их воздействующей роли. Данное исследование выполнено на базе информационно-публицистических текстов (2000 текстов) из политической и общественной областей, опубликованных в 4 газетах (электронные версии газет «Аргументы и факты»¹, «Известия»², «Комсомольская правда»³, «Московский

¹ «Аргументы и факты», еженедельник, издатель ЗАО «Аргументы и факты», ред. И.Ю. Черняк (1978-2001: В.А. Старков, 2001-2016: Н.И. Зятьков, с 2017: И.Ю. Черняк), средний тираж 3 000 000 экз., ISSN 0204-0476, тематические разделы электронной версии: «Общество», «Происшествия», «Политика», «Деньги», «Культура», «Спорт», «Кухня», «Дача», «Здоровье»; материал для исследования из тематических разделов: «Политика», «Общество», «Происшествия», «Деньги».

² «Известия», ежедневная газета, издатель ООО «МИЦ „Известия“», ред. А.Г. Оганесян (1917: И.М. Стеклов, 1917: Ф.И. Дан, 1917-1925: И.М. Стеклов, 1925-1928: И.И. Скворцов-Степанов, 1928-1929: И.М. Гронский, 1929-1930: М.А. Савельев, 1930-1931: Г.И. Крумин, 1931-1934: И.М. Гронский, 1934-1937: Н.И. Бухарин, 1937: Б.М. Таль, 1937-1941: Я.Г. Селих, 1941-1944: Л. Ровинский, 1944-1948: Л.Ф. Ильичев, 1948-1959: К.А. Губин, 1959-1964: А.И. Аджубей, 1964-1965: С.В. Ильич, 1964-1976: Л.Н. Толкунов, 1976-1983: П.Ф. Алексеев, 1983-1984: Л.Н. Толкунов, 1984-1990: И.Д. Лаптев, 1990: И.Н. Голембиовский, 1990-1991: Н.И. Ефимов, 1991-1997: И.Н. Голембиовский, 1997-1998: В.Т. Захарько, 1998-2003: М.М. Кожокин, 2003-2004: Р.С. Шакиров, 2004-2005: В.А. Бородин, 2005-2009: В.К. Мамонтов, 2009-2011: В.Г. Абрамов, 2011-2012: А.С. Малютин, 2012-2013: А.А. Потапов, 2013: А.С. Малютин, 2013-2016: А.А. Потапов, с 2016: А.Г. Оганесян), тираж в России 150 950 экз., в странах СНГ 28 000 экз., ISSN 0233-4356, тематические разделы электронной версии: «Мир», «Страна», «Политика», «Экономика», «Общество», «Происшествия», «Армия», «Культура», «Стиль», «Авто», «Наука», «Спорт», «Интернет», «Туризм»; материал для исследования из тематических разделов: «Политика», «Общество», «Происшествия», «Экономика».

³ «Комсомольская правда», ежедневная газета, издатель АО ИД «Комсомольская правда», ред. В.Н. Сунгоркин (1925: А.Н. Слепков, 1925-1928: Т. Костров, 1929: И.Т. Бобрышев, 1929-1932: А.Н. Троицкий, 1932-1937: В.М. Бубекин, 1937: М. Перельштейн, 1937-1941: Н.А. Михайлов, 1941-1948: Б.С. Бурков, 1948-1950: А.Я. Блатин, 1950-1957: Д.П. Горюнов, 1957-1959: А.И. Аджубей, 1959-1965: Ю.П. Воронов, 1965-1973: Б.Д. Панкин, 1973-1978: Л.К. Корнешов, 1978-1980: В.Н. Ганичев, 1981-1988: Г.Н. Селезнев, 1988-1995: В.А. Фронин, 1995-1997: В.П. Симонов, с 1997 В.Н. Сунгоркин), тираж 655 000 экз. (ежедневный выпуск), 2 7000 000 экз. («Толстушка»), ISSN 0233-433X, тематические разделы электронной версии:

комсомолец»⁴) в период с 2000 по 2015 гг., полученных методом сплошной выборки, а также лексикографических изданий. В работе использовались методы синхронно-описательного, семантического, контекстуального и лексикографического анализа.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка. Во введении обосновывается выбор и актуальность темы, представляется краткая история исследований политической коммуникации и политического дискурса, определяются цели исследования. Первая глава «Политическая лингвистика: понятийный аппарат и терминология» представляет собой описание современных научно-теоретических подходов к определению основополагающих для данной работы понятий «дискурс» и «политический дискурс», а также содержит характеристику главных отличительных черт политического дискурса. Вторая глава «Дискурсивные практики средств массовой информации» посвящена представлению связей политического дискурса с дискурсом СМИ. В данной главе описаны также особенности языка прессы (прессы советского периода и современной прессы) и газетного политического текста как объекта лингвопрагматического исследования. Третья глава «Политическая лексика в дискурсивных практиках российских печатных средств массовой информации» посвящена презентации лингвопрагматического потенциала эмоционально-оценочной лексики в современных газетных политических текстах. В данной главе проанализированы лексемы, которые в связи с переменами в общественно-политической жизни страны изменили свою идеологическую коннотацию, а также определен воздействующий речевой потенциал стилистически сниженной лексики и заимствований из английского языка. В четвертой главе «Политическая метафорика как когнитивный механизм речевого воздействия» исследуются функции лексем с вторичным

«Политика», «Общество», «Экономика», «В мире», «Спорт», «Звезды», «Наши права», «Здоровье», «Наука», «Недвижимость»; материал для исследования из тематических разделов «Политика», «Общество», «Экономика».

⁴ «Московский комсомолец», ежедневная газета, издатель МК и МГК ВЛКСМ, ред. П.Н. Гусев (1959-1963: М.А. Борисов, 1977-1983: Л.Н. Гушин, с 1983 П.Н. Гусев), тираж до 700 000 экз., ISSN 1562-1987, тематические разделы электронной версии: «Новости», «Политика», «Экономика», «Происшествия», «Общество», «Спорт», «Культура», «Наука», «Роскосмос»; материал для исследования из тематических разделов «Политика», «Общество», «Происшествия», «Экономика».

метафорическим значением в политических газетных текстах. Анализу подверглись лексемы со сферой-источником «война» и «театр» как наиболее эмоционально окрашенные. В «Заключении» подводятся основные итоги исследования и определяются перспективы для дальнейшего изучения лингвопрагматических аспектов политического дискурса средств массовой информации.

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

1. К вопросу о дискурсе

Для того, чтобы описать политический дискурс, прежде всего, необходимо уточнить содержание понятия «дискурс», определить его природу, а также выяснить соотношение данного термина с термином «текст», так как они употребляются иногда синонимично.

Несомненно, ключевым понятием, связанным с политической коммуникацией, является дискурс, анализ которого помогает вскрыть механизмы взаимодействия власти, познания, речи и поведения [Hacker 1996, 51]. Ряд работ, посвященных данному вопросу (например, Бенвенист [1965]; ван Дейк [van Dijk 1980]; Греймас, Курте [1983]; Карасик [2000]; Филлмор [Fillmore 1974]; Шейгал [1998] и др.), показывает, что исследование дискурса является междисциплинарной областью знания, в анализе которой участвуют как лингвисты, так и социологи, психологи, специалисты по искусственному интеллекту, этнографы, литературоведы и философы.

В лингвистической литературе выделяются следующие направления в изучении языкового общения, дискурса (в широком смысле) и прагматики языка:

- теория речевых актов;
- логико-прагматическая теория коммуникации;
- конверсационный анализ;
- анализ диалога;
- анализ дискурса;
- лингвистика текста и грамматика дискурса;

- критический анализ дискурса;
- социолингвистический анализ вариативности;
- интерактивная социолингвистика;
- этнография коммуникации;
- психолингвистические модели производства, обработки и понимания дискурса [Макаров 1998, 75].

Истоки теории дискурса следует искать в исследованиях языкового употребления, социолингвистическом анализе коммуникации, логико-семиотическом описании разных видов текста, моделировании порождения речи, когнитивной психологии, описании этнографии коммуникации и антропологических исследованиях [Арутюнова 1990а, 137]. Первые попытки анализа внутренней организации дискурса датируются рубежом 50-х годов XX века. В это время появились лингвистические работы, посвященные конструкциям, состоящим более чем из одного предложения; «сложным синтаксическим целым» и «сверхфразовым единствам» [van Dijk, Kintsch 1983; Борботько 1998]. Синтаксические регулярности в организации дискурса были открыты Зеллигом Харрисом, который обратил внимание на факт повторяемости морфем и синтаксических конструкций в смежных высказываниях, а также на смысловую эквивалентность различных выражений, попадающих в идентичное окружение [Борботько 2007, 10]. Исследователь пытался применить дистрибутивный метод в описании социокультурной ситуации и распространить его использование с анализа предложения на анализ связного текста, в связи с чем впервые начал употребляться термин «анализ дискурса». Этот термин ассоциировался с немецким термином «Textlinguistik», получившим тогда широкое распространение [Арутюнова 1990, 137]. Лингвистика текста как научное направление со временем все больше укрепляла свои позиции в связи с возросшим объемом работ, изучающих сверхфразовые единства и процессы, которые имеют место в семантическом взаимодействии языковых единиц за пределами монопредикатного высказывания. Она объединяла в себе лингвистические исследования и смежные подходы к изучению текста связной речи, как теоретические (литературоведение, функциональная стилистика), так и имеющие прикладную направленность (информатика, теория коммуникации, автоматизированный перевод, преподавание языков, статистическая обработка текстов и т.д.) [Гиндии 1977, 348-361].

В начале 80-х годов XX века наметилась тенденция к разграничению лингвистики текста и анализа дискурса (термины «текст» и «дискурс» стали постепенно дифференцироваться). Анализируя отличительные черты этих двух лингвистических областей, можно обратить внимание на следующие качественные характеристики анализа дискурса, выделенные Михаилом Л. Макаровым [1997, 40-41]:

- анализ дискурса занимается исследованием устной и письменной языковой коммуникации, протекающей в нормальных, естественных условиях (материалом являются письменные тексты и протоколы наблюдений и транскрипты устных высказываний);
- анализ дискурса исследует предметно-содержательную сторону общения, уделяя больше внимания его социальной, чем формально лингвистической организации;
- анализ дискурса основывается на трех важнейших категориях: действие, строение и вариативность (для построения говорящим/пишущим данных высказываний, люди совершают социальные действия, свойства которых определяются именно выбором речевых ресурсов, т.е. языковых средств, функциональных стилей, риторических приемов и т.п.);
- одной из важнейших характеристик анализа дискурса является повышенное внимание к теоретическим, аргументативным структурам во всех без исключения его типах;
- анализ дискурса все более отчетливо приобретает когнитивную направленность, стремление посредством изучения устной и письменной коммуникации решать вопросы о соотношении и взаимодействии внешнего и внутреннего миров человека, бытия и мышления, индивидуального и социального.

Говоря о лингвистике текста, следует подчеркнуть следующие ее черты, отличающие ее от дискурсивного анализа:

- лингвистика текста выявляет содержательные компоненты, связанные с обеспечением правильной коммуникации и правильного построения текста вообще;
- лингвистика текста определяет смысловые различия в употреблении коммуникативно ориентированных компонентов высказывания;

- лингвистика текста занимается выявлением глубинных смыслов, содержащихся в одном каком-либо замкнутом тексте [Николаева 1990, 267-268].

Хотя дискурсивный анализ находится в сфере внимания исследователей уже довольно долго, однако, как указывают многие лингвисты, термин «дискурс» является одним из наиболее сложных и наименее поддающихся четкому определению понятий. Он получил широкое распространение и используется в понятийном аппарате многих научных дисциплин: философии, литературоведения, социологии, политологии и других. Это понятие рассматривается разными научными направлениями (социолингвистическим, прагмалингвистическим, психолингвистическим, лингвостилистическим, лингвокультурологическим) и поэтому оно неоднозначно [Карасик 2002, 270-286]. Анна Малевска-Шалыгин [Malewska-Szałygin 2004, 81] замечает, что в латинском языке слово «*discursus*» обозначало разнонаправленное движение и часто использовалось в переносном значении как синоним разговора (с участием многих собеседников), дискуссии, а также рассуждения или мышления. Наталия С. Автономова утверждает, что «ныне это слово может значить почти все что угодно: терминологическую четкость оно имеет, пожалуй, лишь в социолингвистическом направлении *analyse du discours*, выявляющем определенные социальные закономерности функционирования текстов в обществе» [2000, 92].

Барбара Бонецка [Boniecka 1998, 45-62] использует термин «дискурс» как синоним текста. Вальдемар Жарски [Żarski 2006, 73] считает, что это индивидуальная речевая деятельность, условие возникновения и понимания текста. Рената Гжегорчикова [Grzegorzczukowa 2008, 40] понимает дискурс как степень организации языка в высказывание или весь процесс коммуникации. Томаш Пекот [Piekot 2006, 33] понимает дискурс как сверхтекстовую категорию, которая сочетает в себе мир текстов с миром участников общения. Автор утверждает, что многозначность слова «дискурс» можно ограничить тремя основными значениями: дискурс как что-то абстрактное (набор/система стандартов, правил, конвенций, моделей поведения, который определяет формирование коммуникации/текстов), дискурс как что-то конкретное и индивидуальное (текст погруженный в контекст и контекст, погруженный в текст, то есть коммуникативное столкновение), дискурс как что-то конкретное и коллективное (поток

текстов, которые имеют что-то общее: отправителя, жанр, тему и т.д.) [Piekot 2014, 16].

Майкл Стаббс [Stubbs 1983, 1] определяет данный термин как: 1) единицу языка, превосходящую по объему предложение; 2) язык в социальном контексте; 3) интеракцию между собеседниками. Ольга А. Панкратова [2001, 17] под термином «дискурс» понимает целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций. Виктория В. Красных приводит следующую дефиницию: «Под дискурсом мы понимаем вербализованную речемыслительную деятельность, включающую в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты» [1998, 190]. Эльжбета Ляковска [Laskowska 2010, 179] определяет дискурс как ряд языковых поведений, соединенных темой, целью и способом формирования высказывания, причем тема, способ и цель высказывания обуславливают стиль, жанр текста и коммуникативную ситуацию общения, одновременно обусловленных теми же факторами. Станислав Грабяс [Grabias 1994, 231] считает, что дискурс – это ряд речевых поведений, форма которых зависит от того, кто говорит, к кому обращается, в какой ситуации и с какой целью говорит. Янина Лябоха [Labocha 2008, 60-61] утверждает, что данное понятие обозначает комплекс стандартов и стратегий. По мнению Марии Войтак [Wojtak 2011, 71], дискурс является образцом коммуникативного события. Владимир И. Карасик понимает дискурс как «промежуточное образование между речью как вербальным общением, как деятельностью, с одной стороны, и конкретным вербализованным текстом, зафиксированным в ходе общения, с другой стороны» [2000б, 26]. По мнению исследователя, конститутивными признаками дискурса являются участники, условия, организация, способы и материал общения (т.е. лица, рассматриваемые с позиции общения, а также их статусно-ролевых и коммуникативных амплуа), сфера общения и коммуникативная среда, мотивы, цели, стратегии, развертывание и членение общения (канал, режим, тональность, стиль и жанр общения), знаковое тело общения, тексты с невербальными включениями [Карасик 1998, 185].

Тен А. ван Дейк рассматривает дискурс в широком и в узком смыслах. Дискурс в широком смысле определяется как коммуникативное действие (устное, письменное, имеющее вербальные и невербальные составляющие), происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном,

пространственном и других контекстах. Дискурс в узком смысле представляет собой вербальную составляющую коммуникативного действия (его письменный или устный результат, интерпретируемый реципиентами) [ван Дейк 1989, 5-7]. Тен А. ван Дейк [van Dijk 2001, 26-28] выделяет три аспекта дискурса: использование языка, передача идей, взаимодействие, подчеркивая роль политического, социального и экономического контекстов. Ольга Д. Вишнякова понимает дискурс как «единство и взаимодействие текста и внелингвистических условий и средств его реализации» [2002, 183]. Анна Душак [Duszak 1998, 18] считает, что дискурс, понимаемый как язык в процессе его использования, выражает процессы создания и получения текста, а самым хорошим способом исследовать феномен межличностного речевого общения является анализ дискурса, то есть текста в контексте. По мнению автора, дискурс включает в себя весь акт коммуникации – определенную вербализацию (текст) и неязыковые факторы, которые сопровождают его (прежде всего конкретную ситуацию его использования и его участников). Похожий подход выбирает также Лех М. Нияковски [Nijakowski 2006, 17], который определяет дискурс как текст в контексте, то есть не только фиксированная система знаков, но и более широкий контекст ее создания, распространения и восприятия.

Константин Ф. Седов определяет данный термин следующим образом: «Под словом «дискурс» понимается целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций» [1999, 5]. Нина Д. Арутюнова приводит следующее определение дискурса, в котором это понятие объясняется через текст и речь: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагмалингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. (...) Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1990, 136-137]. По мнению Юрия С. Степанова [1995, 44], дискурс является «языком в языке», но представленным в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», он существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, с которыми связаны особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, т.е. в конечном счете

является особым миром («возможный, альтернативный, мир»), в котором действуют свои правила. Патрик Серио [1999, 26-27] приводит восемь значений термина «дискурс»: 1) синоним понятия «речь»; 2) единица, по размерам превосходящая фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию; 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний; 8) теоретический конструкт для исследований условий производства текста. Магдалена Лисовска-Магдзяж [Lisowska-Magdziej 2006, 9] определяет дискурс как передачу идей и влияние на людей при помощи языка, сильно обусловленное социальным положением отправителей и получателей информации, целями и потребностями, уровнем знания, системой и иерархией ценностей, а также социальным контекстом общения и спецификой общения посредством СМИ. Одновременно исследователь приводит ряд различных значений этого термина в разговорном польском языке: дискурс как язык в процессе применения; дискурс как способ использования языка, характерный для конкретного лица, коллектива или учреждения; дискурс как коммуникативное событие, имеющее индивидуальный характер; дискурс как взаимодействие между отдельными лицами или группами, между личностью и группой, связанное с обменом мнениями, дискуссией, обсуждением; дискурс как способ применения языка, характерный для определенной социальной ситуации; дискурс как совокупность ценностей и взглядов на какую-то тему, а также определенный способ их выражения.

Иван П. Сусов [1988, 10] отмечает, что структуры дискурса соотнесены со структурами деятельности и структурами сознания, которые обусловлены экстралингвистическими факторами. Похоже рассматривают дискурс также Рут Водак и Норман Фейклаф [Fairclough, Wodak 1997, 261], которые трактуют его как специфическую форму производства знаний. Михаил Я. Дымарский утверждает, что дискурс не является носителем информации. Исследователь считает, что дискурс является, в сущности, только способом передачи информации, а не средством ее накопления и умножения [Дымарский 1999, 40]. Павел Б. Паршин утверждает, что природу данного термина позволяет определить его сочетаемость (для него характерно сочетание с агентивным или генетивным определением: *публичный дискурс, политический дискурс,*

советский дискурс, дискурс власти, дискурс оппозиции, дискурс террора, дискурс перестройки, дискурс потребительской культуры, дискурс Путина и т.п.). Специфицирующее определение указывает либо на физическое лицо, либо на группового агента социального действия, либо на некоторую социально значимую категорию, которая на поверхности может выступать как предмет обсуждения, но может быть также описана как метафорический агенс, «передающий» некое сообщение своим партнерам по коммуникации (какой-то части общества или обществу в целом). В связи с этим исследователь определяет дискурс как характеристику коммуникативного своеобразия агента социального действия [Паршин 1999а].

Термин «дискурс» используется в разных сферах и изучается с различных позиций, например, с позиций прагмалингвистики, психолингвистики, лингвостилистики, структурной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики и т.д. Владимир И. Карасик [2000а, 15] утверждает, что:

- с позиций прагмалингвистики дискурс является интерактивной деятельностью участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания;
- с позиций психолингвистики дискурс интересен как развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок и предписаний;
- с позиций лингвостилистики дискурс сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц;
- с позиций структурной лингвистики описание дискурса предполагает его сегментацию и направлено на освещение собственно текстовых особенностей общения;

- с позиций лингвокультурологии дискурс имеет целью установить специфику общения в рамках определенного этноса, определить формульные модели этикета и речевого поведения в целом, охарактеризовать культурные доминанты соответствующего сообщества в виде концептов как единиц ментальной сферы, выявить способы обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры;
- с позиций социолингвистики дискурс исследуется при помощи анализа участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализа обстоятельств общения в широком социокультурном контексте.

Ирина Ухванова-Шмыгова [Uchwanowa-Szmygowa 2014, 14-15] приводит разные возможности интерпретации термина дискурса, выбранные из лексикографических исследований и научных публикаций последних лет:

- 1) дискурс в самом широком значении:
 - предмет разговора (взаимоотношения и развитие отдельных тем);
 - коммуникация как объект исследования;
 - сфера деятельности;
- 2) дискурс как объект лингвистики:
 - речь с точки зрения ее конструкции, формы, грамматической структуры;
 - слово, предложение;
 - речь, центром интереса которой является тематическое развитие;
 - текст в четко определенной формальной видовой репрезентации;
 - материальная форма языковой деятельности, структура (форма) речевой деятельности;
- 3) дискурс как жанр:
 - (ист., книжн.) трактат, т.е. вид письменной коммуникации, тип общения, который требует от автора и читателя серьезного подхода и умственного труда;
 - лекция, выступление, разговор, проповедь, т.е. вид устной коммуникации, тип общения, требующий непосредственного взаимодействия участников коммуникации;
- 4) дискурс как тип деятельности, направленной на содержание:

- процесс коммуникации (устной или письменной), сосредоточенный на предмете разговора и развивающий его;
- термин, находящийся под влиянием многих общественных и гуманитарных наук: философии, лингвистики, психологии, социологии, этнографии, культурологии, политологии, социальной коммуникации, то есть тех дисциплин, которые изучают речь, потенциал ее содержания и реализацию этого потенциала;
- 5) дискурс как интегрированное функциональное целое:
 - сумма дискурсивных практик, отражающих и формирующих дискурсы;
- 6) дискурс как потенциал:
 - дар речи;
- 7) дискурс как мера:
 - интервал времени;
- 8) дискурс в рамках причинно-генетического (каузально-генетического) подхода:
 - действие (одновременно социальное и индивидуальное), ограниченное («закрытое») его социально ориентированными проявлениями речи (которые несут в себе оценку и информацию о языковом поведении), действие, дифференцированное и описанное в отмеченных социально условиях, действие, «открытое» на индивидуальное понимание (когнитивная характеристика) и проявление в поведении (поведенческая характеристика (бихевиоральная характеристика));
 - представление (представитель) действительности (и миров дискурса) как социального конструкта и общества (и дискурсивных обществ), а также представление действительности и действительности одновременно адаптированной в устной форме;
 - коммуникативная общность (набор категорий и кодов) в их функциональном единстве, реализующая взаимодействие людей, обеспечивающая обмен знаниями и отношениями, раскрывающая порядок смысла и порядок содержания (которые способствуют самоидентификации участников коммуникации).

Интересно мнение Франсис Эльгорски, которая считает, что термин «дискурс» многозначен только на первый взгляд. Автор утверждает, что «в действительности он всегда обозначает определенным образом

организованную речевую деятельность, связанную с некоторой лингвистической областью (социологический, идеологический, культурный контекст) или с чем-нибудь невысказанным (бессознательным, предполагаемым)» [Helgorsky 1983, 15-41, цит. по: Борботько 2007, 13].

Из множества предлагаемых исследователями значений термина «дискурс» для нашего исследования наиболее релевантной является дефиниция, данная Еленой И. Шейгал. В ее концепции дискурс оказывается довольно широким понятием, охватывающим как языковую систему (ту ее часть, которая специфически ориентирована на обслуживание данного участка коммуникации), так и речевую деятельность (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов) и текст. Ее дефиницию можно представить в виде формулы: дискурс = подязык + текст + контекст, причем компонент «текст» в этой модели конкретизируется как «творимый текст + ранее созданные тексты», а компонент «контекст» включает в себя такие разновидности, как «ситуативный контекст» и «культурный контекст» [Шейгал 2000, 26].

Показательно то, что в лингвистической литературе дискурс описывается в сопоставлении с другими лингвистическими явлениями. В частности, термин «дискурс» трактуется обычно как текст. Например, Ольга В. Александрова [1999, 9-10] утверждает, что термины «текст» и «дискурс» используются совершенно синонимично, несмотря на то, что сама протяженность единиц, обозначаемых данными терминами, остается очень неопределенной. Андрей В. Олянич [2000, 38-39] считает, что понятие дискурса составляют создаваемые человеком, произносимые и воспроизводимые им в графическом виде тексты внутри коммуникативного континуума. Леон Завадовски [Zawadowski 1966, 147] определяет данное понятие как любая строка текстовых элементов, обусловленная не конвенциональными связями Т:Р (Т – элемент текста, Р – элемент реальности), а факторами, которые непосредственно или косвенно зависят от передаваемого внетекстового содержания. Владимир И. Карасик понимает дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения» [2000а, 5].

Многие исследователи отмечают, что термин «текст», хотя и существует в науке уже несколько десятилетий, так же как и термин «дискурс», не получил еще достаточно четкого определения, вследствие чего возникает многообразие дефиниций данного понятия и различное его понимание [Бисималиева 1999, 78]. Юрий Е. Прохоров [2006, 12] справедливо отмечает, что неоднозначность данного понятия, многообразие

подходов, множественность описаний и многочисленность определений текста, акцентирующих разные его стороны и характеристики как предмета лингвистического исследования, обусловливается тем, что текст как явление языковой и экстралингвистической действительности, представляет собой сложный феномен, выполняющий самые разнообразные функции: это и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных традиций.

Понятие «текст» используется в языкознании для обозначения любого отрывка, любой протяженности, который образует единое целое. Владимир Г. Борботько указывает на то, что «текст очень широко употребляется в лингвистической литературе, и, как правило, определение термину «текст» не дается (...). Под текстами подразумеваются всегда тексты связной речи, то есть целые литературные произведения или их относительно завершённые в смысловом отношении фрагменты» [1981, 6]. Татьяна М. Николаева приводит следующую дефиницию данного термина: «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность; под текстом понимают преимущественно абстрактную формальную конструкцию» [1990, 507].

Для Льва В. Щербы текст представляет собой фиксированный в письменной форме языковой материал. В зависимости от теоретической установки текст может рассматриваться как последовательность единиц любого уровня: слов и словосочетаний, морфем и фонем, а вовсе не только как последовательность предложений [Щерба 2004, 26]. Илья Р. Гальперин дает следующую дефиницию текста, также подчеркивая его письменную форму: «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [1981, 18].

Многие исследователи, однако, к понятию «текста» относят произведения как письменной, так и устной речи. При таком подходе текстом можно назвать как устное выступление, обращенное к

конкретному ограниченному числу реципиентов, ограниченное во времени и пространстве, так и письменную фиксацию мысли, не ограниченную во времени, пространстве и направленную на бесконечно большое число реципиентов. На первый план выдвигается тогда связность и цельность текста. Примером может служить дефиниция текста, предложенная Зинаидой Я. Тураевой: «некое упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определенным образом организованную и направленную информацию» [1986, 12]. Также Александр М. Пятигорский и Мераб К. Мамардашвили допускают устную форму текста. По мнению этих авторов текст должен удовлетворять трем условиям. Во-первых, текстом можем считать сообщение, которое пространственно (т.е. оптически, акустически или каким-либо иным образом) зафиксировано. Во-вторых, текстом будет считаться сообщение, пространственная фиксация которого была не случайным явлением, а необходимым средством сознательной передачи этого сообщения его автором или другими лицами. В-третьих, текст понятен, т.е. не нуждается в дешифровке, не содержит мешающих его пониманию лингвистических трудностей [Мамардашвили, Пятигорский 1999, 45].

В литературоведческой и лингвокультурологической литературе термин «текст», вслед за Михаилом М. Бахтиным [1976, 123], стал трактоваться шире: как связанная совокупность знаков. Как замечает Ольга Балла, «вдруг оказалось, что может быть прочитан текст улицы – со всем, что на ней существует и происходит; текст города в целом, в котором архитектура зданий, структура пространства приобретают значение насыщенных, многослойных сообщений. Оказались полны связанных между собой знаков и манера одеваться, и еда со всеми предметами, которые при этом используются, и системы жестов и положений тела: смысл вышел за пределы слов (в границах которых теснился на протяжении всего Нового времени) и бросился жадно осваивать, заселять, преобразовать несловесное пространство. Заговорили уже о возможности понимать как текст всю реальность в целом: она – текст, написанный Богом, тогда как тексты в узком смысле слова – это реальности, создаваемые людьми» [1998, 27].

Следует отметить, что также в семиотике обозначилась тенденция к расширенному пониманию термина «текст» по отношению к разным проявлениям культуры. Текст в таком понимании является фактом

культурно-феноменологического порядка, который может не иметь прямого отношения к естественному языку, например, текстом является коллекция произведений живописи или архитектуры [Лотман 1981, 104-105].

Описание термина «дискурс» через понятие «текст» подчеркивает схожесть (но не идентичность) их понимания в лингвистике. Во многих исследованиях, посвященных анализу текста и дискурса, делаются попытки дать отличительные характеристики этих двух категорий.

Например, по мнению В.Г. Борботько, текст является более общим понятием, чем дискурс: «Дискурс всегда является текстом, но обратное не верно. Не всякий текст является дискурсом (...), дискурс – частный случай текста» [1981, 9]. В свою очередь Ирина В. Алещанова [2000, 131-132] утверждает, что целесообразным является употребление термина «дискурс» в широком смысле по отношению к тексту (вместе с его экстралингвистическими характеристиками), а термина «текст» в узком смысле как элемента некоторой дискурсивной макросистемы. Халина Гжмил-Тылютки [Grzmił-Tyłućki 2010, 10] считает, что дискурс не может также отождествляться с языком, потому что не является абстрактной системой знаков и правил их соединения.

Некоторые исследователи считают, что одним из критериев разграничения употребления данных терминов является их применение к устной и письменной речи, так как к произведениям письменной речи чаще применяется термин «текст», а к произведениям устной речи чаще применяется термин «дискурс» [Шейгал 2000, 10]. В свою очередь, Владимир В. Богданов [1993, 54] предлагает теорию, согласно которой термины «речь» и «текст» являются видовыми по отношению к родовому термину «дискурс» (речь связана со звучащей субстанцией, она спонтанна, ненормативна, эллиптическая, диалогична, тогда как текст подготовлен, нормативен, развернут, монологичен или диалогичен, отличается от речи графической репрезентацией языкового материала). Дискурс в таком понимании объединяет все параметры, свойственные и речи, и тексту.

Во многих функционально ориентированных научных исследованиях прослеживается тенденция к противопоставлению дискурса и текста на основе оппозиции процесс/результат. Дискурс представляется как явление деятельностное, процессуальное, связанное с реальным речепроизводством, а текст как продукт речепроизводства, имеющий определенную законченную и зафиксированную форму [Brown, Yule 1983; Кубрякова, Александрова

1997; Бисималиева 1999; Дымарский 1998]. Текст и дискурс связаны отношениями реализации: дискурс находит свое выражение в тексте, возникает и выявляется в тексте и через текст, в свою очередь каждый конкретный текст, как правило, носит черты нескольких разновидностей дискурса.

Следующей отличительной чертой дискурса и текста, на которую обращают внимание исследователи, является факт, что дискурс относится исследователями к области лингво-социального (он определяется как «текст в событийном аспекте», «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990, 136-137]; «функционирование языка в живом общении», «язык, присвоенный говорящим» [Бенвенист 1974, 296]), а текст относится к области лингвистического. В дискурсе деятельность «сужена до ее социально ориентированных речевых проявлений. В свою очередь, при рассмотрении дискурса в качестве феномена (следа), оставленного деятельностью, акцент делается на то, что это феномен (след) социально ориентированной речевой деятельности (социологический документ), «прочитанный» лишь с этих позиций» [*Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов* 1998, 11].

Дискурс и текст противопоставлены исследователями также по оппозиции актуальность/виртуальность. Дискурс рассматривается как реальное речевое событие, «текущая речевая деятельность в данной сфере» [Дымарский 1998, 49], «творимый в речи связный текст» [Конецкая 1997, 106]. Текст лишен жесткой прикрепленности к реальному времени, он представляет собой абстрактный ментальный конструкт, реализующийся в дискурсе. Нина Д. Арутюнова [1990, 136-137] определяет дискурс как актуально произнесенный текст, а текст как абстрактную формальную конструкцию, структуру произнесенного. Дискурс, по мнению автора, всегда соотносится с конкретным объектом действительности, с конкретной ситуацией и рассматривается в конкретном контексте. Дискурс обращен к прагматической ситуации, а также к мыслительным процессам участников коммуникации, т.е. правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях.

Хотя термин «дискурс» обычно сравнивается в лингвистической литературе с термином «текст», некоторые исследователи сопоставляют его также с речью. Елена С. Кубрякова и Ольга В. Александрова

воспринимают дискурс как «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [1997, 21]. Ольга В. Александрова [1999, 9-13] представляет дискурс как отрезок речи «в действии», приобретающий определенное значение в контексте, использующийся говорящим в определенных целях, при определенных условиях и в определенном смысле. Как отмечает Марьям К. Бисималиева [1999, 81], описание понятия «дискурс» через понятие «речь» указывает на его более динамический характер. В работах данных исследователей дискурс является явлением деятельностным, процессуальным, связанным с реальным речепроизводством, а текст понимается как продукт речепроизводства, имеющий определенную законченную и зафиксированную форму.

Божена Витош [Witosz 1997, 25] предложила четыре группы подходов, касающихся взаимоотношений между понятиями текста, высказывания (речи) и дискурса:

- все эти понятия имеют перекрывающиеся диапазоны, и выбор одного из терминов связан с причинами, которые не являются методологическими, такими как привычки или стилистические приемы;
- понятие «текст» связано с письменными сообщениями, понятия «высказывание/дискурс» относятся к устным сообщениям (к речи);
- «текст» имеет абстрактный характер, «высказывание/дискурс» – индивидуальный и конкретный;
- «текст» рассматривается как элемент речевого акта, исследователи не дифференцируют диапазонов терминов «речь» и «текст».

Основополагающим понятием настоящей работы является понятие «политический дискурс», однако, чтобы определить его содержание, следует начать с понятия «дискурс». В течение последних десятилетий (первые попытки анализа организации дискурса появились в 50-х годах XX века) данный термин получил широкое распространение и используется в понятийном аппарате разных дисциплин (философии, литературоведения, социологии, политологии и т.п.). Понятие «дискурс» закреплено за различными сферами коммуникации и поэтому изучается с разных позиций (с позиции лингвостилистики, социолингвистики, прагмалингвистики, психолингвистики, структурной лингвистики,

лингвокультурологии и т.д.). Исследователи предлагают множество трактовок этого термина. Отсутствие единой дефиниции вызвано, наверное, его междисциплинарностью. Для нашего исследования наиболее релевантной является определение, предложенное Е.И. Шейгал. Она понимает «дискурс» довольно широко, как «подъязык + текст + контекст» [Шейгал 2000, 26].

2. Политический дискурс: современные научно-теоретические подходы к определению понятия

Специфика исследовательской позиции и цель изучения политического дискурса определяют своеобразие понимания сущности политической коммуникации и направления ее анализа. Халина Гзмил-Тылютки [Grzmil-Tylutki 2010, 15] подчеркивает, что кроме терминологической неоднозначности проблемой в области исследования дискурса является также богатство и разнообразие принятых методологических перспектив, потому что понятие «анализ дискурса» не предполагает однозначной методологии. Валерий З. Демьянков [2002, 34] утверждает, что междисциплинарный характер исследований политического дискурса обуславливает его рассмотрение как минимум с четырех точек зрения:

- политологической (в рамках политологической интерпретации, на основании которой делаются выводы политологического характера);
- чисто филологической (политический дискурс рассматривается как любой другой текст, однако важным является также фон, т.е. политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора);
- социопсихолингвистической (измерение эффективности достижения скрытых или явных целей говорящего);
- индивидуально-герменевтической (выявление личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах).

В связи с этим данное явление понимается по-разному: как подсистема национального языка или особый подязык профессионального общения, как знаковая и/или символическая система, как средство идеологического воздействия, как способ конституирования социальных отношений, как порождение особого политического пространства в совокупности его экстралингвистических факторов и т.д. Лингвисты изучают политический дискурс как объект лингвокультурологического изучения, как языковую подсистему, обладающую определенными функциями, своеобразным тезаурусом и коммуникативным воздействием, как видовую разновидность идеологического дискурса и т.п.

В современной науке сложилось несколько основных направлений в исследовании политического дискурса и политической коммуникации. В рамках общей теории коммуникации исследователи выделяют шесть фундаментальных подходов:

- лингвистический подход (язык рассматривается как средство социального контроля и ограничения доступа к политическим институтам и политическим процессам);
- системный подход (политическая коммуникация связывается с понятием социального контроля и рассматривается в терминах интеракции между элементами системы);
- функциональный подход (политическая коммуникация выполняет функцию социализации, т.е. социальной адаптации к нормам политической системы, и функцию поддержания стабильности);
- символический подход (политика и политическая коммуникация определяются в терминах обмена символами);
- организационный подход (анализ политической коммуникации сосредотачивается на внутривластных информационных потоках и подчеркивает значение факторов, ограничивающих этот поток и дифференцирующих доступ к информации);
- «экологический» подход (анализ политической коммуникации с точки зрения влияния на нее политической системы) [Meadow 1980, 24].

Анатолий П. Чудинов и Эдуард В. Будаев [2008, 26-40] выделяют три главных направления в исследовании политической коммуникации. Первое развивает традиционные взгляды на изучение политического языка, восходящие еще к античной риторике. Странники этого подхода воспринимают языковые единицы как форму для передачи мыслей, как способ сделать мысль более доступной и прагматически значимой. Основное внимание уделяется приемам создания и инсценирования политического текста. Другим направлением является когнитивный подход. Центральное место в данном направлении занимает проблема категоризации окружающей действительности. Речевая деятельность воспринимается исследователями как отражение существующей в сознании людей картины мира, как материал для изучения национальной, социумной и индивидуальной ментальности. В основе третьего направления лежит дискурсивный подход. Политический текст изучается в дискурсе.

Важное значение имеют условия создания и функционирования соответствующего текста, его взаимодействие с другими текстами, с национальной культурой и традициями, с политической ситуацией в регионе, стране и мире.

Дискурсивное направление имеет два варианта: критический анализ политического дискурса (критический дискурс-анализ) и дескриптивный анализ политического дискурса. Критический анализ дискурса предлагает исследование текста и внедискурсивных процессов, происходящих в действительности, в которой данные тексты возникают, соединяя текст с соответствующим контекстом. Норман Ферклаф и Анна Душак [Fairclough, Duszak 2008, 15] понимают критический дискурс-анализ как анализ социальных процессов, который ориентируется главным образом на семиотический компонент, т.е. это семиотическая точка входа в социальные процессы, состав которых определен как диалектические взаимоотношения между социальными элементами и моментами (в том числе дискурсом и внедискурсивными моментами). Целью критического анализа является изучение способов, с помощью которых власть осуществляет свое господство в обществе. Исследователи сосредотачивают внимание на выяснении того, как при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство. Материалом для исследования являются обычно политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Сторонники дескриптивного подхода стремятся описать и объяснить феномены политического дискурса, избегая при этом идеологической оценки, особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования.

Светлана Л. Ерилова [2003, 6-8] выделяет три тенденции, определяющие методологию описания политического дискурса:

- функционально-ориентированный анализ политического дискурса;
- прагматическое рассмотрение политической коммуникации;
- тенденция семантического описания политического дискурса.

При функционально-ориентированном направлении целью исследований политического дискурса является анализ с точки зрения специфики институциональных аспектов, определяющих особенности коммуникативной сферы и интенцию дискурса в обеспечении политического взаимодействия. Политический дискурс понимается как совокупность реализуемых им функций. Важнейшей из них является

регулятивная или воздействующая функция. Она включает в себя магическую и креативную функции, функцию социальной солидаризации и дифференциации, функцию распространения информации и определения повестки дня, функцию проекции в прошлое и будущее и функцию агональности.

Прагматический подход нацелен на анализ интенциональных аспектов политической коммуникации. Внимание исследователей сосредотачивается на выявлении целевой направленности коммуникации, анализе стратегий и тактик текстообразования, рассмотрении характеристик субъекта коммуникации как инициатора дискурса, реализующего свои намерения, адресата, на которого прямо или косвенно направлено сообщение, а также ситуации коммуникации как совокупности экстралингвистических факторов общения.

Семантическое описание политического дискурса ориентировано на рассмотрение его семантико-лингвистических характеристик и категорий и предполагает обращение к тематическим и лексико-фразеологическим особенностям политической коммуникации, таких как наличие специализированной лексики, использование многозначных слов и слов широкой семантики, клишированность, идиоматичность, метафоричность, ритуальность, театральность, мифологичность, смысловая неопределенность, фантомность и фидеистичность, символизм и идеологизированность.

Другую классификацию предлагает Е.И. Шейгал. Автор выделяет три подхода к изучению политического дискурса:

- дескриптивный,
- критический,
- когнитивный [Шейгал 2000, 16-18].

Дескриптивный подход восходит к классической методике риторического анализа публичных выступлений, освещенной в трудах древних раторов. В рамках данного направления изучается языковое поведение политиков (языковые средства, риторические приемы и манипулятивные стратегии, используемые политиками в целях убеждения), а также анализируется содержательная сторона политических текстов. При критическом подходе целью исследований является изучение социального неравенства, выраженного в языке или дискурсе (использование языка как средства власти и социального контроля). В случае когнитивного подхода исследователи переходят от описания единиц и структур дискурса к моделированию структур сознания участников политической коммуникации.

Моделирование когнитивной базы политического дискурса осуществляется через анализ фреймов и концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических предубеждений. В рамках когнитивного подхода исследуется также взаимосвязь языка и идеологии.

Политический дискурс представляет собой сложное речевое образование, которое не имеет еще полной научной рефлексии в лингвистической литературе. Среди исследователей нет единого общепринятого определения понятия «политический дискурс». Ситуацию затрудняет также тот факт, что в большинстве случаев параллельно употребляются термины «политический дискурс», «язык политики», «политический язык», «общественно-политическая речь», «агитационно-политическая речь», «политическая коммуникация». Этот факт является свидетельством не только неустойчивой терминологической практики, но и многоаспектности изучения этого феномена.

Среди исследователей существуют разные точки зрения на статус терминов «политический язык» и «язык политики». Станислав Гайда [Gajda 2001, 317] определяет язык политики как разновидность национального языка, которая связана со всеми политическими партиями и помогает политическим партиям и политикам в их стремлении захватить, осуществлять и удерживать власть. Ирена Каминьска-Шмай понимает этот термин как «тексты, касающиеся сферы социально-политической жизни, создаваемые политиками и людьми, связанными с общественной жизнью, и выполняющие коммуникативную задачу – стремление отправителя влиять на позиции и поведение адресатов» [Kamińska-Szmaj 2005, 9]. По мнению исследователя, показателем языка политики является функция убеждения, которой подчиняется лексика. Богдан Вальчак утверждает, что язык политики представляет собой устные тексты, авторами которых являются политики и люди, связанные с ними (советники, пресс-секретари, специалисты в области социотехники и пропаганды и т.п.), а также журналисты, специализирующиеся в области политики; это тексты, которые касаются сферы политики и у которых доминирующей функцией (кроме информативной и экспрессивной) является функция убеждения. Автор подчеркивает, что это не узкоспециальный язык, адресатами текстов являются все пользователи общелитературного языка. Особенностью языка политики является то, что тексты, которые являются его реализациями, по мнению их авторов,

должны восприниматься самыми широкими слоями общества; если встречаются герметические политические тексты, они, как правило, вызваны модой или языковым снобизмом [Walczak 1994, 15-20]. Анатолий Н. Баранов и Елена Г. Казакевич предлагают следующую дефиницию: «Политический язык – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений» [1991, 6]. По мнению Алины Бальчиньской-Косман, с точки зрения предметного подхода, язык политики является условным понятием, определяющим одну из разновидностей естественного языка, описывающим практику публичной жизни и направленным на реализацию функции убеждения (в случае языка политики функция убеждения важнее, чем информативная и экспрессивная функции). При таком подходе язык политики включает в себя лексику, выражения и фразы, относящиеся к широко понимаемой политической деятельности, и функционирует аналогично терминам типа «технический язык», «медицинский язык», «спортивный язык». Во втором значении (на основе предметного критерия), язык политики представляет собой категории языка, которыми пользуются различные группы пользователей естественного языка (политики, журналисты, политические комментаторы, советники и специалисты по политическому маркетингу, пассивные участники политической жизни) [Balczyńska-Kosman 2013, 145].

Язык политики может выступать во многих вариантах, таких как, например, язык пропаганды, язык агитации, язык дипломатии. Богуслава Добек-Островска, Янина Фрас и Беата Оцепка определяют отличительные черты данных подтипов. Цель языка пропаганды направлена на более отдаленное будущее, у нее долгосрочные цели. Пропаганда является односторонней, намеренной, институциональной коммуникацией. Эффект языка агитации является непосредственным. Этот вариант языка часто связан с агрессией и имеет обличительный характер, обращается к низким чувствам, называет то, что волнует, возбуждает или вызывает отрицательное отношение адресатов. Характерной чертой языка дипломатии является неопределенность, неконкретность, недосказанность. В нем много готовых фраз, формул, чаще всего эвфемизмов, которые являются эффектом дипломатического языкового табу. Его суть заключается в том, чтобы угадать ожидания аудитории [Dobek-Ostrowska, Frasz, Osiecka 1997, 89–90]. Петр Бжозовски замечает, что язык политики реализует совершенно

другие функции, в отличие от языка повседневного общения. Описательная и информативная функции сводятся в нем к необходимому минимуму, очень важную роль играет функция убеждения. Язык политики не является средством коммуникации между отправителем и получателем информации, только инструментом борьбы (чтобы завоевать власть, сохранить ее, контролировать коллективное воображение, чтобы навязать массовой аудитории определенное отношение к действительности) [Brzozowski 2003, 70]. Петр Павелчик отмечает, что язык политики очень часто сопровождается манипуляцией: «Манипуляция языком в политике имеет большие масштабы и появляется уже тогда, когда политик задается вопросом, какой язык использовать для того, чтобы эффективно влиять на адресата» [Pawelczyk 2000, 171]. Подчеркивает также, что публичные высказывания политиков не являются чаще всего спонтанными, в их случае традиционные стандарты оценки информации как действительной или недействительной являются бессмысленными.

С другой стороны, следует отметить, что некоторые исследователи подвергают сомнению само существование феномена политического языка. Таково мнение, например, Дорис А. Грейбер: «Политическим язык делает не наличие какого-то специфического вокабуляра или специфических грамматических форм. Скорее это содержание передаваемой информации, обстоятельства, в которых происходит распространение информации (социальный контекст), и выполняемые функции» [Grabber 1981, 196]. Павел Б. Паршин утверждает по этому поводу: «То, что обычно имеется в виду под «языком политики», в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, и лексических норм соответствующих идиоэтнических («национальных») языков – русского, английского, немецкого, арабского и т.д. Такие выходы имеют место и легко поддаются идентификации и объяснению лишь в крайних случаях – подобно тому, как лишь в крайних случаях идиостилистическое своеобразие в литературе затрагивает собственно язык или процессы вербализации (как у В. Хлебникова или А. Платонова в русской литературе)» [1999б]. Отрицание существования данного феномена может быть связано с тем, что его особенностью как специального подязыка является доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества как эффект деспециализации политических терминов, вследствие чего язык политики оказывается лишенным свойства корпоративности, присущего любому специальному языку.

Некоторые исследователи, хотя не подвергают сомнению существование политического языка, считают этот термин неоднозначным и пытаются определить, в чем заключается его своеобразие. Например, Ю.С. Степанов, ссылаясь на исследования П. Серио, рассматривает советский политический язык как «первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии, которое влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [1997, 723]. В литературе упоминаются такие особенности грамматики политического языка, как тенденция к устранению лица при помощи номинализованных конструкций-девербативов и безагенсного пассива, инклюзивное использование личных местоимений «мы», «наш», и другие [Рижинашвили 1994, 12]. Некоторые исследователи считают, что языку политики свойственно специфическое содержание, а не форма. Елена И. Шейгал подчеркивает, что неправомерно говорить о каких-то грамматических особенностях, присущих языку политики, так как тенденция к более активному употреблению определенных грамматических форм и конструкций, в отличие от специальной лексики, не является чертой, присущей только политическому языку. Они используются и в других видах коммуникации. Автор считает, что язык политики включает в себя специализированные знаки, как вербальные (политические термины, антропонимы и пр.), так и невербальные (политические символы и пр.), а также неспециализированные знаки, изначально номинативно не ориентированные на данную сферу общения, однако, вследствие устойчивого функционирования в ней, приобретающие свою содержательную специфику (это, в частности, относится к личным местоимениям) [Шейгал 2000, 29-30].

Следует заметить, что, хотя во многих исследованиях термины «политический язык» и «язык политики» употребляются как взаимозаменяемые, некоторые исследователи разграничивают их. Например, А. Дэвис считает, что эти понятия находятся в отношении пересечения. «Язык политики» в значительном числе случаев является одновременно и языком манипуляции, хотя и не сводится к нему целиком: определенные аспекты языка политики, в частности, референтные знаки, выполняют сугубо информативную функцию. В свою очередь, «политический язык» используется в целях манипуляции во многих других сферах общения: в бытовом, рекламном, педагогическом, религиозном общении [Davis 1994, 3211-3214]. Под «языком политики»

понимается терминология и риторика политической деятельности, где политики выступают в своей профессиональной роли. «Политический язык» понимается как ресурс, открытый не только для профессиональных политиков или государственных чиновников, но и для всех членов языкового сообщества, так как он связан со специфическим использованием общенародного языка как средства убеждения и контроля (язык, применяемый в манипулятивных целях) [Cameron 1990, цит. по: Шейгал 2000, 31].

Понятие «политический дискурс» также не имеет одной дефиниции. В лингвистической литературе существует узкое и широкое понимание этого термина. Довольно узкое определение дает голландский лингвист Т.А. ван Дейк. По его мнению, политический дискурс является классом жанров, ограниченным особой социальной сферой, а именно политикой [ван Дейк 1989, 54]. Автор определяет политический дискурс как дискурс политиков. К жанрам, которые принадлежат данной сфере, принадлежат речи политиков, парламентские дебаты, партийные программы, правительственные обсуждения. Хотя Т.А. ван Дейк ограничивает политический дискурс профессиональными рамками, отмечает, что политический дискурс в то же время является формой институционального дискурса, т.е. дискурсами политиков считаются те дискурсы, которые производятся в такой институциональной окружающей обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии. Высказывание должно быть произнесено говорящим в его профессиональной роли политика и в институциональной окружающей обстановке. Дискурс является политическим, если он сопровождает политический акт в политической обстановке.

Узкий подход к определению понятия «политический дискурс» представлен также в работах Р. Водак. Исследователь относит к политическому дискурсу только институциональные формы общения, в основном сводящиеся к речевым жанрам публичной политики. Критерием отнесения того или иного текста к политическому дискурсу, по ее мнению, должна быть идентичность интенциональной природы того или иного текста с функцией дискурса, в данном случае с борьбой за власть (агитация за власть, захват и удержание власти, ее стабилизация) [Водак 1997, 23-24].

При широком понимании данного термина автором политических текстов (активным участником политического процесса) является

исполнительная, законодательная или судебная государственная власть (власть понимаемая как целое и власть понимаемая как ее персонифицированные субъекты). Авторами политических текстов могут быть также публичные политики, не находящиеся к сфере государственной власти, т.е. лидеры внепарламентской оппозиции, влиятельные теневые политики и неформальные советники, принимающие участие в публичной политике религиозные деятели, общественные деятели, авторитетные аналитики, лидеры и пиармены крупнейших корпораций и т.п. К числу авторов (генераторов) политических текстов можно причислить также различные общественные силы, а также средства массовой информации (понимаемые как конкретные средства массовой информации, взятые как целое, и их персонифицированные представители). Несомненно, активными участниками политического процесса являются также представители данного народа («люди с улицы») и разного рода метафорические генераторы (например, идеологии) [Паршин 2001, 192].

Широкое понимание этого понятия предлагает А.Н. Баранов, который определяет политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [2001, 246]. По мнению Михаила В. Ильина, данный термин обозначает «коммуникативное взаимодействие между людьми по поводу целедостижения с помощью циркуляции власти как символического посредника такого общения» [2002, 14]. Николай А. Герасименко предлагает следующую дефиницию: «сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений)» [1998, 22]. Владимир Н. Базылев определяет политический дискурс как «русский дискурс в русской политической сфере» [1998, 7]. По мнению Изабеллы Куявы [Kuřawa 2009, 47], политический дискурс образуют тексты в устной и письменной форме, касающиеся определенной области политической коммуникации. Их связывает тема и определенный фрагмент пространства-времени, который придает дискурсу некоторые рамки. Важным аспектом являются намерения автора (авторов) текстов.

Мы придерживаемся точки зрения Е.И. Шейгал, которая предлагает следующую дефиницию политического дискурса: «любые речевые

образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [2000, 29-30] и включает в него институциональные и неинституциональные формы общения.

Широкое понимание политического дискурса, несомненно, связано с растущей ролью средств массовой информации, развитием новых коммуникационных технологий, расширением процессов глобализации, процессом коммерциализации политической коммуникации.

Некоторые исследователи подходят к политическому дискурсу еще более широко и рассматривают его как язык публичной сферы. Например, Э. Ляковска выделяет три основных типа политических дискурсов: дискурс политиков, политико-публицистический дискурс, политико-гражданский дискурс. Автор обращает также внимание на коммуникативные ситуации, существенные для политического дискурса: тип адресанта (отправителя информации), тип адресата (получателя информации), тип коммуникативного контакта, характер высказывания (монологический диалогический), тип расположения коммуникативного контакта во времени (непрерывность временного пространства или его отсутствие), тип коммуникативного канала (устный, письменный), спонтанность высказывания или его отсутствие, цель высказывания [Laskowska 2002, 175-182].

Авторы коллективного исследования „Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere” [1998] понимают политический дискурс как актуальное использование языка в социально-политической сфере и шире в публичной сфере общения, так как политическая функция характерна практически для всех публичных высказываний. Критериями, определяющими принадлежность текста к числу политических, являются его тематика и его место в системе политической коммуникации.

Марек Чижевский, Сергюш Ковальски и Анджей Пиотровски описывают три разновидности дискурса: публичный дискурс, дискурс политики и политический дискурс. По мнению исследователей, самым важным из них является публичный дискурс, в который включаются все общедоступные сообщения (институциональные дискурсы, связанные с организациями, предлагающими государственные услуги, дискурсы, связанные с определенными социальными группами и медиа дискурсы). Авторы понимают дискурс политики как часть публичного дискурса, высказывания людей, принадлежащих к элите власти, связанные с

выполняемыми ими ролями и политическими функциями. Политический дискурс определяется исследователями широко как процесс коммуникации символических элит (групп и отдельных лиц, осуществляющих власть над средствами массовой информации, в основном журналистов и политиков).

Авторы включают в политический дискурс также любые коммуникативные события, инициированные и развивающиеся в рамках дискурса символических элит, но касающиеся только тематической области, связанной с политикой [*Rytualny chaos* 2004, 21]. Под внешними условиями, влияющими на публичный дискурс, авторы понимают общие социальные, культурные и политические макропроцессы, в рамках которых происходят явления общественной коммуникации. Внутренние условия, формирующие динамику публичного дискурса, связаны с четырьмя компонентами: интерпретативным, драматургическим, компонентом конвенциональной ритуализации и компонентом СМИ [там же, 64-78]. Самым важным компонентом является компонент СМИ. Его значение подчеркивают также драматургический компонент и компонент конвенциональной ритуализации, которые именно в средствах массовой информации проявляются в наибольшей степени (средства массовой информации рассматриваются символической элитой и элитой власти как основное средство влияния и самопрезентации, а сами СМИ выразительностью должны привлечь внимание зрителей, слушателей и пользователей).

Кроме неоднозначности самого понятия, следует сказать, что нет однозначных ответов также на вопрос о том, какие речевые жанры включаются в сферу политического дискурса. Существует довольно большое количество классификаций жанров политического дискурса. Татьяна В. Шмелева [1994, 55-57] выделяет жанры предъявления политика обществу, жанры предъявления обществу принятых решений, жанры обсуждения принятых решений, жанры публичных массовых действий. Ольга Н. Григорьева [2000, 105] предлагает другую классификацию: газетные жанры (очерк, репортаж, статья, фельетон), телевизионные жанры (аналитическая программа, информационное сообщение, интервью, диалог в прямом эфире), ораторские жанры (выступление на митинге, публичные выступления политиков, лозунги, тосты, дебаты), коммуникативные жанры (пресс-конференция, саммит, встреча «без галстука»), рекламные жанры (рекламный очерк, рекламное объявление). Николай Н. Кохтев [2000, 98] причисляет к политическому дискурсу

дипломатические, политические, военно-патриотические, митинговые, агитаторские, парламентские речи, отчетные доклады на съездах, собраниях и конференциях, а также разного рода выступления на социально-политические, политико-экономические, социально-культурные и этико-нравственные темы.

Наиболее системную типологию жанров политического дискурса представляет Е.И. Шейгал. Исследователь разделяет жанры этого вида дискурса в зависимости от ряда параметров:

1) дифференциация по степени институциональности:

- разговоры о политике в семье, с друзьями, разговоры с незнакомыми людьми в очереди, со случайными попутчиками и т.д., анекдоты, слухи;
- самиздатовские листовки и граффити;
- телеграммы и письма граждан в знак поддержки или протеста;
- политический скандал;
- пресс-конференции;
- публичные политические дискуссии;
- публичные выступления, речи политических лидеров;
- законы, указы и прочие политические документы;
- международные переговоры, официальные встречи руководителей государств.

2) дифференциация по субъектно-адресным отношениям:

- жанры, характерные для общественно-институциональной коммуникации: постановления правительства, декреты, законы, призывы, лозунги, плакаты, публичная речь, радиообращение, указ президента;
- жанры, характерные для коммуникации между институтом и гражданином: петиции, обращения, листовки, указы избирателей, выступления на митингах, телеграммы и письма граждан, обращенные к политикам и институтам непосредственно или через масс-медиа;
- жанры, характерные для коммуникации между агентами в институтах: служебная переписка, кулуарное обсуждение, закрытое заседание, переговоры, встречи политических деятелей, парламентские дискуссии, круглый стол, послание президента конгрессу, выступление премьер-министра на заседании Думы,

доклад на съезде, партийная программа, программная речь на съезде партии);

3) социокультурная дифференциация:

- политические социолекты, основанные на идеологической ориентации, образованные как эффект неоднородности групповых субъектов политики.

Дифференциальными признаками разных политических социолектов являются: специфический набор парольных лозунговых слов, отражающих ценностные доминанты данной группы; различия в характере вербальной агрессии (степень косвенности и предпочитаемый набор инвектив); разный удельный вес речевых стереотипов и штампов; разный удельный вес эмотивно-маркированной лексики (в частности, полярные различия в оценочных коннотациях политических антропонимов); специфический набор цитат, аллюзий и прочих отсылок к прецедентным текстам, отражающим ценностные предпочтения той или иной группы.

4) дифференциация по событийной локализации:

- дифференциация, основанная на разделении событий политической жизни на ритуальные (выборы и предшествующая им предвыборная кампания, церемония инаугурации, завершающая очередной выборный цикл; очередные съезды партии, церемонии патриотических праздников, ежегодное выступление президента с посланием Федеральному собранию), календарные (встречи депутатов с избирателями, парламентские слушания, визиты политических деятелей, переговоры) и спонтанные (митинги, пикеты и демонстрации, политические кампании (протеста или поддержки), акции гражданского неповиновения, политические скандалы, референдумы).

5) дифференциация по степени прототипности-маргинальности:

- прототипные жанры: парламентские дебаты, публичная речь политика, лозунг.
- периферийные жанры: интервью, мемуары политиков, аналитические статьи, письма читателей, разговоры о политике, смеховые жанры.

Исследователь дифференцирует также жанры политического дискурса по характеру ведущей интенции, выделяя:

- ритуальные жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение);

- ориентационные жанры (партийная программа, манифест, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение);
- агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [Шейгал 2000, 307-325].

Следует отметить, что в большинстве случаев коммуникативные политические события являются сложными и включают несколько речевых жанров (например, встречи депутатов с избирателями связаны с такими жанрами, как объявление, выступление депутата, ответы на вопросы, наказания избирателей), существуют также жанры, непосредственно не являющиеся составной частью конкретного события, например, граффити.

Павел Б. Паршин видит причину большого количества типологий жанров политического дискурса в том, что в большинстве стран различаются территориально-иерархические уровни политической коммуникации: федеральный, региональный, муниципальный. Кроме того, политическая коммуникация осуществляется в нескольких функционально различных сферах, таких как аппаратная (бюрократическая) коммуникация, коммуникация в публичной политике, парламентская коммуникация, переговорная коммуникация [Паршин 2001, 190-191].

Анализируя политический дискурс, стоит обсудить основные функции, выполняемые им. По этому поводу Р. Водак замечает, что политический дискурс должен выполнять противоречивые функции: быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу, что часто противоречит доступности. Причину исследователь видит в том, что он находится между двумя полюсами: функционально обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией [Водак 1997, 22]. Противоречивость политического дискурса подчеркивает также Джилл Сайдел. Исследователь утверждает, что политический дискурс должен выполнять одновременно многие функции, например, партийная программа должна выполнять персуазивную функцию (должна убеждать, агитировать, пропагандировать), аргументативную функцию (должна быть очевидной связь каждого конкретного пункта программы с убедительной идеологией данной партии или группы), функцию группового объединения (должна воплощать идентичность данного политического направления и формировать ее) [Seidel 1985, 43-60, цит. по:

Филинский 2002, 5]. Противоречивость функций политического дискурса подчеркивают также Роберт Дентон и Гэри Вудвард. Исследователи отмечают, что политическая риторика может информировать, воодушевлять, успокаивать и одновременно разделять и сеять вражду [Denton, Woodward 1985, 14].

Говоря о функциях политического дискурса, следует подчеркнуть, что их можно рассматривать в двух планах: с точки зрения его ориентации на выполнение той или иной общеязыковой функции и с позиции его системообразующей интенции, в противопоставлении другим видам дискурса.

Основные направления в определении функций языка в современной лингвистике были положены Карлом Бюлером и Романом Якобсоном. Карл Бюлер [1993, 34], исходя из трех главных компонентов акта коммуникации (отправитель, получатель, предметы и ситуации), выделяет ведущие функции языка: экспрессию, апелляцию и репрезентацию. Роман Якобсон [1975, 198] говорит о шести компонентах коммуникации (адресант, адресат, референт, сообщение, контакт, код) и выделяет функции языка в зависимости от ориентации на один из них: эмотивная/ экспрессивная функция (ориентация на адресанта), апеллятивная функция (ориентация на адресата), коммуникативная (денотативная) функция (ориентация на референта), поэтическая функция (ориентация на сообщение), фатическая функция (ориентация на контакт), метаязыковая функция (ориентация на код). Перечисленные функции являются конститутивными, соотносятся с природой языка в целом. Они в той или иной степени присущи каждому виду дискурса, однако своеобразие конкретного дискурса определяется тем, на какую из данных функций языка он ориентирован в большей степени.

Анализируя общеязыковые функции политического дискурса, Е.И. Шейгал [2000, 35] приходит к выводу, что ведущей для него является регулятивная функция. Кжиштоф Вечорек [Wieczorek 2011, 63] подчеркивает, что в случае политического дискурса описательная и информативная функции являются менее важными, чем функция убеждения, так как язык политики не является средством коммуникации между отправителем и получателем информации, а только средством борьбы, которое помогает завоевать власть, сохранить ее, лишить противника власти, овладеть коллективным воображением, внушить массовой аудитории конкретное отношение к действительности.

В отличие от общезыковых функций дискурса, более частный характер имеют функции, выполняемые отдельными единицами языка, а также связанные с употреблением языка в определенных ситуациях общения. Специфика каждого вида дискурса выявляется не только специфичностью сферы и агентов общения, но также его интенциональностью.

Основной функцией политического дискурса является его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение) [Блакар 1987, 88-125]. Язык в таком случае реализует задачи социального контроля (манипуляция общественным сознанием), легитимизации власти (объяснение и оправдание перераспределения власти и общественных ресурсов), воспроизводства власти (укрепление приверженности системе), ориентации (формирование картины политической реальности в сознании социума), укрепления социальной солидарности (интеграция в рамках социума или отдельных групп). Однако данная функция политического дискурса является для него глобальной, и многие исследователи выделяют ряд функций, которые являются проявлением его главной, инструментальной функции.

Дорис А. Грейбер [Graber 1981, 198] выделяет три функции политического дискурса:

- функция распространения информации (создание виртуальной реальности у адресатов, при котором собственная эмпирическая практика элиминируется посредством предлагаемых когнитивных схем; база знаний адресатов складывается преимущественно не на основе собственного участия в мире политики, а на основе предлагаемой им информации о состоянии дел, причем кроме эксплицитной информации такие сообщения могут включать также имплицитно-коннотативный слой);
- функция «установления темы» / «определения повестки дня» / «agenda setting» (выдвижение определенных вопросов в центр общественного внимания, т.е. контроль за распространением информации, так как вопросы, находящиеся в центре внимания, определяют характер действий, предпринимаемых общественностью);
- функция проекции в прошлое и будущее (воссоздание прошлого и прогнозирование будущего; апелляция к хорошим или плохим образцам используется политиками как аргументативный прием:

воспоминания о хорошем политическом прошлом способствуют созданию ощущения надежности данного кандидата или партии, прогнозирование последствий выбора той или иной альтернативы реализуется при помощи воображений о светлом будущем или трудностях, которые ждут избирателей в будущем).

Пол Чилтон и Кристина Шеффнер [Chilton, Schaeffner 1997, 206-230] выделяют четыре функции политического дискурса:

- принуждение,
- легитимизация и делегитимация,
- сопротивление, оппозиция, протест,
- симуляция.

Функция принуждения относится к таким речевым актам, как приказы или законы, которые подкрепляются какими-либо санкциями. Тесно связана с ней функция легитимизации, так как она реализует механизм повиновения, т.е. легитимность (аргументация желаний избирателей, общие идеологические принципы, проекция харизматического лидера, позитивная самопрезентация и т.д.). Функция делегитимации представляет собой оппозицию: репрезентация других (институциональная оппозиция, неофициальная оппозиция и т.д.) носит негативный оттенок (использование идей расподобления). Функции принуждения противопоставлена функция сопротивления, оппозиции, протеста, которые реализуются в противовес властным отношениям (самиздат, граффити петиции, прошения, слоганы и т.д.). Функция симуляции связана с контролем над информацией (эвфемизация или непосредственное инвертирование нежелательных данных).

По мнению Изабелы Куявы [Kujawa 2009, 48], основными функциями политического дискурса, являются:

- функция презентации образа действительности в зависимости от политических целей;
- функция создания действительности;
- функция манипулирования образом политической жизни;
- аудиовизуальная пропаганда и манипуляция.

Анна Северска-Хмай [Siewierska-Chmaj 2006, 4] подчеркивает, что в случае политического дискурса главным адресатом текстов является общество, поэтому основной его функцией является функция убеждения (и именно ей должны быть подчинены использованные в текстах

языковые средства). Тексты на политические темы должны уговаривать массового адресата действовать в соответствии с намерением отправителя информации, принять или отвергнуть некоторые идеи или мнения, принять навязанную иерархию ценностей.

Наиболее полную классификацию функций политического дискурса предлагает Е.И. Шейгал. Автор в рамках его инструментальной функции выделяет восемь типов:

- функция социального контроля (создание предпосылок для унификации поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа индивидуумов);
- функция легитимизации власти (объяснение и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов);
- функция воспроизводства власти (укрепление приверженности системе, в частности, через ритуальное использование символов);
- функция ориентации (через формулирование целей и проблем, формирование картины политической реальности в сознании социума);
- функция социальной солидарности (интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп);
- функция социальной дифференциации (отчуждение социальных групп);
- агональная функция (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий власти);
- акциональная функция (проведение политики через мобилизацию, т.е. активизацию и организацию сторонников, или «наркотизацию» населения, т.е. процесс умиротворения и отвлечения внимания) [Шейгал 2000, 36].

Исследователь считает, что наиболее значимым проявлением инструментальной функции политического дискурса является акциональная функция, а точнее говоря функция мобилизации к действию. Она может реализоваться в форме прямого обращения (лозунги, призывы, прокламации, законодательные акты), благодаря созданию соответствующего эмоционального настроения (надежда, страх, гордость за страну, чувство единения, враждебность, ненависть и т.п.), при помощи речевых актов,

являющихся заместителями действий (угроза, обещание, обвинение), при помощи речевых актов, служащих выражением поддержки и доверия.

Говоря о функциях политического дискурса, исследователи обращают внимание также на магическую функцию, которая рассматривается как частный случай регулятивной функции языка [Супрун 1996, 30]. В основе отношения к слову как к магической силе лежит представление о том, что слово представляет собой часть предмета, а не его условное обозначение. Магические речевые акты имеют двух адресатов: реального участника священнодействия, для которого слушание имеет значение соучастия в магии, и формального, сверхъестественного адресата (Господь Бог, Сталин или Президент), для которого бессмысленно характеризовать цель участия в общении [там же, 32]. К проявлениям магической функции относятся табу, табуистические замены, заговоры, молитвы, клятвы и присяги, обожествление священных текстов, причем исследователи считают наиболее значимыми табуированную лексику и эвфемизмы. Нина Б. Мечковская утверждает, что наряду с магическим отношением к слову, табу осложняется и другими целями, такими, как идеологический контроль и манипулирование массовым сознанием. Сознательный отказ от части соответствующего языка во времена резких идеологических сдвигов был причиной массовых лексических замен, осуществленных в годы больших революций, французской конца XVII в. и русской 1917 г. [Мечковская 1996, 134].

С магической функцией политического дискурса связана также «креативная функция», т.е. функция конструирования языковой реальности [Норман 1997, 26-33]. Она понимается как такое положение дел, при котором языковые сущности оказываются первичными по отношению к внеязыковым сущностям. В процессе языковой интерпретации мира баланс в соотношении «язык-реальность» может измениться в сторону установления примата языка над действительностью. Данная функция политического дискурса обусловлена как объективными (относительный характер нашего знания о мире), так и субъективными факторами (встречаемое, например, при пропагандистской деятельности сознательное искажение реальности, которая подменяется словесными лозунгами), связанными непосредственно с относительным когнитивным знанием о мире.

3. Признаки политического дискурса

Политический дискурс характеризуется целым рядом признаков. Специфика речевого общения политиков заключается не только в использовании профессионализмов, но и в отборе определенных структур выражения в соответствии с прагматическими установками, целями и условиями общения. Политики осознают необходимость овладения таким стилем речи и нормами литературного языка, которые способны дать желаемый коэффициент эффективного действия.

Исследователи подчеркивают, что одной из главных черт политического дискурса является его институциональность: «Политический дискурс относится к институциональному виду общения, так как это дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации. Социальный институт представляет собой «определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в определенных ситуациях» [*Социология. Основы общей теории* 1996, 235]. Внешне он представляет собой совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами и осуществляющих конкретную социальную функцию.

Как утверждают Гражина Скомпска и Марек Зюлковски, согласно более узкому пониманию институт представляет собой организованные типы деятельности, осуществляемые в конкретных местах в целях удовлетворения потребностей. Согласно самому узкому пониманию, институт является формой социальной организации, направленной на подчинение особым человеческим поведением [Skapska, Ziółkowski 1998, 317–319]. Майкл Эгер [Agar 1985, 164] определяет институт как социально узаконенное специальное знание вместе с людьми, уполномоченными проводить его в жизнь. В дефиниции, предложенной этим исследователем, подчеркивается информационная сторона институциональности: более высокий статус представителя института по отношению к клиенту в значительной степени базируется на доступе к информации и возможности ею распоряжаться, что способствует появлению возможности манипулировать сознанием и действиями клиента. Согласно мнению Ежего Шацкого [Szacki 2006, 293], институт – это средства социализации и организации, выполняющие в обществе, понимаемом как

целостность, культурные и социальные функции. Институты, понимаемые как система социально установленных способов и правил поведения, санкционированных социальными нормами, функционируют во всех областях общественной жизни и позволяют решать вопросы и проблемы человеческого существования [Olechnicki, Załęcki 1998, 85].

Участниками институционального общения являются представители институтов и клиенты. В роли представителей институтов выступают профессионалы в данной области (юристы, врачи, педагоги, священники, администраторы и т.д.), в роли клиентов выступают лица, нуждающиеся в их услугах. В политическом дискурсе институты (парламент, правительство и др.) обеспечивают установление и поддержание политической власти, клиентами является население страны. Необходимость установления в обществе властных отношений вызвана ограниченностью материальных и социальных ресурсов (безопасность, статус, престиж, доступ к информации).

Рут Водак [1997, 21] определяет следующие характерные черты институтов:

- институты являются анонимными образованиями (имена клиентов известны, имена сотрудников институтов часто неизвестны);
- институциональное общение является статусно-ориентированным (отношение к руководителям лучше, чем к другим сотрудникам института; к мужчинам лучше, чем к женщинам; к своим лучше, чем к чужим; к опытным клиентам лучше, чем к неопытным);
- у институтов военный характер (власть и иерархия являются важнейшими компонентами их динамики);
- институты обладают специальными ритуалами (во многих институтах исторически сложились определенные языковые формы, утратившие свои специфические функции);
- письменные документы (формуляры, официальные сообщения, тексты законов и т.д.), используемые институтами, чаще всего написаны в пассивном залоге и характеризуются нечеткостью формулировок;
- институты создают видимость гармонии (противоречия и конфликты затушевываются и не афишируются).

Исследователь подчеркивает также дисперсонализацию участника институциональной коммуникации: «Лишаясь своих личностных характеристик в рамках института, человек, тем не менее, чувствует себя

«комфортно», поскольку находится под защитой института, при этом институт присваивает личностные характеристики индивида» [Водак 1997, 73].

Елена И. Шейгал [2000, 58-59] выделяет следующие черты институционального дискурса:

- набор типичных для данной сферы ситуаций общения (речевых событий);
- представление о типичных моделях речевого поведения при исполнении конкретных социальных ролей;
- определенная тематика общения;
- специфический набор интенций и вытекающих из них речевых стратегий.

Исследователь обращает внимание на отличие политического дискурса от других видов институциональных дискурсов: клиент института в данном случае массовый, реже групповой или индивидуальный (в медицинской, юридической, административной, торговой, педагогической и других институциональных сферах клиент обычно индивидуальный). Различие заключается также в субъектно-адресатном векторе общения: в отличие от других институтов гражданин-клиент как отдельный член общества вступает в коммуникацию с институтом достаточно редко, причем это взаимодействие осуществляется преимущественно в направлении «гражданин – институт» (в других социальных институтах типичной является двунаправленная, хотя и не равностатусная коммуникация между отдельным клиентом и представителем института) [там же, 58-59].

Следующей важной чертой политического дискурса является его информативность. Специфика информативности определяется в рамках противопоставлений «информативность и фатика», а также «информативность и экспрессивность» или «рациональность и иррациональность (эмоциональность)». Политический дискурс преимущественно побудителен, нацелен на оказание влияния, стимулирование и воодушевление адресата. Евгений В. Ключев [1996, 218] считает, что критериями информативности являются небанальность (содержательная новизна), релевантность и адекватность в подаче информации, подчеркивает при этом, что важнейшим критерием является небанальность. В политическом дискурсе соотношение информативности и фатики, экспрессивности варьируется в зависимости от жанра. Евгений Н. Ширяев [1994, 16] считает, что в

публицистических выступлениях в парламенте (в отличие, например, от митинга) информативность должна преобладать над экспрессивностью (хотя это зависит от тематики обсуждения). Преобладание фатики над информативностью можно заметить в ритуальных жанрах дискурса, например, в инаугурационном обращении или прощальной речи президента. Рут Водак [1997, 79] замечает, что общение на политические темы никогда не бывает нейтральным или объективным, ему свойственна оценочная акцентированность, пристрастность, аффективность, так как власть как психологический феномен включает иррациональный и эмоциональный уровни.

Елена И. Шейгал [2000, 63-64] считает, что фактор эмотивности является наиболее значимым при осуществлении следующих функций политического дискурса:

- функция укрепления приверженности системе (в частности, через ритуальное использование символов, способных вызывать сильные аффективные реакции);
- функция социальной солидарности (эмотивность знака как фактор политической интеграции: общность эмоциональных реакций на сходные ситуации способствует объединению людей в политические группы, различия способствуют социальной дифференциации);
- функция ориентации (аффективные реакции на определенные ситуации типизируются и фиксируются в сознании индивида и в случае повторного возникновения сходных ситуаций воспроизводятся и интерпретируются по схеме);
- мобилизационная функция (эмоции как мотивационный импульс, воодушевление к действию);
- агональная функция (эмоции как мотивирующий фактор вербальной агрессии).

Фатика как антипод информативности коррелирует с ритуальностью коммуникации, их общими характерными чертами являются отсутствие установки на новизну, стремление к стандартности и стереотипности. Ритуал можно определить как предписанный порядок, структура, которая в символической форме отображает иерархическую и пространственно-временную структуру мира социальной единицы, являющейся носителем ритуала [Монич 2000, 86]. Ритуальные речевые акты отличает недостаток информативности, упрощенность содержания, отсутствие новизны, фиксированность формы, стремление к стандартности и стереотипности,

незначимость собственно вербальной стороны высказывания. Дмитрий Б. Гудков [1998, 30-36] подчеркивает, что ритуал исключает свободу выбора, участники ритуала вынуждены подчиняться его законам. Владимир В. Богданов считает, что «чем меньше знакомы друг с другом коммуниканты, и чем более официальной является обстановка общения, тем более ритуализованный характер приобретает это общение» [1990, 11].

Екатерина Г. Романова [1997, 25-26] выделяет следующие черты ритуальной коммуникации:

- строгая регламентируемость и последовательность в чередовании своих актов действий;
- набор стандартных поведенческих актов, используемых участниками ритуального действия;
- сопряженность с определенной системой сигналов, каждый из которых связан с конкретной ситуацией и конкретным типом игрового пространства;
- сопряженность со структурой конкретного ритуального игрового пространства и подчиненность ее структуре;
- полифункциональность;
- подчиненность нормативному использованию системы сигналов, заданному ритуальным пространством и его конкретным типом игрового исполнения.

В процессе ритуальной коммуникации у ее участников формируются определенные образы действительности, которые являются не механическим прототипом существующей действительности, а субъективно осмысленными, идеализированными представлениями о ней. Данные представления формируются для того, чтобы побудить участников коммуникации к совершению определенных (речевых, ментальных или физических) действий [Романов 1999, 123-126].

Ритуальность политического дискурса реализуется в стереотипных контекстах, которые характеризуются тремя аспектами социально-регулятивной функции:

- аккумуляцией и трансляцией социального опыта, в котором находит свое отражение национально-культурная специфика ритуальной коммуникации;
- социальным контролем, где реализуется нормативный характер, императивность ритуального взаимодействия;

- социальной интеграцией, которая обуславливает групповую направленность ритуальной коммуникации [Макаров 1985, 119].

Очередным важным признаком политического дискурса является его идеологичность. Целью общения политиков является проведение определенной идеологии, что связано с направленным воздействием на адресата путем использования определенных языковых средств. Сходство между языком и идеологией подчеркивает, например, Т.А. ван Дейк, который считает, что они существуют только в рамках социальных групп или культурных общностей. По мнению автора, общим местом во взаимоотношении между языком и идеологией является то, что все верования (также идеологические), формулируются средствами естественного языка, а в связи с этим идеологические пропозиции могут конституировать значения фраз, предложений или дискурса естественного языка. Идеологический дискурс представляет собой групповой дискурс. Члены данной группы в случаях актуализации идеологического содержания склонны фокусировать внимание на пропозициях, преувеличивающих различие между группами, равно как и на пропозициях, в которых обнаруживаются типичные категории групповых схем (критерии членства, типовые действия, цели, нормы, ресурсы и т.п.) [ван Дейк 2000, 53].

Адель А. Стриженко [1988, 17] указывает на следующие аспекты связи языка и идеологии:

- одна и та же информация воспринимается и воздействует на человека по-разному в зависимости от его социального статуса и мировоззрения;
- семантика информации может быть организована по-разному, чтобы воздействовать на разных людей с целью подчинения их общей системе взглядов, внедрение в их сознание общего мировоззрения;
- управление семантикой информации способствует ориентации аудитории на классово-политическое восприятие действительности.

Рут Водак подчеркивает двойную природу идеологического языка. Он выражает и передает идеологическую мысль, он манипулирует ею и оказывается объектом манипуляции. Исследователь утверждает: «Существуют специальные «языки идеологии», каждый из них представляет собой целостную закрытую систему значений и ценностей, претендующую на истинность. Идеологии, будучи структурами мифов, устанавливают вторичную реальность, которая становится социальной

практикой; при этом первичная реальность подвергается табу. Возникает новое измерение значений и ценностей, выражающее себя в новых концептах и коннотациях. Устранение рефлексии происходит с помощью стереотипов и клише, которые систематически повторяются, таким образом, определенные области становятся табуированными, другие автоматизируются, многие же освобождаются от истории (история перефразируется или переписывается заново)» [Водак 1997, 75].

Воздействие на адресата путем использования определенных языковых средств приводит к манипулированию общественным сознанием. Пропаганда часто использует преднамеренно и целенаправленно такие характеристики языка, как трудность отграничения коннотаций от прямых денотативных значений, вариативность денотативных и коннотативных значений одних и тех же языковых знаков под влиянием социальных факторов, подвижность семантической структуры слова, многокомпетентность как лексического, так и прагматического значения, наличие познавательного и коммуникативного, объективного и субъективного в значении, синонимические и ассоциативные связи слов, модальность высказываний, оценочность семантики и т.д.

С идеологией тесно связан политический миф. Значимость мифа в политическом дискурсе связана с тем, что политика основана не столько на интеллектуальных концепциях, сколько на пропаганде. Рут Водак [1997, 21] определяет мифы как вторичные семиотические системы, конституирующие вторичную реальность, в которую верят и обязаны верить все члены данного коллектива (мифы как принимаемые на веру определенные стереотипы массового сознания).

Павел С. Гуревич [1992, 43-53] считает, что важнейшими функциями политического мифа являются следующие:

- объяснительная функция (миф способствует лучшему пониманию массами сложных политических понятий);
- функция оправдания определенных политических действий (миф как попытка убедить избирателей в преимуществах политических программ данного политика и в его достоинствах как кандидата на тот или иной пост);
- функции поддержания стабильности системы, защиты существующего порядка;

- связующая функция (мифы способствуют поддержанию единства общества, обеспечивают связь между индивидом и политическим сообществом);
- магическая функция (создание и «разгадка» политических загадок, поддержание состояния веры по отношению к политическому вождю).

Миф свойственен массовому сознанию, это продукт спонтанного коллективного творчества. Рут Водак [1997, 21-23] утверждает, что обязательным условием существования мифа является широкая поддержка общественного мнения. Игорь И. Кравченко [1999, 16] считает, что важнейшим свойством мифа является его внерациональность, примат образно-эмоционального начала.

Ролан Барт [1996, 270] выделяет следующие характерные черты мифа:

- аксиоматичность и неverifiedируемость (проявление не критичности мифологического сознания);
- недоказуемость (мифологическое мышление не подчиняется логике);
- упрощенное видение реальности;
- упрощенно-казуальное толкование событий.

Очередным важным признаком политического дискурса является его смысловая неопределенность. Евгений В. Ключев [1996, 215] рассматривает следующие разновидности ее проявления:

- слово соотносится с чрезмерно широким кругом референтов;
- слово соотносится с абстрактным референтом;
- слово соотносится с референтом, по-разному трактуемым;
- слово соотносится с неизвестным референтом;
- слово соотносится с «чужим» референтом;
- слово соотносится с несуществующим референтом.

Смысловая неопределенность политического дискурса обусловлена несколькими факторами:

- относительность обозначения, т.е. зависимость выбора номинации от политической позиции говорящего, причем надо иметь в виду, что политические ценности всегда имеют не личный, а групповой характер);
- сложность значения, обусловленная сложностью самого денотата;

- абстрактность и широта значения, отсутствие уточняющих определений;
- размытость семантических границ у слов градуальной семантики;
- ведущая роль прескриптивно-побудительной и воздействующей функции в иерархии функций политического языка;
- потребность избегать конфликтности в общении, коммуникативных затруднений, потребность сглаживать противоречия между коммуникантами;
- стремление избежать контроля за своими речевыми действиями (неопределенность понятий затрудняет контроль за выполнением взятых на себя обязательств);
- манипулятивность политического дискурса (затушевывание нежелательной информации, сокрытие истины, анонимность, деперсонализация);
- стремление спасти лицо (возможность отрицания сказанного) [Шейгал 2000, 67-70].

Со смысловой неопределенностью политического дискурса тесно связаны такие его свойства, как фантомность и фидеистичность.

Политические значения складываются из фантомов значений, т.е. слов, в значении которых отсутствует денотативный компонент. Борис Ю. Норман [1994, 53] относит к лексическим фантомам обозначения вымышленных существ в фольклоре и литературе (мифологические и литературные фантомы), терминологическое закрепление ошибочных научных концепций (концептуальные фантомы) и идеологические фантомы, в которых отрыв слова от денотата обусловлен идеологической деятельностью человека, разработкой той или иной социальной утопии, поддержанием определенных социальных иллюзий.

Одной из причин фантомности политического дискурса является опосредованный характер политического опыта большинства людей. Получая информацию о политической действительности через групповую и массовую коммуникацию, они принимают за реальность творимые и передаваемые политиками и журналистами картины политического мира. Георгий Г. Почепцов [1998, 77] утверждает, что тенденция к созданию лексических фантомов в политическом дискурсе характерна для тоталитарного дискурса, в котором фантомы служат самосохранению. Фантомность политического дискурса Юрий Л. Качанов [1994, 129]

объясняет спецификой истинностного аспекта политических суждений: «Сила политического суждения обусловлена только его мобилизующим действием. В этом заключается кардинальное отличие поля политики от поля науки, где сила суждения измеряется степенью его соответствия истине». Автор считает, что неудовлетворенность семантизацией фантомов рождает потребность в их постоянном определении и толковании, в связи с чем фантомная языковая реальность неизбежно превращается в политическую реальность [там же 1994, 88].

Условием существования политического фантома является фидеистичность. Фидеистичность является проявлением магической функции языка, она связана с иррациональностью политического дискурса, его опорой на подсознание. Используя фантомы, политический дискурс движется между абсолютной верой (например, в агитационных текстах) и полным безверием (например, в разоблачительных текстах о политических оппонентах). Политические фантомы не имеют четкого значения, поэтому политики часто наделяют их выгодными для себя коннотациями. Это возможно потому, что убеждение в политическом дискурсе связано преимущественно с воздействием на эмоции и подсознание, а не на разум и логическое мышление.

Смысловая неопределенность выступает также в качестве специфического для политического дискурса проявления эзотеричности. Специальный язык обычно непонятен для непосвященных, однако, в случае политического дискурса, для которого важна массовость аудитории, неизбежно происходит деспециализация политических терминов (с политической терминологией каждый гражданин сталкивается ежедневно). Рут Водак замечает, что политический язык «должен выполнять противоречивые функции: быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социальным причинам)» [1997, 24]. В результате такой деспециализации политический дискурс оказывается на первый взгляд лишен свойства эзотеричности. Однако специфика эзотеричности в данном случае заключается не в языке политики как таковом, а в самом характере общения – власть не закрывает, а только ограничивает гражданам доступ к информации, которой они вправе располагать (эзотеричность не проявляется не семантическом уровне, а на прагматическом).

С проблемой отношений между властью и клиентами политических институтов связана очередная черта политического дискурса – его дистанцированность и авторитарность. Власть контролирует соблюдение дистанции в общении. Елена И. Шейгал [2000, 79-80] рассматривает следующие аспекты проявления дистанции между политиками и гражданами:

- информационная дистанция (монополия на информацию);
- коммуникативная (контактная) дистанция (недоступность политиков для прямого речевого контакта);
- физическая (пространственная) дистанция (отделенность барьером, охрана, специальное помещение, особое расположение в пространстве);
- символическая дистанция (право на обладание символами власти);
- психологическая дистанция (ореол таинственности).

В современном мире пропасть между политиками и народом разрушается благодаря деятельности средств массовой информации. С одной стороны, СМИ уменьшают дистанцию между правительством и гражданами, но, с другой стороны, могут способствовать ее углублению через поддержание авторитета власти. Можно сделать вывод, что дистанцированность политического дискурса обуславливает его авторитарность (чем значительнее дистанция, тем выше авторитарность высказывания).

Авторитарность дискурса связана с отношениями господства и подчинения, ее характерными чертами являются конформизм, установка на подражание, имитацию, слепое следование авторитету [Вовк 1995, 21-26]. Как замечает Леонид П. Семененко, для авторитарного дискурса характерно фидеистическое отношение к авторитетному слову, в нем нет релевантных критериев истинности, информативности, уместности, ясности, главным критерием является одобрение коммуникативным авторитетом субъекта воздействия. Политический дискурс по своей сути монологичен, однако не является монологичным по определению и приобретает характер монолога в результате действий, осуществляемых инициативными коммуникантами, т.е. субъектом и объектом монологического воздействия (субъект создает коммуникативный стимул, реакция объекта должна соответствовать коммуникативным ожиданиям субъекта) [Семененко 1996, 50].

Следующим признаком политического дискурса является его интертекстуальность. В политическом дискурсе интертекстуальность проявляется в воспроизводстве определенных социокультурных установок, ценностей, норм, идеологием в форме цитации или аллюзии (в случае цитации автор использует реконструктивную интертекстуальность, в случае аллюзии на первое место выходит конструктивная интертекстуальность, причем аллюзивный смысл могут нести элементы не только лексического, но и грамматического, словообразовательного, фонетического уровней организации текста, а даже система орфографии и пунктуации или выбор графического оформления текста). Политический субъект посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках. С точки зрения политического субъекта, интертекстуальность является также способом порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности путем выстраивания сложной системы отношений с текстами других авторов. Политический дискурс основывается на прецедентных текстах, в нем выражаются идеологемы и конвенциональные структуры, которые можно отнести к категории интертекста.

Очередной чертой политического дискурса является его театральность. Данный признак связан с тем, что клиенты политических институтов выполняют в коммуникации роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который участвует в политике в основном созерцательно, как наблюдатель, получающий информацию об этой коммуникации через средства массовой информации. Политики, общаясь друг с другом и с журналистами, стараются произвести впечатление на адресатов-наблюдателей (адресат-наблюдатель не только осознается политиками, но сильно влияет на его коммуникативную интенцию, выбор стратегии и речевого поведения). Театральность политического дискурса связана с образами политических деятелей. Формирование образа (имиджа) включает создание внешних характеристик политиков и их речевого портрета (манера говорить, подбор лексических средств зависит от ситуации и использованного жанра) [Гаджиев 1997, 340].

Очень важной при интерпретации политического дискурса является его сюжетно-ролевая структура. Анатолий Н. Баранов и Елена Г. Казакевич замечают, что «огромную значимость (...) приобретают ролевые характеристики участников, их включенность в тот или иной сюжет

политической истории. Сюжетно-ролевой слой одинаково важен для всех периодов развития нашего общества» [1991, 39].

Важной чертой политического дискурса является его динамичность. На изменчивость наиболее употребительной части политического словаря влияет злободневность объекта отражения в политическом дискурсе. Временные рамки политических событий очень ограничены, поэтому политическая деятельность и политическая коммуникация концентрируются на актуальных, а не на универсальных проблемах и ценностях.

Анализируя лексику с точки зрения ее диахронической устойчивости в политическом языке, Е.И. Шейгал [2000, 88-89] выделяет 3 группы слов:

- политические константы (оценочно-нейтральная базовая политическая терминология);
- оценочно-маркированные базовые политические термины (лексемы, коннотативность которых подвержена довольно частым изменениям, хотя сами по себе они довольно устойчивы в политическом языке);
- злободневная лексика «сегодняшнего дня» (наиболее подвижный слой, слова, связанные с политическими инициативами и кампаниями-однодневками, названия конкретных политических событий, лозунги и лозунговые слова, имена действующих политиков и т.п.).

Татьяна В. Шмелева [1993, 33-41] называет характерные черты слов политического языка:

- резкое возрастание частотности;
- регулярное употребление в заголовочной позиции текстов; возникновение на их базе новых форм и дериватов, формирование новых сочетаемостных типов;
- формирование новых синонимических и антонимических связей;
- возможность онимического употребления;
- склонность к употреблению в предложениях дефиниционного типа, активизация их в качестве объекта языковой рефлексии и языковой игры.

Выводы

Неоднозначность дефиниции является причиной того, что «дискурс» описывается обычно в сопоставлении с другими явлениями, например, с понятием «текст». Хотя некоторые авторы используют эти термины совершенно синонимично, делаются также попытки их различения. Исследователи предлагают разные критерии разграничения употребления этих терминов. Одним из них является применение к устной и письменной речи (письменная форма: «текст», устная форма: «дискурс»). Исследователи обращают также внимание на оппозицию «процесс/результат» («дискурс» как явление процессуальное, «текст» как продукт речепроизводства). Данные понятия разграничиваются также на основе области функционирования («текст» относится к области лингвистического, «дискурс» относится к области лингво-социального). «Дискурс» и «текст» противопоставляются также по оппозиции актуальность/виртуальность («дискурс» как реальное речевое событие, «текст» как абстрактный ментальный конструкт, реализующийся в дискурсе). Определение «дискурса», по мнению некоторых исследователей, неразрывно связано также с пониманием понятия «речь». Анализируемые термины или используются синонимично, или дифференцируются по определенным признакам (устная и письменная форма, абстрактный и конкретный характер, стилистические предпочтения автора).

Политический дискурс представляет собой сложное речевое образование, которое, в связи со своей многоаспектностью, не имеет еще полной научной рефлексии в литературе. Исследователи не выработали до сих пор единого общепринятого определения данного понятия. В лингвистической литературе можно заметить узкое («дискурс политиков») и широкое («язык публичной сферы») понимание этого понятия. Широкий подход к политическому дискурсу связан с растущей ролью средств массовой информации, развитием новых коммуникационных технологий, расширением процессов глобализации, процессом коммерциализации политической коммуникации.

Ситуацию усложняет факт, что во многих случаях в литературе, наряду с «политическим дискурсом», параллельно употребляются другие термины («язык политики», «политический язык», «общественно-

политическая речь», «агитационно-политическая речь», «политическая коммуникация»), которые также не имеют однозначной дефиниции, а некоторые авторы даже подвергают сомнению само существование данных явлений. Кроме терминологической неоднозначности, проблемой в области исследования политического дискурса является также разнообразие принятых методологических перспектив.

В литературе нет также единого подхода к проблеме классификации речевых жанров политического дискурса. Исследователи видят причину этого явления в осуществлении политической коммуникации в функционально различных сферах и на разных территориально-иерархических уровнях. Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев коммуникативные политические события являются сложными и включают несколько речевых жанров.

Говоря о политическом дискурсе, надо указать также основные функции, выполняемые им. Можно сделать вывод о том, что из множества выделяемых разными исследователями функций наиболее актуальной для политического дискурса является регулятивная функция. Специфика политического дискурса по отношению к другим видам дискурса проявляется в его базовой инструментальной функции (борьба за власть). Все основные функции политического дискурса являются аспектами проявления данной инструментальной функции.

Политический дискурс характеризуется рядом черт. Среди них можно выделить такие, как институциональность (общение осуществляется в общественных институтах, его участниками являются представители институтов (правительство, парламент и т.д.) и клиенты (граждане), информативность (определяемая в рамках противопоставлений «информативность и фатика» и «информативность и экспрессивность»), идеологичность (целью общения является проведение определенной идеологии), смысловая неопределенность (размытость семантических границ, относительность обозначения), фантомность (использование лексем, в значении которых отсутствует денотативный компонент), фидеистичность (проявление магической функции языка, опора на подсознание), дистанцированность (соблюдение дистанции в общении), интертекстуальность (использование существующих социокультурных установок, ценностей, норм, идеологием в создании нового текста в форме цитации или аллюзии), театральность (специфика общения, вызванная спецификой адресата, так как клиенты политических институтов

участвуют в политике часто как адресат-наблюдатель), динамичность (изменчивость наиболее употребительной части словаря). Перечисленные признаки не являются, однако, признаками, характерными только для политического дискурса (например, институциональность свойственна также медицинскому, юридическому, административному и др. дискурсам). Разные черты политического дискурса реализуются также в разной степени в зависимости от конкретного жанра. Примером может быть самое интересное с точки зрения нашего исследования соотношение информативности и экспрессивности. Хотя некоторые жанры нуждаются в нейтральности или объективности, общение на политические темы часто бывает очень эмоциональным и фатика преобладает в них над информативностью.

ГЛАВА II

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

1. Интердискурсивность политической коммуникации (политический дискурс и средства массовой информации – точки пересечения)

В связи с неопределенностью границ политического дискурса нередко имеем дело с его пересечением с другими видами дискурса. Елена И. Шейгал [2000, 35-45], исследуя это явление, выделяет следующие точки соприкосновения политического дискурса с другими разновидностями общения:

1. Пересечение с юридическим дискурсом: юридический дискурс пересекается с политическим в сфере государственного законодательства (к сфере политического дискурса относятся конституции, кодексы, законы, указы, правительственные постановления, административные решения и т.д., так как они являются средствами реализации власти);

2. Пересечение с научным дискурсом: результаты научных исследований исследователей-политологов не имеют непосредственной связи с политикой, однако политологи часто бывают консультантами ведущих политиков и на основе их анализов составляют рекомендации политикам по планированию и коррекции их деятельности;

3. Пересечение с дискурсом масс-медиа: характерной чертой современной политической жизни является то, что политики все реже общаются с гражданами непосредственно и все чаще используют средства массовой информации. В дискурсе масс-медиа журналисты играют роль посредников между политиками-профессионалами и массовой аудиторией непрофессионалов, способствуя формированию общественного мнения. В основном любой материал в средствах массовой информации, в котором

речь идет о политике и автором которого является политик или, наоборот, адресованный политику, следует относить к полю политического дискурса;

4. Пересечение с педагогическим дискурсом: точкой соприкосновения является цель педагогического дискурса, т.е. социализация личности. Целью дискурсивной деятельности, осуществляющей политическую социализацию (понимаемую как процесс освоения отдельным человеком, т.е. членом определенного общества и гражданином государства, основных элементов соответствующей политической культуры), является принятие (или отвержение) членами общества господствующего социального порядка и его ценностей, что в конечном итоге определит их позицию как потенциальных участников процесса борьбы за власть;

5. Пересечение с рекламным дискурсом: политическая реклама обладает всеми основными чертами рекламного дискурса: номинируется предмет рекламы, указываются его выигрышные характеристики, планируется позитивная ответная реакция. Главные функции рекламы (информирование и воздействие) в политическом дискурсе реализуются в жанрах политической пропаганды (плакаты, доклады, публичные выступления, дискуссии) и агитации (воззвания, листовки, плакаты, транспаранты, выступления на митингах);

6. Пересечение с религиозным дискурсом: политический дискурс, так же, как и религиозный, построен на внушении, т.е. возможности навязывать определенные действия или состояния. Точкой соприкосновения этих видов дискурса является мифологизация сознания, вера в магию слов, роль лидера-Божества, использование приемов манипулятивного воздействия, ритуализация коммуникации;

7. Пересечение с бытовым дискурсом: бытовой дискурс характеризуется преобладанием фатической коммуникации над информативной, т.е. в нем выступает общение ради общения, либо между людьми, находящимися на близкой социальной дистанции, либо между незнакомыми или малознакомыми людьми в ситуации вынужденного совместного пребывания. Так как политика является одной из популярных тем данного типа общения, в таких разговорах происходит формирование мнений, политических позиций, принимаются решения о том, за кого голосовать и т.п.;

8. Пересечение с художественным дискурсом: художественный дискурс через эстетическое воздействие служит формированию политического

сознания, политических предпочтений и диспозиций (косвенным образом, в отличие от агитации и пропаганды, которые оказывают непосредственное влияние на политические взгляды и действия). Данный тип дискурса пересекается с политическим в таких жанрах, как мемуары, документальная проза, ироническая поэзия, памфлет, в некоторых фольклорных жанрах (анекдот, частушки), в жанрах креолизованных текстов изобразительного и исполнительского искусства (плакат, карикатура). В этих жанрах кроме основной функции художественного дискурса (самовыражения) в той или иной степени присутствует также социальный заказ;

9. Пересечение со спортивно-игровым дискурсом: точкой соприкосновения является момент агональности (сопоставительности). Сопоставительность политического дискурса в наибольшей степени проявляется в таких жанрах, как парламентские дебаты и предвыборные кампании. В политическом дискурсе присутствуют все основные элементы спортивного и игрового состязания: наличие противника, борьба соперников, этика поединка, правовые нормы (регламент и правила), стратегия и тактика борьбы, победа, поражение, триумф победителя, приз;

10. Пересечение с военным дискурсом: областью взаимодействия военного и политического дискурсов являются такие жанры, как военная доктрина, военно-политическое соглашение, ультиматум, мирные переговоры (жанры, обеспечивающие идеологию и ход военных действий с позиций воюющих сторон).

Несомненно, особую роль в случае политического дискурса играет его связь с дискурсом масс-медиа, который является в наше время основным каналом осуществления политической коммуникации. Владимир И. Карасик [2000а, 10] утверждает, что дискурс масс-медиа является формой институционального дискурса, так как он социально ориентирован и задает общение в рамках социальных статусно-ролевых отношений. В дискурсе масс-медиа каждой страны проявляются национально-культурные особенности и политико-прагматические интересы отдельных общественных групп. Через средства массовой информации оказывается воздействие на общество, формируются определенные стереотипные представления о политике, экономике, культуре.

Особенное место среди средств массовой информации отводится традиционно прессе. Газеты и журналы доступны широкому кругу реципиентов, диапазон затрагиваемых в них тем многообразен и соответствует общественным потребностям, причем подача обработанной

информации наступает в удобной для пользователя форме. Количество издаваемых в России газет и журналов, помимо бурно развивающихся других источников информации (телевидение, Интернет), увеличивается. Если в 1900 году насчитывалось более 1000 периодических изданий (212 общественно-политические и литературные, 282 официальные и справочные, 508 специальных и научных, около 50 религиозного содержания), то в 1908 году это число составляет уже 2028 изданий (826 общественно-политических и литературных, 836 религиозного содержания). В 1913 году число изданий увеличилось до 2527. В 1917 году издавалось уже более 4000 периодических изданий. В 2000 году печаталось 5758 газет (общий тираж составил 7138919 тысяч экземпляров) и 2781 журнал (общий тираж составил 496593 тысячи экземпляров) [Махонина 2004, 3-4]. Число зарегистрированных печатных периодических изданий в России на 1 января 2005 года составило 46 000 наименований. Общий тираж газет, выпускаемых в России, в 2005 году составил 8,312 млрд. экземпляров. Общий тираж журналов, издаваемых в России, в 2005 году составил 1,865 млрд. экземпляров [<http://www.marketcenter.ru/content/doc-2-8120.html>, 24.04.2014].

Светлана Я. Махонина [2004, 4] подчеркивает, что характерной чертой современной журналистики, является появление и развитие многочисленных типов изданий (кроме традиционных ежемесячников, важное место начинают занимать издания для семейного чтения, научно-популярные, для самообразования, сатирические, женские, детские, массовые и бульварные, развивается также партийная печать). Этот процесс можно объяснить новой государственной политикой в сфере средств массовой информации в начале 90-х годов XX века, когда на смену государственной прессе пришли частные коммерческие издания.

Активная медиатизация политического процесса и политизация средств массовой информации признается исследователями разных научных сфер. По мнению Александра И. Соловьева, «основной причиной завоевания СМИ высокого места в политической жизни современных обществ является то, что с их помощью государство и другие политические субъекты могут не только информировать население о целях и ценностях своей политики, но и моделировать отношения с общественностью» [2004, 124].

Средства массовой информации занимаются формированием общественного мнения, традиционно в интересах исполнительной власти.

Барбара Кудра подчеркивает: «Разнообразие лексики в прессе служит отправителю (журналисту, политику) главным образом, чтобы выразить свои убеждения, чтобы выразить оценку мнений противника и тем самым формировать определенное поведение адресата» [Kudra 2001, 5]. Манипулирование общественным мнением, т.е. запрограммированное формирование общественного мнения с целью обеспечения выгодного манипуляторам поведения потребителей информации является скрытым видом воздействия на психологические структуры человеческой личности. Манипуляция в средствах массовой информации проявляется в неправильном информировании или недостаточном информировании. Журналист при составлении текста публикации интерпретирует события под влиянием субъективного видения мира, сложившихся установок, предубеждений и стереотипизированных представлений о реалиях данной страны.

Говоря о роли средств массовой информации в создании определенной картины мира, следует обратить внимание на эффекты воздействия СМИ на формирование общественного мнения:

- эффект установления пунктов «повестки дня» (выбор затрагиваемой темы связан со стратегией формирования имиджа политика и подчеркивает значимость данного события);
- «спираль молчания» (формирование общественного мнения на основе отбора информации согласно правилу зависимости индивидуальных мнений от мнения других: если индивид замечает, что его мнения не разделяются окружением, он не выражает их открыто);
- теория информационного дефицита (при нарастании потока информации в большей степени ее будут воспринимать более образованные лица);
- модель зависимости эффектов массовой коммуникации (средства массовой информации воспринимаются как информационная система, влияющая на процесс формирования стабильности на уровне социума (расширение представлений людей, уточнение их ценностной ориентации, формирование чувства обеспокоенности, влияние на степень заинтересованности, активизация и мобилизация общества);
- эффект полезности и удовлетворения потребностей (необходимость информирования для самоидентификации и социального взаимодействия, развлечения читателей (ценность информации

связана с условиями частотности упоминания события, однозначности оценки события, релевантности для данного общества в данный момент, соответствия развития события ожиданиям основной массы читателей, персонализации события, участия в нем и отношения к нему политической элиты) [Назаров 2002, 90-93].

Одновременно исследователи рассматривают средства массовой информации как условие формирования гражданского общества. Александр М. Воробьев [1998, 39-46] подчеркивает, что свободная пресса является необходимым элементом, константным признаком гражданского общества, так как именно в нем пресса выступает средством информирования, общения, диалога власти с гражданами.

Средства массовой информации в России всегда были связаны с общественно-политической жизнью общества. Они созданы как средство политического руководства страной (пропагандистский аппарат власти). Галина С. Мельник отмечает, что «СМИ выступают в роли соучастника политического процесса, в котором они по-прежнему в широких масштабах выполняют функцию политического института, обеспечивающего доминирование и воспроизводство власти, элиты и контрэлиты. Сохраняется стойкая зависимость журналистики от исполнительной власти и управленческих структур, происходит слияние прессы с политическим истеблишментом» [1999, 18].

В истории средств массовой информации в России отчетливо прослеживаются этапы их высокой активности и относительного застоя в развитии, что было связано с давлением государства на журналистику. Проблема взаимоотношений власти и средств массовой информации обостряется также в периоды реформ. Маргарита М. Ковалева подчеркивает, что «отчетливо выступает стремление власти максимально использовать, привлечь на свою сторону прессу на начальном этапе реформирования, максимально усилить давление на нее в конце процесса» [2000, 19].

Отношения власти и прессы, а потом других средствах массовой информации, фиксировались в указах, а затем в уставах о цензуре. Примером ранних законодательных актов являются Уставы о цензуре 1804, 1826, 1828 годов, которые сдерживали развитие свободной прессы. Документом такого типа из XX века является, например, Указ «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати», согласно которому в печати запрещалась любая критика действий

правлящих лиц и государственных чиновников, а распространение сведений о боевых действиях наказывались тюремным заключением или высоким денежным штрафом. Примером документа, в котором говорилось о свободе слова, может служить указ Александра II «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», в результате которого была отменена предварительная цензура, а журналисты получили право обсуждать политические и экономические проблемы [*Русская журналистика в документах: История надзора* 2003, 176-177].

Современным законодательным актом, который регулирует проблемы средств массовой информации, является Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года, который обозначил свободу печати как естественное состояние прессы [<http://media-law.ru/law.html>, 9.04.2014]. Другими документами, касающимися средств массовой информации, утвержденными Российским парламентом, являются, например, Закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» (1994), Закон «Об информации, информатизации и защите информации» (1995), Закон «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» (1995) и др. [*Средства массовой информации постсоветской России: Учебное пособие* 2002, 176].

Характерными чертами печатных средств массовой информации являются их публичность, общедоступность и общезначимость [*Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды* 1980, 35]. Данные признаки влияют на требование стандартизованности языка. Следует, однако, заметить, что адресат акта коммуникации в данном случае неоднороден, а это предопределяет неоднородность стиля газеты. Другие особенности печатных СМИ связаны с функциями, которые они должны выполнять: 1) информировать, 2) пропагандировать и агитировать. На основе первой функции происходит различение фактических и оценочных высказываний. Александр М. Пешковский, описывая фактические высказывания, подчеркивает, что: «объективной точкой зрения на предмет следует считать такую точку зрения, при которой эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение – познавательное» [1959, 50]. Главным требованием к фактическому высказыванию является истинность, т.е. оно должно отражать событие так, как оно происходило. Объективность информации в средствах массовой информации определяется социальной

значимостью факта и обезличенным отношением к нему. Обращаясь к прессе, читатель рассчитывает получить достаточно полную и объективную информацию о событиях. Новости представляют собой продукт, возникающий благодаря сбору и переработке информации, во время которой происходит отбор материала, его редактирование, а иногда также деформация и манипуляция им. Одно и то же событие для различных читателей приобретает свои оттенки содержания и может оцениваться по-разному, потому что оно отражено или ранжировано различным образом.

С функцией агитации и пропаганды связана политизированность и идеологизированность средств массовой информации. СМИ являются не только источником информации, но и средством регулирования, управления и манипулирования политической и общественной жизнью страны. Пресса воздействует на реципиента, убеждает его перейти на другие позиции или действовать каким-либо определенным образом. Одним из важнейших способов убеждения адресата речевого акта является прямое и косвенное выражение оценки. Оценочные высказывания отражают не действительность, как фактические, а субъективные мнения о ней. Описываемые в прессе факты наделяются характеристиками «своего» или «чужого»: положительное оценивание факта наделяет описываемое явление характеристиками «своего» (и поэтому принимается за должное, так как общество принимает за норму свои культурные образцы), негативно оцениваемый факт наделяется характеристиками «чужого» (поэтому отвергается) [Кара-Мурза 1998, 24].

Средства массовой информации являются своего рода фильтром, выделяющим отдельные факты из общего потока информации. Об одних фактах не говорится, другие приобретают особую важность. СМИ не ограничиваются отбором событий и кодированием информации, не создают зеркальное отражение реальности, а порождают новый субъективно окрашенный образ, иногда искажающий черты реальности. Задача прессы состоит в том, чтобы конкретные сообщения оказали на читателя наибольшее воздействие и вызвали у него определенную реакцию на них. Наталия Н. Трошина замечает в связи с этим, что «регулятивная функция публицистики (реализуемая воздействующей и регулирующей заданностью информативно-прагматических средств) обращена на регулирование жизнедеятельности общества в целом и каждого человека в отдельности» [1990, 64].

Газетный политический текст является источником информации для широких читательских кругов. Он должен обладать рядом свойств, среди которых можно перечислить:

- информативность (текст показывает, какие явления происходят в обществе);
- интерсубъективность (одинаковое понимание содержания текста автором и читателем на основе общих фоновых знаний);
- истинность (рассматриваемая с точки зрения актуализации прагматической функции текста, а не истинности/ложности информации);
- убедительность (использование элементов пропаганды и такой способ подачи информации, при котором даже ложные факты кажутся убедительными);
- эффективность (степень реализации коммуникативного намерения автора);
- идеологичность (влияние нравственных ценностей, убеждений и приоритетов автора на воображение реципиента) [Стриженко 1980, 54].

Газетный политический текст реализует определенные прагматические установки (материализованное в тексте осознанное намерение адресанта оказать соответствующее воздействие на адресата), к которым относятся:

- информировать читателя об актуальных событиях, имеющих место в мире;
- заинтересовать читателя, привлечь его внимание к газете;
- убедить читателя в достоверности изложенных событий и фактов и объективности данных адресатом оценок;
- сформировать определенное отношение читателей к описываемым событиям и лицам [Наер 1981, 108-116].

Рассматривая способы достижения прагматических установок газетного политического текста, Наталья А. Безменова и Валерий П. Белянин [1990, 79] выделяют следующие типы воздействия на читателей:

- концептуальное воздействие (изменение отношения субъекта к некоему объекту, перестройка категориальной структуры индивидуального сознания введением в нее новых категорий, проявляющихся в классификации, формах упорядочивания объектов, событий окружающей предметной и социальной действительности);

- эмоциональное воздействие (формирование общего эмоционального настроения реципиента);
- манипулятивное воздействие (изменение сформированных стереотипных представлений).

В газетных текстах очень часто очевидно отношение журналиста к действительности и содержанию сообщения. Автор текста вносит что-то новое, индивидуальное в текст, не просто описывает явления, а оценивает их, интерпретирует в свете своих коммуникативных интенций. Журналист может варьировать информацию таким образом, чтобы читатель воспринимал ее согласно намерениям автора текста, т.е. он оказывает воздействие и формирует стереотипы.

Алексей А. Леонтьев [2003, 67-68] выделяет следующие способы достижения воздействия в рамках экстралингвистических факторов:

- ввод новых знаний о неизвестных элементах действительности;
- ввод информации об известных вещах, которая способна изменить представления реципиента об их взаимосвязях и его отношение к этим вещам;
- отказ от ввода новой информации с целью изменения отношения реципиента к действительности через убеждение.

Для реализации своего коммуникативного намерения и оказания воздействия на читателей журналисты используют определенные языковые средства. К числу таких специфических средств относятся в первую очередь лексические единицы с оценочным компонентом значения. Оценка может соответствовать существующим стереотипным представлениям реципиента и может быть направлена на модификацию старых и создание новых стереотипов. Несомненно, оказание воздействия на читателей реализуется также при помощи экспрессивности языковых средств, которая является способом выражения эмоциональной оценки (оперирование национально-культурными символами и стереотипами, выражение отношения к обозначаемому и т.д.). Экспрессивность достигается за счет разнообразных языковых средств, таких как словообразовательные средства (экспрессивно окрашенные аффиксы), лексические единицы, в семантике которых содержится оценочный компонент, устойчивые и окказиональные метафоры, образные фразеологизмы и т.д. Следует, однако, подчеркнуть, что результат воздействия трудно прогнозировать заранее и прагматический эффект на различных реципиентов будет неодинаков.

2. Политический газетный текст как объект лингвопрагматического исследования

Политический дискурс представляет собой систему знаков, ориентированных на обслуживание сферы политической коммуникации. Их семантика отражает реальность мира политики, интерпретированную данным обществом. Знаки, формирующие пространство политического дискурса, имеют разную природу, могут быть вербальными, невербальными и смешанными. К вербальным знакам относятся слова, устойчивые словосочетания и тексты. К невербальным принадлежат флаги, эмблемы, портреты, бюсты, здания, символические действия и сами политики. К смешанным знакам причисляются гимн (сочетание поэтического текста и музыки) и герб (сочетание геральдических символов и вербального девиза) [Шейгал 2000, 131]. Наше внимание в наибольшей степени привлекают вербальные знаки: слова и словосочетания, формирующие языковой уровень политического дискурса.

Хотя лексика, использованная в политическом дискурсе, в связи с активными изменениями в общественной и политической жизни была объектом внимания многих исследователей, целый ряд вопросов до сих пор вызывает сомнения и является предметом дискуссий. Причиной этого является отсутствие общепринятого определения понятия «политический дискурс» (параллельное употребление понятий «политический дискурс», «язык политики», «политический язык», «общественно-политическая речь», «агитационно-политическая речь», «политическая коммуникация», отсутствие единой дефиниции). В литературе встречаем ряд обозначений, применяемых к данным лексическим единицам: «общественно-политическая лексика» (термин, который получил наибольшее распространение), «политическая лексика», «политическая терминология», «социальная лексика», «социально-экономическая терминология», «специальный словарь политики». Причиной данного явления является, наверное, трудности, связанные с неодинаковым пониманием состава и границ рассматриваемого лексического разряда, что объясняется сложностью самого объекта исследования.

Исследователи предлагают разные дефиниции термина «общественно-политическая лексика». Например, по мнению Ивана Ф. Протченко,

общественно-политической лексикой является «та часть словаря, которую составляют названия явлений и понятий из сферы общественно-политической жизни, то есть из области политической, социально-экономической, мировоззренчески-философской. Несмотря на то, что этот разряд слов имеет заметно обозначенные границы, общественно-политическая лексика находится в тесном взаимодействии с названиями ряда других сфер человеческой деятельности, в частности обозначениями из области исторической науки, права, литературы и искусства, философии, политэкономии» [1985, 123]. Юлий А. Бельчиков утверждает, что «общественно-политическую лексику составляют слова, которые обозначают явления и понятия из области политики, социологии, политической экономии (...) В силу взаимосвязанности политики, социологии, политической экономии с другими сторонами деятельности человека общественно-политическая лексика тесно связана с лексическими разрядами, обозначающими явления и понятия из области философии, права, эстетики, литературы» [1962, 9]. Тамара С. Коготкова [1971, 118] считает, что в состав общественно-политической лексики входят лексические единицы, связанные с понятиями из сферы многочисленных и многообразных форм общественного сознания, различных проявлений духовных и мировоззренческих сил человека и общества, многих правовых и государственных институтов.

Определения, предлагаемые разными исследователями, можно условно разделить в зависимости от «узкого» и «широкого» понимания исследователями данного явления. Сторонники «узкого» подхода определяют общественно-политическую лексику как слова и словосочетания, которые обозначают понятия из сферы общественно-политической жизни и имеют в структуре значения постоянные семы «общественный», «политический», «государственный», «социальный». Такой точки зрения придерживается, например, Лариса А. Мурадова, которая считает, что общественно-политическую лексику «представляют собой слова и словосочетания, имеющие в структуре значения компонент «социальный» и/или «политический» (...), а также слова и словосочетания, обозначающие понятия из политической и социальной области (в узком смысле), используемые в неспециальном употреблении» [1986, 54]. По мнению сторонников «широкого» подхода, общественно-политическая лексика представляет собой совокупность лексических единиц, выражающих центральные политические понятия, и словесных знаков,

связанных с общественно-политической сферой опосредованно (значения сем «общественный», «политический», «государственный» выявляются в их структуре на уровне вероятностных. Такой подход отмечается, например, в работе Светланы Г. Капраловой. Автор считает, что кроме собственно политической лексики, в данный разряд необходимо включать и ту лексику, которая связана с общественно-политической сферой через социально-оценочные напластования [Капралова 1971, 13-17].

Определение границ данного лексического пласта связано с определением его объема, устанавливаемого при помощи тематических характеристик. В связи с тем, что нет однозначного определения термина «общественно-политический» (причиной является многозначность терминов «общественный», «политический», «политика» и смысловая близость обозначаемых ими понятий), в зависимости от того, как его понимает данный исследователь, разными являются объем термина «общественно-политическая лексика» и количество тематических групп, выделяемых на основе классификации определенных явлений. Проблема объема рассматриваемого понятия решается по-разному представителями «узкого» и «широкого» подхода. Сторонники «узкого» ограничивают объем общественно-политической лексики словами и словосочетаниями, которые относятся к общественно-политической и идеологической сферам. Представители «широкого» подхода существенно расширяют круг понятий, охватываемых данным термином. Например, Иван Ф. Протченко [1965, 19-20] включает в состав этого лексического пласта слова и словосочетания, связанные с производством, с хозяйственной деятельностью людей. По мнению Владимира В. Кускова [1986, 172], в рассматриваемый разряд следует включить также слова и словосочетания, принадлежащие к подсистемам языка науки и техники.

Говоря о границах понятия «общественно-политическая лексика», исследователи обращают также внимание на проблему разграничения общественно-политической лексики и общественно-политической терминологии. Некоторые лингвисты строго разграничивают эти понятия. Например, Татьяна Б. Крючкова утверждает, что «общественно-политическая лексика и общественно-политическая терминология – это две взаимодействующие, но непересекающиеся системы», хотя часть их элементов и совпадает в плане выражения [1989, 21-22]. Лариса А. Мурадова [1986, 24] замечает, что хотя общественно-политическая лексика примыкает к терминологии общественных наук, но используется в

неспециальном употреблении. Другие исследователи придерживаются позиции, согласно которой общественно-политическая лексика включает в себя общеупотребительную лексику и термины. Аркадий Л. Голованевский представляет следующее определение общественно-политической лексики: «слова, термины, терминологические сочетания, обозначающие социально и идеологически дифференцированные понятия общественно-политического содержания, которые в процессе употребления приобретают социально-идеологическую оценочность» [1993, 5]. Григорий Я. Солганик [1981, 30] не проводит четких границ между общественно-политической лексикой и общественно-политической терминологией.

С проблемой разграничения общественно-политической лексики и общественно-политической терминологии тесно связан вопрос о том, что является единицей общественно-политической лексики. Авторы, которые отождествляют данный лексический разряд с терминологией (например, Александр Д. Хаютин [1970]), утверждают, что такой основной единицей является термин. Другие исследователи (Л.А. Мурадова [1986], И.Ф. Протченко [1967]) считают, что рассматриваемая единица не является термином. Например, Л.А. Мурадова замечает, что «единица ОПЛ не является термином, так как характер ее восприятия коммуникантом, который в большинстве случаев не обладает необходимым запасом информации, не позволяет слову реализовать свою терминологическую функцию» [1986, 163]. По мнению некоторых исследователей, единицы общественно-политической лексики могут быть разных типов. Михаил Н. Николаев приходит к выводу, что «включение в рассматриваемый пласт лексических единиц только терминологии оставляет за ее границами большую группу слов, которые по своим лексико-семантическим характеристикам не могут определяться как термины, что произвольно сужает границы рассматриваемого явления» [1988, 43]. Светлана Г. Капралова [1973, 56-64] считает, что в составе общественно-политической лексики можно выделить слова-носители центральных понятий мировоззрения, слова-термины или находящиеся на пути терминологизации, а также эмоционально-окрашенные заместители, слова характеризующие и оценивающие.

Следует заметить, что ряд лингвистов основную лексическую единицу общественно-политической лексики называет идеологемой. Елена Ю. Кашаева предлагает следующую дефиницию этого понятия:

«языковой знак, отражающий не только предметные признаки называемой реалии, но и признаки идеологического характера, передающие социально-классовое представление субъекта (социума) о сущности, ценности называемой реалии» [1987, 3]. Анатолий П. Чудинов считает, что идеологемой является «слово, в значение которого входит идеологический компонент» [2006, 60]. Исследователь различает два основных вида идеологем. Первый тип представляют собой слова, смысловое содержание которых неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов (эти различия особенно часто связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления). Средствами акцентирования таких оценочных смыслов может быть трансформация слов (например, *коммуняки*, *дерьмократы*, *демокрады*), снабжение слова «проясняющим» эпитетом (например, *так называемые демократы*), употребление слов с обобщающим негативным значением (*тоталитаризм*, объединяющий *социализм* и *фашизм*), использование антитезы. Второй тип составляют наименования, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов (соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию). Одним из способов регламентации использования таких идеологем является их толкование в словарях исключительно с позиций правящей партии. Альбрехт Нойберт [1979, 62-64] определяет значение идеологемы следующим образом: «социальный инвариант, проявляющийся в языковых единицах», «лексические средства, занимающие привилегированное положение в общественной коммуникации» подчеркивая, что понятие идеологемы представляет собой абстракцию, которая приводит к общему знаменателю то, что различно в языковом отношении, но подлежит совмещению в общественном плане. Это лексемы, которые вступают в новые морфологические (словообразовательные) и синтаксические (фразеологические) сочетания и которые на основании положения в общественном сознании трансформируются в идеологемы.

Процесс трансформации слова в идеологему описывает также Наталия А. Купина. По мнению автора, данное явление представляет собой «идеологизацию слов с помощью догматических добавок: на традиционную семантику слова искусственно накладываются идеологические смыслы» [Купина 1999, 14]. Исследователь считает, что идеологемами являются «лексические единицы, семантика которых

включает идеологический микрокомпонент, то есть цельную, развернутую, достаточно самостоятельную часть словарного толкования и/или набор качественно новых для русского языка идеологизированных контекстов (от словосочетания до развернутого высказывания), рекомендуемых Словарем в качестве нормативных, типовых» [Купина 1995, 8]. Результаты такой идеологизации в русском языке, по мнению исследователя, отражены в словарях, а формой отражения являются особые приемы использования лексического значения слов.

В число специфических черт общественно-политической лексики исследователи включают общедоступность, обусловленность экстралингвистическими факторами и интернациональный характер [Протченко 1985, 178]. Следует, однако, заметить, что большинство исследователей главной типологической особенностью этого лексического пласта считают идеологизированность. Вильгельм Шмидт замечает по этому поводу: «Общим признаком политической лексики, как марксистско-ленинской, так и буржуазной, является ее идеологическая обусловленность. Я понимаю под этим семантическую детерминированность слова, вытекающую из его принадлежности к специфическому словарному составу определенной идеологии или идеологического варианта и из его роли в этом словарном составе. Так, например, каждый из звуковых комплексов «демократия», «свобода», «империализм» представляет собой два омонима, относящихся к марксистско-ленинской и буржуазной идеологии; их различные значения зависят от принадлежности к той или другой системе идеологической лексики и от их роли в ней» [1979, 74]. Анатолий И. Домашнев считает, что «семантическая система языка может отражать классовые интересы и позиции, что наиболее отчетливо проступает в сфере общественно-политической лексики, являющейся наиболее идеологически связанной и обусловленной» [1983, 154-155]. Людмила В. Сахарова подчеркивает также, что «ОПЛ может быть идеологически обусловлена, т.е. под воздействием идеологии различных общественных классов и социальных групп может получать известное дополнительное идеологическое содержание» [1976, 22]. По мнению Т.Б. Крючковой, «общественно-политическая лексика и общественно-политическая терминология – это лексические единицы, обозначающие понятия, связанные с идеологией» [1989, 55]. Автор утверждает, что идеологизированная лексика возникает в языке двумя путями: в языке, под влиянием изменений, происходящих в общественной жизни и общественном

сознании, во-первых, появляются новые идеологизированные слова, а во-вторых идеологически нейтральные слова приобретают новые «идеологизированные значения» [Крючкова 1984, 77].

Идеологизированность общественно-политической лексики находит свое воплощение главным образом в социальных оценках (идеологических оценках, социально-классовых оценках, социальных коннотациях), присутствующих в семантике слова или сопровождающих ее. Под социальной оценкой понимаем «оценку, производимую сознательно и целенаправленно приносящую в семантику языковых знаков в процессе номинации явлений и понятий общественно-политической жизни со стороны общественных классов, партий и социальных групп» [Солганик 1981, 35].

Аркадий Л. Голованевский [1993, 9] выделяет три вида социальной оценки: социальную (доклассовую), социально-классовую и социально-идеологическую (идеологическую). По мнению Т.Б. Крючковой [1989, 60], идеологическая оценка является одной из разновидностей интеллектуальной оценки и характеризуется тем, что носит классовый характер и оценивает предметы и явления, глубоко проникая в их сущность. Она выражается в эмотивных семах положительной или отрицательной оценки и, как правило, может сопровождаться эмоционально-оценочными семами «одобрение» или «неодобрение».

Исследователи считают формами проявления идеологизированности общественно-политической лексики также социально-классовую полисемичность и полиэмоциональность. Татьяна Б. Крючкова [1982, 32] к полисемичным лексическим единицам относит слова, которые могут быть по-разному истолкованы представителями противоположных идеологий («демократия», «свобода» и т.п.), а к полиэмоциональным словам причисляет лексические единицы, получающие разную эмоциональную оценку в разных идеологиях («коммунист», «большевик» и т.п.). Исследователь утверждает также, что данные формы проявления идеологизированности обнаруживаются в языковых системах, обслуживающих идеологически неоднородные общественные коллективы (они возможны в языках, обслуживающих идеологически однородные коллективы, но только в некоторых достаточно специфических ситуациях).

Некоторые авторы считают, что формой проявления идеологизированности общественно-политической лексики может быть также специальный компонент семантики языкового знака, чаще всего

связанный с его коннотативной составляющей плана содержания. Михаил Ф. Виноградов замечает, что «если в отношении денотативного значения слова можно считать, что идеология влияет на его интерпретацию в толковом словаре (...), то в коннотации идеология составляет один из ее компонентов, являясь оценкой денотативного значения слова» [1983, 40]. Галина Н. Складневская называет рассматриваемый компонент «идеологическим прагматическим компонентом». Эта часть семантики словесного знака основана не на всеобщих представлениях, а на знаниях и истинах, навязанных, внушенных и пропагандируемых в конкретном социуме. По мнению исследователей, закрепленность данного компонента за словесным знаком обычно проявляется только в речи, но возможно также его вхождение в семантическое ядро и закрепление в словарной дефиниции [Складневская 1995, 68-69]. Другие исследователи, однако, утверждают, что выделять такой особый идеологический компонент неправомерно, так как любой компонент плана содержания общественно-политического слова может оказаться идеологизированным, а идеологизированные семы чаще всего проявляются как семы социальной оценки на уровне эмотивного компонента содержания слова и на уровне других составляющих значения словесного знака (денотативном, собственно-языковом, эмпирическом) [Крючкова 1989, 141].

К вербальным знакам, формирующим пространство политического дискурса, относятся не только слова и устойчивые словосочетания, но также тексты, т.е. специфические знаковые структуры, характеризующиеся целостностью, завершенностью и прагматической установкой. Так как в современных условиях, несмотря на экспансию телевидения и интернета, важное место среди всех средств массовой информации продолжает занимать по-прежнему газета (газета не ограничивает реципиента во времени декодирования информации, предоставляет возможность многократного знакомства с текстом и т.д.), очень важным жанром политического текста является газетный текст.

Любая модель порождения текста начинается с замысла. В случае политического газетного текста основой замысла является необходимость описания данного политического события или общественного явления, которое создает определенную коммуникативную ситуацию, представляющую собой такие параметры, как подбор коммуникантов и условия коммуникации. В политическом газетном дискурсе под коммуникантами понимаются автор, который имеет собственную

социально-прагматическую позицию, и реципиент, который обладает определенным уровнем развития сознания, языковой компетенцией, знаниями о мире и эмоциональным уровнем восприятия окружающей действительности. Под условиями коммуникации понимается политико-идеологическая установка газетного издания с учетом социального статуса реципиентов.

Политический газетный дискурс в качестве необходимого компонента содержит прагматическую установку. Передавая информацию об определенном событии в сочетании с оценкой фактов, данный тип дискурса возникает из потребностей общественно-политической деятельности людей и представляет собой комплекс отношений, возникающих в процессе возникновения, формирования, развития и функционирования газетного политического текста. В этом процессе раскрываются функциональные особенности газетного политического текста, выступающего в качестве единицы социально-политической коммуникации политического газетного дискурса.

Рассматривая политический газетный дискурс как разновидность институционального дискурса, В.И. Карасик [2000а, 6-10] выделяет следующие его основные компоненты:

1. Тематика политического газетного дискурса охватывает широкий круг вопросов: государственное управление, органы власти, политические права, различные политические режимы, общественное мнение, внутреннюю и внешнюю политику, визиты, договоры, обмены, политические акты, заседания и многое другое. Благодаря этому реципиент ощущает свою сопричастность ко всем событиям, происходящим вокруг него.

2. Газетный политический текст ставит перед собой пять основных взаимосвязанных целей: информационную (информирование аудитории о событиях внутренней и международной жизни), аналитическую (анализ и комментирование излагаемого политического события или общественного явления), регулятивную (изменение и направление в необходимом для автора плане восприятие реципиентом тех или иных явлений объективной действительности), прогнозирующую (рефлексиование реципиента относительно проекции полученной информации на предлагаемую действительность).

3. Стратегии политического газетного дискурса определяются целями, которые вызывают к жизни политическое общение: описать данное политическое событие или общественное явление; изложить историю

поднятого вопроса; представить различные точки зрения на излагаемую проблему; изложить свою позицию по поводу данной ситуации; привести доводы с целью доказательства своей точки зрения или изменения позиции реципиента; учитывать интересы, специфику мышления, индивидуально-психологические особенности и социальный статус реципиента; аргументированно прогнозировать будущее.

4. Участниками политического газетного дискурса является автор и реципиент. Автор создает политическое информационное сообщение в соответствии с собственными политическими представлениями, которые реципиент воспринимает и интерпретирует. Автора характеризует определенная цель коммуникации, сознательная установка на создание конкретной речи, самостоятельные цели, четкая и убедительная аргументация, высокий уровень компетенции, образования, эрудиции, нравственной позиции и т.д. Автору необходима информация о тех сторонах личности реципиента, которые определяют его свойства как получателя информационного сообщения (его интеллектуально-культурный уровень, желания и приоритеты, психологическое состояние и психологический тип личности, уровень образования и т.д.) В акте коммуникации позиции реципиента приоритетны.

5. Хронотопом политического газетного дискурса является обстановка, характерная для газетной коммуникации. Политическая газетная информация руководит политическим процессом, пытаясь навязать реципиентам свои оценки, установки, шаблоны, политико-культурные коды и мифы. Газеты выступают в качестве стабилизатора политических и социальных процессов, формируя общественное мнение (благодаря манипулятивным средствам, способным навязать реципиентам конкретное восприятие информации) и участвуя в формировании определенного политико-культурного потока.

6. Реализация стратегий и целей газетного политического дискурса осуществляется в информационных и аналитических жанрах. Информационные жанры (политическая заметка, краткое информационное сообщение, репортаж) отличаются официально-фактологическим характером информации и конкретно-констатирующим способом отображения действительности. Для аналитических жанров (политический комментарий, передовая статья, полемическая статья, памфлет) характерны наличие аргументации и социально-оценочный характер фактологической информации.

7. Ценности политического газетного дискурса непосредственно связаны с функциями печати (она должна правдиво, документально и подлинно изображать объективную действительность). В случае газетного политического текста истинность информации приобретает статус реализации жизненной позиции автора, его понимания социально-политических и социально-личностных отношений (часто выраженного при помощи скрытого смысла, вербально не выраженного в тексте).

8. Газетный политический дискурс опирается на огромное количество прецедентных текстов (речи политических, государственных и общественных деятелей, энциклопедическая и справочная литература, тексты разнообразных газетных изданий, материалы информационных агентств, цитаты, крылатые слова, выражения, пословицы и поговорки, воспоминания очевидцев и т.д.).

9. В качестве дискурсивных формул в политическом газетном дискурсе выступают языковые средства разных уровней, характерные для данного социального института. Для лексического уровня характерно значительное количество эмоционально-оценочных лексических единиц, использование стилистических тропов (метонимия, метафора, олицетворение, перифраза, ирония, литота), стандартизованность (наличие готовых речевых формул). Для морфологического уровня характерно специфическое употребление времен для придания тексту определенной экспрессивно-стилистической окраски, наличие значительного количества пассивных конструкций и т.д. Для синтаксического уровня характерно использование конструкций с чужой речью, причастных и деепричастных оборотов, пассивных конструкций, парцелляции, эллиптических конструкций, императивно-оптативных предложений, вопросительных конструкций и т.д.

В отличие от других публицистических текстов газетный политический текст реализует все коммуникативные функции: информативную (передача информации о факте), апеллятивную (влияние на восприятие информации слушателем) и эмоционально-экспрессивную (выражение чувств и эмоций автора). Для адекватной реализации всех функций, он должен обладать рядом свойств, среди которых можно перечислить:

- информативность (текст показывает, какие явления происходят в обществе);
- интерсубъективность (одинаковое понимание содержания текста автором и читателем на основе общих фоновых знаний);

- истинность (рассматриваемая с точки зрения актуализации прагматической функции текста, а не истинности/ложности информации);
- убедительность (использование элементов пропаганды и такой способ подачи информации, при котором даже ложные факты кажутся убедительными);
- эффективность (степень реализации коммуникативного намерения автора);
- идеологичность (влияние нравственных ценностей, убеждений и приоритетов автора на воображение реципиента) [Стриженко 1980, 54].

Комбинация данных свойств, выступающих в данном газетном политическом тексте, зависит от его типовой и жанровой принадлежности. Каждый речевой жанр реализует в себе цель и условия коммуникативно-речевого акта и является своеобразной системой со свойственными ей правилами сочетания и взаимодействия ее элементов.

Газетный политический текст реализует определенные прагматические установки (материализованное в тексте осознанное намерение адресанта оказать соответствующее воздействие на адресата), к которым относятся:

- информировать читателя об актуальных событиях, имеющих место в мире;
- заинтересовать читателя, привлечь его внимание к газете;
- убедить читателя в достоверности изложенных событий и фактов и объективности данных адресатом оценок;
- сформировать определенное отношение читателей к описываемым событиям и лицам [Наер 1981, 108-116].

Рассматривая способы достижения прагматических установок газетного политического текста, Н.А. Безменова и В.П. Белянин [1990, 79] выделяют следующие типы воздействия на читателей:

- концептуальное воздействие (изменение отношения субъекта к некоему объекту, перестройка категориальной структуры индивидуального сознания введением в нее новых категорий, проявляющихся в классификации, формах упорядочивания объектов, событий окружающей предметной и социальной действительности);

- эмоциональное воздействие (формирование общего эмоционального настроения реципиента);
- манипулятивное воздействие (изменение сформированных стереотипных представлений).

Хотя воздействие на реципиента оказывает весь политический текст, а не его части, в сознании читателей закрепляются только определенные фрагменты информации. Это могут быть наиболее информативные абзацы, фрагменты, отличающиеся образностью высказывания, фрагменты, содержащие сарказм, комизм, иронию. На читателя с различным социальным статусом, уровнем знаний и т.п. по-разному действует информация, выраженная в данном политическом тексте. В связи с этим авторы данных текстов для достижения прагматической установки (информативной, фатической, манипулятивной) производят отбор знаковых форм, используя те, которые соответствуют типу реципиента.

Одним из самых важных аспектов прагматической установки газетного политического текста является, несомненно, адекватное восприятие заданной оценки информации. По мнению Григория Я. Солганика, оценочность является одной из главных особенностей изобразительно-выразительных средств публицистики. Оценочный компонент авторских высказываний в газетных политических текстах всегда социально-ориентирован, так как политический газетный текст как элемент социально-политической коммуникации представляет собой не просто определенный информационный объем, но еще и выражение социально-прагматической позиции его автора и издателя. Такая оценка является:

- стереотипной оценкой (она адекватна стереотипным представлениям об объекте);
- субъективной оценкой адресанта (она адекватна стереотипным ожиданиям читателей);
- авторской не стереотипной оценкой (она направлена на модификацию старых стереотипов и создание новых) [Солганик 1991, 11].

Оценка явлений действительности может быть основной и сопутствующей цели высказывания. Основная оценка служит непосредственному выражению оценочного отношения к представляемой информации. В других случаях оценка имеет характер дополнительной

информации, которая накладывается на основное содержание, сообщаемое реципиенту.

Ориентация на конкретную оценку того или иного события в первую очередь определяется содержательной организацией газетного политического текста. Необходимым элементом организации текста является его тематическое построение. Большинство политических газетных текстов построено как политемные тексты. В них, помимо основной темы, ведущей в содержании текста и пронизывающей все его составные части, можно выделить также дополнительные темы, которые способствуют раскрытию основного смысла текста. Иерархичность политического газетного текста (подчинение дополнительных тем его основной теме), играет заметно важную роль в придании тексту политико-идеологической обусловленности.

Чтобы побудить читателей принять определенную оценку, автор текста должен уметь прибегнуть к логической аргументации. В газетном политическом тексте к фактуальной информации добавляется логическая и оценочная информация, организующаяся в форме аргументации, направленной на воздействие логическим убеждением через доказательства. Средства аргументации и доказательства очень многообразны, они реализуются через систему тщательно отбираемых языковых средств.

Восприятие политического текста является не только проблемой его общего понимания, но также ориентации реципиента по поводу цели или основного мотива получаемого сообщения. Следует подчеркнуть, что при порождении текста в акте коммуникации некоторые элементы его смыслового содержания не выражены непосредственно, они имплицитуются и должны быть декодированы реципиентом самостоятельно («скрытый» смысл текста). Языковая деятельность в политическом газетном дискурсе не может рассматриваться только в плане формального выражения. Полный уровень ее осмысления требует поиска доминанты, обеспечивающей адекватное восприятие авторского замысла реципиентом, что заставляет при анализе формально выраженной языковой деятельности обращаться к смыслу, вербально не выраженному в тексте сообщения.

Языковая деятельность представляет собой два тесно взаимосвязанных уровня: эксплицитный, продуктом которого является газетный политический текст, как основной способ доведения определенной

информации до массовой аудитории, и имплицитный, в котором информация воспринимается реципиентом как подразумеваемая и интерпретируется им самостоятельно. Языковые средства, служащие средством реализации аргументации и доказательств, создают две основные системы: систему явных и системы скрытых смыслов текста. Система явных смыслов текста представляет собой изложение определенной информации в соответствии с замыслом, целью и условиями коммуникации. Система скрытых смыслов текста – это система смыслов, намеренно создаваемая автором для привлечения внимания читателя, вербально не выраженная в тексте и интерпретированная читателем самостоятельно, на основе его языковой компетенции, индивидуально-психологических особенностей, знаний о мире, социального статуса. Автор текста создает контекст, ориентированный на реализацию определенных политических установок. Он строит свое сообщение таким образом, чтобы читатель имел возможность передать не только содержание передаваемой информации, но и скрытый смысл, который включает в себя социально-прагматическую позицию автора, мнение редакции и общественной группы, чью политику выражает газета.

Способом реализации скрытого смысла газетного политического текста являются прежде всего составляющие его языковые средства: лексические и синтаксические единицы. В газетном политическом тексте на лексико-синтаксическом уровне можно заметить несколько скрытых видов аргументации, оказывающих воздействие на оценку читателя. Основным назначением такой аргументации является направление внимания аудитории на нужную для автора оценку того или иного явления объективной политической действительности. Первым видом скрытой аргументации в газетном политическом тексте являются синтаксические конструкции с чужой речью. Автор текста прибегает к аргументации либо через апелляцию к авторитету видного политического деятеля, либо через апелляцию к тому или иному информационному источнику. Этот способ аргументации осуществляет воздействие на оценку читателя через авторитет используемого источника, побуждая аудиторию присоединиться к высказанной оценке данного явления. Другим частым средством реализации скрытого воздействия на читателя являются вопросительные конструкции. Они осуществляют аргументацию через постановку проблемы. Автор текста формулирует вопрос, ответ на который представляет собой аргументацию оценки информационного сообщения.

Благодаря этому приему снимаются сомнения аудитории, а у читателя создается иллюзия исчерпывающего доказательства излагаемой установки и формируется конкретная оценка данного факта. Третьим способом реализации скрытого смысла является композиционная организация политического газетного текста, реконструируя которую читатель глубже проникает в намерения автора. Реализация композиционного замысла осуществляется в определенном структурно-абзацном ракурсе, облегчая реципиенту восприятие предлагаемой информации и формирование определенной оценки данного явления.

Выводы

В случае политического дискурса эффектом его смысловой неопределенности и нечеткости границ является его пересечение с многими другими видами дискурса: юридическим дискурсом (сфера государственного законодательства), научным дискурсом (консультации, рекомендации и т.п.), дискурсом масс-медиа (общение посредством средств массовой информации), педагогическим дискурсом (социализация личности), рекламным дискурсом (политическая реклама), религиозным дискурсом (мифологизация сознания, использование приемов манипулятивного воздействия, ритуализация коммуникации), бытовым дискурсом (повседневное общение на политические темы), художественным дискурсом (формирование политического сознания через эстетическое воздействие в мемуарах, документальной прозе, иронической поэзии и т.п.), спортивно-игровым дискурсом (сопоставительность), военным дискурсом (жанры военной доктрины, военно-политического соглашения, ультиматума, мирных переговоров). С точки зрения нашего исследования самую важную роль играет связь политического дискурса с масс-медиа. В настоящее время именно средства массовой информации, в том числе пресса, являются главным каналом осуществления политической коммуникации. Характерными признаками печатных средств массовой информации являются их публичность, общедоступность и общезначимость, другие черты связаны с их основными функциями: информировать (фактические и оценочные высказывания), пропагандировать и агитировать (политизированность и идеологизированность). Они не только служат источником информации, но способны также формировать общественное мнение (традиционно в интересах исполнительной власти) и моделировать отношения политических субъектов с общественностью. Газеты и журналы воздействуют на читателей, убеждают их перейти на другие позиции или действовать каким-либо определенным образом.

Причиной отсутствия единой дефиниции лексики, используемой в политическом дискурсе («общественно-политическая лексика», «политическая лексика», «политическая терминология», «социальная лексика», «социально-экономическая терминология», «специальный словарь политики») является сложность объекта и неоднозначность состава и

границ рассматриваемого лексического разряда. Предлагаемые определения являются отражением более узкого (лексемы, обозначающие понятия из сферы общественно-политической жизни и имеющие постоянные семы «общественный», «политический», «государственный», «социальный») или более широкого (лексические единицы, выражающие центральные политические понятия, а также связанные с этими понятиями опосредованно) подхода к вопросу. К признакам общественно-политической лексики можно причислить общедоступность, обусловленность экстралингвистическими факторами, интернациональный характер, а также идеологизированность, которая реализуется при помощи идеологических оценок (социальных коннотаций), присутствующих в семантике лексемы или сопровождающих ее, социально-классовой полисемичности и полиэмоциональности.

Вербальными знаками, используемыми в политическом дискурсе, являются не только слова и устойчивые словосочетания, но также тексты, в том числе газетные тексты. Необходимым элементом политического газетного текста считается его прагматическая установка. Одной из главных признаков изобразительно-выразительных средств современной публицистики является наличие оценочного компонента авторских высказываний в газетных политических текстах. Этот компонент всегда социально-ориентирован, так как политический газетный текст связан с выражением социально-прагматической позиции его автора и издателя.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

1. Изменение эмотивного коннотативного компонента лексики, используемой в российском политическом дискурсе

Политические изменения в России повлекли за собой изменения в общественном сознании, которые, в свою очередь, отразились в системе языка. Существенное влияние экстралингвистических факторов наблюдается в среде общественно-политической лексики. Наибольшие изменения коснулись лексического состава языка, так как лексика является самым динамичным ярусом языка, на который заметно влияют экстралингвистические факторы (политические, социальные и экономические изменения в стране). Общественные трансформации оказывают влияние на современную языковую ситуацию, характерной чертой которой является динамизм изменений, проявляющихся на разных уровнях структуры языка. Члены социума в своей речевой деятельности дают оценки явлениям общественной жизни, придавая своей речи ту или иную эмотивную окраску.

Как правило, социальная коннотативная оценка расположена на шкале позитивное – негативное. Сергей С. Кузьмин замечает по этому поводу, что оценка в широком смысле определяется целями и программой действия говорящего (субъекта оценки). Соответствие объекта оценки указанным целям и программе вызывает положительную оценку, а несоответствие им – отрицательную [Кузьмин 1980, 5]. Татьяна Б.

Крючкова [1989, 110] утверждает, что оценочность является одной из существенных характеристик идеологического освоения действительности, а на языковом уровне она проявляется в том, что у большинства общественно-политических терминов наличествует оценочный коннотативный компонент значения.

Коннотативная оценка (эмотивный компонент значения слова, эмоционально-оценочный компонент значения слова, экспрессивная окраска, эмоционально-экспрессивная окраска) представляет собой ту часть семантики, которая содержит принятое в данном языковом коллективе отношение к реалии, обозначаемой данным словесным знаком [Стернин 1979, 94-106]. Этот компонент является результатом отражения эмоций, оценки субъектом тех или иных явлений, объективно сложившихся в обществе характеристик, отношений между людьми.

Вероника Н. Телия [1986, 17] определяет коннотативную оценку как дополнительное значение, связанное с выражением субъективных интенций говорящего (пишущего). Юрий Д. Апресян [1992, 50] понимает коннотацию лексемы как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности». Как замечает ученый, несмотря на многообразие значений термина «коннотация» (с одной стороны, коннотациями назывались «добавочные» (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексических значений, включаемые непосредственно в толкование слова, с другой стороны, о коннотациях ученые говорили и тогда, когда имели в виду узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, обозначенного данным словом, не входящую непосредственно в лексическое значение слова, причем принципиальное различие между двумя пониманиями коннотации не всегда осознавалось), на долю данного термина остается лишь одно: узаконенная в данном языке оценка объекта действительности, именем которого является данное слово. Субъективность коннотации проявляется в возможности вариативной интерпретации профессиональных реалий, выраженных одним и тем же словом. Коннотацию термина можно рассматривать в широком смысле как любой компонент, который дополняет предметно-понятийное значение специального знака. Такими добавочными семами в структуре значения термина могут быть идеологические, эмпирические, культурно-исторические, ценностные и др. семантические элементы [Апресян 1992, 50].

В российском терминоведении существуют две концепции на тему связи термина, в том числе общественно-политического термина, и коннотативных компонентов. Согласно первой из них, значение термина не связывается с экспрессией, так как отношение говорящего к высказываемому в области терминологии должно быть нейтральным. Виктор А. Татарinov [1996, 163-164] видит причину подобных взглядов на термин в том, что сторонники этой концепции рассматривали чаще всего упорядоченные терминологии, а не термины в реальных текстах. Такой описательный подход привел к некоторой абсолютизации терминологического значения (в понятийном аспекте). Реальное существование термина в научном дискурсе показывает, что однозначность, узкая специализированность и нейтральность являются качествами в значительной степени относительными. Таковым термин описывается в теории, в реальном функционировании обнаруживает старые (этимологические) или новые (социальные, оценочные) оттенки [Брагина 1981, 38].

Иная концепция основывается на сложности смысловой структуры терминов. Сторонники этого подхода считают, что профессиональные лексемы могут быть выразительными, экспрессивными, могут выражать отношение говорящего к предмету речи [Прохорова 1970, 153-159]. По мнению Людмилы Б. Алефиренко [1982, 118], многие термины передают определенное отношение субъекта к предмету мысли, характеризуются некоторыми эмоциональными экспрессивными свойствами, что лишает термины чисто интеллектуального содержания.

Аркадий Л. Голованевский считает, что субъектом эмотивной оценки может быть любая социально-идеологическая группировка или отдельная личность, осмысливающая и представляющая в устных или речевых «манифестациях» те или иные понятия и явления общественной жизни. Именно от субъекта оценки зависит вид и коннотация самой оценки, а также ее объект. Объектом оценки, по мнению ученого, может стать любое понятие и явление общественной жизни, но в действительности становятся им те из них, которые приобретают социально-идеологическую актуальность, что является важнейшим в выборе объекта оценки [Голованевский 1995, 122-123].

Изменения на уровне коннотативного эмотивного компонента значения наблюдаются в современном российском политическом дискурсе часто. Данные изменения обусловлены сдвигами в денотативном

содержании лексических единиц и проявляются в снятии идеологических наслоений.

Одной из особенностей политического дискурса советской эпохи являлась своеобразная эмоциональность. Эмоциональная оценочность общественно-политической лексики данного периода получила особый характер, заключающийся в ее ярко выраженной идеологизированности и однонаправленности. Общественно-политическая лексика была жестко привязана к господствовавшей в стране марксистско-ленинской идеологии. В русском языке советского периода господствовала единая общепризнанная система оценок, не допускавшая никаких отклонений и вариантов. Иосиф А. Стернин замечает, что «в русском языке советского периода существовал тоталитарный дискурс, который был связан с господством одной идеологии в условиях административно-командной системы» [1996, 84-85]. Иван Ф. Протченко подчеркивает в связи с этим, что «в условиях морально-политического единства трудящихся нашей страны, общности мировоззрения, обнаруживается одинаковое понимание, строгая определенность в обозначении явлений и фактов общественно-политической жизни» [1985, 112].

В советское время эмотивный компонент семантики общественно-политической лексики содержал информацию о социальных оценках явлений с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, результатом чего было появление в плане содержания этих языковых единиц идеологизированных эмотивных сем. Эмотивные семы обычно формировались под влиянием идеологизированных денотативных сем (представляющих собой ту часть семантики, в которой закрепляются результаты обобщенного, абстрактно-логического отражения внеязыковой действительности [Стернин 1979, 48]) и сопутствовали им. Оценочные эмотивные семы имели симметричное распределение: одни лексические единицы имели ярко выраженную положительную оценочность, связанную с важностью для марксистско-ленинского мировоззрения, выражаемых этими словами понятий, другие имели ярко выраженную отрицательную оценочность, связанную с враждебными господствовавшей марксистско-ленинской идеологии понятиями. Галина Н. Складарская замечает в связи с этим: «В послереволюционные годы происходило насильственное перераспределение ценностей на аксиологической шкале, а сама ось «хорошо/плохо» меняла свои координаты, что послужило надежной базой для семантических трансформаций и подмен» [1995, 68].

В настоящее время в российском политическом дискурсе наиболее заметны изменения идеологических коннотаций, обусловленные ослаблением ритуальности языка с его заранее установленными идеологическими нормами. Галина Н. Складневская считает, что большую роль в изменении идеологических коннотаций играет «идеологический прагматический компонент слова, основанный не на всеобщих и вечных представлениях о мире, а на искаженных, смещенных на знаниях и истинах, навязанных, внушенных или пропагандируемых в конкретном социуме» [1993, 166].

Анализ собранного нами на основе словарных статей лексического материала показывает, что процесс снятия идеологических наслоений в лексике, используемой в политическом дискурсе советской эпохи по сравнению с современным российским политическим дискурсом, идет по трем направлениям: в эмотивном коннотативном компоненте значения данной лексической единицы устраняются семы отрицательной оценки (замена на нейтральную); в эмотивном коннотативном компоненте значения данной лексической единицы происходит замена положительной семы на нейтральную или отрицательную; в эмотивном коннотативном компоненте значения данной лексической единицы отрицательные семы меняются на положительные.

Примерами лексических единиц, которые в современном российском политическом дискурсе утратили семы отрицательной оценки (замена на нейтральные эмотивные семы), могут служить: *капитализм, либерализм, беспартийный, дворянство, монархия, плутократия, деидеологизация, оппозиция* и др. В эмотивном компоненте значения данных лексем, обозначавших негативные с марксистско-ленинской точки зрения понятия, присутствовали семы отрицательной эмоциональной оценки, которые после изменений в социально-экономической и политической жизни российского общества исчезли. Данное явление можно продемонстрировать, опираясь на материалы словарей, в словарных статьях которых исчезают указатели прежней яркой эмотивности, содержащейся в дефинициях и в иллюстрациях. Идеологизированные эмотивные семы чаще всего маркируются при помощи дефиниции, которая включает в себя семантические элементы, идентифицируемые с точки зрения общих для всего языкового коллектива представлений и оценок. Как показывают примеры, элементы отрицательной оценки вносят денотативные семы, выраженные при помощи разного рода определений

(в буржуазном обществе, в эксплуататорских государствах, в эксплуататорском обществе, в капиталистических странах, антинаучный, реакционный, враждебный марксизму-ленинизму, захватнический, контрреволюционный, чуждый народу и т.п.), которые со временем исчезли из словарных дефиниций. В современных газетных текстах они также выступают в контекстах, которые не вызывают отрицательных коннотаций.

Приведем примеры:

– *в эксплуататорских государствах*

«**Монархия**. Форма правления *в эксплуататорских государствах*, при которой верховная государственная власть формально (полностью или частично) сосредоточена в руках единоличного главы государства – монарха, а также государство с такой формой правления» [СРЯб, 295].

«**Монархия**. 1. Форма правления, при которой верховная власть сосредоточена в руках единоличного главы государства – монарха. 2. Государство с такой формой правления» [БТСРЯ, 554].

«При этом 70% жителей страны уверены, что Британия должна навсегда остаться *монархией*» [АиФ, 9.09.2015].

«Без преувеличения можно сказать, что своим появлением Кейт просто спасла гибнущую британскую *монархию*» [КП, 25.06.2013].

«В то время, как шотландские самостийники хотели бы видеть свою страну независимой от Лондона, но с британской королевой во главе, на другом конце света некоторые политики британскую *монархию* считают анахронизмом» [МК, 27.07.2015].

– *в эксплуататорском обществе*

«**Плутократия** (книжн.). Политическое господства богачей *в эксплуататорском обществе*» [СРЯОШ, 452].

«**Плутократия**. 1. Власть богатых; политический строй, при котором государством правит кучка самых богатых представителей господствующего класса. 2. *собир.* Плутократы» [БТСРЯ, 845].

«Участники акции, в которой участвовали около 30 тыс. человек, потребовали от правительства переложить бремя выхода из финансового кризиса на *плутократию* и крупный бизнес» [Из, 25.02.2010].

«Неоконсерватизм, – указывает он в январском (2009 год) номере журнала "Перспект", – пытался оправдать невероятные вознаграждения

финансовой *плутократии*, в то время как средние доходы стагнировали или даже падали...» [Из, 29.12.2010]

«Налицо вся высшая *плутократия* Москвы, вся мануфактура не только из Москвы, но и из Иваново-Вознесенска, Серпухова, Коломны, Твери и других мест» [КП, 9.12.2010].

«Всевидающий свидетель выкрутасов нашей чиновной *плутократии*, Терехов разглядел сквозь искусно сплетенные кулисы смонтированный спектакль всевозможных конференций, встреч, обсуждений с заранее отобранным контингентом. Там все ответы известны и предсказуемы» [МК, 27.03.2013а].

– *в буржуазном обществе*

«*Оппозиция*. 1. Противодействие, отпор (книжн.). 2. *В буржуазном обществе* – деятельность, направленная против данного правительства и его политики» [ТСРЯ, 827].

«*Оппозиция*. 1. Политика, основанная на противодействии, противостоянии каких-л. партий, движений, фракций официальному курсу правительства. 2. *Собир.* Группа лиц, проводящих такую политику» [ТСРЯХХ, 438].

«К этому нужно добавить уголовное преследование *оппозиции* и прессы, рост авторитаризма, – говорит Глазова» [АиФ, 10.03.2015].

«В некоторых регионах *оппозиция* попытается превратить эти выборы в референдумы по недоверию губернаторам» [Из, 17.12.2015].

«Наконец-то у российской несистемной *оппозиции*, именующей себя «креативным классом» и получившей от оппонентов прозвище «болотные», появился настоящий лидер» [КП, 13.12.2012].

«При этом Владимир Путин не стал раскрывать подробности таких процессов, отметив, что к этому были причастны также американские дипломаты, которые собирали вокруг себя *оппозицию*, занимались ее финансированием, а также участвовали в политических мероприятиях» [МК, 16.06.2015].

– *в капиталистических странах*

«*Беспартийный*. *В капиталистических странах* – не состоящий ни в какой политической партии» [СРЯа, 408].

«*Беспартийный*. Не состоящий ни в какой политической партии» [БТСРЯ, 73].

«По словам Павла Данилина, очевидно, что «партия реально настроена на максимальное участие как партийных, так и *беспартийных* в избирательном цикле 2016 года» [АиФ, 8.12.2015].

«Председатель комитета законодательного собрания Ульяновской области по жилищной политике, жилищно-коммунальному хозяйству и энергетике Геннадий Антонцев, *беспартийный*, но состоящий во фракции «Единой России», полагает, что данная история – спор элит» [Из, 9.12.2015].

«Кандидатов было еще четверо – *беспартийный* Сергей Молин, не дошедший до самих выборов по причине отказа в регистрации; лидер Благовещенского отделения ЛДПР Сергей Абрамов; депутат областного парламента от КПРФ Станислав Горянский и добровольно сошедший с предвыборной гонки депутат гордумы Галихан Оспанов» [КП, 26.04.2010].

«В беседе с корреспондентом «МК Байкал» мэр Братска заявил, что намерен оставаться *беспартийным*, но если какая-либо партия предложит ему свою поддержку, он от нее не откажется» [МК, 4.07.2014].

– *эксплуататорский*

«*Дворянство*. Сословие светских землевладельцев, составлявшее господствующий, привилегированный *эксплуататорский* класс в феодальном обществе и отчасти сохранившее свои наследственные привилегии и при капитализме» [СРЯОШ, 132].

«*Дворянство*. Сословие светских землевладельцев, составлявшее господствующий, привилегированный класс в феодальном обществе и отчасти сохранившее свои наследственные привилегии при капитализме» [БТСРЯ, 242].

«Лорис-Меликовы входили в состав высшего грузинского *дворянства* и были внесены в VI часть родословной книги Тифлисской губернии» [АиФ, 19.10.2015].

«Во Франции консультации проводят с элитой, *дворянством*, а у нас *дворянства* нет, а если и остались, то только по недоработке НКВД в 1930-е годы», – рассуждает «эсер» Геннадий Гудков» [Из, 9.04.2012].

«Ампирные особнячки, плотно прижавшиеся друг к другу, и не богатое, но родовитое *дворянство* – вот обитатели этих мест» [КП, 22.09.2011].

«Иван Базилевский происходил из священников Оренбургской губернии, окончил Казанскую духовную академию, но не стал

священнослужителем, соблазняясь недавно открытыми сибирскими приисками и предпринимательством, к которому обнаружил склонность и талант. Получил *дворянство*» [МК, 31.08.2014].

– *антинаучный*

«*Деидеологизация. Антинаучная* концепция, объявляющая характерной чертой современной эпохи уменьшение роли идеологии в жизни общества и провозглашающая необходимость полного "высвобождения науки" (особенно гуманитарных знаний), а также личности из-под влияния идеологии; теория направлена прежде всего на подрыв влияния коммунистического мировоззрения» [СИС, 149].

«*Деидеологизация.* Устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (обычно коммунистической)» [ТСРЯХХ, 193].

«Мне кажется, здесь *деидеологизация* возникает как желание дистанцироваться от пустой популистской риторики партии власти» [АиФ, 4.04.2012].

«В свою очередь зампред комитета по законодательству от ЕР Андрей Назаров считает, что премьер провел безупречную политическую линию в своем выступлении перед депутатами и закрепил очень важную позитивную тенденцию на деполитизацию вопросов экономического развития, на *деидеологизацию* решения социальных проблем» [Из, 20.04.2011].

«А у нас едва ли не главный пункт либеральной пропаганды – именно тотальная *деидеологизация* общества и в первую очередь – его элиты» [КП, 17.10.2010].

«Там и была разработана концепция реформы «Четыре д»: *деидеологизация*, демократизация, диверсификация и децентрализация образования, а в июле 1990 года Верховный Совет избрал Днепрова министром образования России, дав карт-бланш на ее реализацию» [МК, 6.02.2015].

– *реакционный*

«*Либерализм.* Буржуазное идеологическое и общественно-политическое течение, отстаивавшее свободу буржуазии в феодально-крепостническую эпоху и в эпоху буржуазных революций и ставшее *реакционным* с установлением ее политического господства» [СРЯОШ, 277].

«**Либерализм.** Одно из влиятельных общественно-политических течений, в центре внимания которого находится понятие свободы человека от социально-политических форм контроля со стороны государства» [ТСРЯХХ, 356].

«Новость об обвинениях в адрес Буковского вызвала в рядах сторонников российского **либерализма** крайне нервную реакцию» [АиФ, 28.04.2015].

«А столицы, города-миллионники и деревни проявляют заметно больший **либерализм** в вопросах режима пребывания беженцев» [Из, 27.10.2015].

«**Либерализм,** к сожалению, у нас очень часто воспринимается как вседозволенность и используется как инструмент получения корыстных выгод, – заявил премьер» [КП, 1.02.2010].

«Происходит это, между прочим, не в последнюю очередь под влиянием бесконечного спора за **либерализм** и патриотизм – сам этот спор производит бессмыслицу и стирает значения слов» [МК, 6.06.2014].

– **враждебный марксизму-ленинизму**

«**Оппортунизм. Враждебное марксизму-ленинизму** течение в рабочем движении, подчиняющее классовые интересы пролетариата интересам буржуазии, проповедующее соглашательство, сотрудничество с буржуазией, отказ от революционных средств борьбы» [СРЯб, 628].

«**Оппортунизм.** В марксизме: политика отказа от революционной борьбы, идеалов пролетариата и сотрудничества с буржуазией» [ТСРЯХХ, 439].

«Не находите ли Вы свою жизнь ярким примером **оппортунизма** в нашем молодом обществе?» [АиФ, 17.05.2011].

«Так, речь может идти об экономическом **оппортунизме,** желании заработать в новом «эльдорадо» [Из, 28.03.2014].

«Группа «истинных коммунистов» обвинила Геннадия Зюганова в **оппортунизме**» [КП, 10.10.2012].

«Перспективы у него пока плохие, находится оно в раздробленном состоянии, в идейно-политическом плане поражено идеологией правого **оппортунизма,** идеологией соглашательства, разрывом связей с рабочим классом и всем трудовым народом» [МК, 21.02.2013].

Оценочный компонент значения используемых в политическом дискурсе лексем, обозначавших негативные с марксистско-ленинской точки зрения понятия, подчеркивался в словарях также при помощи стилистических помет, таких как *презр.*, *неодобрит.*, *пренебр.* Данные семы отрицательной оценки также исчезли после изменений в социально-экономической и политической жизни российского общества, что иллюстрируют примеры:

«**Оппортунист**. Беспринципный человек, приспособляющийся к обстоятельствам, соглашатель (книжн. *пренебр.*)» [ТСРЯ, 828-829].

«**Оппортунист**. В марксизме: сторонник оппортунизма; тот, кто занимает оппортунистические позиции» [ТСРЯХХ, 439].

«Неуклюжие внешнеполитические попытки Обамы дорого обходятся США в отношении статуса и авторитета, и все **оппортунисты** в мире видят это. Не думайте, что они заставят себя ждать», – пишет читательница The Washington Post» [АиФ, 25.02.2015].

«Хотя, казалось бы, всякий правитель государства – если это не совсем уже демоническая личность – всегда в большой степени **оппортунист**, за то и держат, и зачем же для В.В. Путина исключение» [Из, 7.05.2013].

«Я думаю, что Трамп **оппортунист**, который будет делать так, как выгодно Америке и ему. Никаких российских интересов он не отстаивает. И все его высказывания про Путина – чистый троллинг американской публики» [КП, 24.12.2015].

«Это очевидно как представителям столичных властей, так и оппозиционно, а порой даже радикально настроенным организациям. От первых теперь ждут решительных действий. **Оппортунисты** же ищут причины и требуют наказать виноватых» [МК, 14.10.2013].

Следующую группу составляют лексические единицы, обозначавшие понятия, в прошлом положительно оценивавшиеся с точки зрения марксистско-ленинской идеологии. В их эмотивном компоненте значения произошла замена сем положительной оценки на нейтральные или отрицательные. Эти лексемы связаны с обозначением понятий, принципиально важных для марксистско-ленинской идеологии и составляющих саму ее суть. Примерами могут служить слова, такие как: *марксизм*, *марксизм-ленинизм*, *комсомолец*, *коммунист*, *большевик*, *революционер*, *коллективист* и т.п. Социальную оценку формировали в

случае данных лексических единиц идеологизированные денотативные семы, маркированные в словарных статьях при помощи слов и словосочетаний типа: *передовой, активный, последовательно революционный, научный, сознательный, прогрессивный, общественно полезный, принципиальность, нравственность, высший тип демократии, преданный задачам социалистического строительства, победоносный, товарищеское сотрудничество* и др.

Примеры:

– *научный*

«**Марксизм. Научное** мировоззрение революционного пролетариата, теория и практика научного коммунизма» [СРЯб, 230].

«**Марксизм.** Мировоззрение, основанное на диалектическом и историческом материализме и пролетарской политической экономии, доказывающее историческую неизбежность смены капитализма коммунистической формацией в результате социалистической революции пролетариата» [БТСРЯ, 521].

«Энгельс помогал Марксу не только постоянными спонсорскими вливаниями. Бизнесмен-практик снабжал главного теоретика *марксизма* экономической информацией, делал обзоры мировых рынков, короче, поставлял эксклюзивный материал для анализа и обобщения» [ДиФ, 28.11.2015].

«Даже если не призывать к немедленной экспроприации Цукерберга, сам тезис об абсолютной власти владельца социальной сети над пользователями лучше бы не использовать – стоит ли так напрашиваться на актуализацию великих прозрений классиков *марксизма?*» [Из, 21.06.2015].

«**Марксизм**, по-моему, закончился, вам не кажется?» [КП, 7.06.2012].

«Согласитесь, Маркс и *марксизм* в России нынче не в почете» [МК, 25.05.2015].

«**Марксизм-ленинизм.** Учение Маркса-Энгельса-Ленина, *научная* система философских, экономических и социально-политических взглядов, составляющих мировоззрение рабочего класса» [СРЯб, 230].

«**Максизм-Ленинизм.** Теория К. Маркса, развитая и использованная на практике В.И. Лениным; система философских, экономических и социально-политических взглядов о законах борьбы рабочего класса за свержение капитализма и построение социалистического и коммунистического

общества, составляющая одно из наиболее радикальных политических течений 20 в.» [БТСРЯ, 521].

«Его профиль красовался на всех партийных съездах вместе с профилями Маркса и Ленина, однако он был в той тройке самой малозначительной фигурой. Да и побеждающее учение именовали исключительно «*марксизмом-ленинизмом*», без всякого упоминания Энгельса» [АиФ, 28.11.2015].

«В каждом городе, населенном пункте в самом центре есть не только улица имени основоположника *марксизма-ленинизма* В.И. Ульянова-Ленина, но и памятник ему» [Из, 20.11.2012].

«*Марксизм-ленинизм* вышел из моды даже во Вьетнаме, у власти в котором продолжает стоять компартия» [КП, 15.08.2013].

«Русская исключительность круто повернулась «влево» после большевистской революции, когда Россия стала мировым центром социализма, *марксизма-ленинизма* и «диктатуры пролетариата» [МК, 26.05.2015].

– *передовой*

«*Революционер. Передовой* деятель, действующий революционными методами, сторонник, участник революции» [СРЯв, 693].

«*Революционер*. 1. Участник революционного движения, деятель революции. 2. Человек, который произвел переворот, открыл новые пути в какой-л. области жизни, науки, производства» [БТСРЯ, 1109].

«Согласно закону о декоммунизации, название областного центра должно быть изменено, поскольку в 1926 году он получил свое новое имя в честь *революционера* и советского государственного деятеля Григория Петровского, от имени Украинской ССР подписавшего Договор об образовании СССР» [АиФ, 9.11.2015].

«Если бы такое суждение высказал отечественный политолог, его бы немедленно сочли сторонником Дугина, назвали бы консервативным *революционером*, а то и кем-нибудь похуже и отправили бы в библиотеку изучать труды Фукуямы, Пайпса и профессора КляМКина» [Из, 3.06.2015].

«Я ученый, политолог и социолог, а не профессиональный *революционер*. Более десяти лет я преподавал в Стэнфордском университете, одном из лучших вузов мира. Там преподают не революционеры или активисты, а ученые» [КП, 25.01.2012].

«Сейчас он вообще не хочет (и не может) быть *революционером*. Сейчас он только консерватор, углубленный в себя, в свое творчество, без всяких кавычек» [МК, 13.11.2015].

– *активный*

«*Большевик*. Последователь и сторонник большевизма; коммунист. ◇ Распространительно: об *активном* участнике, об организаторе социалистического строительства, о *передовом* человеке эпохи социализма» [СРЯ, 109].

«*Большевик*. Член большевистской партии, сторонник большевизма (первоначально представитель революционного большинства Российской социал-демократической рабочей партии, возглавляемого В.И. Лениным)» [БТСРЯ, 90].

«Пара приехала в село 14 лет назад, когда здесь возвели церковь. Прежнюю *большевики* разрушили в 1930-е гг.» [АиФ, 25.11.2015].

«Как-то раз в одной игр регионального «Что? Где? Когда?», где я принимал участие, прозвучал вопрос: «Мандельштам сказал, что в тот день люди шли к Ленину жаловаться на *большевиков*» [Из, 22.06.2015].

«По замыслу, после октябрьского захвата власти и разгона Учредительного собрания *большевики* должны были исчезнуть очень быстро – туда, откуда появились, в Америку и Европу» [КП, 10.11.2010].

«На фронт был призван в первые дни войны, был танкистом, командиром роты танков, членом партии *большевиков*» [МК, 24.06.2015].

Замена сем положительной оценки на нейтральные или отрицательные в эмотивном компоненте значения видна также на примере стилистических помет в словарных статьях:

– *одобр.*

«*Ленинец* (*одобр.*). Последователь ленинизма, человек, непоколебимо преданный делу Ленина» [ТСЯС, 309].

«*Ленинец*. Последователь денинизма» [БТСРЯ, 492].

«Многие из них – верные сыновья верных *ленинцев*» [АиФ, 10.06.2015].

«Владимир Путин: Молодой *ленинец*, а спрашивает про пенсии. Далеко думает» [КП, 17.12.2015].

«Он – социалист, самый натуральный... Это левый радикал-социалист... верный *ленинец*» [МК, 17.09.2015].

«Но я все равно был *ленинцем*, ибо даже в те моменты, когда холодильник всеми своими полированными гранями подсказывал, что где-то и без Ленина хорошо, а телевизор мягким свечением намекал, что нужно спросить, а почему мы живем с именем Ленина, но без такого телевизора, – я ничего и никого не спрашивал» [МК, 21.04.2015].

«*Большевистский (одобр.)*. Свойственный большевикам, такой, как у большевиков» [ТСЯС, 61].

«*Большевистский*. Прил. к большевик, большевики; свойственный большевикам» [ТСРЯХХ, 109].

«Если сегодня вопрос будет вновь решаться *большевистскими* методами, без учета мнения специалистов, доказывающих, что останки ложные, то власть настроит против себя православных людей» [АиФ, 16.10.2015].

«Правящим слоям надоели речи о революции, пример Германии, с одной стороны, и *большевистской* России – с другой, тоже чему-то научил, в результате чего был запущен механизм перераспределения доходов, собственно, и сформировавший средний класс, составляющий в развитых странах большинство населения и являющийся опорой общественной стабильности» [Из, 6.11.2012].

«Говорят, что перерождение нашего народа произошло под влиянием *большевистской* идеологии» [КП, 3.11.2010].

«Директор совхоза. В лаптях да по паркету. Уже другая эпоха. Сколько можно с *большевистскими* приемами?» [МК, 2.04.2015а].

– *неодобр.*

«*Советский*. Преданный задачам социалистического строительства, интересам Страны Советов, выражающий эти интересы» [СРЯОШ, 644].

«*Советский*. 1. Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов. 2. Возникший, рожденный, сформировавшийся в СССР. 3. *Неодобр.* Свойственный чему-л. в СССР или кому-л. живущему в СССР; совковый» [ТСРЯХХ, 596].

«Есть еще заинтересованность в поставках вооружения в страны, которые никогда раньше не покупали ни *советского*, ни российского оружия. Потенциально это огромный рынок для России» [АиФ, 18.10.2015].

«Катастрофа стала крупнейшей за всю историю российской и *советской* авиации» [Из, 20.10.2015].

«Ханссен сотрудничал с *советской* и российской разведкой с 1979 года до своего ареста в 2001 году» [КП, 26.06.2013].

«Так он выбил первые пять миллионов рублей для нужд Совнаркома. *Советской* власти требовалось много денег» [МК, 3.12.2015].

«**Социалистический**. Относящийся к социализму, основанный на принципах социализма, осуществляющий социализм; проникнутый идеями социализма, выражающий их» [СРЯОШ, 654].

«**Социалистический**. Прил. к социализм. В соврем. употр. *Неодобр.*» [ТСРЯХХ, 600-601].

«На райцентровском рынке на ваучер можно было выменять поросенка или аккумулятор для мотоцикла. Вот и весь нажиток долгой *социалистической* жизни народа за несколько поколений» [АиФ, 17.12.2015].

«До этого времени существовало несколько редакций Основного закона советской страны, в которых отражался *социалистический* вектор развития и указывалось на главенствующую роль в жизни общества единственной существующей партии в стране – КПСС» [Из, 29.10.2013].

«Чем больше брали, тем хуже жили: создали *социалистический* лагерь, который кормили и дотировали дешевыми энергоресурсами, а когда СССР разорился, социалистический блок распался, да еще и с большими претензиями к нам по сей день» [КП, 5.06.2015].

«В 1932 году большевики уничтожили собор Александра Невского путем направленного взрыва. Как значится в документах тех лет, собор подорвали для «нужд *социалистического* строительства» [МК, 18.02.2015].

Последнюю группу составляют лексемы, в эмотивном компоненте значения которых происходит замена сем отрицательной оценки на положительные (например, *консервативный, плюрализм, многопартийность*):

«**Консервативный**. *Враждебный прогрессу*, отстаивающий старое, отжившее» [СРЯОШ, 250].

«**Консервативный**. 1. *Традиционный, опирающийся на традиции*; сохраняющий старое, *надежно зарекомендовавшее себя*. 2. Отстаивающий

неизменность в общественном устройстве и политике; противоп. революционный, реформаторский» [ТСРЯХХ, 323-324].

«По ходу старения России в стране могут усилиться *консервативные*, охранительные тенденции. Голосование в ходе выборов будет более ориентированным на сохранение традиционных ценностей, на консервацию социальных привычек людей старшего возраста» [АиФ, 16.12.2015].

«Правовая система же всегда остается *консервативным* институтом, который отстает от экономических и общественных реалий» [Из, 1.09.2015].

«Полиция нравов – *консервативный* институт, в современных обществах он исчезает. Функции поддержания морально-нравственного порядка в стране выполняет само общество, если оно здоровое» [КП, 1.04.2014].

«Правящая сейчас в республике СИРИЗА набрала почти 35,47% голосов на выборах, а их соперники – *консервативная* «Новая демократия», которую возглавляет Вангелис Меймаракис, – 28% голосов» [МК, 21.09.2015].

2. Лингвопрагматический потенциал заимствований из английского языка, используемых в современном российском политическом дискурсе

Заимствование языковых единиц является одним из самых ярких и активных процессов, происходящих в современном русском языке. Интенсификация данного процесса на рубеже XX-XXI вв., отмечаемая исследователями русской лексики, получает различные оценки относительно количества и качества заимствуемых слов, особенностей их освоения, уместности в речи, их взаимоотношений с исконной и ранее заимствованной лексикой и пр. Это, несомненно, явление сложное и многоаспектное. Говоря о заимствованиях, следует принимать во внимание многие факторы: причины заимствования, источники заимствования, время заимствования, способы заимствования, тематику заимствования, степень ассимиляции заимствования.

Заимствование как лингвистическое явление изучается в следующих аспектах:

- историко-этимологический: установление языка-источника и слов-прототипов, прослеживание путей, по которым заимствование идет из одного языка в другой;
- адаптационный: изучение того, как слово приспосабливается к системе заимствующего языка;
- функционально-стилистический: как употребляется иноязычное слово в различных текстах, каковы его стилистические характеристики, как оно соотносится в смысловом, узуальном, стилистическом отношениях с исконными и заимствованными словами;
- лексикографический: описание иноязычных слов, критерии отбора языкового материала для словарей иностранных слов, принципы лексикографического описания материала;
- социально-психологический: предполагает исследование условий, в которых происходит языковое заимствование, его причин, социальных сфер и социальных групп, при посредстве которых осуществляется перемещение слова из одной языковой среды в

другую, восприятие иноязычных моментов разными группами носителей языка [Крысин 1989а, 90-91].

В связи с многоаспектностью данного явления лингвисты в значительной степени расходятся в понимании термина «заимствование». До сих пор не удалось прийти к единой трактовке этого ключевого понятия и придать ему терминологическую точность. Этим термином обозначается процесс перехода слова из одного языка в другой, а также сам элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из другого языка в результате языковых контактов [ЛЭС 1990, 158]. Леонид П. Крысин определяет заимствование как «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой», подчеркивая всеобъемлющий характер заимствования, которое распространяется на элементы всех уровней языка. При этом подчеркивает, что единицы разных уровней языка обладают неодинаковой способностью к перемещению из одного языка в другой: лексические, семантические, синтаксические и стилистические элементы могут перемещаться самостоятельно, тогда как фонетические, фонологические, морфологические элементы перемещаются, находясь в составе иноязычных слов [Крысин 1989б, 56]. Светлана А. Беляева предлагает следующую дефиницию заимствования: «сложное преобразование иноязычного материала в новой среде» и представляет его как путь, который проходит иноязычное слово от чужого к своему [1984, 5]. Таким образом, заимствование, по мнению этой ученой, отождествляется с процессом освоения иноязычных слов. Широкий взгляд на понятие заимствования отличает таких ученых, как Александр А. Реформатский, который замечает, что «могут быть заимствования и внутри одного языка, когда общий литературный язык заимствует что-либо из диалектов, профессиональной речи, жаргонов и наоборот» [1955, 117].

Заимствование имеет как экстралингвистические, так и внутрилингвистические причины возникновения. Экстралингвистическими причинами являются языковые контакты стран с разными языками, культурное влияние одного народа на другой, авторитетность языка-источника. Лидером среди языков-источников в последние десятилетия является бесспорно английский язык, на основе которого формируются многие мировые терминологические системы.

Внутрилингвистические причины для заимствования иноязычной лексики детально описаны многими лингвистами (В.К. Костомаровым, Н.С. Валгиной, Л.П. Крысиным и др.):

- потребность в номинации новых понятий, процессов и явлений: обычно изучается заимствование названия, вызванное заимствованием самой вещи, причем такие заимствованные слова часто не имеют эквивалентов в заимствующем языке;
- необходимость терминологически разграничить содержательно близкие, но все же различные понятия: в случае вхождения нового слова в качестве синонима к уже существующим словам между этими синонимами происходит разграничение значений и наблюдаются сдвиги в исходной семантике;
- необходимость в специализации понятия;
- стремление к экономии языковых средств, т.е. называние понятия единым словом;
- фактор престижности: заимствование слов может быть обусловлено также мотивами экспрессивного подбора эстетической выразительности, побуждениями эвфемистического порядка, поэтому в некоторых областях активно идет взаимодействие новейших заимствований с исконными словами и выражениями.

Проблема заимствования описывается также широко в терминоведческой литературе. Условия и принципы терминологического заимствования выявлены Геннадием П. Мельниковым. В частности, указываются следующие неперенные условия терминологического заимствования:

- эксплицированность заимствуемой терминологии;
- предшествование терминологического заимствования заимствованию конкретных терминологий;
- предшествование эксплицированности терминоведения экспликации иных форм терминологического опыта [Мельников 1991, 93-107].

Автор описывает также принципы заимствования терминологии:

- принципы заимствования «логоса» терминологии – первоочередному освоению подлежит терминологическое ядро, содержанием которого является система понятий данной отрасли (в случае русского и польского подязыков информатики и вычислительной техники основная система понятий данной отрасли была сформулирована на первом этапе ее развития);

- принципы разработки «лексиса» заимствованной терминологии – терминоведы заимствующей страны могут решать совершенно самостоятельно вопросы о том, откуда следует черпать лексемы для наименования понятий, использовать ли при этом слова родного языка, слова древнего классического языка или иностранные слова;
- принципы заимствования номенклатур терминологии – по существу повторение уже рассмотренных этапов [там же 1991, 99].

Собранный нами и проанализированный лексический материал показывает, что основными причинами проникновения иностранных слов в язык политики являются именно экстралингвистические причины. Специфика нынешней языковой ситуации в России состоит в том, что большая часть изменений в языке связана с изменениями в обществе. Иосиф А. Стернин [2000, 4-16] отмечает следующие социальные факторы, формирующие на современном этапе развития основные направления изменений в русском языке:

1. Современное российское общество является обществом, в котором реально осуществлены принципы политической свободы (исчезновение жесткой регламентации жизни членов общества со стороны государства, раскрепощение мышления и политической деятельности человека, появление возможности для самостоятельной и независимой общественной и политической деятельности всех членов общества, возможность всех слоев общества активно проявить себя в политических организациях и в рыночных отношениях, возможность проявления активности в общественной жизни), что проявляется в активизации политического дискурса, развитии полемических форм диалога, плюрализации коммуникативного поведения людей, возрастании роли публичной и вообще устной речи, существенных изменениях в языке публицистики и т.п.;

2. Повышение у части общества не только уровня деловой и политической активности, но и агрессивности и грубости (страх перед рынком, утрата людьми чувства тотальной пожизненной государственной защищенности, боязнь безработицы, нехватка средств к существованию привели к накоплению в людях агрессивности), что проявляется в росте агрессивности диалога, увеличении удельного веса оценочной лексики в речи, росте вульгарного и нецензурного словоупотребления, жаргонизации речи отдельных слоев населения и т.п.;

3. Наиболее заметной политической реальностью в современном российском обществе стала свобода слова (ликвидация цензуры, реальный политический плюрализм, расширение доступа людей к информации, независимость средств массовой информации, разнообразие печатной продукции, радио и телепрограмм, расширение прямого эфира на радио и телевидении, возвращение ранее запрещенных авторов в научный и культурный обиход), что привело к значительному расширению тематики устного общения, расширению активного словарного запаса значительного круга людей, совершенствованию навыков неподготовленной устной речи, ускоренному развитию устной формы существования языка, расширению функций устной и разговорной речи и т.п.;

4. Отмена политической цензуры привела к исчезновению языковой цензуры (заметная и неоправданная либерализация отношения к нормам языка в сфере культуры речи и культуры общения), что связано с проникновением в средства массовой информации большого объема сниженной, жаргонной, вульгарной и даже нецензурной лексики;

5. Приметой сегодняшней обстановки в России является политический плюрализм в обществе, демократизация общественно-политической жизни в стране, реальная политическая борьба партий и отдельных кандидатов на выборах в органы власти различных уровней, что проявляется в существенном обновлении, пополнении и структурной перестройке политического лексикона русского языка и в конечном итоге в формировании особого подязыка, т.е. подязыка политической деятельности (причем этот подязык в нынешних условиях формируется и развивается по плюралистической модели: вырабатывается особый политический язык тех или иных партий, организаций и отдельных политических деятелей, возникает также политический жаргон);

6. Развитие рыночной экономики привело к появлению новых сфер экономической и финансовой деятельности, возникновению новых и восстановлению старых, дореволюционных учреждений, что связано с активным заимствованием современной рыночной терминологии, активизацией историзмов, активизацией семантических процессов в лексике, диалогизацией общения, увеличением роли диалога в общении и т.п.;

7. Открытость российского общества связана, прежде всего, с развитием широких контактов россиян с зарубежными странами, что

проявляется в резком увеличении числа иноязычных заимствований в русском языке, особенно из английского языка;

8. Нестабильность в политическом и экономическом положении России, низкий уровень жизни значительной части населения, инфляционные процессы, безработица и дороговизна в России являются причинами стресса, в котором живут сегодня многие россияне самых различных социальных и возрастных групп, что проявляется в речевой агрессивности (увеличение громкости и эмоциональности диалога, увеличение количества оценочных слов в диалоге, количества грубых и нецензурных выражений, рост удельного веса конфликтного общения во многих группах, пренебрежение нормами речевого этикета и культуры общения, рост фамильярности в обращении незнакомых граждан друг к другу и т.п.);

9. В современной России наблюдается социальная, политическая и имущественная поляризация общества, что также привело к росту агрессивности общения;

10. Интенсивное техническое перевооружение быта россиян, связано, прежде всего, с широким распространением в повседневной жизни сложной бытовой и офисной техники, обычно зарубежного производства, что проявляется в появлении в русском языке множества новых понятий и слов, преимущественно заимствованных;

11. В современном российском обществе происходит смена общественно-политической парадигмы, т.е. системы понятий, определяющих господствующую в обществе систему политических ценностей (старая общественно-политическая парадигма разрушена, новая же еще не создана и представлена в настоящий момент мозаичным, эклектичным переплетением различных политических течений и доктрин, которые конкурируют друг с другом в острой политической борьбе);

12. В российском обществе произошла смена коммуникативной парадигмы, то есть доминирующего в общественной практике типа общения (на смену монологической коммуникативной парадигме тоталитарного общества пришла диалогическая парадигма плюралистического общества), последствием чего является несколько взаимосвязанных друг с другом процессов: орализация общения (значительное возрастание роли устной речи, расширение ее функций, увеличение ее удельного веса в общении и повышение значимости устной речи как формы существования языка), диалогизация общения (увеличение удельного веса диалога в

общении, повышение роли диалога в процессе коммуникации, расширение функций диалогической речи в структуре общения, развитие новых видов и форм диалога, расширение потребности общества в диалоге, формирование новых правил диалогического общения, увеличение общественной эффективности диалогического общения по сравнению с монологическим), плюрализация общения (формирование традиции сосуществования разных точек зрения при обсуждении той или иной проблемы, демократическое, толерантное сосуществование дискурсов различного типа), персонификация общения (рост индивидуальной неповторимости личностного дискурса, формирование непохожести выражения и оформления сходных идей и мыслей разными людьми, увеличение числа индивидуально неповторимых личностных дискурсов в коммуникативном пространстве языка).

В современном российском политическом дискурсе используется значительное число заимствованных слов, прежде всего англицизмов. Эта ситуация связана с новыми социально-экономическими условиями жизни, контактами России с другими странами. Леонид П. Крысин пишет по этому поводу: «Осознание своей страны как части всего цивилизованного мира, преобладание интегративных, объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам, переоценка социальных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие, наконец, открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства (...) – все эти процессы и тенденции, характерные для русского общества второй половины 80-х – 90-х годов, несомненно, послужили важным стимулом, облегчившим активизацию употребления иноязычной лексики» [1996, 143].

Процесс заимствования сопровождается интересными семантическими изменениями. Многие ранее заимствованные слова расширили свое значение, изменили свою оценочную окраску. Это особенно наглядно демонстрируют те заимствованные слова, которые в советскую эпоху употреблялись для обозначения только зарубежных реалий. В русской лексикологии заимствованные слова такого типа назывались экзотизмами. Под экзотизмами понимаются такие иностранные слова, в семантике которых присутствует национально-культурный компонент, специальное указание на определенное локально-ограниченное распространение

соответствующей реалии [Верещагин, Костомаров 1990, 42]. Национально-культурный компонент в скрытом виде присутствует в семантике большинства иноязычных слов в начальный период употребления в заимствующем языке, но отчетливое его выделение происходит только в определенных условиях, т.е. в текстах, описывающих жизнь в странах языка-источника, обычаи и образ других народов.

Наши наблюдения показывают, что англо-американские экзотизмы составляют довольно многочисленную группу англицизмов, регулярно используемых в русском языке политики. Социальная оценочность языка средств массовой информации предопределила их особую роль в языке советской эпохи, так как их употребление в это время обуславливалось идеологическим противостоянием [Согланик 1988, 35].

Возникновение и закрепление отрицательной оценки может быть связано с вопросами воздействия идеологии на функционирование языка. В языке публицистики выделяется подсистема идеологически связанной лексики, принадлежащей к системе понятий определенной идеологии, которая составляет активный словарь политики. Идеологически связанная лексика служит средством формирования общественного мнения, поэтому семантика ключевых слов идеологии и политики включает прагматические семы, не совпадающие в разных общественных системах [Крючкова 1982, 28-31].

Англо-американские экзотизмы оказались вовлеченными в сферу идеологически обусловленной лексики, но в отличие от идеологически связанных слов, они относились к периферийной зоне языка политики, играли роль дополнительных средств. От обычных экзотизмов слова подобного типа отличались отрицательной коннотацией, маркирующей иноязычное слово как идеологически чуждое.

Отрицательная коннотация англицизмов возникала, прежде всего, в результате переосмысления собственно экзотического семантического компонента в значении англицизмов, указывающего на распространение реалии, в компонент идеологического плана, который маркирует слово как знак, описывающий другую действительность, социум с иным общественным порядком. Кроме того, семантика слов, непосредственно относящихся к сфере идеологии, не только приобретает отрицательные коннотации, но и претерпевает определенный семантический сдвиг.

Яркой негативной окраской в советском языке политики обладали англицизмы, являющиеся наименованиями определенных политических

кругов, а также обозначения лиц, представителей этих кругов. Примером могут служить лексемы *истеблишмент* (*истэблишмент*) (англ. *establishment*) и *лобби* (англ. *lobby*). Эти слова обозначали реалии, присущие буржуазному обществу, и в связи с этим приобретали отрицательную коннотацию.

В современный период произошли значительные перемены в употреблении англо-американских экзотизмов в русском языке. Прежде всего, они изменили свою оценочную окраску, стали употребляться для обозначения также российских реалий.

Переход из экзотизмов с идеологической коннотацией в заимствованные слова происходил по-разному. Заимствование слова *истеблишмент* не связано с обозначением новой реалии. Понятие «правлящие и привилегированные социальные группы» в русском языке обозначалось описательно при помощи словосочетаний «правлящие верхи», «правлящая верхушка». Англицизм *истеблишмент*, таким образом, стал применяться по отношению к явлению, не имеющему отдельного однословного названия в русском языке. Особенностью слова *истеблишмент* является освобождение от отрицательной эмоционально-экспрессивной окраски идеологического характера. Сравним: «**Истеблишмент**. Правящие и привилегированные группы *буржуазного общества*, а также вся система власти и управления, с помощью которой они осуществляют свое господство» [СИС, 203]; «**Истеблишмент**. Совокупность государственных, экономических, социально-политических институтов, организаций, групп, обладающих властью и возможностью влияния на общественную жизнь; лица, занимающие основные позиции в этих органах и группах» [ТСРЯХХ, 279]. В современном политическом дискурсе это слово употребляется с нейтральной оценкой:

«А зря: из его рядов вышел весь нынешний российский *истеблишмент*, включая президента, премьер-министра и спикеров обеих палат» [АиФ, 29.10.2008].

«Поэтому Путину еще предстоит столкнуться с тем, что американские консерваторы называют «культурными войнами», войной не с самим *истеблишментом*, но с питающим истеблишмент консервативным этосом большинства» [Из, 6.03.2012].

«Но провозжал официальный *истеблишмент* Химок бывшего мэра тем не менее красиво, со слезой, оказывается, у него в городе было много не только оппонентов, но и поклонников» [МК, 18.08.2012].

Современное словоупотребление англицизма *истеблишмент* показывает также, что намечается тенденция к расширению, обобщению значения путем включения слова в словосочетания типа *культурный истеблишмент*, *литературный истеблишмент*, *поп-музыкальный истеблишмент*, *художественный истеблишмент* и т.п. В таком употреблении англицизм приобретает значение «влиятельные, авторитетные круги» (не только в политике, но и в других сферах жизни):

«Несмотря на свою долгую принадлежность к советскому *художественному истеблишменту* (Гелий Михайлович удостоился когда-то целого ряда почетных званий и премий, а в 1968-1975 годы даже возглавлял Союз художников РСФСР), он всегда был довольно независимым творцом» [Из, 28.03.2012].

«Шоу непременно покажут по ТВ, присутствовать на празднике в «Крокусе» обещал весь *поп-музыкальный истеблишмент*» [Из, 26.01.2012].

«Понял, что для *литературного истеблишмента* я все равно не существую, понял, что масс-маркет меня все равно будет знать по «Метро» [МК, 5.09.2012в].

«На футбольном поле сразятся российские политики, бизнесмены, деятели культуры и искусства с представителями *культурного истеблишмента* Англии» [Из, 1.06.2012].

Судьбу англицизма *истеблишмент* повторяет слово *лобби*. Лишившись отрицательной коннотации идеологического характера, эта лексема вместе с ней потеряла семантический компонент, определяющий соответствующее явление как отрицательное (подчеркивание, что это явление характерно только для США, страны, враждебно относящейся в СССР; намек на нечестный действия типа подкупа): «*Лобби*. Система контор и агентств крупных монополий при законодательных органах США, оказывающих в интересах этих монополий воздействие (*вплоть до подкупа*) на законодателей и государственных чиновников в пользу того или иного решения при принятии законов, размещении правительственных заказов и т.п.» [СИС, 282]. Тенденция «улучшения» семантики этого слова отражена в современных словарях, где его значение подается следующим образом: «*Лобби*. Представители тех или иных экономически сильных структур, влияющие на принятие законодателями или правительством решений в пользу таких структур» [ТСРЯХХ, 362].

Приведем примеры использования лексемы:

«Их *лобби* обязано раскрыть информацию о своих доходах; о том, с кем из должностных лиц он обсуждал дела компании, интересы которой он представляет; списки экспертов, которые помогали ему убеждать общество и т.д.» [АиФ, 5.05.2010].

«Он настаивает на необходимости в борьбе с табачным *лобби*» [МК, 4.09.2012].

«Уж очень сильно в Петербурге строительное *лобби*» [Из, 17.07.2012].

«Страховое *лобби* опротестовало закон из-за строгих ограничений своей деятельности» [Из, 28.06.2012].

«У банков очень мощное *лобби*, поэтому они считают, что могут вводить какие угодно новые комиссии, что неприемлемо, – отмечает председатель ОЗПП Михаил Аншаков» [Из, 16.07.2012].

Как показывают примеры, в прессе, кроме слова *лобби*, часто употребляются также производные от него лексемы *лоббист*, *лоббирование*, *лоббировать*, что можно объяснить большой степенью адаптации к русской лексической системе:

«Однако, несмотря на большое число *лоббистов* этого законопроекта, хватает и отрицательно настроенных депутатов в самой Думе» [Из, 22.08.2012].

«Впрочем, назначение губернатором, ранее в политике особо не засветившегося, Сергея Ерощенко многие всерьез расценили как результат *лоббирования* его кандидатуры главой «Ростехнологий» Сергеем Чемезовым и олигархом Михаилом Прохоровым» [МК, 5.09.2012а].

«Никакой ревизии, никакого отката назад, сколько бы ни пытались *лоббировать* такого рода решения отдельные предпринимательские структуры, не будет» [АиФ, 13.05.2009].

Таким образом, очевидно, что слова *истеблишмент*, *лобби*, бывшие идеологические экзотизмы, при переходе из периферийной политической лексики в активный словарь приобрели нейтральную коннотацию.

Слово *плюрализм* в советском политическом языке употреблялось с ярко выраженной негативной идеологической коннотацией. Оно толковалось как философский термин: «*Плюрализм. Идеалистическое философское направление*, считающее, в противовес материалистическому монизму, что в основе мира и его явлений лежит несколько начал» [СРЯО, 515]; «*Плюрализм. 1. философское идеалистическое учение*, утверждающее (в противоп. монизму), будто в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых духовных сущностей; 2. одна из главных

идей *в современных буржуазных и реформистских теориях* общественного устройства, состоящая в том, что общественно-политическая жизнь якобы представляет собой состязание, конкуренцию множества социальных групп и представляющие их интересы партий и иных организаций; п. *противопоставляется марксистско-ленинскому учению* о классах и классовой борьбе» [СИС, 385]. Как показывают наши наблюдения, в настоящее время значение этого заимствованного слова значительно расширяется, в основном употребляется в значении «Множественность мнений, взглядов, направлений, партий и т.п. как один из принципов общественного устройства» [ТСИС, 602]. В современном употреблении *плюрализма* идеологический компонент семантики «в буржуазных теориях», использовавшийся в языке доперестроечного периода для формирования «образа врага», полностью снят. Отрицательная идеологическая коннотация, которая раньше была присуща слову *плюрализм*, сменилась нейтральной:

«Я в целом пессимистично отношусь к государственной молодежной политике и полагаю, что в условиях политического *плюрализма* государственное регулирование в этой сфере в принципе невозможно, – заявил Дмитрий Гавра» [Из, 21.08.2012].

«Вот только в данном конкретном случае, как мне кажется, никакого *плюрализма* мнений быть не может, и всякий христианин, если он таковой в действительности, должен исходить из того, что сказал сам Христос: «Милости хочу, а не жертвы» [Из, 2.08.2012].

«Если мы говорим о *плюрализме*, демократии и свободе слова, естественно, для этого у нас должен быть независимый источник информирования общества, который будет рассказывать народу о реальном положении дел, а не так, как это делает сегодня Первый канал» [МК, 30.05.2012].

«Политик уверен, что вместо того, чтобы развивать *плюрализм* мнений и конкуренцию, власть увеличивает разрыв между населением и государством, тем самым отталкивая граждан, которые готовы были участвовать в модернизации» [АиФ, 05.06.2012].

Таким образом, изменив идеологическую оценочность, потеряв семантический компонент, определяющий его как отрицательное явление, слово *плюрализм* становилось одним из ключевых слов современной эпохи.

Регулярно употребляемым в языке политики является также англицизм *имидж*. Эта лексема давно проникла в русский язык, но стала очень популярной в середине 90-х годов XX века. Ольга С. Мжельская и Елена И. Степанова замечают, что в конце 70-х годов слово *имидж* вошло в русский язык со значением «образ» и долго употреблялось как экзотизм. Его значение в это время имело семантические вариации: «1) Образ, создаваемый самим человеком, средствами массовой информации, общественное мнение об известном человеке (актере, политическом деятеле), надуманная роль, которую человек играет в жизни; 2) Образ, принимаемый за массовый идеал» [Мжельская, Степанова 1983, 128-129]. В 80-х годах значение англицизма *имидж* носило оттенок отнесенности к капиталистическому миру, имело отрицательную окраску (определение: «в капиталистических странах»): «Рекламный образ кого-либо (обычно политического деятеля), создаваемый средствами массовой информации (в капиталистических странах)» [НРЛ, 81]. Со временем этот англицизм стал терять отрицательную коннотацию и употребляться с нейтральной окраской («Представление (часто целенаправленно создаваемое) о чьем-н. внутреннем и внешнем облике, образе» [ТСИС, 295]; «Впечатление, мнение о лице, коллективе, учреждении, вещи и т.п., создаваемое заинтересованными лицами; индивидуальный стиль, облик, характеризующий лицо, группу лиц, учреждение и т.п.» [ТСРЯХХ, 264]).

Приведем примеры:

«Кроме того, добавила эксперт, надо радикально менять *имидж* чиновников» [Из, 24.08.2012].

«Политологи отмечают, что президент теряет не только рейтинг, но и *имидж* «героя» [МК, 11.09.2012а].

«Дерипаска нанес удар по *имиджу* президента РФ и России» [МК, 5.09.2012б].

«*Имидж* страны имеет вполне прикладное, стоимостное значение: немало примеров, когда проекты с российским участием – даже такой знаковый проект, как «Северный поток», например – тормозились только потому, что их настороженно воспринимала общественность тех или иных государств, – цитирует Медведева Life News» [Из, 3.09.2012а].

«Разумеется, один инвестор этого не потянет, а вот у нескольких заинтересованных в *имидже* города, в том, чтобы их деньги не просто работали, а приносили Томску реальную пользу – это может получиться. И я надеюсь, что такие люди есть» [МК, 12.09.2012б].

«Гайдар Гайдаров сделал для партии много, содействуя в организации мероприятий и формировании проектов, способствуя укреплению положительного *имиджа* партии, – подчеркнули в пресс-службе. – За избрание Гайдара Гайдарова секретарем проголосовали 96 делегатов конференции» [МК, 6.09.2012].

В прессе кроме слова *имидж* часто употребляется также лексема *имиджмейкер*:

«В современной политике все образы сконструированы. Наличие спичрайтеров и *имиджмейкеров*, собственно, ни для кого не секрет» [Из, 20.02.2009].

«Куда важнее было собрать средства на проведение кампании: на создание предвыборных штабов на местах, рекламу в прессе, оплату специалистов в самых разных областях, включая *имиджмейкеров...*» [АиФ, 23.04.2012].

«Избиратель стал более требовательным, стал глубже разбираться в ситуации. При этом, конечно, достаточно много тех, кто еще «покупается» на созданный *имиджмейкерами* образ политика и популистские высказывания» [МК, 23.05.2012].

Хотя наши наблюдения показывают, что кроме англицизмов, наиболее актуально употребляемых в современном политическом языке, которые изменили идеологическую коннотацию, среди заимствованных слов есть и такие, которые в советские времена не обладали отрицательной коннотацией, маркирующей их как идеологически чуждое. К таким словам относятся, например, англицизмы *саммит*, *рейтинг* и т.д.

В русском языке существует эквивалент англицизма *саммит*: «встреча на высшем уровне». Если раньше в информационных сообщениях использовался обычно русский оборот, то теперь употребление этого иноязычного слова актуализируется. Русский эквивалент не вытесняется из употребления, однако в газетно-публицистических текстах все же предпочтение отдается слову *саммит*:

«Мы готовы обсуждать с Японией любые вопросы, включая мирный договор, – заявил глава МИД РФ Сергей Лавров на *саммите* АТЭС во Владивостоке. – Главное – чтобы при этом соблюдалась законность, включая признание реалий, закрепленных в нормах ООН» [Из, 5.09.2012а].

«На *саммит* стран Азиатско-Тихоокеанского региона во Владивостоке потратили около 600 млрд рублей» [АиФ, 7.09.2012].

«Однако, как заявил на *саммите* Владимир Путин, не стоит смотреть на этот процесс сложа руки, а нужно принимать соответствующие стимулирующие меры» [МК, 12.09.2012в].

Слово *рейтинг* впервые проникло в русский язык в составе шахматного термина *рейтинг-лист*. Эта лексема характеризовалась как англицизм, который пришел в русский язык из спортивного языка, главным образом шахматного, в значении «личный рейтинг», т.е. индивидуальный числовой коэффициент оценки чьей-либо деятельности, меняющийся в зависимости от успехов его обладателя. В 90-е годы, в связи с появлением конкуренции, во всех областях, которая возникла в результате изменений в общественно-политической жизни России, этот англицизм стал активно употребляться в значении «Цифровой показатель оценки чьей-л. деятельности, популярности кого-, чего-л. по отношению к другим, основанный обычно на результатах общественных опросов или на мнении экспертов» [ТСРЯХХ, 542]. На его полное освоение оказало влияние отсутствие соответствия этому слову в русском языке.

Примеры употребления в прессе:

«Геннадия Тимченко на посту президента и председателя совета директоров ХК СКА удалось за одни только год радикально изменить профессиональное лицо клуба, обеспечить ему высокие спортивные *рейтинги* и превратить его в одного из ярких лидеров хоккейного марафона в рамках регулярного чемпионата КХЛ» [Из, 5.09.2012б].

«Журнал Forbes составил *рейтинг* доходов российских знаменитостей. Место в *рейтинге*, согласно данным исследования, обеспечивают три фактора: доходы за год, внимание СМИ и интерес, который звезда вызывает у аудитории в интернете» [АиФ, 30.07.2012].

«Московский государственный университет имени Ломоносова занял 116-е место в ежегодно составляемом *рейтинге* лучших университетов мира» [МК, 11.09.2012в].

В настоящее время употребление этого англицизма активизируется в политическом языке. Семантика слова *рейтинг* оказалась подходящей, чтобы определить свои симпатии (антипатии) к тому или иному соревнующемуся политику, партии, группе и т.д. Приведем примеры:

«При нынешнем равенстве *рейтингов* основных кандидатов исход выборов в значительной степени будет зависеть от итогов теледебатов» [Из, 4.09.2012].

«Впрочем, несмотря на существенное снижение рейтинга «Единой России», серьезных попыток биться за избирателя, уходящего от партии власти, ни коммунисты, ни ЛДПР не предпринимают и борются скорее между собой» [АиФ, 23.11.2011].

«В начале октября список из 39 кандидатов, набравших наибольший **рейтинг**, и мнение действующих членов совета будут представлены на рассмотрение президенту РФ Владимиру Путину» [МК, 11.09.2012б].

Среди иноязычных слов, вошедших в язык политики, можно выделить также группу лексики, которая обозначает негативные явления в обществе. Заимствование этой лексики обусловлено появлением или признанием многих явлений в современном российском обществе. Примером могут служить лексемы, такие как *коррупция* или *рэкет*. Эти слова не изменили свою негативную коннотацию, так как сами явления, обозначающиеся ими, негативные. В процессе заимствования они потеряли лишь указание на локальное ограничение их употребления («**Коррупция. В буржуазных странах:** подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» [СРЯО, 290]; «**Коррупция.** Подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» [ТСИС, 401]; «**Рэкет. В США** – шантаж, вымогательство, запугивание, применяемые бандами гангстеров» [СРЯО, 440]; «**Рэкет.** Преступное вымогательство чужих доходов путем угроз и насилия» [ТСИС, 687]. В настоящее время эти слова очень часто встречаются при описании российской общественно-политической ситуации:

«Более того, он (Дерипаска) уже объяснил английскому суду, что он был объектом **рэкета** со стороны Михаила Черного и Антона Малевского», – отметил представитель владельца «Базэла» [Из, 31.10.2011].

«Ирина Зироян являлась вдовой и наследницей бизнеса Геворга Зирояна, который в 1990-е годы занимался **рэкетом** на юге Москвы» [АиФ, 2.03.2012].

«Он обратился к нам в полицию за помощью, заявил, что подвергается **рэкету** со стороны ОПГ» [МК, 22.08.2012].

«Главное управление экономической безопасности и противодействия **коррупции** МВД России направило в Следственный комитет результаты проверки, свидетельствующие о том, что действующий губернатор Брянской области Николай Денин «преследуя личную заинтересованность» причинил значительный ущерб бюджету региона» [Из, 3.09.2012б].

«Сможет ли Россия победить коррупцию или *коррупция* в конце концов победит ее?» [АиФ, 2.02.2011].

«Кроме этого, в декларации сделан особый упор на борьбу с *коррупцией*» [МК, 12.09.2012б].

Общеизвестно, что иноязычные слова и словосочетания занимают значительное место в российском политическом дискурсе. Расширение лексики сферы политики за счет заимствованных слов стало одной из наиболее ярких тенденций развития русского языка в последние полтора десятилетия XX в. и на рубеже XX-XXI вв. По мнению Л.П. Крысина [2004, 185], важным стимулом, облегчившим активизацию заимствования и употребления иноязычной лексики, послужили смена государственности, переоценка многих социальных ценностей, открытая ориентация на запад в области экономики, политики, культуры, спорта, торговли, моды и др..

Следует, однако, заметить, что заимствованные лексические единицы активно пополняли российский политический дискурс также раньше. Ольга В. Загоровская и Салман А. Есмеев отмечают, что уже в конце XVII – начале XVIII вв. в русский язык вошли многие важные для политического дискурса слова, заимствованные, в основном, из французского и немецкого языков и восходящие к латинским или греческим корням, а в отдельных случаях и непосредственно к латинскому языку (хотя не во всех случаях представляется возможным определить, из какого языка-источника заимствовано данное слово). Примерами таких лексем могут служить слова *партия, революция, диктатура, республика, демократия, министр, кандидат, депутат, администрация, анархия, империя, конституция, канцлер, канцелярия, секретарь, парламент, президент, сенат* и др. В XIX в. состав русского языка пополнялся иноязычными словами из области политики, такими как *либерал, нейтралитет, федерация, дипломат, пропаганда, фракция, премьер, сепаратизм, репрессия, мэрия* и др. В начале XX в. этот процесс значительно ослабел, происходило в основном освоение иноязычных слов, заимствованных русским языком в предшествующее время, а также процесс перехода политических терминов из разряда узкоспециальных и социально ограниченных в разряд широкоупотребительных. В первые десятилетия советского периода новые заимствованные единицы политической сферы были очень немногочисленными, что объяснялось особенностями экономической и политической жизни (общее отрицательное отношение ко всему иностранному, идеологическая

борьба против космополитизма). В 50-70-е гг. XX в. процесс заимствования иноязычной лексики вновь активизировался, хотя в незначительной степени. Только в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в России появились политические, экономические и культурные условия, которые определили готовность общества к принятию новой и широкому употреблению ранее существующей иноязычной лексики, как следствие, заимствование новой лексики сферы политики приобрело очень широкий размах [Загоровская, Есмаеел 2008, 74-82].

3. Стилистически сниженная лексика в российском политическом дискурсе: потенциал речевого воздействия

Одной из традиционных областей существования языка политики являются средства массовой информации, в том числе газеты. Газетно-публицистический стиль является очень сложным явлением. Причиной является, наверное, неоднородность его задач и особенности соотношения экстралингвистических факторов. Экстралингвистические факторы определяют тематическую неограниченность данного стиля, что влияет на разнообразие его лексического состава. Публицистический стиль сформировался в XIX в. Характерной чертой периодических изданий того времени была острая полемика по литературным и социально-политическим вопросам, волновавшим общество. Это повлияло на стилистические особенности публицистики: открытое выражение авторской позиции, стремление к образности и выразительности, поиск новых языковых средств, широкое использование устоявшихся речевых оборотов. В советское время газеты играли очень важную агитационную роль. Современный газетно-публицистический язык сильно отличается от языка советской прессы, прежде всего в стилистическом и лексико-семантическом аспектах. Анна Н. Литвиненко отмечает, что язык газеты в постсоветское время «характеризуется новым стилем выражения, большей свободой выбора слов, отказом от языковых табу и эвфемизмов, стремлением преодолеть невыразительность и сухость изложения» [1991, 56]. Отказ от языковых табу, эвфемизмов и стремление преодолеть сухость изложения обеспечиваются путем полной свободы в выборе языковых, особенно лексических средств.

Елена В. Какорина, анализируя стилистические изменения языка газеты в постсоветское время, приходит к выводу, что фактор темы сообщения утратил релевантность. В советские времена именно тема определяла функционально-коммуникативный тип текста (основную интенцию и языковые средства ее воплощения). Основу стилистической нормы языка прессы была схема распределения языковых средств (тексты трех стилей, от высокого стиля передовой статьи и разного рода официальной информации по сниженный стиль фельетона). Ученая

указывает на негибкость и формульность советского политического дискурса. Круг тем был заранее задан, оценки были социально санкционированы, существовала устоявшаяся система фразеологических средств, использовались отобранные в ходе становления традиции образы-клише. Как отмечает ученая, в настоящее время правила построения текста, характерные для фельетона, применяются для всех типов газетных текстов, а тексты в высоком стиле совсем исчезли из прессы. Елена В. Какорина [1992, 15-18] отмечает также, что появилось такое органичное свойство газетного текста, как утраченная в советское время стилистическая многомерность (многообразие индивидуальных лексиконов, представленных в газетном языке без предварительной модификации).

Ирина П. Лысакова замечает, что характерной чертой прессы советского периода было преобладание официально-делового стиля во всех изданиях (идеологическая цензура привела к преобладанию стандарта над экспрессией). Ученая, изучая влияние перестройки на общество, пришла к выводу, что дозволенная в связи с перестройкой гласность привела к демократизации общества, а демократизация общества привела к демократизации языка. Язык газеты стал отличаться невиданной в советское время раскованностью стиля [Лысакова 1993, 98-107].

Ольга П. Ермакова [1996, 32-66] представляет основные процессы в языке современного газетно-публицистического стиля следующим образом:

- деактуализация значений, отражающих советские реалии;
- деидеологизация лексики;
- политизация отдельных групп лексики, например, изначально не имевших отношения к социально-политической сфере;
- деполитизация части известных политических терминов;
- активизация семантических моделей, характеризующих личность как групповое явление;
- метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации.

Для любого периодического издания приоритетной задачей является не только изложение информации, но и учет эмоций читателей. Журналисты, чтобы выразить оценку социальных и политических явлений, ищут адекватных вербальных средств. Именно поэтому газетно-

публицистический стиль активно привлекает лексические и стилистические средства как официально-делового, так и разговорного стилей.

В современных газетно-публицистических текстах особенно заметны противоречия информационной и экспрессивной функций языка, которые часто разрешаются в пользу экспрессивной функции. Елена В. Какорина подчеркивает: «В сфере массовой коммуникации (далее МК) все виды текстов, включая «прототипически» информационные жанры новостей, обязательно содержат не только сообщения, но и аксиологические высказывания или их компоненты. Это связано с ориентированностью любой информации в МК на воздействие» [1996б, 80].

Григорий Я. Солганик выделяет экспрессивность в качестве одной из отличительных черт языка публицистики. Ученый считает, что одним из основных источников ее формирования является использование разговорно-просторечной лексики: «Широкие возможности разговорной лексики объясняются тем, что в газетно-публицистическом стиле, книжно-письменном по своей природе, она выступает как маркированная. И поэтому любое разговорное слово в газетной речи экспрессивно, обладает известным потенциалом выразительности. Многообразие использования элементов разговорной речи в публицистике объясняется также общей демократической окраской, простотой, доступностью разговорной речи – качествами, важными для средств массовой информации» [Солганик 1981, 99]. Григорий Я. Солганик утверждает, что характерной чертой газетно-публицистического стиля является также социальная оценочность. Ученый рассматривает категорию экспрессивности как видовое понятие по отношению к родовому, т.е. оценочности. По его мнению, в языке газеты использование языковых средств определено во многом их социально-оценочными качествами и возможностями с точки зрения эффективного воздействия на читателей [там же, 9]. Маргарита Н. Кожина также утверждает, что функция воздействия часто связана с оценочностью речи, которая выражается прежде всего в лексике. Газетно-публицистический стиль отличается от художественного именно открытой оценочностью, явным выражением партийной, общественной или иной позиции автора [Кожина 1983, 187]. Как утверждает Василий В. Химик [1999, 118], открытость газетно-публицистического стиля означает возможность свободного проникновения в него единиц из разных функциональных систем:

- из литературного языка с экспрессивной модификацией и сниженным значением: *кидать, катить бочку, клеиться, кошелка, крутой*;
- из территориальных диалектов: *клевый, шугаться, зенки, лабуда*;
- из социальных подязыков, среди которых традиционно первенствует воровской жаргон: *борзеть, крыша, мент, наезжать, пахать, разборка*;
- из компьютерного жаргона: *скачать, паутина, загрузить*;
- из жаргона наркоманов: *зависать, улет, торчать, кайфовать, отрываться, балдеть, облом, крыша поехала*;
- из подязыка мелких торговцев: *навар, прокрутить, баксы, комок, нал/безнал, отстегнуть*;
- из профессиональных жаргонов музыкально-артистической богемы: *попсовый, хитовый, раскручивать, поставить на уши, чернуха, порнуха*.

Экспрессивная функция в политическом газетном дискурсе отчетливо проявляется, между прочим, в интенсивном употреблении стилистически сниженной лексики, в том числе слов разговорного характера, просторечий и жаргонизмов. Использование стилистически сниженной лексики является важной чертой повседневной коммуникации, так как характеризуется особой образностью. Она обеспечивает доступность к информации самых разных читателей. С помощью таких лексических единиц человек может выразить самый широкий спектр своих оценок и эмоциональных состояний. Они насыщают публицистический стиль присущей им стереотипностью и устойчивой оценочностью. Кроме того, стилистически сниженная лексика способствуют деофициализации речи, делают общение более непринужденным. Причиной проникновения сниженной лексики, например, молодежного жаргона или даже сленга, в газеты можно считать также стремление журналистов охарактеризовать современный мир политики как несерьезную деятельность, а наличие в языке газеты лексических средств криминального жаргона является намеком на связь политической деятельности с криминальным миром. Причиной может быть также либерализация языковых норм, связанная с демократизацией общественных отношений (снятие ограничений на использование в литературном языке единиц из некодифицированной части национального языка).

Основной целью использования разговорных лексических единиц в политическом дискурсе является поиск новых экспрессивных средств усиления воздействия информации. Примером слова разговорного характера может служить лексема *мужик*. Значение этого слова объясняется следующим образом: «1. *Трад.-нар.* Деревенский (обычно женатый) мужчина, крестьянин. 2. *Разг.-сниж.* О любом мужчине. 3. *Разг.-сниж.* Муж, супруг; сожитель. 4. *Разг.-сниж.* О грубом, невежественном, невоспитанном, неопрятном мужчине» [БТСРЯ, 562]. В политическом дискурсе оно употребляется для создания положительного оценочного впечатления:

«Ломакин – бизнесмен, а Пехтин – не бизнесмен, он управленец, технократ, довольно честный *мужик*» [Из, 20.02.2013].

«– Представь, Лужков к тебе сейчас обратится: «Коля, гнобят меня с разных сторон. Ты бы высказался где-нибудь в мою поддержку». Откликнешься?»

– Что ты меня провоцируешь на всякую ерунду. Не примешивай сюда политику. *Мужик* он хороший, а что там у него по государственной части было – я не в курсе» [Из, 19.02.2012].

«Путин нормальный *мужик*» [АиФ, 03.06.2010].

Стилистическая окраска данной лексемы влияет на то, что высказывание воспринимается как непринужденное, даже фамильярное. Цель употребления разговорного слова *мужик* в таких контекстах – сблизить политику и быденную жизнь, подчеркнуть положительные качества данного политика, создать в сознании аудитории определенный его образ (политик показан как человек из народа, близкий к народу).

Следующим примером лексемы разговорного характера является существительное *замашка*. Представим значение этого слова: «*Разг.* Манера действовать; повадка, хватка» [БТСРЯ, 332]. Она также выражает отрицательную оценку состояния дел в стране и политике, что подчеркивается добавочно при помощи определений типа *авторитарный, диктаторский, имперский, императорский, псевдодемократический, радикальный*, усиливающими отрицательные коннотации в сознании аудитории:

– *авторитарный*

«С самого момента прихода Лукашенко к власти в 1994 году я относился к нему однозначно отрицательно. Мне не нравились его

авторитарные замашки, потребительское отношение к России и многое, многое другое» [МК, 28.08.2014].

«Эксперт Института Ближнего Востока Сергей Серегичев объясняет такую серьезную мобилизационную силу соцсетей прежде всего *авторитарными замашками* руководства многих мусульманских стран» [Из, 04.06.2013].

– *диктаторский*

«Грузинская оппозиция обвиняет Саакашвили в *диктаторских замашках* и в том, что он разоряет страну» [МК, 11.08.2005].

«Американские СМИ обвиняли последователя Боливара и в *диктаторских замашках*, и в удушении свободы слова, и в копировании кубинского тоталитарного режима» [МК, 13.04.2002].

«При этом *диктаторские замашки* Мадуро, который распорядился об арестах и применении силы против первых мирных протестующих – по его словам, «фашистов» и «лакеев империализма», – привели лишь к еще большему недовольству венесуэльцев, – сказал «Известиям» бывший дипломат, профессор международных отношений Центрального университета Венесуэлы Деметрио Боерснер» [Из, 05.03.2014].

– *имперский*

«Циничная и безответственная политика Соединенных Штатов и тех стран, которые идут у них на поводу, ставит мир на грань, по сути, новой холодной войны. Ее обновленная версия становится реальностью наших дней. А вместе с ней стали отчетливей видны и игнорирование права и *имперские замашки* одних, и соглашательское и безнравственное поведение других» [МК, 07.11.2014б].

«Сегодня слово «демократия» – лишь ширма, прикрывающая *имперские замашки* ряда ведущих капиталистических держав управлять Миром» [АиФ, 19.04.2011].

«Национально озабоченные политики накинудись на Россию с обвинениями в *имперских замашках*» [МК, 27.05.2010].

– *императорский*

«На приватизацию его выставили, еще когда Среднеахтубинским районом управлял ставленник КПРФ Владимир Романов, в полном

соответствии с фамилией обладавший *императорскими замашками*» [МК, 29.05.2014].

– *псевдодемократический*

«Однако цивилизационной трагедии способствовали не столько катастрофические экономические и социальные проблемы, сколько глубочайшее разочарование людей в лидерах государства. *Псевдодемократические замашки*, популизм и демагогия, неспособность к наведению элементарного порядка, кульминацией чего стал опереточный путч 1991 г.» [АиФ, 05.09.2014].

– *радикальный*

«В эпоху Путина ничего подобного раньше не было – член его ближнего круга стал оппозиционером. Да еще с *радикальными замашками*: призывает к «честным» выборам (на своей странице в Twitter он в ночь с понедельника на вторник написал: «Поддерживаю создание лиги избирателей») и даже к досрочному роспуску нынешнего состава Госдумы» [МК, 17.01.2012].

Следующим примером единицы разговорного характера, используемой в политическом дискурсе, может быть лексема *холуйский*. Данное прилагательное образовано от существительного *холуй* («Разг. 1. Устар. Слуга, лакей. 2. О раболепствующем, прислуживающемся человеку; холоп (3 зн.)» [БТСРЯ, 1451]). Оно выражает неодобрительную оценку лица или группы лиц, помогая создать отрицательный образ политических деятелей (политик характеризуется как безвольный человек, который не борется за права своих избирателей, только поддается воли других политических сил).

Проиллюстрируем вышесказанное примерами:

«Вы не считаете, что все эти фильмы и статьи в российских СМИ, концерты в Москве в годовщину терактов в США демонстрируют *холуйскую* натуру большей части российской «интеллектуальной элиты» – это когда пинают слабого и пресмыкаются перед сильным? О погибших россиянах она постольку не вспоминает. Или американцы тоже несли цветы к посольству РФ, когда в Москве дома взорвали?» [Из, 11.09.2013].

«Мне непонятна шумиха вокруг этой песни, – заявил музыкант, комментируя общественный резонанс вокруг его произведения. – Песня об

извечном *холуйском* отношении к вышестоящим лицам, к начальству в нашей стране. Никакая оппозиция здесь ни при чем» [АиФ, 14.10.2011].

«При коммунистах да и в последующие десятилетия в отношениях Москвы и регионов преобладал *холуйский* подход: чем откровеннее местные князьки облизывали кремлевских небожителей, тем слаще и обильнее были ответные гостинцы» [АиФ, 06.02.2008].

«На сегодняшний день образовалась консолидация сил. «Единая Россия» объединила все политические силы против себя, узурпировав власть, сфальсифицировав выборы, закрыв все социальные лифты, кроме своих собственных, *холуйских*» [МК, 27.12.2011б].

«Нам нужно учиться у белорусского президента. А наше руководство и *холуйская* пресса только и знают, что клеветать на братскую республику», – пылал праведным гневом Геннадий Зюганов» [МК, 28.03.2005].

Очередным примером является разговорный глагол *талдычить*, используемый в политическом дискурсе. Данная лексема имеет следующее значение: «*Нар.-разг., неодобр.* Повторять, твердить одно и то же, говорить скучно, однообразно» [БТСРЯ, 1304]. Ее употребление в политическом дискурсе не случайно (данный глагол имеет нейтральные соответствия: твердить, повторять), с его помощью выражается неодобрительное, сниженное отношение к деятельности политиков:

«Произошла материализация слова – обществу столько лет *талдычили* о демократии, правах человека и правовом поле, что некоторые наиболее внушаемые граждане уверовали: сии диковины возможны и в России. Электорат, перекормленный синтетической колбасой, вдруг возжаждал обретения законодательных абстракций» [МК, 10.12.2011].

«Что касается внутренних врагов, то, по-моему, это наши патриоты: РНЕ, Баркашов – вся эта шушера, которая постоянно *талдычит* о каком-то особом для России пути, хотя характеристики этого пути никто никогда не приводил» [МК, 26.05.2001].

«Поэтому существующей оппозиции независимо от ее имиджевого окраса следует не *талдычить* об изъянах кремлевского партстроительства (они никого, кроме 4% политического класса, не интересуют), а предлагать людям (избирателям-«покупателям») новые разновидности политического продукта, советуют маркетологи» [Из, 9.11.2004].

«Иные инспектора за время путины «наваривают» по 150-200 тысяч долларов. И что уж тут *талдычить* о морали, преданности Родине – наступает темная власть жадной глотки» [Из, 17.07.2002].

Очередным примером является разговорный глагол *напихать*, который используется в политическом дискурсе, помимо существования нейтрального соответствия («наполнить»). Данная лексическая единица имеет следующее значение: «Разг. Наполнить чем-л., запихивая что-л. внутрь» [БТСРЯ, 592]. Ее употребление в политическом дискурсе помогает создать отрицательное впечатление об описываемых ситуациях (создается ощущение, что политические партии, включая своих представителей в органы власти или администрации, действуют насильно, не заботятся о благе страны, только о собственных интересах).

Приведем примеры:

«Шохин предложил создать Совет по защите прав предпринимателей, чтобы туда побольше своих людей *напихать*», – говорит собеседник «Известий», подчеркивая, что глава РСПП также пытался пролоббировать создание совета в Кремле» [Из, 24.05.2012б].

«– Путин выступил с инициативой АСИ, и поэтому я не мог не обратиться к нему, – говорит Гавриленко. – Ведь потом они же и спросят: а почему вы не написали, что у вас уже создан пул специалистов по финансовому рынку? (...)»

– Они же *напихают* туда чиновников, все зарегулируют... А так – я сделал все что мог, – беспокоится он. В любом случае РТС будет и без помощи правительства инвестировать в свои проекты, обещает Гавриленко» [Из, 29.08.2011].

Другими примерами разговорных глаголов являются лексемы *мямить* и *вкалывать*. В отличие от лексемы *талдычить* они не имеют однословного нейтрального варианта, но их можно объяснить через нейтральный глагол с дополнениями (*мямить*: «Разг. 1. Медленно, невнятно и вяло говорить. 2. Действовать нерешительно, медленно» [БТСРЯ, 567]; *вкалывать*: «Разг.-сниж. Работать много и напряженно» [БТСРЯ, 134]). Глагол *мямить* придает тексту экспрессивную, ироническую окраску, что иллюстрируют примеры:

«Поначалу он был скован и на встречах с электоратом *мямлил* что-то про суровое детство и родителей из народа» [МК, 21.12.2000].

«Вместо этого глава КПРФ начинает что-то *мямлить* про то, что это не те регионы» [МК, 21.12.2003].

«Вот здесь представители государства начинают *мямлить* нечто невразумительное» [МК, 8.09.2001].

«Еще с юности Абрамович отличался необычайной мнительностью, сопряженной со звериной просто осторожностью; любая внезапность, отход от заранее намеченной схемы способны были загнать его в ступор; о том, допустим, чтобы вести с конкурентами предвыборные дебаты, и речи идти не могло; Роман Аркадьевич наверняка запнулся моментом бы, покраснел, начал что-то *мямлить*, прятать в угол глаза...» [МК, 11.10.2007].

Глагол *вкалывать* также придает тексту экспрессивную окраску (положительную: политики много работают для блага России), создавая впечатление сближения политиков с народом:

«У нас сейчас 43 федеральных и почти 400 региональных проектов, – завершил выступление Медведев. – Мы должны *вкалывать* за проект дено и ночью!» [МК, 18.05.2013].

«Но судя по словам министра спорта, туризма и молодежной политики Виталия Мутко, не все региональщики спешат *вкалывать* в поте лица» [МК, 27.03.2013б].

«Путин высказал мнение, что власть в России не должна быть изолированной кастой. «Ответственность за страну формируется не лозунгами и призывами, а когда люди видят, что власть прозрачна, доступна и сама *вкалывает* во имя страны, города, региона, поселка, учитывает общественное мнение. Власть не должна быть изолированной кастой», – сказал он, выступая с посланием Федеральному собранию» [МК, 12.12.2012б].

«Люди должны видеть, что «власть *вкалывает*» и учитывает мнение своего народа» [МК, 12.12.2012а].

«Поэтому никак нельзя ограничиться коротким сообщением о том, что премьер осмотрел строящийся третий мост с вертолета, и заявил, что если мы хотим изменить страну, то «нам всем нужно *вкалывать*», и что наш спортивный потенциал в чем-то даже выше чем экономический» [МК, 14.08.2012б].

Примерами глаголов разговорного характера, которые используются в политическом дискурсе, являются также лексемы *вывалить/вывалиться*

(«Разг. 1. *что*. Опрокинув, удалить содержимое, заставить выпасть, высыпаться откуда-л. 2. *кого-что*. Уронить по неосторожности, небрежности. 3. Выйти откуда-л. толпой, появиться где-л. в большом качестве» [БТСРЯ, 167]) и *вываливать/вываливаться* («Разг. 1. = Выпасть (1-2 зн.). 2. *Разг.* = Вывалить (3 зн.)» [БТСРЯ, 167]). В политическом дискурсе данная лексическая единица служит средством выражения отрицательной оценки действий (большие бюджетные средства страны используются политиками небрежно, без основания, при этом теряет народ):

«Когда государство напихало в банки кучу денег. Чтобы те отправили дальше, в производство. Туда они не дошли до сих пор. **Вывалились** на валютный рынок. А банкиры неплохо заработали» [Из, 1.04.2009].

«А **вываливать** огромную сумму даже за само совершенство бюджетной марки, обеспеченные люди, скорее всего, не станут» [Из, 28.01.2011].

«В конце каждого года бюджет **вываливает** в экономику кучу денег» [Из, 18.06.2002].

«В Америке другое веяние – борьба с терроризмом. Кажется, на этот алтарь правительство США готово **вывалить** весь годовой бюджет страны» [МК, 10.10.2010].

Вышеприведенные глаголы помимо обозначения какого-то действия несут в своем лексическом значении определенную, прежде всего, неодобрительную оценку этого действия, поэтому посредством таких лексем говорящий или пишущий может сразу выразить свое отношение, не прибегая к дополнительным средствам. Замена сниженных глаголов нейтральными соответствиями привела бы к простой констатации факта.

Следующую группу слов разговорного характера, используемых в политическом дискурсе, составляют существительные, обозначающие лица, характеризующиеся не по личным качествам, а через группу, к которой принадлежат. Среди таких лексем можно выделить названия людей по признаку приверженности партии или организации.

Примерами могут служить существительные *единорос/единоросс*, *яблочник*, *нацбол*, *нашист*:

– *единорос/единоросс* (член партии «Единая Россия»)

«**Единороссы** еще раньше говорили, что такая система повысит ответственность кандидатов перед своими избирателями» [АиФ, 15.01.2014].

«Оппозиционер уверен, что в поселке расположены загородные дома самого Володина, секретаря генсовета «ЕР» Сергея Неверова, депутата-**единороса** Игоря Руденского, главы аппарата правительства Сергея Приходько и других чиновников» [АиФ, 27.11.2013].

«Печально известный томский депутат – **единорос** Степан Руденко, которого коллеги хотели выгнать из депутатов за пьяный скандал с японской делегацией, отказался уходить со своего поста и сдавать свой мандат» [МК, 11.11.2014].

«Как ранее сообщал первый зампреда краевого парламента **единорос** Дмитрий Судавцов, законопроект прошел многочисленные обсуждения в ходе рабочих групп с участием не только депутатов и представителей исполнительной власти, но и глав муниципальных образований края» [МК, 30.10.2014].

«Президент объяснил, почему он решил возглавить предвыборный список «Единой России». По словам президента, этот «глубоко продуманный шаг» связан с тем, что именно **единоросы** выдвигали его на должность президента» [Из, 15.10.2011].

«До этого Копылов был депутатом Госдумы от «Единой России». Он занимал пост заместителя руководителя аппарата фракции **единоросов**, руководил секретариатом Генерального совета партии, работал в комитете по бюджету и налогам, входил в состав комиссии по рассмотрению расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение обороны и государственной безопасности РФ» [Из, 7.02.2011].

– **яблочник** (член партии «Яблоко»)

«Коммунисты, **яблочники** и прочие знали изначально, что выборы в Волгограде будут сфальсифицированы» [АиФ, 12.09.2013].

«Кандидат-**яблочник** Сергей Митрохин за время предвыборной кампании успел побывать на нескольких митингах и пикетах» [АиФ, 01.08.2013].

«Оживить процесс голосования и сам обсуждаемый документ пытался **яблочник** Игорь Ермоленко, однако все его поправки, касающиеся демократизации системы власти в городе, были отклонены» [МК, 12.11.2014а].

«По сообщениям ряда республиканских СМИ, по указу руководителя предвыборного штаба **яблочников** координаторы предлагали деньги потенциальным избирателям, если те проголосуют за кандидата от их партии» [МК, 07.11.2014а].

«Он тоже был до 1991 года в КПСС, но потом стал **яблочником**» [Из, 15.01.2014].

«Если коалиция ради того, чтобы использовать других или чтобы их подмяла власть, такие компании нам не нравятся, – отмечает кандидат-**яблочник** Андрей Бабушкин» [Из, 14.05.2014].

– **нацбол** (член «Национал-большевистской партии»)

«Макаревич – предатель!», скандировали **нацболы** и разбрасывали листовки» [АиФ, 26.09.2014].

«Российские **нацболы** закидали файерами посольство Польши. Акция активистов «Другой России» стала ответом на нападение польских националистов на российскую дипмиссию в Варшаве» [АиФ, 13.11.2013а].

«Перед зданием молодые люди развернули плакат с лозунгом «Россия от Варшавы до Порт-Артура и забросали горящими файерами и дымовыми шашками территорию посольства. Требованием **нацболов** было проявление уважение к России» [АиФ, 13.11.2013б].

«Восстание мужиков аполитично (вы заметили, там нет ни одной политической партии на местах, только чуткие **нацболы** поехали помочь)» [Из, 08.05.2014].

«Организаторами банды стали Александр Ковтун и бывший **нацбол** Александр Сухорада, которые вовлекли в нее Вадима Ковтуна, сбежавшего из армии Александра Сладких, а также Илютикова, Кириллова, Никитина и Савченко» [Из, 28.04.2014].

«Когда Путин стал наводить в стране порядок, руководство НБП повернуло партию в союз с либералами. Многим **нацболам** это пришлось не по нраву, в том числе и мне, поэтому пришлось дистанцироваться от работы в этой организации, которую примерно в то же время запретили» [МК, 13.10.2014].

– **нацист** (член молодежного движения «НАШИ»)

«Эксперты уверены, что какую бы должность ни предложили Суркову в администрации президента, к внутренней политике его больше не допустят: сейчас это прерогатива Володина. Это значит, что не стоит

ждать возвращения на улицы **нашистов** и других представителей прокремлевских молодежных движений» [АиФ, 20.09.2013].

«Но окончательно «убил» Эллу Александровну... сам Александр Подрабинек, который не видит ничего незаконного и предосудительного в пикетах **нашистов**. «Я не опасался движения «Наши» и агрессии с их стороны, – заявил он во время пятничной пресс-конференции в «Интерфаксе» [АиФ, 09.10.2009].

«Лидер движения «За права человека» Лев Пономарев отрицательно воспринял сотрудничество бывших **нашистов** с московскими автоинспекторами» [Из, 13.05.2013].

«Чуть оправившись от смыслового удара, политтусовка немедленно заговорила о том, что за «Экзистенциальной Россией» стоит Кремль, **нашисты**, Кристина Потупчик, темные силы и прочее» [Из, 27.09.2012].

«Его акция – в лучших традициях **нашистов**, заявил депутат петербургского ЗакСа Борис Вишневский» [МК, 16.06.2014].

«Те же «Наши» сегодня – как комсомол вчера. В комсомоле люди находили свою первую любовь, нередко – свою судьбу на всю жизнь или хотя бы ее лучший отрезок. **Нашисты** и молодогвардейцы нашего города – продолжатели и этих добрых традиций?» [МК, 01.06.2014].

Среди существительных разговорного характера, обозначающих лиц, можно выделить также группу лексем, именующих лицо на основе связи с работодателем, таких как *бюджетник*, *управленец*, *наемник*:

– **бюджетник** (работник бюджетной организации)

«С бюджетом все понятно – он должен пополняться, так как из него выплачиваются пенсии, зарплаты **бюджетникам**, социальные пособия» [АиФ, 12.11.2014].

«В госсекторе у **бюджетников** есть некоторое повышение – примерно 2% по итогам года» [АиФ, 31.10.2014].

«**Бюджетники** всех уровней получали деньги вовремя, задолженность пока имеется только в негосударственном секторе» [МК, 19.11.2014б].

«Непонятно, как выживать пенсионерам и **бюджетникам**...» [МК, 17.11.2014].

«Отделка квартир – «черновая», что позволяет собственникам жилья расширить полет фантазии, а жилью – оставаться доступным для **бюджетников** и молодых семей» [Из, 31.10.2014].

«Банк также кредитовал районы области, через него шли выплаты зарплат и пенсий *бюджетникам*» [Из, 29.09.2014].

– *управленец* (работник управления, т.е. административного учреждения или административного органа внутри какого-либо учреждения)

«Городское хозяйство при этом доверяет профессиональному управленцу, в назначении которого примут участие и депутаты, и губернатор региона. Этот *управленец* – глава местной администрации – будет заниматься не политикой, а исключительно бытовыми и экономическими вопросами» [АиФ, 27.03.2014].

«Самый простой вариант – выдвигаться от партии. Но надо идти по самому трудному, сложному пути, заручившись поддержкой избирателей», – пояснил *управленец* свое решение» [АиФ, 12.06.2013].

«Мы оценили работу Станислава Мошарова в качестве главы города, председателя городской Думы в течение предыдущего созыва Думы. Он показал себя как грамотный, инициативный, принципиальный *управленец*, умело сочетающий практический опыт и профессиональные знания. Важно отметить, что Мошаров ведет активную общественную и политическую деятельность, – рассказал Шафигулин» [МК, 14.10.2014].

«Депутат Государственной Думы РФ Сергей Тен выразил уверенность, что победа Сергея Серебренникова на выборах мэра Братска выведет город из политического и как следствие социально-экономического кризиса. Как отметил парламентарий, Сергей Серебренников – опытный *управленец*, который как никто другой знает проблемы Братска» [МК, 15.09.2014].

«Опытный политик и *управленец* Евгений Примаков с такой оценкой не согласился. Владимир Путин попросил экс-премьера объяснить свою позицию» [Из, 18.09.2014].

«В парламентском комитете по ЖКХ я всегда находил поддержку своих инициатив. Поэтому думаю, что у нас будет полное взаимопонимание и сотрудничество, потому что партия партией, а я прежде всего *управленец*. Политика для меня теперь становится второстепенной» [Из, 26.02.2014].

– *наемник* (военнослужащий наемного войска, наемной армии или тот, кто за плану готов выполнить какое-либо преступное действие, выгодное, нужное нанимателю)

«Президент Украины Петр Порошенко в середине июня представил план по мирному урегулированию ситуации на востоке страны в ходе рабочей поездки на Донбасс. Планом предусматривается «вывод незаконных вооруженных формирований, создание гарантированного коридора для выхода российских и украинских *наемников*, разоружение» [АиФ, 29.07.2014].

«Как отметил в своем выступлении начальник Пограничного управления Федеральной службы безопасности РФ по РД Игорь Шмоткин, основной угрожающий фактор сегодня – сохраняющаяся напряженность в приграничном пространстве России, Грузии и Азербайджана ввиду распространения экстремистской идеологии и нарушения государственной границы бандитами и иностранными *наемниками*» [МК, 12.11.2014].

«Евросоюз «вновь подчеркивает ответственность Российской Федерации в этом контексте и призывает, в частности, к выводу незаконных и иностранных сил, *наемников* и военного оборудования, а также обеспечению безопасности российско-украинской границы при постоянном мониторинге при проверке ОБСЕ» [МК, 05.11.2014].

«Но Россия должна оказывать поддержку, и она ее оказывает, необязательно напрямую от государства: тут могут и политические партии помогать. Тем более что на стороне Украины тоже воюют иностранные *наемники*» [Из, 03.09.2014].

«Кровь на Украине для этой игры необходима. Вне зависимости от того, кто там кого убивает, каким оружием и с какими *наемниками*, – кровопийцей тут уже назначен Путин, над этим работают слаженные и опытные команды специалистов» [Из, 17.07.2014].

В группу лексем, обозначающих лиц через группу, к которой оно принадлежит, входят также существительные, называющие лицо по месту службы или работы, такие как *кагэбэшник*, *думец*:

– *кагэбэшник* (в ССРР: работник службы безопасности)

«Возмущались повестью лагерные начальники, *кагэбэшники*, прокуроры, судьи, партийные работники и казенные писатели-сталинисты» [АиФ, 17.11.2012].

«*Кагэбэшники* забрали все – и рукопись, и черновики, и даже копиру, под которую этот роман переписывали. И заперли в подвалах Лубянки» [АиФ, 01.06.2011].

«И на пустырь у Невы, недалеко от часовни, снизили вовсе не ангелы, а прилетел вертолет с *кагэбэшниками*. Спецслужбы быстро навели порядок на набережной» [МК, 21.08.2013].

«Считать прецедентом лишение депутатского мандата Сергея Мавроди нельзя: история строителя пирамид – не «про политику», а история бывшего *кагэбэшника*, ставшего уличным оппозиционером, – только «про политику» [МК, 14.08.2012а].

«По словам Путина, некоторые депутаты пытались воздействовать на мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, чтобы его уволили, так как им не нравилось, что он являлся «бывшим *кагэбэшником*» [Из, 21.05.2014].

«Рейтинг Путина упадет в маргинальных слоях избирателей, но уважение к нему среди мыслящей части общества вырастет. А если он еще отважится реформировать ЖКХ (с учетом сегодняшних ошибок), то войдет в историю не как бывший *кагэбэшник*, а как прогрессивный реформатор» [Из, 21.01.2005].

– *думец* (депутат Думы)

«Финансовый кризис тут ни при чем – депутата заподозрили в связях с одним из 20 выходцев из России, арестованных в Испании летом по делу о «русской мафии». Сам г-н Резник заявил, что особняк на о. Майорка приобрел законно, а своего достатка *думец*, занимавшийся в прошлом страховым и банковским бизнесом, и прежде не скрывал» [АиФ, 21.10.2008].

«*Думцы* одобрили проект закона, по которому из бюджета будут компенсированы потери тем россиянам, чья недвижимость «незаконно» арестована за рубежом» [АиФ, 09.10.2014].

«В КПРФ решение этого вопроса является прерогативой не только самого *думца*, но и членов бюро крайкома, заседание которого по этому поводу состоится уже в первых числах января» [МК, 27.12.2011а].

«Наверху уже обсуждаются некие инициативы, предусматривающие установление квот на представительство депутатов в заксобраниях регионов. В частности, Москве хотят выделить квоту, пределы которой колеблются от 45 до 110 депутатов городской Думы. То есть количество столичных *думцев* может вырасти аж втрое» [МК, 21.12.2009].

«Как разъяснил организатор манифестации у белорусского посольства в Москве *думец* Н.В. Курьянович, мощно предъявляемые А.Г. Лукашенко права на престол вызывают в Кремле страх и боязнь» [Из, 26.01.2007].

«Претензии *думцев* к М.С. Горбачеву, таким образом, заключаются в том, что своей слабостью и безволием он позволил своим обвинителям стать депутатами» [Из, 11.04.2014].

Среди лексических единиц разговорного характера, обозначающих лиц, можно выделить также группу лексем, именующих лицо по признаку участия в действии или движении типа *перестройщик*, *переворотчик*:

– *перестройщик* (сторонник перестройки, активный ее участник)

«А что касается предстоящего юбилея, то, как сказал на юбилее перестройки один *перестройщик*, «все, что мы сделали, по-большому, было правильно» [АиФ, 08.06.2011].

«В условиях нарастающего народного недовольства коммунисты-*перестройщики* должны были решиться на глубокие преобразования, вводить частную собственность и рынок» [АиФ, 27.05.2009].

«Монолит коммунистической власти рухнул, потому что политбюровцы оказались слабее атаковавших их *перестройщиков*» [МК, 09.12.2011].

«Нынче Лаврентия Павловича полуиронически-полусерьезно именуют первым *перестройщиком*. Его реформы 1953 года, испугавшие коллег по партийному руководству, были попыткой самоспасения режима» [МК, 01.03.2011].

«А.Г. Лукашенко никогда не был поклонником М.С. Горбачева, более того – карьера будущего президента РБ как раз начиналась с кулуарного, а затем и публичного осуждения *перестройщиков*: «Какую страну развалили!» [Из, 30.01.2007].

«Зато благоволение Г.А. Зюганова, окончательно вставшего на путь либерализма, теперь может распространиться и на знатного *перестройщика*, а ныне ректора РГГУ Ю.Н. Афанасьева, в мае 1989 г. обогатившего политический лексикон выражением «агрессивно-послушное большинство» [Из, 05.04.2002].

– *переворотчик* (тот, кто принимал участие в коренном изменении существующей общественно-политической системы)

«Однако Азимбек Анаркулович, как *переворотчик* с большим стажем, не привык заикливаться на мелочах: имама бояться – на митинги не ходить» [МК, 15.04.2014].

«В любом случае реакция украинской власти адекватна: страна пытается защититься от очередных *переворотчиков*» [МК, 24.12.2013].

«Я теперь возглавляю Московское дворянское собрание, а с клеветниками и переворотчиками буду разбираться в суде» [Из, 04.08.2002].

Основной функцией использования разговорных существительных перечисленных групп является сближение мира политики и повседневной жизни (политик как обычный человек, один из рядовых жителей страны). В данных лексемах наиболее частотным является суффиксальный способ словообразования. Используются такие суффиксы как: *-ец, -ик, -ник, -щик, -чик* и др., которые указывают на то, что производящей основой лексемы являются неоднословные наименования, т.е. универбаты (например, *бюджетник*). Особую экспрессивность имеет лексема *нашист*, которая обозначает членов молодежного движения «НАШИ». Фонетическое сходство данной лексической единицы с существительными *фашист* и *нацист* может придавать высказыванию отрицательную окраску.

В современном российском политическом дискурсе используются также просторечные (разговорно-сниженные) лексические единицы. Описывая просторечную лексику, В.В. Химик [1999, 108] отмечает, что «традиционное для русистики понятие «просторечие» отличается известной неопределенностью, размытостью содержания, проистекающей из особого положения современного городского просторечия относительно других разновидностей русского языка». Также Э.В. Кузнецова подчеркивает достаточную неопределенность границ просторечий: «Просторечная лексика оказывается особенно трудно определяемой, во-первых, в силу ее разнородности, во-вторых, потому что именно в просторечии произошли наиболее значительные изменения... Изменился характер экспрессии просторечных слов: они в массе своей стали менее грубыми, допустимыми в устной фамиллярной речи» [1989, 188].

Примерами стилистически сниженных слов могут служить прозвища известных политиков, такие как *Жирик, Зю, Горби*:

– *Жирик* (В.В. Жириновский)

«Как говорили еще в 1990-е годы думские репортеры, «только *Жирик* правду и скажет» [Из, 26.08.2014].

«Он говорит, а социологи смотрят, как реагирует электорат. *Жирик* – это в последнюю очередь глупый человек. В последнюю» [Из, 20.02.2008].

«Напрасно журналист Александр Мельман, подводя итоги месяца, пишет, что «дебаты без выходов *Жирика* никто бы и не смотрел» [Из, 02.12.2003].

«А известный политик, которого за глаза называют *Жириком*, знает, что у него есть тезка?» [МК, 08.01.2014б].

«Считаю, нужно ввести и такую номинацию: «Кто больше раз проиграет выборы Путину». В этой номинации пожизненно должны бороться Зюганов и *Жирик*» [МК, 30.12.2012].

«И эта часть, наслушавшись Жириновского, отправляется не устраивать погромы, а «голосовать за *Жирика*», в надежде на то, что он действительно окружит Северный Кавказ колючей проволокой» [АиФ, 28.10.2013а].

– *Зю* (Г.А. Зюганов)

«А еще: не понимает своего капиталистического счастья, не ценит демократию, голосует за *Зю* и Жирика, не умеет постоять за свои права» [АиФ, 16.10.2007].

«А ведь по сути дядюшке *Зю* впору повеситься на помочах от стыда за ту партию, которую он промотирует» [Из, 29.09.2011].

«Даже для нас «дядюшка *Зю*» теплее и юморнее «товарища Зюганова» [Из, 23.12.2009].

«Лидер ЛДПР, к примеру, в четверг долго увещевал единоросса Владимира Бурматова, который накануне во время заседания комментировал в Твиттере выступления лидеров оппозиции: «Для вас Зюганов не *Зю*, а лидер крупнейшей партии в мире и в стране!» [МК, 14.03.2012].

«Член ли ты партии «дядюшки *Зю*» и готов ли беззаветно служить заветам дедушки Ленина» [МК, 19.10.2011].

«*Зю* даже не вышел сам, стыдно за шестой подряд проигрыш на президентских выборах – выпустил Рашкина с бумажкой», – уточняет Бурматов» [АиФ, 13.03.2012].

– *Горби* (М.С. Горбачев)

«Нет четкого понимания глубины раскола и что с этим делать ненасильственным путем – то, что сделал Мандела и попытался сделать *Горби* с Ельциным» [Из, 09.12.2013].

«Помнится, что **Горби** и Лигачев вошли в историю этой страны (а не Европы), как люди, которые попытались лишить народ одного из немногих удовольствий, которые он имеет» [Из, 19.10.2012].

«Доверял Рейган мистеру Горбачеву, а проверял Михаила Сергеевича. Как раз в тот период проходили американо-советские переговоры о сотрудничестве в космосе на предмет защиты нашей планеты от астероидов и... инопланетян. В какой-то момент Рони перестал доверять **Горби**» [МК, 10.08.2014].

«Горбачев утверждает, что при объединении Германии он получил от западных лидеров устные обещания не расширять НАТО на Восток. Представляю, как те потешались над незадачливым **Горби**» [МК, 07.07.2014б].

«Ложные слухи о кончине **Горби** пришли через Twitter из англоязычного сектора» [АиФ, 08.08.2013].

«Никто из ГКЧПистов не нашел в себе сил взять на себя ответственность за жизнь страны. Они наивно ездили в Форос, где их не принимал **Горби**» [АиФ, 12.03.2013].

Использование данных лексем может быть попыткой сблизить политиков с аудиторией, одновременно с добавлением некоторого иронического оттенка (особенно, когда Г.А. Зюганова называют «дядюшка Зю»).

Примером просторечного (разговорно-сниженного) выражения, используемого в политических газетных текстах, является *показать кому-л. кузькину мать*. Данное словосочетание употребляется как выражение угрозы кому-л. [БТСРЯ, 478] и придает высказыванию отрицательную эмоциональную окраску (формируя при этом ощущение угрозы), что иллюстрируют примеры:

«В 1959 году на американской выставке в Сокольниках Никита Хрущев заявил вице-президенту США Ричарду Никсону: «В нашем распоряжении имеются средства, которые будут иметь для вас тяжкие последствия. Мы вам *покажем кузькину мать!*» [МК, 06.11.2014].

«Президент Башкирии пытался представить себя единственным человеком, способным сохранить в республике стабильность и спасти ее от волны национализма и сепаратизма. Для этого официальная Уфа скрыто поддерживала местные националистические движения, чтобы в нужный момент *показать Москве кузькину мать*» [МК, 13.06.2010].

«Как вспоминал один из участников заговора, член Президиума ЦК КПСС Дмитрий Полянский, 11 октября ему позвонил Хрущев и сообщил, что знает об интригах против него, обещал через три-четыре дня вернуться в столицу и **показать всем кузькину мать**» [АиФ, 14.10.2014].

«Когда в 1959 году на Американской выставке в Сокольниках Никита Хрущев впервые пообещал **показать американцам кузькину мать**, Суходрева рядом не было – он в этот момент работал в Женеве с главой МИД СССР Андреем Громыко» [АиФ, 16.05.2014в].

«Я направил письмо послу США. Но не буду говорить о деталях. Скажем так: Саакашвили **показали кузькину мать**. После этого он стал говорить о моем участии в выборах» [Из, 17.12.2007].

«Хрущев хотел знать правду, но был очень увлечен этой идеей, хотел **показать кузькину мать** американцам» [Из, 21.09.2002].

В статьях о политике экспрессивность жаргонизмов по сравнению с нейтральными словами больше привлекает внимание читателя, одновременно активизируя денотативное значение оценочности. Жаргонизмы обладают свойством включать в понятийную сему дополнительную информацию контекстуально-ситуативного плана, малопонятную представителям других групп и социума в целом. До конца 1980-х годов жаргонизмы относились преимущественно к устному речевому общению, они использовались в средствах массовой информации только как характеристика речи конкретного персонажа, а не как средство изложения информации. Девяностые годы XX столетия переоценили статус жаргонизмов в связи с изменением социально-политический облика России. Они стали часто появляться в газетах и журналах. Елена В. Какорина замечает по этому поводу: «особенностью взаимодействия литературный язык – просторечие – жаргон на рубеже 90-х годов можно считать интенсивность этого взаимодействия, а также выдвижение новых центров экспансии – низовой городской культуры, молодежной контркультуры, уголовной субкультуры» [1996б, 79].

Среди жаргонизмов, используемых в газетных политических текстах, выделяется группа существительных, обозначающих лица как принадлежащие или относящиеся к определенной группе (партии, организации) или называемые по имени ее лидера. Примером может служить лексема *путинюгенд*. Данная лексическая единица используется в газетных политических текстах для обозначения молодежных движений,

поддерживающих В.В. Путина. Она вызывает ассоциации с понятием *гитлерюгенд*, которое имеет отрицательную эмоциональную оценку, и создает представления о сходстве деятельности молодежных группировок с гитлеровской организацией:

«Логическая цепочка хитра и заковыриста: раз уж в акции нашли фашистскую подоплеку, то и *путинюгенд* (а такую кличку получили прокремлевские движения) там будет как нельзя кстати» [МК, 03.05.2012].

«В этот день *путинюгенд* так и не дождался вождельных телеоператоров. Вместо этого их митинг был разогнан милицейскими нарядами» [МК, 16.06.2003].

«Фактический роспуск движения «Наши» в его привычном виде вызвал в российской элите и на Западе едва ли не больший ажиотаж, чем самые громкие акции питомцев Василия Якеменко. Сама по себе судьба *путинюгенда*, конечно, мало кого волнует» [МК, 30.01.2008].

«Все, кто по заданному лекалу описал из жизни лагеря только «головную» инсталляцию, чтобы воспользоваться случаем дежурно выпалить привычное нацисты и *путинюгенд*, – упрощенцы первостатейные» [Из, 02.08.2010].

Примером жаргонизма, обозначающего лица по признаку соотношения с идеологией, является лексема *либераст*. Она обозначает сторонника либеральной идеологии и вызывает ассоциации с лексемой *недераст*, в связи с чем наделена отрицательной эмоциональной окраской.

Примеры употребления в прессе:

«Теперь объявлено, что «Россия не Запад», и демократия становится страшилкой, а вчерашние либералы (многие еще в правительстве) превращаются в *либерастов*» [АиФ, 09.07.2014б].

«Я представляю себе, как руки *либерастов* на этой фразе тянутся за камнями, но мне все равно, т.к. очень показательным критерием для меня была ситуация в детских домах, которая за 8 лет президентства Путина улучшилась просто в разы» [АиФ, 21.05.2013].

«*Либерастов* у нас выше крыши, но у них мысль очень простая: давайте еще что-нибудь приватизируем, я прихвачу свой процент и уеду на Лазурный Берег» [АиФ, 15.12.2011].

«Ни для кого не секрет, что даже самые отчаянные *либерасты*, кроме совсем уж экстремалов, в непубличных беседах опасаются этого едва ли не больше, чем сам президент» [МК, 16.03.2014б].

«Слева сидят условные Проханов, Милонов, Мединский, еще человек 240, и все бубнят про врагов, про разрушенный СССР, про обиженных русских, про то, что все кругом нам должны и виноваты, про всемирный заговор *либерастов*» [Из, 21.11.2013].

«Будем ли мы удивляться, что следом за уничтожением термина «демократия», переведенном в общественном сознании в «дерьмократию», пришла пора для бывших «либералов», а отныне *«либерастов»* [Из, 24.10.2013].

Следующей лексической единицей из данной группы является слово *майдаун*. Оно используется для обозначения участника или сторонника Евромайдана и является аллюзией на существительное *даун*, которое имеет жаргонное значение «Глупый, несообразительный человек» [БСРЖ, 147]:

«Каждый раз, когда поднимаешься с полукилометровой глубины на поверхность, говоришь «спасибо». Так что если эти *майдауны* думают нас пугать – пусть сначала напишут завещания» [АиФ, 03.09.2014].

«Еще одна проблема народного ополчения – информационный голод. «Все в стране не просто поют со слов *майдаунов*, а еще и запускают дезу! Если бы остались объективные телеканалы, нас было бы уже в разы больше и мы эту революцию отменили бы!» – заявил нам один из руководителей харьковского ополчения» [АиФ, 25.02.2014б].

«На помощь *майдаунам* в Киев прибыл весь цвет киберруководства НАТО во главе с полковником Артуром Сузиком» [МК, 16.03.2014а].

«Сколько под видом журналистов пытались провезти на полуостров оружия, взрывчатки, бронежилетов и тому подобной амуниции *майдаунов!* (...) Кстати, о последнем – до последнего дня многие крымские чиновники боялись открыто, в том числе по телефону, комментировать ситуацию: боялись прослушки, боялись, а вдруг что-то сорвется – и тогда придется отвечать перед «майдаунами» с касками на голове и дубинками в руках» [Из, 16.03.2014].

Примером существительного, обозначающего лицо как сторонника известного лидера, служит лексема *лукашист*. Данная лексическая единица используется в политическом дискурсе для обозначения сторонника А.Г. Лукашенко. Она является аллюзией на лексемы *нацист* и

фацист и наделена отрицательной эмоциональной окраской (создает впечатление схожести сторонников главы государства с гитлеровцами):

«Европейцы запрещают белорусским чиновникам посещать Евросоюз? Ответ *лукашистов* не заставил себя долго ждать» [МК, 22.03.2011].

«Правда, позиции убежденных *лукашистов* размываются – и при достаточном напоре, твердости кампании определенных сдвигов в общественном мнении можно будет добиться» [МК, 30.08.2010].

Следующими лексическими единицами из данной группы являются слова *путиноид/путингоид* и *ельциноид*. Они используются для наименования сторонников В.В. Путина и Б.Н. Ельцина и вызывают ассоциации с существительным *монголоид*, которое в русском арго употребляется как ироническое обращение к недоразвитому, тупому человеку, в связи с чем наделяют высказывание отрицательной экспрессивной окраской.

Приведем примеры:

«Считаю их происками *путиноидов* или, что в принципе возможно, реакцией неадекватных людей на невыход в КС», – заявил красноярский экс-кандидат в совет Олег Безруких на странице в Facebook» [МК, 31.10.2012б].

«Но это говорят не рабы, не *путиноиды*, не предатели Украины, а живые люди, для которых и Украина, и Россия были и остаются неразделимы» [Из, 21.02.2014].

«Одна из главных ее задач – поддержать на президентских выборах в России кандидатуру Владимира Путина. Кстати, один из моих соратников недавно назвал меня «*путиноидом*». И это при том, что я личность достаточно независимая» [Из, 11.12.2011].

«Тут меня обвинили, что Сергей Кривоножко президента Путина относит к «гайдаренышам». Нет, к «гайдаренышам» я его не отношу, я отношу его к «*ельциноидам*», потому что президент наш последний подписывает законы и указы такие, как пресловутый о монетизации» [МК, 20.09.2007].

«Впрочем, как и многие, я пережила период ельцинского романтизма, была безумным *ельциноидом*, готовым отдать за Бориса Николаевича жизнь» [МК, 22.10.2007].

Цель использования в языке политики жаргонизмов можно определить в зависимости от того, из какого жаргона заимствовано данное слово. В зависимости от семантики заимствованного слова, политическая жизнь приравнивается к преступному миру, миру шоу-бизнеса, жизни молодежи.

Примером вхождения в политический дискурс лексем из уголовного жаргона является лексема *разборка* (в составе словосочетания *политическая разборка*). Ее значение фиксируется следующим образом: «1. *Жарг.* Выяснение отношений, сведение счетов в криминальной среде (обычно с применением насилия, драками, убийствами). 2. *Разг.* Выяснение обстоятельств конфликта, обсуждение спорных вопросов; разбирательство» [ТСРЯХХ, 530].

Употребление данного жаргонизма в современном российском политическом дискурсе иллюстрируют следующие примеры:

«Это мнение разделяют и другие депутаты, например, Андрей Андрейченко открыто заявил на сессии, что все споры всего лишь *политические разборки* внутри отдельных группировок» [МК, 5.03.2013].

«Депутат ЛДПР, первый заместитель руководителя фракции Владимир Овсянников призвал всех принять участие в шествии 2 марта в защиту материнства и детства, в том числе политические партии, объединить усилия и прекратить *политические разборки*» [МК, 22.02.2013].

«Они становятся крайними в *политических разборках*, это совершенно подлый, циничный ход нашей власти в ответ на «закон Магнитского», который запрещает въезд в Америку жуликам, ворам и бандитам, укравшим миллиарды российских рублей и сгнобившим адвоката, который этим делом занимался» [Из, 18.12.2012].

«А как проходили *партийно-политические разборки* в других странах, включая Россию?» [АиФ, 13.08.2008].

В современном российском политическом дискурсе данный жаргонизм употребляется, в основном, в значении: выяснение отношений между лицами, политическими или экономическими группами путем общения. Однако он наделен отрицательной эмоциональной окраской; использование в данных контекстах лексемы из уголовного жаргона создает впечатление схожести политической жизни с преступным миром.

Следующим примером лексемы из уголовного жаргона, используемой в политическом дискурсе, является существительное *пацан*. В случае этой лексической единицы лицо характеризуется через соотнесенность с занимаемым положением в группе (его статус в групповой иерархии). Данное слово употребляется в криминальной среде со значениями «1. молодой начинающий вор; 2. человек, уважаемый в преступном мире // заключенный, не сотрудничающий с администрацией ИТУ, неподчиняющийся внутреннему распорядку // неформальный лидер ИТУ» [БСРЖ, 424].

Приведем примеры его использования в политическом дискурсе:

«Спорить с «реальным *пацаном*» Бараком Обамой «очкарик» Олланд не рискует, оттого и принимает решение, наносящее прямой ущерб собственной стране, как репутационный, так и моральный» [АиФ, 26.11.2014].

«– В парламенте бывшей Украины представлены националисты всех мастей: от бубновой «Батькивщины» до пикового «Оппозиционного блока», от фашиствующих бандитов из разных шаек, именуемых «батальонами» (этакого махорочного самосада), до облегченных укронаци (да еще с ментоловым наполнителем), – рассуждает политолог, член Общественной палаты Республики Крым Андрей Никифоров. – Наиболее рациональной архитектура этого состава была бы следующей: в центре – «нерушимое совражество» блоков Порошенко-Яценюка с адептами Садового и Тимошенко; с условного левого фланга – Бойко с *пацанами*; справа – пристраивается Ляшко, ему западные спонсоры уготовили роль этакого жупела радикального национализма, поскольку он видится им вполне управляемым и несамостоятельным игроком» [МК, 12.11.2014б].

«Вы слышали, чем занимается Росмолодежь, кроме Селигера? Когда этим агентством руководил не верящий ни в Бога ни в черта Якеменко – они хоть как-то шумели. Часто по-дурацки: книжки жгли, *пацанов* со всей страны в Москву свозили против оппозиции постоять» [МК, 28.10.2014].

«Убейте Януковича, убейте генералов, никого не жаль. Но свободную Украину мы строим и для этих *пацанов* тоже, – поочередно по-украински и по-русски кричит вставший перед бульдозером мужчина, ловко уворачиваясь от тех, кто пытается оттащить его от машины» [Из, 01.12.2013].

Использование в данных контекстах лексемы в жаргонном значении создает впечатление схожести политической жизни с преступным миром и

имеет отрицательную эмоциональную окраску. Такую же функцию выполняет в политическом дискурсе лексема *кореш* (и производный глагол *корешить*). Она употребляется в уголовном жаргоне в значении «Друг, старый приятель, компаньон» [БСРЖ, 279], а в политическом дискурсе характеризует лицо через соотнесенность с занимаемым положением в группе:

«История с рейдерским захватом нефтебазы предпринимателя Валерия Хона, в которой главную скрипку играл экс-премьер Омурбек Бабанов, получила очередное продолжение. Грядущей осенью истечет срок действия кабального договора, заключить который Валерия Павловича вынудил (с подачи своего *кореша* Бабанова) печально известный Максим Бакиев» [МК, 22.07.2014].

«Приезжая на Гавайи, президент воздвигает преграду между собой и своими политическими советниками и *корешами*» [МК, 08.01.2014а].

«По ходу, Алексей Владимирович – следующий после Людмилы Кононовой зам губернатора, который отработает в правительстве всего лишь несколько месяцев? – Похоже на то. С таким количеством административных дел вряд ли он усидит в заместителях губернатора. (...) А предупреждали Первого, что нельзя набирать команду из *корешей* и коллег по работе, к тому же, территориально проживающих в одном городе» [МК, 16.05.2012].

«Виктор Черномырдин был одним из тех, кто выскочил из этой «вертушки». Спровоцировал – неволью – Черномырдина на вылет его вашингтонский *кореш* Альберт Гор» [МК, 27.07.2000].

«Предстоял драматичный отчет и.о. премьера перед враждебно настроенными депутатами. Альянс с «Гражданским союзом», чей лидер Александр Руцкой *корешил* с Хасбулатовым, позволял продолжить реформы, задоблив жаждущих крови оппонентов» [Из, 03.10.2007].

«Система *корешей* у нас во всей структуре власти. Когда есть коррупционные финансовые потоки, работает принцип «Своих не сдаем» [АиФ, 14.10.2013].

Очередным примером является лексема *базар*. Кроме значения «Разг. На юге России, на Востоке: рынок» [БТСРЯ, 55], она применяется в уголовном жаргоне в значении «Угол. Шум, суматоха, скандал, устраиваемые для отвлечения внимания» [БСРЖ, 44]. В политическом жаргоне данная лексема подчеркивает плохое состояние дел в стране,

вызванное деятельностью политиков и придает высказыванию отрицательную эмоциональную окраску.

Примеры употребления в прессе:

«А Россия стоит на месте. Деньги и умы продолжают убежать. Рубль падает. Споры идут о том, что у нас – стагнация, застой или рецессия? Политика утрачивает масштаб. Мы обсуждаем не «пятилетку за три года», не «освоение целины» и даже не «догнать и перегнать», а выходы Жириновского, перспективы орального секса в России, зарубежные счета сенаторов, дачу Патриарха, смерть Березовского, игру в бадминтон Медведева и невероятных размеров щуку Путина. У нас даже не политический *базар*, а политический блошинный рынок» [АиФ, 27.08.2013].

«Прокричав о своих претензиях к американским усыновителям, депутаты вызвали на свои головы лавину горьких и злых вопросов – о кошмаре наших детдомов, об убийствах и насилии в наших приемных семьях, о несуществующей системе выживания и социализации больных детей, – и теперь им, а также их коллегам из исполнительной власти придется долго и обстоятельно отвечать за *базар* – не перед авторами «закона Магнитского», а перед собственными гражданами» [Из, 19.12.2012].

«Я бы еще добавил, лучше иметь дело с политиком, который по мере сил пытается сдерживать Израиль от нанесения удара по Ирану, чем с безоговорочным сторонником Израиля, которому так или иначе придется отвечать за *базар*» [Из, 11.09.2012a].

«Результаты выборов тотально фальсифицированы!» – сказал Жириновский и ушел с заседания Думы. За *базар* надо отвечать» [Из, 16.10.2009].

«Год назад в Киеве произошел майданный переворот. Майдан – с украинского – не только площадь, но и рынок, или, как говорят в Сибири и на Волге, *базар*. Кто там за этот базар отвечал – Б.А. Березовский или американский посол в Киеве, видимо, будут еще не один десяток лет разбираться» [Из, 12.12.2005].

«Я бы в первые же 20 минут после взрыва 11-го, ни у кого не спрашивая, разбомбил бы несколько нефтяных скважин в Саудовской Аравии и сбросил бы для охлаждения на самые исламистские страны по ядерному заряду – но сразу, понятно?! Тут же поднял бы в воздух со всех военных баз все самолеты, по радио ввел бы во всем мире Чрезвычайное

Положение, затем взял бы у Путина роту русского спецназа – за 1000 баксов порвут любую охрану в любой стране! – мигом, не считаясь с жертвами мирного населения – пусть за свой *базар* отвечают! – устранил бы самых злостных лидеров исламских, женщин и детей в концлагеря сталинского типа на воспитание, на охрану поставил бы китайских хунвейбинов и латышских стрелков» [Из, 09.10.2002].

Следующим примером лексемы из уголовного жаргона, которая используется в политическом дискурсе, является наречие *западло*. Оно имеет значение «Позорно, унижительно (о том, что считается ниже собственного достоинства) [Ермакова, Земская, Розина 1999, 59]. Входя в синтаксическую группу сказуемого или выступая в функции сказуемого, данная лексическая единица передает отрицательную оценку описываемого действия и формирует образ действующего субъекта (деятельность политиков оценивается очень низко).

Употребление данного жаргонизма в прессе иллюстрируют следующие примеры:

«Вы вообще понимаете логику американцев? С сирийской властью они борются заодно с «Аль-Каидой» – той самой, которая показала Америке кузькину мать еще 11 сентября 2001 г. Не *западло*, извините, Вашингтону заключать союз с террористами?» [АиФ, 12.10.2013].

«То, что *западло* делать предвыборным штабам кандидатов, делают за них якобы независимые «комитеты политических акций» (КПА)» [МК, 18.10.2012].

«Все пошли критиковать Масхадова. Басаев со своей бандой, Удугов со своей. Яндарбиев прямо на инаугурации сказал: «Я бывший президент чеченского народа, мне *западло* работать. Я больше не могу работать нигде» [МК, 25.07.2003].

«Кремль будет рад любому конкуренту, лишь бы явка выросла. Но Путину тягаться за пост Президента России со всякой швалью – неприлично (как теперь выражается элита – *западло*)» [МК, 10.12.2003].

Лексемой из уголовного жаргона, которая используется в политическом дискурсе, является также существительное *парашиа*, которое имеет значение «Угол., арест. Емкость для нечистот и испражнений в камере» [БСРЖ, 419]. Данная лексическая единица придает текстам яркую отрицательную эмоциональную окраску. Приведем примеры:

«Мне кажется, что циничные игры части политической элиты украинского юго-востока. При Януковиче магнаты из этого региона были фактическими хозяевами украинской экономики. Евромайдан эту ситуацию радикально поломал. То, что происходит сейчас, можно трактовать как сигнал Киеву: так, братцы, не пойдет! Мы не согласны с тем, что наше место у *параши*!» [МК, 19.05.2014].

«Но питерские депутаты исходят из совсем другой логики: власть вечна и неизменна, а место оппозиции всегда у *параши* или, в данном случае, в спальном районе» [МК, 25.07.2012].

«Это не провал, а объективная реальность», – уверяет нас министр Мутко. Но что означают эти слова в переводе с министерского на общепонятный? Примерно вот что: «Ваше место у *параши*. Выше своей головы вы все равно не прыгнете. Сидите и радуйтесь хотя бы тому, что у вас есть» [МК, 02.03.2010].

«Они устали быть не востребованными. При Ельцине они были на волне, а сейчас их загнали к самой *параши*» [МК, 10.01.2006].

«А вот другим аграриям, примкнувшим одно время по зову лидера Лапшина к «Отечеству – Всей России», людей уже никто не одолжит. Их предвыборный блок – ОВР – и так раскололся в Думе пополам. На почве нехватки кадров аграрные лидеры пока обзывают друг друга «политическими банкротами, которым место у политической *параши*» [МК, 10.01.2000].

Данное существительное используется в политическом дискурсе также для обозначения чего-то отвратительного, оцениваемого резко отрицательно. Приведем примеры:

«Америка – *параши*, Украина будет наша!» [МК, 09.10.2014].

«Отсюда – особая, «наступательная» форма патриотизма. Любая нация считает свою страну самой лучшей, но при этом признает величие и привлекательность других стран. В России, особенно в последнее время, не так: мы – лучшие, другие – «отстой». «Америка – *параши*, победа будет наша» [МК, 05.05.2014].

«Я понимаю, что «Америка – *параши*», но предвыборные дебаты между Обамой и Ромни пахнут настоящей демократией» [МК, 24.10.2012].

Функцию выражения экспрессивной отрицательной оценки выполняет в политическом дискурсе также лексема из уголовного жаргона *беспредел*. Е.В. Какорина, анализируя развитие семантики этой лексемы

(функционирование данного существительного исследовал подробно также Виталий Г. Костомаров [1995, 254-261]), выделяет следующие ее значения: «1. Нарушение моральных, правовых, экономических законов, осознанное как система жизненных принципов и возведенное в устойчивую модель поведения какой-либо социальной группы. 2. Нарушение конкретных договоренностей, норм и запретов общественного поведения, часто сознательное и/или демонстративное. 3. Произвол, беззаконие. 4. Формы физической агрессии [Какорина 1996б, 84]. Валерий М. Мокиенко и Татьяна Г. Никитина дают следующее определение данного слова: «1. *Жрр., мол. Неодобр.* Непристойное, вызывающее поведение; разгуд. 2. *Жрр., мол., мил. Неодобр.* Беззаконие, самодурство; тотальное бесправие. 3. *Мил.* Преступление с применением жестокого физического насилия. 4. *Угол.* Группировка воров. 5. *Угол.* То же, что БЕСПРЕДЕЛЬНИК. 6. *Угол.* Вор, ушедший из воровской среды и прекративший преступную деятельность» [БСРЖ, 60].

Употребление данного жаргонизма в политическом дискурсе можно проиллюстрировать следующими примерами:

«Нет контроля и со стороны городских депутатов. Пока непонятно, почему большинство из них безучастно смотрит на *беспредел* в ЖКХ, на страдания горожан на своих избирательных округах. Где парламентские расследования городской думы деятельности управляющих компаний?» [МК, 29.10.2014].

«Жители Крыма голосовали не только за присоединение к России, но и за прекращение «коррупционного *беспредела* и воровского засилья донецких ставленников» [МК, 01.10.2014].

«Поэтому компартия приняла решение, и мы, коммунисты, снимаем мою кандидатуру для того, чтобы сегодня спасти Украину от того *беспредела*, который сегодня имеет место», – сказал политик» [АиФ, 16.05.2014а].

«Мы требуем от новой украинской власти остановить этот *беспредел*», – прокомментировали ситуацию в российском министерстве» [АиФ, 25.02.2014в].

«Виктор Янукович в ходе своего обращения к журналистам в Ростове-на-Дону заявил, что все еще «жив» и чувствует себя хорошо, и остается легитимным президентом Украины. Также, по его словам, *беспредел* против украинских граждан ширится, а «темные силы» хотят развязать гражданскую войну» [АиФ, 24.02.2014].

«Объявив о подготовке народного марша на Кишинев, лидер молдавской компартии (ПКРМ) В. Воронин потребовал отставки правительства и проведения досрочных парламентских выборов. «Ситуация в стране сегодня описывается словами: *беспредел*, нищета, коррупция», – объясняет Алексей Тулбуре, кишиневский политический аналитик» [АиФ, 09.10.2013].

В современном российском политическом дискурсе употребляется также слово *раскрутка*, заимствованное из профессионального жаргона. В прошлом эта лексема появлялась обычно в материалах, рассказывающих о мире шоу-бизнеса. Ее значение объясняется следующим образом: «Система мероприятий, имеющих целью широко рекламировать, популяризовать (обычно эстрадный номер, альбом или исполнителя)» [ТСРЯХХ, 530]. В политическом дискурсе данное слово выступает со значением: действия, направленное на то, чтобы сделать политика популярным, способствовать его победе в выборах, используя деньги. Цель употребления данной лексемы в политическом контексте – сблизить политическую деятельность и шоу-бизнес, что создает впечатление несерьезности политики и поведения политиков.

Приведем примеры:

«Для *раскрутки* прохоровской партии «Гражданская платформа» важно добиться успеха на выборах в Мосгордуму в 2014 г., и Лужков тут может быть полезен своими связями в московских элитах, – говорит Алексей Макаркин, замгендиректора Центра политических технологий» [АиФ, 13.02.2013].

«Генеральный директор агентства политических и экономических коммуникаций Дмитрий Орлов считает, что «Правое дело» привлекло известного и знакового персонажа в свои ряды исключительно для своей *раскрутки*» [Из, 14.08.2012].

«Люди, видимо, жертвовали не под идеологию партии, а под Прохорова. Под *раскрутку* его» [Из, 20.10.2011].

Примерами лексических единиц из жаргона бизнесменов, которые используются в политическом дискурсе, являются слова *навар* и *наварить*. Их значения – это: «Чистая прибыль» и «Получить прибыль от сделки, заработать на чем-л.» [БСРЖ, 368]. Употребление данных

жаргонизмов в политическом дискурсе можно проиллюстрировать следующими примерами:

«Наша цель – не заработать на партиях, цель – заработать на выборах, – резюмирует Богданов. – Мы хотим остаться управляющей компанией этих партий, когда они достроятся. Предоставлять им юридическое обслуживание, пиар-сопровождение. Очень бы хотелось, чтобы эти заказы были у нас. А платят всегда хорошо. Собрались вы идти в губернаторы, хотя бы для того, чтобы развлечься, значит, у вас есть лишний миллион долларов. А у нас есть партия. И технологи. (...) Проще иметь дело с кандидатами, которые идут не чтобы выиграть, а чтобы засветиться. Или занять третье место, а потом поучаствовать в торге перед вторым туром, как любят делать кандидаты от ЛДПР. Это окупает всю кампанию и еще дает *навар*» [МК, 04.02.2013].

«По идее, Александр Григорьевич должен радоваться: Конституционный акт союза принимается с его поправками и пожеланиями. И поста-то президента там не будет, и в экономику друг друга мы лезть не будем, лишь границы вместе защищать. Никакого ущерба для белорусского суверенитета – впрочем, и *навара* особенного тоже. Может, оттого и скорбит Лукашенко, поливая «союзницу» желчью: газ Россия не желает ему по заниженным ценам поставлять и ракетные комплексы дарить не хочет» [МК, 25.11.2005].

«Лично я думаю, что все намного банальнее – Ющенко рискует не ради виртуальных выгод в будущем, а ради вполне реального *навара* в настоящем. Он совместно с Бушем подготовил проект передачи украинской газотранспортной системы Соединенным Штатам. Американцы к тому же хотели с помощью газового скандала ударить по российско-европейскому сотрудничеству» [МК, 14.01.2009].

«Интересы коалиции, которая придет к власти, заключаются не только в сохранении лояльности населения и стабильности, но и в получении *навара* с этой лояльности и стабильности» [Из, 25.06.2007].

«Геннадий ГУДКОВ: «В отличие от прошлых партий власти, создаваемых исключительно под выборы, «ЕР» обрела свою социальную базу: вокруг нее сплотилось чиновничество, которое стремилось расширить свою власть, и те люди, которые в смутные годы *наварили* денег и боялись их потерять» [МК, 24.09.2009].

«А если посчитать еще, что только на внутреннем рынке за первое полугодие белорусская власть *наварила* на российском газе около 400

миллионов «зеленых» (поставки в Белоруссию за этот период составили более 10 млрд. кубов), то несчастные мины бедных родственников из Минска выглядят фальшиво» [МК, 02.08.2007].

«В преддверии сочинской Олимпиады абхазские власти могут *наварить* такой политический капитал, по сравнению с которым нынешние доходы от туристов просто ничтожны» [МК, 01.07.2008].

«Сейчас партии строят так: «впарил – *наварил*», – говорит один из матерых российских пиарщиков, участвовавший в кампании 96-го года. Партиями занимаются во многом люди из бизнеса. Жесткие, прагматичные. Они понимают, с какой страной имеют дело» [Из, 14.07.2002].

В цитируемых контекстах данные жаргонизмы служат средством сравнения деятельности политиков и политических групп и деятельности бизнесменов, что придает высказываниям отрицательную эмоциональную оценку (политики, призванные служить народу, руководствуются жесткими правилами экономики и заботятся о своей прибыли).

В политический дискурс попадают также лексемы из милицейского жаргона. Примером может служить глагол *зачистить*, который имеет значение «Очистить объект от нарушителей закона, преступников, террористов» [БСРРЭР, 74]. Данная лексическая единица придает высказыванию эмоциональную окраску – тот, кто «зачищает», наделяется чертами милиционера (блистатель закона и порядка), тот, кого «зачищают», сравнивается с нарушителями закона:

«Петр Порошенко подписал закон о люстрации: людям, «запятнавшим» себя госслужбой при Януковиче, запретят 10 лет занимать госпосты. Уволят около миллиона человек. Видимо, министров и самого президента, который тоже не без греха, это не коснется. *Зачистят* силовиков» [АиФ, 15.10.2014а].

«Безвольности и вялости президента сейчас удивляются даже националисты. «При желании он мог бы *зачистить* евромайдан за полчаса, – недоумевает Андрей, 20-летний боевик группировки «Правый сектор» [АиФ, 29.01.2014].

«Пришедшие в феврале 2014 года к власти на Украине политические силы, основанные на бандеровских лозунгах «Украина превыше всего», с самого первого дня своей деятельности продемонстрировали, что они очень вольно относятся ко всем договоренностям, делают ставку на силу, намерены *зачистить* политическое пространство от всех дееспособных

сил, ориентированных на другую идеологию, и рассматривают Россию как главного врага» [МК, 03.09.2014].

«Лидер ЛДПР Владимир Жириновский предложил высадить в киевском аэропорту «Борисполь» дивизию российских ВДВ, чтобы **зачистить** Киев от нацистской нечисти» [МК, 04.09.2014].

«Судя по всему, украинские власти в преддверии выборов стараются **зачистить** территорию страны от любых представителей СМИ, которые освещают ситуацию в стране иначе чем того требуют местные власти» [Из, 20.05.2014].

«Кремль **зачистит** госаппарат от коррупционеров задним числом» [Из, 21.11.2012].

В политический газетный дискурс попали также слова из других жаргонов, например, из молодежного жаргона. Примером является слово *тусовка* (в составе словосочетания *политическая тусовка*). Этот жаргонизм появился впервые в сленге хиппи, из него перешел в жаргон музыкантов и любителей рок-музыки, а потом в речь молодежи («Сборище, гулянка, уличные посиделки молодежи, скопление людей, драка, инцидент, рок-шоу» [СМА, 483]). По мере частоты употребления семантика этого слова расширяется: «1. Любое неформальное общение. 2. Группа людей, связанных общими интересами, компания; неформальная группировка. 3. *Обычно Ирон.* Собрание (преимущественно по политическим, профессиональным и другим интересам), митинг» [ТСРЯХХ, 641].

Употребление данного жаргонизма в политическом дискурсе можно проиллюстрировать следующими примерами:

«У всех политических субъектов, похоже, одни и те же консультанты – хоть и с разными именами. **Политическая тусовка** невелика, экспертная – и того меньше, умники наперечет, списки технологов составлены еще зимой, и новых за последние полгода не народилось» [Из, 25.07.2012].

«В современной России самыми прибыльными давно и устойчиво считаются три вида бизнеса. Сырьевой, жилищно-коммунальный и госзакупочный. И во всех трех во главе действия – коррупция. В высшей **политической тусовке** об этом, конечно же, знают» [АиФ, 21.11.2012].

«После его выступления мероприятие перешло в **политическую тусовку** оппозиции» [МК, 22.04.2013б].

«– Суждений может быть много, но я все это отношу к уровню сплетен, – заявил Виктор Кондрашов. – Мы этим живем, у нас есть определенная *политическая тусовка*, которая занимается только распространением слухов» [МК, 13.02.2013].

В данных контекстах жаргонизм *тусовка* используется для обозначения политических групп. Использование лексемы из молодежного жаргона придает высказыванию отрицательную эмоциональную оценку – сравнение политических групп и собрания молодежи без определенной цели является выражением критики по отношению к несерьезной деятельности политиков.

Следующими примерами являются существительное *закос* и глагол *закосить*. Данные лексемы встречается в молодежном жаргоне, выступая в значении «*под кого, подо что*. Подражание, уподобление кому-л., чему-л.» и «*под кого*. Начать подражать кому-л.». Использование данных лексических единиц в политическом дискурсе является средством выражения отрицательного отношения к политикам – сравнение деятельности политиков с несерьезным поведением молодежи, что иллюстрируют примеры из прессы:

«На родине же президента продолжают происходить загадочные вещи. Пущенный непонятно кем слух о якобы имевшем место отравлении министра внутренних дел циркулирует в «высоких кабинетах». До сих пор, надо заметить, обыватель воспринимал неожиданную болезнь министра как тривиальный «*закос* под инфаркт» [МК, 31.05.2007].

«Депутаты мне заявляют, что из-за моей характеристики следствие усомнилось в психическом здоровье Горобца, – подтвердила Светлана Кажаява. – Но у меня к Александру Горобцу как к человеку негативного отношения нет. Может быть, он хотел под дурачка *закосить*, чтобы избежать уголовного дела, и ему это боком вышло?» [МК, 05.10.2012].

В политическом газетном дискурсе встречаем также слово *прикол*. Данный жаргонизм используется в молодежном жаргоне в значении «Шутка, розыгрыш; остроумное высказывание» [БСРЖ, 474]. Его включение в политический дискурс подчеркивает отсутствие серьезности у персонажей политической жизни страны:

«Координационный совет друг Проханова считает политическим *приколом*. «Не думаю, что они там действительно взрывать хотят и

измену родины готовят, просто это художественная самодеятельность. Отдельные персоналии, которые совет используют для обкатки, пойдут в системную оппозицию, профессиональную. И дай-то Бог», – заключил Пащенко [МК, 31.10.20126].

«Многие участники голосования вообще не имеют к партии Прохорова никакого отношения, а рассматривают это как *прикол*, – полагает политолог Глеб Павловский, консультирующий Михаила Прохорова» [Из, 03.03.2012].

«Впрочем, не исключено, что в нынешнем парламенте, где представителей правящей партии ничуть не больше, чем оппозиции, такие *приколы*, на первый взгляд, невинные, ведь речь вроде бы «про зверушек» [Из, 28.12.2011].

Эта лексема появляется также часто в контексте выборов в составе словосочетаний *по приколу* («в силу прихоти, каприза») и *ради прикола*, *для прикола* («ради шутки»), что подчеркивает несерьезное отношение избирателей к выборам:

«Один из них, депутат Гуськов, записался *«ради прикола»*, но вскоре был безжалостно исключен «за систематическую неявку на заседания фракции» [МК, 11.04.2001].

«Например, в высших партийных органах до сих пор значится Александр Лебедев, который на думских выборах год назад возглавлял московский список конкурирующей конторы – партии «Родина». (Это еще что, в «медвежьей» штаб-квартире в Банном переулке до сих пор лежит старое заявление Rogozina с просьбой о приеме в ряды «Единой России» и выписанный на него партийный билет. Функционеры «ЕдРа» никак не могут решить: то ли исключить Дмитрия Олеговича за неуплату партийных взносов, то ли пока оставить его в членах *ради прикола*») [МК, 17.11.2004].

«Вместо свободы создали пародию на выборы, когда *ради прикола* выбирали шутов, мошенников, демагогов и бездарей» [Из, 08.12.2005].

«Причем если раньше политики использовали ТВ для поднятия своего политического рейтинга, то теперь это делается исключительно ради личной славы, поскольку участие в многочисленных телепроектах вряд ли принесет лидеру ЛДПР дополнительные голоса на выборах. Он, конечно, свое возьмет от тех, кто всегда голосует *«по приколу»*, но не больше того» [Из, 29.12.2006].

«Избиратель сегодня похож на 15-летнего подростка: захочет – пойдет на выборы, захочет – не пойдет, а может просто пойти и проголосовать за кого-нибудь «*по приколу*» или против всех. Очень многое так делается, причем взрослыми людьми», – считает политтехнолог Станислав Рассадников» [Из, 07.08.2004].

«Поэтому политика у нас – «зона безответственности как со стороны избирателей, которые могут проголосовать «*по приколу*», так и со стороны отчета избираемых», уверен Орешкин» [Из, 16.09.2003].

Общелитературным значением глагола *наехать* является «Натолкнуться во время езды» [БТСРЯ, 580]. В молодежном жаргоне данный глагол выступает в значениях «1. Придраться к кому-л.; выругать, упрекнуть кого-л. в чем-л. 2. Начать драку с кем-л., спровоцировать драку» [БСРЖ, 370]. Использование этой лексемы в политическом дискурсе имеет целью придать высказыванию отрицательную эмоциональную окраску.

Примеры:

«Сначала обрушился на Минкультуры, без спроса включившее его в число подписантов известного письма деятелей культуры в поддержку политики Путина на Украине. Но не успели сторонники нынешних киевских властей обрадоваться новому «союзнику», как Константинов *наехал* и на них. Да так, что мало не показалось» [МК, 26.03.2014].

«Путин, в свою очередь, не только похвалил Белоусова, но и подколот Кудрина:

– Я как раз хотел предложить разобраться, где в спаде последствия замедления мировой экономики, а где рукотворный результат. Но Андрей Рэмович сам все изложил. Да еще и *наехал* на Кудрина. Ну и правильно, не все же ему на нас наезжать...» [МК, 22.04.2013а].

«Это тоже имеет значение, поэтому любой молодой политик или общественный деятель, который думает, как ему построить политическую карьеру, в большинстве случаев решает *наехать* на Америку, что принесет ему определенный политический имидж, пиар и массовую поддержку» [АиФ, 06.06.2012].

«За время демократических шатаний в России сформировалось три типа протеста: левый, националистический, правый (либеральный в нашей традиции). Правые, будучи у власти, боролись с левым поворотом, как

могли, а в 1996 году *наехали*, конкретно на Зюганова, используя в том числе и массмедиа» [Из, 10.10.2012].

«Президент Грузии Михаил Саакашвили опять *наехал* на Россию. Обозвав российских политиков «динозаврами» [Из, 09.11.2009].

«Михаил Саакашвили умудрился несколько раз унизить свой народ, а также *наехать* на европейских лидеров и Армению с Киргизией. Кроме того, он раскритиковал Барака Обаму и предположил, что Москва и Вашингтон могут сговориться и «поменять лидера» Грузии» [Из, 13.04.2009].

В политическом газетном дискурсе используется также глагол *мочить*, который употребляется как в молодежном, так и в уголовном жаргонах. Значение этой лексемы объясняется таким образом: «1. Избивать, бить кого-л. 2. Убивать кого-л.» [БСРЖ, 359].

Употребление данного жаргонизма можно проиллюстрировать следующими примерами:

«Между тем, знаменитый своим дивным умственным развитием сенатор из США Джон Маккейн призвал также бомбить позиции боевиков-исламистов в Сирии. О, это правда? Ощущение, что я сплю. Ведь почти год назад, когда я был в Дамаске, страна находилась в ожидании американских бомбардировок, правительственные солдаты строили бункеры, а оппозиция готовилась к захвату столицы... теперь же США собираются *мочить* эту самую оппозицию!» [АиФ, 12.08.2014а]

«Людей из окружения Путина Навальный *мочит* в рамках антикоррупционной борьбы» [АиФ, 17.07.2013].

«И рискуют запомниться на выборах-2014 как партия, которая всю предвыборную гонку *мочила* своих конкурентов. Вот «Яблоко», например, сошло с дистанции благодаря стараниям «Справедливой России». «Родине» тоже пришлось отбиваться от атак СР» [МК, 16.09.2014].

«Левичев взял слово под жидкие непродолжительные аплодисменты. В превью он напомнил, как разные политические силы *мочили* его партию в последние 2,5 года. «Но мы выстояли, нанесли удар по политическому монополизму «Единой России» и сохранили политическую выдержку, – уверен он. – А Владимир Путин взял 32 тезиса своей предвыборной программы из программы «Справедливой России» [МК, 26.10.2013].

«К урегулированию ситуации на Северном Кавказе есть два подхода: голубиный и ястребиный. Последний предельно понятен – *мочить* всех!

«Голуби» же считают, что надо договариваться, но не все так просто. Отметим сразу, что «голуби» это совсем не правозащитники и либеральные политики оппозиционного толка, центр голубизма – Национальный антитеррористический комитет» [Из, 11.09.2012б].

«Почти вровень идет «проблема коррупции». Они не знают времени, когда организованная преступность создавала собственные партии, когда не выигравший аукцион олигарх на следующий день начинал *мочить* власть по собственному телеканалу, а секретарши министров привыкли к посетителям, заходящим «с», а выходящим «без» объемистых дипломатов с наличными» [Из, 05.08.2010].

Лексема *мочить* употребляется в политическом дискурсе также в словосочетании *мочить в сортире*, которое в уголовном жаргоне имеет значение «Жестоко, беспощадно расправляться с кем-л.» [БСРЖ, 556]. После его использования В.В. Путиным 24 сентября 1999 года во время пресс-конференции в Астане в комментариях о событиях предыдущего дня, когда российская авиация нанесла ракетно-бомбовые удары по аэропорту, нефтеперерабатывающему заводу и жилым кварталам Грозного, оно стало крылатой фразой и часто встречается в средствах массовой информации.

Приведем примеры:

«По некоторым данным, в полемику с Путиным по этому вопросу решил вступить уроженец Саудовской Аравии Хабиб Абд аль-Рахман, более известный как Хаттаб, якобы заявивший: «Мы будем *мочить* русских. Войска Путина. Но не *в сортирах*. В сортирах у нас чисто» [АиФ, 02.09.2014].

«Вот и на этот раз, вместо того чтобы по-путински «*мочить в сортире*» боевиков-националистов, поджигавших, терроризировавших Киев и всю страну, он днями, неделями чего-то выжидал» [АиФ, 25.02.2014а].

«Как и положено, у каждого бойца был свой прием – например, Путин мог *мочить врагов в сортире*, а Березовский поражал соперников мешком с деньгами» [АиФ, 26.09.2013].

«Гордепы создали рабочую группу, куда вошли чуть ли не все члены комиссии. Александр ВАНЦОВ попросил дать ему участок коррупции, пообещав *мочить* взяточников.

– Надеюсь, в *сортире*, – пошутил депутат КУДИНОВ» [МК, 30.01.2013].

«Путин вошел в свое первое премьерство с идеей *«мочить в сортире»*. Она позволила ему стать национальным любимцем и президентом. В отличие от Степашина, который одно время воспринимался как преемник Ельцина, Путин решился на жесткую борьбу с чеченским сепаратизмом, чем очень понравился закомплексованному обществу» [МК, 03.10.2012].

«Когда речь идет о террористах отечественного разлива, рецепт известен: *«мочить в сортире»* [Из, 31.07.2006].

Интересным примером использования в политическом дискурсе жаргонизмов является выражение *соскочить с иглы*. В жаргоне наркоманов данное словосочетание имеет значение «Перестать вводить себе наркотики внутривенно» [БСРЖ, 229]. Использованное в политическом дискурсе, придает высказыванию отрицательную эмоциональную окраску путем сравнения страны и наркомана (приобретая одновременно значение «Выйти из какого-то бизнеса», связанное со значением глагола *соскочить* в жаргоне бизнесменов [Погребняк 2005, 16]):

«О том, что Россия засиделась на «нефтяной игле» в последнее десятилетие не говорил только ленивый. Вот только, боюсь, не дадут нам такого подарка – соскочить с нее так запросто...» [МК, 18.03.2014].

«Вот та самая сырьевая зависимость, нефтяная *игла*, с которой государство российское никак не может *соскочить* – это разве не наркомания?» [МК, 29.05.2013].

«Знакомые индусы поговаривают, что попытка *«соскочить с русской иглы»* была предпринята в начале 2000-х, после того как отношения с Россией очень сильно ослабли» [АиФ, 27.12.2012].

«Далее она очень складно изложила, при каких условиях будет голосовать за Путина (гипотетически): если он проведет предлагаемые ею реформы, а именно... Думаете, последовали требования освободить политзаключенных? Не-ет! Ксения же девушка умная! И потому она коротко изложила: надо *соскочить с нефтяной иглы*, победить коррупцию, ну и повысить производительность труда» [АиФ, 29.02.2012].

«Стране срочно нужны деньги, иначе банки рухнут, говорят украинские власти. Они уже попросили помощи у МВФ. А эта организация просто так денег не дает. Она вмешивается во внутреннюю политику, как правило, перестраивая ее в интересах американского капитала. И *соскочить с иглы* МВФ можно только ценой глубочайшего

кризиса – это показал опыт многих развивающихся стран, где МВФ уничтожил целые отрасли экономики» [Из, 21.10.2008].

«Если Россия сможет *«соскочить» с* нефтегазовой *«иглы»* и развить реальное производство, то кризис нам не страшен ни сейчас, ни через много лет» [Из, 12.02.2008].

Выводы

В значении лексем, обозначающих реалия общественно-политического устройства общества, могут актуализироваться семы позитивного или негативного отношения к обозначаемому денотату. Данное явление обусловлено внешними социальными процессами и изменением отношения носителей языка к новым явлениям общественной жизни. Проведенный анализ показал, что в современном российском политическом дискурсе можно заметить переориентацию и актуализацию лексических единиц. Политические изменения повлияли на изменение общественного сознания, которое, в свою очередь, обусловило деидеологизацию ряда лексических единиц. Из их семантической структуры исчезли коннотативные семы, связанные с жесткой идеологической положительной или отрицательной оценкой. Указанный процесс идет по трем основным направлениям: в эмотивном компоненте значения слов происходит снятие сем отрицательной оценки; в эмотивном компоненте значения слов происходит замена сем положительной оценки на нейтральные или отрицательные; в эмотивном компоненте значения слов происходит замена отрицательных оценочных сем на положительные. Данные лексемы употребляются в газетных текстах в контекстах, которые не вызывают прежних ассоциаций. Описанные изменения в идеологических наслоениях можно проследить, опираясь на словарные статьи словарей (исчезновение указателей прежней яркой эмотивности).

В условиях идеологического противостояния анализированные заимствования из английского языка выполняли роль идеологически маркированной лексики, используемой для формирования «образа врага» в прессе доперестроечного периода. Данные лексемы приобрели устойчивую отрицательную коннотацию. Политические, общественные и экономические изменения в современной России способствовали актуализации употребления англицизмов, обозначавших соответствующие реалии и понятия зарубежной действительности. При процессе переориентации на российскую действительность, англицизмы потеряли семантический компонент, способствовавший возникновению отрицательной коннотации идеологического характера, и из отрицательно-оценочной перешли в нейтрально-оценочные. В свою очередь, слова, обозначавшие

на Западе негативные явления, потеряли указание на их локально-ограниченное применение, но не изменили отрицательную коннотацию, так как сами явления, обозначаемые ими, являются негативными.

В настоящее время политический газетный дискурс стал отличаться от языка советской газеты большей выразительностью и экспрессивностью. Проанализированный материал показывает, что в современном политическом газетном дискурсе интенсивно употребляются стилистически ограниченные лексические средства, в том числе слова разговорного характера и жаргонизмы. Несомненна текстообразующая роль данных лексем в политических газетно-публицистических текстах. Они часто наделены отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской, с их помощью прививается определенная оценка тех или иных явлений политической реальности, у читателя формируется определенное представление о политиках и о политической жизни.

ГЛАВА IV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРИКА КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГАЗЕТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

1. Метафоры, их виды и функции

Результатом изменений государственно-правовой и социально-экономической систем в России конца XX – начала XXI вв. являются трансформации русского языка на всех его уровнях. Они заметны, в первую очередь, в лексическом составе языка, так как именно этот пласт языка наиболее быстро реагирует на экстралингвистические факторы.

По мнению О.В. Загоровской [2003, 15-23], изменения в лексико-семантической системе русского языка последнего времени проходят по трем основным направлениям: появление новых лексических единиц (пополнение словарного состава языка новыми иноязычными единицами и неологизмами, образованными на основе собственных языковых ресурсов), перераспределение между различными группировками внутри сложившегося словарного состава (перераспределение между лексикой активного и пассивного запасов, перераспределение между лексикой ограниченного употребления и общеупотребительной лексикой) и изменения в плане содержания словесных знаков (изменения заключенной в семантике слова понятийной, эмотивной и собственно-языковой информации, затрагивающие семантическую структуру слова в целом или структуру отдельного значения). Одной из важных проблем, связанных с трансформациями словарного состава языка, является вопрос о способах возникновения новых значений словесных знаков. Существуют разные классификации типов семантических изменений, благодаря которым возникают новые производные значения. Одной из особенностей лексики,

используемой в российском политическом дискурсе новейшего периода, является довольно значительное число семантических неологизмов. Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что среди всех способов формирования новых производных значений лексических единиц из данной сферы путем внутрисловной деривации (сужение значения, расширение значения, семантический сдвиг, функциональный, метафорический и метонимический переносы) наибольшей продуктивностью отличается метафорический перенос. По мнению Н.Д. Арутюновой [1990, 9], в основе метафорического осмысления действительности лежит не только способность человека идентифицировать объекты и улавливать сходство между областями, воспринимаемыми разными органами чувств, но и способность улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом.

Метафоричность политического дискурса можно определить как средство осознания, моделирования и оценки политических процессов, инструмент воздействия политиков на социальное сознание граждан. Общей коммуникативной установкой высказываний политиков является, несомненно, их стремление к тому, чтобы увлечь, заинтересовать, убедить адресата, повести его за собой, поэтому метафоричность можно считать одним из важнейших признаков современной политической речи. Использование метафор может быть удачным способом представить новые идеи и одновременно вызвать интерес к своим взглядам, тонко повлияв на настроения аудитории. Метафоры помогают политическим лидерам преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира, ввести новую категоризацию в представление хорошо известных феноменов и дать им новую эмоциональную оценку. Используемые в политическом дискурсе единицы, образованные путем метафорического переноса, несут коннотативную нагрузку, их главной задачей является формирование необходимого отношения адресата к данной теме посредством оказания на него эмоционально-психологического воздействия. Причиной использования в газетных текстах лексем с вторичным метафорическим значением является, наверное, их способность отвечать основным требованиям, предъявляемым к языку прессы: для них свойственны оценочность, эмоциональность, максимальное количество информации при минимальном объеме текста, единство стандарта и экспрессии, образность, точность.

Интерес к феномену метафоры, который возник еще в античности и

поддерживался средневековой философской мыслью, развивается активно также в новое время, когда появились многие концепции, описывающие природу, сущность и функции метафоры. Метафора является объектом исследования не только в языкознании, но и в других областях науки. Галина Н. Скляревская замечает в связи с этим: «Мы переживаем время тотального интереса к метафоре. На феномене метафоры сосредоточили свое внимание философы, психологи, психолингвисты, стилисты, литературоведы, семасиологи» [1993, 3]. Ученая, обобщая основные результаты метафорологических изысканий в рамках философских, логических, психологических и лингвистических работ, условно выделила одиннадцать направлений изучения метафоры: семасиологическое, ономасиологическое, гносеологическое, логическое, собственно лингвистическое, лингвостилистическое, экспрессиологическое, лингволитературоведческое, лексикологическое, лексикографическое [Скляревская 1993, 6-11].

Данное явление уже много веков привлекает к себе внимание специалистов-языковедов и исследователей из других областей знания. В процессе исторического развития подходы к понятию метафоры значительно изменялись. Согласно традиционной точке зрения, метафорой (от греч. *metaphorá* – перенос) называют троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении [БЭС, 296]. Изучение онтологической природы данного феномена восходит к Аристотелю. Философ разработал поэтическую теорию метафоры и описал ее не как феномен языка, а как фигуру художественной речи. Аристотель рассматривал метафору, обозначающую перенос наименования с одного предмета на другой на основании интуитивного ощущения сходства между предметами, принадлежащими к разным онтологическим классам, как реализацию заложенных в человеке желаний познавать и получать эмоциональное удовольствие от нового знания.

В настоящее время ученые разграничивают два типа метафор: поэтическую (или художественную) и языковую. Первым, кто противопоставил поэтической метафоре языковую, был Шарль Балли [1961], который указывал на всеобщую метафоричность языка. Художественная метафора исследуется в поэтике как одна из ее основных

эстетических категорий. Она возникает как результат целенаправленных и сознательных эстетических поисков. Языковая метафора, в свою очередь, имеет стихийный характер, она заложена в самой природе языка и изучается в лингвистике как комплексная проблема, имеющая отношение к разным специальностям (лексикологии, семасиологии, теории номинации, психолингвистике, лингвостилистике).

В настоящее время отсутствует единая, универсальная типология языковых метафор. Известные классификации принимают во внимание функциональную нагруженность метафор или характер семантических процессов, происходящих при метафоризации. Например, В.Н. Телия [1988, 28-29] в зависимости от функциональной значимости метафор выделяет следующие их типы:

- идентифицирующая (индикативная) метафора: выполняет собственно номинативную функцию и обеспечивает наименование предметно ориентированных явлений, действий, отношений (например, *подошва* горы);
- когнитивная метафора: она предназначена для создания новых понятий в области непредметной деятельности (например, *память* машины);
- оценочная метафора: оценка совмещается в ней с дескриптивным отображением предметного или непредметного объекта (например, *тугой* слух);
- оценочно-экспрессивная (эмотивно окрашенная) метафора: не только отображает действительность и хранит сведения о ней, но также выражает эмоциональное отношение к обозначаемому (например, *медведь* о человеке).

Нина Д. Арутюнова [1990, 14] предлагает следующую классификацию языковых метафор по их функциональной нагруженности:

- номинативная (идентифицирующая) метафора: используется в номинативных целях и основывается на переносе названия в результате сходства предметов (например, *глазное яблоко*);
- образная метафора: рождается вследствие перехода идентифицирующего значения в предикативное и служит для создания смысловых нюансов (например, *чурбан* о человеке);
- когнитивная метафора: направлена на достижение гносеологических целей (например, *острое* слово);

- генерализующая метафора: конечный результат когнитивной метафоры.

Валентина Н. Прохорова [1980, 15] на основе функциональной значимости метафор выделяет только два их типа:

- языковая (узуальная) метафора с номинативным типом значения: она представляет собой результат переноса на основе релевантных и общеизвестных признаков сходства (например, *рукав реки*);
- индивидуальная (окказиональная) метафора с экспрессивно-синонимическим типом значения: она возникает на основе переноса второстепенных, нерелевантных признаков (например, *золото волос*), со временем такие метафоры теряют экспрессивность и становятся языковыми.

Примером классификации, принимающей во внимание характер семантических процессов, происходящих при метафоризации, является типология, предложенная Владимиром Г. Гаком. Ученый разграничивает:

- полные метафоры: они целиком мотивированы исходным значением;
- частичные метафоры: не полностью мотивированы исходным значением [Гак 1972, 147].

Юрий Д. Апресян [1974, 322] также выделяет только две группы метафор:

- метафоры, в случае которых метафоризация достигается вычеркиванием одного из компонентов исходного значения или заменой одного компонента другим, при сохранении у исходного и произвольного значений достаточно большой общей части;
- метафоры, в случае которых словарное толкование не обнаруживает даже частичного сходства со словарным толкованием исходного значения.

По мнению Владимира В. Петрова, все исследовательские подходы к изучению метафоры можно свести к двум направлениям – семантическому и когнитивному. При семантическом подходе метафора понимается как языковое явление, как способ оформления и украшения мысли. В основе когнитивного направления лежит представление о том, что метафора является явлением не языковым, а ментальным, соответственно, метафоричность – это особый способ мышления. При семантическом подходе в первую очередь рассматриваются семная структура метафоры, семантические процессы, которые формируют метафорические значения,

соотношение сем в исходном и метафорическом значениях, а также семантические поля (лексико-семантические или тематические группы), к которым эта метафора относится в первичном и вторичном значениях. В таких исследованиях могут акцентироваться стилистические функции метафоры. Согласно когнитивной теории метафоры метафорические значения слов является не украшением мыслей, а только поверхностным отражением концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность [Петров 1990, 135].

Когнитивная теория метафоры, которая в современной науке получила широкое распространение, восходит к классической работе Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980]. Авторы утверждают, что метафора не ограничена только сферой языка, процессы человеческого мышления также во многом метафоричны. Многие ученые подчеркивают роль метафоры в процессе формирования концептуальной картины мира человека (например, Э.В. Будаев [2007], Е.С. Кубрякова [2004], З.Д. Попова, И.А. Стернин [2001], В.Н. Телия [1988], А.П. Чудинов [2001, 2003а] и др.). Согласно теории концептуальной метафоры, это языковое явление возникает как эффект когнитивных процессов, в результате которых формируется новое понятие и новый взгляд на предмет или явление [Крюкова 2000, 10]. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами) двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром (диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур). Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов.

Ту или иную денотативную (понятийную) сферу-мишень образно представляют метафорические модели, которые используют лексику,

относящуюся в первичном значении к совсем иной сфере. Анатолий П. Чудинов дает следующую дефиницию метафорической модели: «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это У. При этом отношения между компонентами формулы понимаются не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен У» [2003а, 64]. Анатолий Н. Баранов [2001, 73-94] определяет это понятие как существующую в сознании носителей языка стабильную схему связи между понятийной областью-источником (или метафорической моделью, состоящей из сигнификативных дескрипторов, понимаемых как лексико-семантические группы, или поля области-источника) и областью цели (состоящей из денотативных дескрипторов). Элементы модели связаны различными семантическими отношениями («выполнять функцию», «способствовать», «каузировать», «быть частью», «быть видом», «быть примером» и др.), причем каждый элемент модели соединен с другими элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей [Баранов, Караулов 1994, 15]. Между соответствующими модели метафорами устанавливаются отношения на сигнификативном (уровень понятий), денотативном (область объектов метафорического осмысления) и экспрессивном уровнях. В основе метафоры лежат не значения слов, а концепты – оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, отраженной в человеческой психике [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996, 90]. В процессе мышления человек оперирует некоторыми смыслами, отражающими накопленный опыт и знания об окружающей действительности, а также его представление о положении вещей в мире. Все эти элементы составляют содержание концепта.

Структура метафорической модели включает целый комплекс компонентов. А.П. Чудинов [2001, 44–46] утверждает, что для описания метафорической модели надо охарактеризовать следующие параметры:

- исходную понятийную область (понятийную область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц);
- новую понятийную область (понятийную область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц);

- относящиеся к данной модели фреймы (фрагменты языковой картины мира, которые структурируют исходную концептуальную сферу, а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации новой понятийной области);
- составляющие каждый фрейм типовые слоты (элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации);
- компонент, который связывает первичные (в исходной понятийной области) и метафорические (в новой понятийной области) смыслы, охватываемых данной моделью единиц (то есть выясняет, что дает основания для метафорического использования соответствующих слов);
- дискурсивную характеристику модели (типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели, ее взаимосвязи с экстралингвистическими факторами, взглядами и интенциями субъектов коммуникации);
- продуктивность модели (способность к разворачиванию на основе актуализации новых фреймов, слотов, концептов (степень продуктивности модели увеличивается по мере использования все новых и новых лексических единиц); частотность модели и при необходимости ее доминантность (если потенциал разворачивания и частотность использования метафорической модели на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются).

При когнитивном метафорическом анализе учитываются не только метафоры в традиционном понимании, но и метонимические переносы, синекдоха, фразеологизмы, перифразы, сравнительные обороты. Анатолий П. Чудинов [2001, 37] отмечает, что в когнитивной парадигме понятийное сближение рассматривается как фактор более важный, чем уровневые или структурные различия, а язык рассматривается как единый континуум символьных единиц, поэтому при метафорическом анализе в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям.

Анализируя метафоричность политического дискурса, стоит обратить внимание на выполняемые метафорами функции. Ирина М. Кобозева замечает в связи с этим, что для разных типов дискурса нет единых критериев метафоричности: «В разных типах дискурса метафора

выполняет разные функции (...) В поэтическом тексте главными функциями метафоры признаются эстетическая (метафора как украшение речи) и активизационная (метафора как средство активизации восприятия адресата), тогда как познавательная отходит на второй план. В научном дискурсе на первое место выходит познавательная, эвристическая функция метафоры, позволяющая осмыслить новый объект исследования, опираясь на знания о других типах объектов... Важна для научного дискурса и аргументативная функция метафоры как средство убеждения в правильности (правдоподобности) выдвигаемых тезисов или постулатов» [2001, 134-135].

При описании этой проблемы в лингвистической литературе наиболее часто выделяются следующие функции метафоры [Кулиев 1987; Опарина 1988; Складневская 1993; Харченко 1991; Вовк 1986; Телия 1988]:

- номинативная: обеспечение языковой фиксации знания на основе присвоения имени объектам путем их сопоставления с другими объектами действительности;
- концептуальная (когнитивная): обозначение новых, не имеющих словесного выражения понятий как сущностей более высокого порядка;
- образная и экспрессивно-оценочная: образное представление явлений действительности, сопряженное с выражением чувственного отношения к ним субъекта коммуникации;
- информационная: функционирование метафоры в качестве носителя определенной информации;
- предсказательная (гипотетическая): представление еще до конца не осознанных явлений, которые впоследствии могут приобрести неожиданные для их первооткрывателя формы.

В политическом дискурсе метафоричность выступает как средство фокусирования внимания, объяснения понятия или ситуации под определенным углом зрения в целях формирования у адресатов определенной точки зрения. Ирина М. Кобозева [2001, 134-136] считает, что в политическом дискурсе основными функциями метафоры являются эвристическая и аргументативная. Отмечает также роль интерактивной, эстетической и активизационной функций метафор. Анна В. Степаненко [2002, 24] выделяет следующие функции метафоры в политическом дискурсе: прагматическая, когнитивная, эмоциональная, репрезентативная,

хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа.

Рассматривая функции метафоры в политическом дискурсе, А.П. Чудинов [2003б, 81-85] приходит к выводу, что в данном типе дискурса основными являются:

- когнитивная функция (функция познания мира, работы с ментальными пространствами; способ мышления, средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи элементов, относящихся к совершенно иной понятийной области);
- коммуникативная функция (функция передачи информации, позволяющая передавать информацию в более удобной для адресата форме);
- прагматическая функция (функция воздействия на адресата, средство преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния);
- эстетическая функция (образная форма метафоры привлекает внимание адресата и способна сделать высказывание более действенным, употребление новых слов по уже существующим моделям создает в тексте оптимальное соотношение стандарта (использование модели) и экспрессии (различные виды оживления метафоры), привлекает внимание адресата к способу выражения мысли, которая воспринимается как более яркая и значимая).

Исследователь выделяет следующие разновидности основных функций метафор:

1. Когнитивная функция:

- номинативно-оценочная разновидность (метафора может служить способом создания названий для новых, пока еще безымянных реалий, причем при помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию, что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить свое отношение к нему);
- моделирующая разновидность (использование системы взаимосвязанных метафор позволяет создать модель политической реальности при помощи системы концептов, относящихся к совершенно иной понятийной области, в результате чего

политическая ситуация, которая требует осознания, представляется как нечто хорошо знакомое, для нее как бы уже существует готовая оценка);

- инструментальная разновидность (метафора способна «подсказывать» решения, определять направление развития мысли, то есть выступает как своего рода инструмент мышления);
- гипотетическая разновидность (метафора позволяет представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта).

2. Коммуникативная функция:

- эвфемистическая разновидность (метафора помогает передать при помощи непосредственных номинаций информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить прямо);
- популяризаторская разновидность (метафора позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею).

3. Прагматическая функция:

- побудительная разновидность (использование метафоры способствует усилению действенности побуждения граждан к политической деятельности);
- аргументативная разновидность (метафорическая аргументация постоянно используется в политической речи как способ изменения политических воззрений адресата, метафора позволяет обратиться к некоторому общему для коммуникантов фонду знаний и тем самым создать своего рода общую платформу, опираясь на которую, говорящий с легкостью может развить свою точку зрения);
- эмотивная разновидность (метафора используется для воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям).

4. Эстетическая функция:

- изобразительная разновидность;
- экспрессивная разновидность [Чудинов 2003б, 81-85].

2. Военная метафорика в газетных политических текстах

Проблему метафорики языка политики изучали такие исследователи, как А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов [1991; 1994], О.Н. Григорьева [2001, 2005], А.А. Каслова [2003], Дж. Лакофф и М. Джонсон [1990], В. Любась [Lubaś 1993], К. Ожуг [Ożóg 2002], Й. Славек [Sławek 2005], Й. Смуть [Smól 2001], Ю.Б. Феденева [1997], М. Франковска [Frankowska 1994], А.П. Чудинов [2001; 2003; 2006], Е.И. Шейгал [2000], Н.Г. Шехтман [2004] и др. Следует, однако, подчеркнуть, что исследование данной проблемы все время является актуальным, так как метафорические модели могут подвергаться изменениям под влиянием политической, общественной и экономической ситуации в данной стране. Могут появляться новые модели или новые фреймы известных уже моделей, некоторые фреймы могут исчезать, может изменяться частотность использования лексем, соответствующих той или иной модели и т.д.

Проведенный нами анализ собранной лексики, используемой в современном российском политическом дискурсе, показал, что метафорический перенос по-прежнему является очень продуктивным способом развития у слова нового значения, связанного с обозначениями реалий общественно-политической жизни (надо заметить, что вторичное метафорическое значение некоторых лексем настолько прочно вошло в повседневное употребление, что можно его считать стертым).

Одной из наиболее продуктивных сфер-источников для возникновения вторичных значений слов, выступающих в политическом дискурсе, является сфера-источник «война». Первые примеры использования военной метафорики были приведены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, основателями теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980]. Авторы рассмотрели концептуальную метафору «argument is war» («спор – это война») на примере метафор войны выступлениях Дж. Картера и описали перспективы исследования милитарных метафор в политической коммуникации.

Анатолий П. Чудинов [2001, 103] видит причину милитаризации языка политики в богатом военном опыте человечества. По мнению Анатолия Н. Баранова и Юрия Н. Караулова [1994, 5], концептуальный милитаризм, воплощенный в языке военных метафор, связан с

милитаризацией сознания русского народа, начало которой было положено в советскую эпоху. Елена И. Шейгал [2000, 365] объясняет милитарную метафорику языка политики концептуальным милитаризмом тоталитарного дискурса советской эпохи и его реликтами в современном российском политическом дискурсе, а также агональностью объекта отражения (суть политики: борьба за власть). Следует подчеркнуть, что на частотность военной метафорики влияют особенности политической истории (например, увеличивалась в период холодной войны, переход от тоталитарного к демократическому обществу, в периоды политических выборов и т.п.).

Концепты сферы «война» легко ложатся в основу политической метафорики для структурирования понятийной области политики, а также для эмотивной оценки ее элементов. Лексемы, образованные путем метафорического переноса на базе сферы-источника «война», образно представляют отношения в мире политики, описывая политическую жизнь при помощи милитарных терминов. Благодаря таким лексическим единицам, деятельность политиков и политических партий показана как борьба, в которой используются военные стратегии и тактики, в которой планируются атаки и оборонительные действия, в которой есть победители и побежденные, враги и союзники.

Анализируемый нами материал может быть разделен на несколько тематических блоков. Лексические единицы, которых производные вторичные значения образованы на базе сферы-источника «война», мы условно разделили на следующие слоты:

- война и ее разновидности,
- разновидности военных действий,
- начало войны и ее итоги,
- организация военной службы.

Слот «война и ее разновидности»

Первую группу составляют лексемы, принадлежащие к группе «война и ее разновидности». Центральное место в этом блоке занимает функционирующее во вторичном метафорическом значении существительное *война*. Кроме основного значения «Вооруженная борьба между государствами, народами, племенами и т.п. или общественными классами внутри государства» [БТСРЯ, 145], данное слово употребляется в политическом дискурсе в значениях: «1. Организованная борьба с кем-

либо, чем-либо, действия, направленные на уничтожение кого-нибудь, чего-нибудь. 2. Конфликтные отношения между государствами, при которых обе стороны используют средства экономического и идеологического воздействия. 3. Непримируемое противостояние; несогласие; соперничество» [ТСРЯХХ, 154]. Употребление данной единицы в политическом дискурсе может создавать впечатление, что единственно возможное разрешение разногласий в политике – военные действия, то есть основной путь для устранения конфронтации – военный разгром противника.

В российских средствах массовой информации политическая действительность часто представляется, как разновидности войны, такие как: *война компроматов* (использование в политической, особенно предвыборной борьбе взаимных обвинений политических деятелей, групп, партий и т.п. с предъявлением компрометирующих материалов), *идеологическая война* (использование идеологических средств в отношениях между политическими субъектами), *информационная война* (использование СМИ в борьбе за общественное мнение между политическими противниками), *листовочная война*, *война плакатов* (использование плакатов и листовок в борьбе за общественное мнение между политическими силами), *подковерная война* (использование скрытых интриг в борьбе между политическими противниками), *предвыборная война* (борьба за голоса избирателей), *эфирная война* (использование телевидения в борьбе между политическими субъектами) и т.п., что может вызывать отрицательные эмоции в сознании адресатов (ощущение агрессии, впечатление, что политика является войной всех против всех, политики ориентированы не на совместное решение возникающих общественных проблем, а на борьбу друг с другом).

Приведем примеры употребления в прессе:

«Ранее МИД РФ заявил, что попытки Запада переложить на Россию ответственность за события на Украине, односторонние санкции и открытая **информационная война** не способны содействовать разрешению ситуации» [АиФ, 27.12.2014].

«Постоянный представитель России при ЕС Владимир Чижов в ноябре 2014 года заявил в интервью ТАСС, что кампания демонизации России в западных СМИ – это проявление **информационной войны**, которая в действительности никогда не прекращалась. С учетом того, что западные оппоненты пытаются доказать, что Россия – «это плохая страна,

с которой нельзя иметь дело», Чижов подчеркнул, что «мы просто должны продолжать нашу линию» [МК, 20.03.2015а].

«В Саратове губернатору и мэру объявлена *листовочная война*. Несмотря на то, что до выборов губернатора еще как минимум год, улицы волжского города уже вовсю пестрят листовками революционного характера» [МК, 08.04.2004].

«Превыборная гонка за мэское кресло в Шахтах, где голосование состоится в ближайшее воскресенье, 15 мая, приобрела характер настоящей *листовочной войны*» [КП, 12.05.2011].

В связи с политической ситуацией России в последнее время (экономические санкции, связанные с событиями на территории Украины), в российском политическом дискурсе активно употребляются также выражения типа *газовая война*, *торговая война*, *экономическая война*, выступающие во вторичном метафорическом значении (использование средств экономического воздействия в конфликтных отношениях между государствами):

«Адъютанты – Польша и скандинавские страны. Им *торговая война* с Россией также влетает в копеечку, но давление США не позволяет возражать» [МК, 18.03.2015а].

«Заседание высшего Госсовета Союзного государства должно было состояться еще в декабре прошлого года, когда объединению России и Белоруссии исполнялось 15 лет. Но тут как назло обострились *торговые войны*» [МК, 03.03.2015].

«Касательно же громкого гласа Великобритании и упомянутых выше прибалтийских республик о необходимости продления ограничений, то здесь все объяснимо. Туманный Альбион или Германия могут позволить себе такую роскошь, как *экономические войны*. Прибалтам же попросту нечего терять. С Россией отношения безнадежно испорчены» [Из, 19.03.2015а].

«К слову, GM и его мощнейшие профсоюзы Барак Обама не раз активно использовал в своих политических кампаниях. А как может вкладывать деньги в Россию американская компания, когда США находятся в статусе *экономической войны* с нашей страной?» [Из, 19.03.2015б].

Слот «разновидности военных действий»

Политическая действительность России представляется в средствах массовой информации также как «разновидности военных действий». К рассматриваемой группе относятся использованные во вторичном метафорическом значении номинации типа *атака, баталия, битва, блокада, побоище, сражение* и т.п.

Примером может служить использование лексемы *блокада* («1. Окружение города войсками противника в целях прекращения его связей с внешним миром и принуждения к капитуляции. 2. Система мероприятий, направленных на изоляцию какого-л. государства, региона и т.п. с целью принуждения его к выполнению каких-л. требований. 3. Физиол. Прекращение или нарушение деятельности какого-л. органа, системы в результате отсутствия необходимых для их нормальной работы нервных импульсов, гормонов и т.п.» [БТСРЯ, 84]). В политическом дискурсе данное существительное реализует вторичное значение, выступая в сочетаниях типа *информационная блокада, экономическая блокада, энергетическая блокада*:

– *информационная блокада* (запрет на допуск информации в эфир и печать, отсутствие сношений с другими государствами или регионами)

«Активисты «Стрелковского братства» решили прорвать *информационную блокаду* и рассказать миру о злодеяниях бандеровских боевиков и о борьбе защитников Донбасса. Для них министр обороны Донецкой республики и защитники юго-востока Украины – образцы для подражания, стоящие в одном ряду с ветеранами Великой Отечественной войны» [АиФ, 11.07.2014].

«Министерство иностранных дел России заявило, что на западе введена *информационная блокада* относительно информации о боях на Украине, сообщает ИТАР-ТАСС» [АиФ, 04.05.2014].

«Депутаты немецкого парламента прибыли в Донецк не случайно. В такие горячие точки случайно не попадают. Их визит – результат прорыва *информационной блокады* на Западе, где сведения о событиях в Донбассе долгое время подавались однобоко и даже извращенно, полностью ретранслируя мнение, предложенное Киевом» [Из, 17.02.2015].

«А *информационная блокада*, которая методично осуществляется украинскими властями и некоторыми западными правительствами и СМИ, – прямое нарушение закрепленных в международных договорах норм в области свободы выражения мнения и права получать объективную

правдивую информацию. Вот где европейцам и американцам стоило бы реально поработать на ниве борьбы за свободу слова и выражения мнения. Обманывать свой народ недопустимо» [Из, 11.02.2015].

«Серьезные преступления украинских силовиков в Донбассе замалчиваются, а западные журналисты и правозащитники о них «не пишут и не говорят, да и вообще стараются не замечать», считает уполномоченный МИД России по правам человека Константин Долгов. «Введен режим *информационной блокады*» [КП, 19.03.2015].

«Вышеперечисленное, а также прорыв *информационной блокады* вокруг событий на Украине, поездка левых депутатов Бундестага в Донецк и многое другое – все это создает в мире негативный фон для украинской власти. Даже Збигнев Бжезинский сказал, что Украину не стоит принимать в НАТО» [КП, 14.03.2015].

– *экономическая блокада* (отказ в деловом сотрудничестве, импорте, экспорте)

«Главы ДНР и ЛНР Игорь Плотницкий и Александр Захарченко обратились к Франсуа Олланду и Ангеле Меркель запретить ряду официальных лиц Киева въезд на территорию ЕС, сообщается в их совместном заявлении, опубликованном Донским агентством новостей. (...) «Запретить въезд на территорию Евросоюза за преступления против человечности в отношении нашего народа, за массовые нарушения прав человека, уничтожение мирного населения посредством военного террора и *экономической блокады* следующим гражданам Украины: Яценюк, Полторак, Турчинов, Аваков, Ложкин, Коломойский», – отмечается в заявлении» [АиФ, 13.03.2015].

«Как и в прошлый раз, мы планируем рассмотреть четыре вопроса, среди которых установление и соблюдение «режима тишины», обмен пленными по согласованным спискам, поэтапное снятие *экономической блокады* Донбасса и введение в действие законов об особом статусе региона», – сказал Пушилин» [АиФ, 16.01.2015].

«Активистам и руководству нашего движения есть чем гордиться: всего за несколько месяцев нам удалось создать крепкую, сплоченную организацию и завоевать доверие жителей Донбасса. Несмотря на военные действия, обстрелы наших мирных городов и *экономическую блокаду*, вы не дрогнули», – обратился Захарченко с приветственным словом к делегатам съезда» [МК, 28.02.2015].

«Глава самопровозглашенной Донецкой народной республики Александр Захарченко заявил, что из-за *экономической блокады* Киева пенсию в ДНР будут выплачивать в разных валютах» [МК, 21.03.2015].

«Но все-таки в главном оппозиционеры правы – убийцей Немцова стала атмосфера злости и ненависти, ненависти к собственной стране и злости на ее на самом деле робкую решимость не гнуться под давлением со стороны так называемого цивилизованного мира, вначале организовавшего путч в Киеве, а затем обложившего нашу страну санкциями и поливающего ее ежедневной клеветой. Мира, который не постеснялся объявить *экономическую блокаду* Крыма и поставить чуть ли не вне закона всех его жителей – лишь за стремление избежать гражданской войны, который отказал части населения Украины в праве на жизнь и самооборону» [Из, 28.02.2015б].

«По мнению вице-спикера Госдумы, члена делегации Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) Сергея Железняк, руководство Евросоюза пытается объявить гражданам России, живущим в Крыму и Севастополе, *экономическую блокаду* за решение воссоединиться с Россией» [Из, 19.12.2014].

«Между тем, «газовые» санкции Евросоюза называют в числе следующих шагов по ослаблению России. Не будем забывать и об «американской мечте» поставить Европу в зависимость от заокеанских поставок газа. Для нового экономического передела гражданская война на Украине и десятки тысяч жертв – не препятствие... Последний пример – *экономическая блокада* и отключение от подачи газа ее юго-восточных регионов» [КП, 21.02.2015].

«Все очевидно: сговор США с Саудовской Аравией о падении цен на нефть, одновременно мощнейшая атака на рубль, в которой, как мы знаем, участвовали и зарубежные финансовые фонды, плюс информационная война, включающая в себя пересмотр итогов Второй мировой. Плюс *экономическая блокада*, которая усиливается независимо от заявлений и действий России по Донбассу» [КП, 11.02.2015].

– *энергетическая блокада* (прекращение снабжения государства или региона нефтепродуктами, бензином и т.п.)

«Я не могу сейчас говорить о газовых поставках. Безусловно, эти вопросы будут экстренно рассматриваться в случае необходимости. Но то, что Россия оказывает помощь в достаточно крупных объемах, это тоже

очевидный факт, – сказал пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. – Наличие гуманитарной катастрофы уже признано ОБСЕ, и, конечно, *энергетическая блокада* не то что усугубит эту гуманитарную катастрофу, а сделает ее совершенно чудовищной» [МК, 26.02.2015].

«Ситуацию прокомментировали и в Госдуме РФ. В частности, председатель думского комитета по энергетике Иван Грачев отметил, что в минских соглашениях прописано, что Киев договорится с этими республиками о поставках газа, и если украинские власти не будут выполнять договоренности, то обеспечить поставки «голубого топлива» в Донбасс должна Россия. При этом он призвал Францию и Германию обратить внимание на начавшуюся *энергетическую блокаду*» [МК, 19.02.2015].

«На вопрос «готова ли Россия оказать бесплатную помощь поставками газа на юго-восток Украины?» пресс-секретарь главы государства не дал однозначного ответа:

– Наличие гуманитарной катастрофы уже признано ОБСЕ, и конечно, *энергетическая блокада*, она не то, что усугубит эту гуманитарную катастрофу, а сделает ее совершенно чудовищной» [КП, 26.02.2015].

«Киев объявил самопровозглашенной республике экономическую, *энергетическую* и транспортную *блокаду*, что привело к кризису» [КП, 20.03.2015].

К слоту «разновидности военных действий» принадлежит также лексема *атака* («1. Стремительное наступательное движение войск во время боевых действий; нападение, решительный удар. 2. *Спорт*. Быстрое, решительное или неожиданное нападение на соперника. 3. *Разг.* Энергичные, решительные выступления, действия и т.п., направленные против кого-, чего-л., или неотступные, настойчивые просьбы, вопросы, предложения, обращенные к кому-л.» [БТСРЯ, 50]), которая в политическом дискурсе функционирует во вторичном метафорическом значении (агрессивные действия, направленные против политических противников). Ее использование может вызывать в сознании адресатов отрицательные эмоции (ощущение агрессивности политической жизни), что иллюстрируют примеры:

«Президент России принял участие в саммите G20, несмотря на информационную *атаку*, предпринятую австралийскими СМИ и политиками» [АиФ, 17.11.2014].

«Глава Службы внешней разведки и бывший премьер-министр России Михаил Фрадков заявил, что Запад и союзники стремятся ослабить Россию с помощью санкций и *атаки* на курс рубля и стоимость нефти, сообщает РБК со ссылкой на Bloomberg» [АиФ, 05.12.2014].

«После проведенной на Украине операции по свержению законного правительства Барак Обама во всех бедах обвиняет Россию, что журналист называет ярчайшим проявлением двойных стандартов: «Обама атакует Россию, а потом обвиняет Путина в том, что тот защищает страну от американских *атак*» [МК, 20.03.2015б].

«*Атака* на Яценюка случилась во время брифинга в Верховной Раде председателя Госфининспекции Украины Николай Гордиенко. Фининспектор обнародовал факты по злоупотреблениям на сумму более 2 миллиардов гривен во время приватизации «Укртелекома» [МК, 18.03.2015б].

«У меня складывается впечатление, что сейчас позиции Сергея Собянина ослабевают. Есть много косвенных признаков, в частности учатившиеся *атаки* со стороны «Общероссийского народного фронта» (ОНФ) в адрес некоторых его креатур на губернаторских постах» [Из, 18.03.2015].

«По словам парламентария, визит российской делегации в таком составе следует расценивать как массивную информационную *атаку* на политический класс европейского сообщества, которое увидит единство политических сил и общества в России по международным вопросам» [Из, 22.01.2015].

«Сенатор констатировал, что он не хочет, чтобы Россию ставили к позорному столбу и навязывали советы. Но, к сожалению, в данный момент российские пропагандистские усилия не могут отразить все информационные *атаки*, которые ведутся в отношении РФ» [КП, 23.03.2015].

«Так вот, в целом по странам, которые принято относить к западным, индекс агрессивности по отношению к России вырос за прошлый год в 2 раза, в США – в 3, ФРГ – в 4 раза. И, как рассказал мне автор данной методики Игорь Николайчук, в одну из недель, предшествовавших убийству Немцова, британский ИА составил 84 к 1! Это уже не просто информационная война – это полномасштабная ядерная информационная *атака*, предполагающая полное уничтожение противника без возможности восстановления на столетия вперед» [КП, 02.03.2015а].

Следующим примером, который относится к группе «разновидности военных действий», может служить лексема *баталия*. Данная лексическая единица имеет значения «1. Битва, сражение. 2. *Публиц.* О спортивных состязаниях, борьбе в спортивных играх. 3. *Шутл.* Бурная ссора, спор, драка» [БТСРЯ, 61]. Использование этой лексемы в политическом дискурсе в метафорическом значении может быть связано с отрицательными ассоциациями (деятельность политиков ассоциируется с военными действиями):

«Показателен в этом смысле курьез с отцом Киркорова. В 2007 г., когда на Украине вновь развернулись *баталии* за президентское кресло, Бедрос Киркоров должен был агитировать за Виктора Януковича» [АиФ, 17.01.2015].

«Однако во время предстоящих *баталий* за сейм Ушакову и его партии вряд ли следует рассчитывать на подобные кадровые подарки. Правящий блок отмобилизуется, выдвинет сильных кандидатов, найдет дополнительных коалиционных партнеров и даст настоящий бой «Центру согласия» [Из, 03.06.2013].

«Межпартийный диалог на заседаниях иногда переходит в настоящие *баталии*, и вы нередко вынуждены прерывать депутатов. На ваш взгляд, необходимы ли дополнительные меры контроля за поведением депутатов? Что вы понимаете под депутатской этикой?» [Из, 17.02.2012].

«Здесь очень много факторов. Но мне сегодняшняя ситуация напомнила двух-трехлетней давности Верховную Раду Украины. Там же постоянно эти *баталии*, бросание чем-то в кого-то...» [КП, 07.02.2012].

«Участие в дебатах в наибольшей степени поможет ЛДПР и «Справедливой России», – оценил первые телевизионные *баталии* политиков Евгений Минченко, директор Международного института политической экспертизы» [КП, 24.11.2011].

Данная лексическая единица часто выступает также в сочетаниях типа *политическая баталия, предвыборная баталия, электоральная баталия, выборная баталия, избирательная баталия*:

– *политическая баталия*

«Поэтому выборы признаны состоявшимися. Не только для политических сил региона, но и для избирательных комиссий они стали тестом, генеральной репетицией предстоящих сентябрьских *политических баталий*» [АиФ, 03.04.2013].

«С тем, что за призывом Андрея Бочарова стоит предложение начать совместную работу с чистого листа, забыв прежние споры, согласна и главный редактор журнала «Регионы России: Национальные приоритеты» Ольга Чернокоз: «Думаю, что предложение избранного губернатора Волгоградской области Андрея Бочарова по очистке области от политической рекламы, максимально быстрый переход от *политических баталий* к режиму нормальной работы соответствует мейнстриму той повестки, которую предложил региону при назначении новый глава области и которую мощно – с редким 90%-ным единодушием – поддержало население» [МК, 17.09.2014б].

«Громкий скандал с расколом «Правого дела», а главное, резкие заявления в адрес Кремля возглавлявшего партию до четверга Михаила Прохорова оставили биржевых спекулянтов равнодушными. *Политические баталии* никак не отразились на акциях публичных компаний («Российский алюминий», «Полюс Золото», «Квадра» и медиагруппа РБК), собственником которых в той или иной степени является Прохоров» [Из, 15.09.2011а].

«При этом политические партии обязаны осознавать огромную ответственность за будущее России, единство нации, за стабильность развития нашей страны. Какими бы острыми ни были *политические баталии*, какими бы неразрешимыми казались межпартийные противоречия, они никогда не стоят того, чтобы ставить страну на грань хаоса» [КП, 24.04.2012].

– *предвыборная баталия*

«Казалось бы, после того, как Кремль «ослабил вожжи», на выборах должно было появиться много новых лидеров. А по факту все равно «выстрелили» бойцы, закаленные еще в *предвыборных баталиях* конца 1990-х – начала 2000-х» [АиФ, 10.09.2013].

«В первую очередь всплеск такой активности в прошлом году вызван, на мой взгляд, выборами главы региона. Так как существенный прирост обращений происходил именно в период с мая по сентябрь прошлого года, когда в самом разгаре шла *предвыборная баталия*» [МК, 13.03.2015а].

«Сегодня мы пока еще посмеиваемся над *предвыборными баталиями* американских кандидатов, спорящих за каждый процент в бюджете. Завтра мы потребуем от наших политиков той же скрупулезности» [Из, 12.03.2012].

«Среди наиболее перспективных глав регионов, которых в ближайшие годы не затронут *предвыборные баталии* – губернатор Смоленской области Алексей Островский» [КП, 30.05.2013].

– *электоральная баталия*

«В заключении доклада эксперты фонда рассматривают роль 21 новой партии, зарегистрированной Минюстом до выборов. По социологическим опросам большая часть из них пользуется слабой поддержкой избирателей. Также у новичков серьезно недостает медийных ресурсов по сравнению с ветеранами *электоральных баталий*» [Из, 03.10.2012].

– *выборная баталия*

«Отшумели *выборные баталии*, и вместе с ними завершился целый этап нашей работы с властью, который можно условно назвать «Обозначение главных направлений» [Из, 15.03.2012].

– *избирательная баталия*

«Не поговорили о самом важном – о социальных проблемах. Всегда в центре *избирательной баталии* находится социально незащищенное население. Учителя и врачи» [КП, 11.09.2012б].

Следующим примером, связанным со слотом «разновидности военных действий», является лексема *битва*. Данное существительное имеет значения «1. Крупное, решающее сражение; длительный тяжелый бой. 2. *Публиц.* Борьба против чего-л. или за что-л.» [БТСРЯ, 80]. В политическом дискурсе оно приобретает вторичное метафорическое значение «Острая политическая борьба партий, парламентских фракций, движений и т.п. в условиях многопартийности» [ТСРЯХХ, 95]. Данная лексическая единица активизируется особенно сильно во время предвыборных кампаний и также может быть связана с отрицательными ассоциациями (деятельность политиков ассоциируется с агрессией).

Примеры:

«Плюс ко всему у партии сильный список кандидатов. Многочисленные социологические опросы уже дают понять, что кандидаты от правящей партии в фаворитах. Но есть несколько округов, где будет настоящая *битва* за депутатский пост», – считает профессор НИУ ВШЭ Олег Матвейчев» [АиФ, 10.07.2014].

«Выборы в Мосгордуму состоятся во второе воскресенье сентября, но за места в парламенте уже развернулась нешуточная борьба. По данным Мосгоризбиркома, документы на участие подали уже более 200 кандидатов. Появились и первые зарегистрированные, в том числе оппозиционеры. О своем желании баллотироваться заявили около тысячи человек. А депутатских кресел хоть и больше на десять, чем прежде, но... всего 45. Значит, как в престижном вузе, **битва** ожидается между «отличниками» [АиФ, 09.07.2014а].

«Не утихают страсти на 30-м избирательном округе, где в **битве** за мандат борются потенциальный мэр Улан-Удэ, председатель комитета по социальной политике Игорь Зураев» [МК, 10.09.2014].

«Все парламентские партии собираются участвовать в региональных выборах разных уровней. Заявляют о себе и представители несистемной оппозиции. **Битва** за голоса избирателей ожидается серьезная» [МК, 02.07.2014].

«Процесс смены преемников в КПрФ рано или поздно начнется. И опыт в региональных выборах поможет Леониду Зюганову подготовиться к возможной **битве** за Москву (на выборах в Госдуму), – считает политолог Дмитрий Абзалов» [Из, 20.08.2014].

«Второй тур выборов прошел на удивление спокойно, хотя эксперты ожидали нешуточную **битву** за мэрское кресло» [Из, 28.10.2010].

«Пятый округ Москвы – главное «поле **битвы**» в нынешнюю избирательную кампанию депутатов Мосгордумы» [КП, 11.09.2014].

«В России между оппозицией и властью разворачивается **битва** за должности мэров» [КП, 21.08.2012].

Важное место в группе «разновидности военных действий» занимает также существительное *борьба* со стертым метафорическим значением. В политическом дискурсе данная лексическая единица понимается как «Активное политическое противостояние двух или более политиков, политических партий, организаций и т.п.» [ТСРЯХХ, 110], выступая часто также в составе словосочетаний (*политическая борьба, предвыборная борьба, борьба за пост, борьба за власть, борьба за места* и т.п.).

Приведем примеры употребления в прессе:

«Президентские выборы на Украине намечены на 25 мая текущего года. В **борьбе за пост** главы государства примут участие 20 кандидатов» [АиФ, 18.05.2014].

«Выборы в Мосгордуму состоятся во второе воскресенье сентября, но уже развернулась нешуточная *борьба за места* в парламенте» [АиФ, 09.07.2014а].

«В то же время следует признать, что у идеи такого правительства, которое может стать важным шагом на пути к сплочению общества, мало шансов на успех, ведь, в конечном счете, все партии ведут *борьбу за власть* и, очевидно, если две или три партии могут договориться между собой и разделить все то, что называется правительством, то зачем же уступать кому-то частичку власти?» [КП, 12.01.2015].

«*Политическая борьба* не закончилась. ПКРМ остается в оппозиции и будет использовать все возможные демократические, законные рычаги давления на власть» [МК, 25.02.2015а].

«Мы создавали партию после президентских выборов. Это были открытые честные выборы, где мне никто не препятствовал и не боялся конкуренции. Тогда были стандарты *политической борьбы*: была партийная реформа, создавалась политическая система» [Из, 13.03.2015].

«Методы *предвыборной борьбы* в Воронеже не претерпевают никаких изменений, они одни и те же на протяжении уже многих лет» [МК, 04.02.2015].

«Одной из самых напряженных ожидается *предвыборная борьба* в избирательном округе № 44 (Центральный округ Москвы). Здесь на одно депутатское кресло претендуют 56 человек» [КП, 20.05.2014].

Слот «начало войны, ее ход и итоги»

В современном политическом дискурсе используются также лексемы, принадлежащие к слоту «начало войны, ее ход и итоги». Первую группу составляют лексические единицы, благодаря которым решения, принимаемые политиками, в российских средствах массовой информации приравниваются к началу военных действий. Обострение политических конфликтов описывается при помощи метафорических выражений типа *подготавливаться к войне, рекрутировать, мобилизация, балансировать на грани войны, призыв к войне, вызвать на поединок, напасть, объявить войну* и т.п. Деятельность политиков сравнивается также с действиями военнослужащих во время военных операций, что в сознании адресатов может вызывать ощущение, что в политической жизни разногласия и конфликты встречаются чаще, чем конструктивные формы взаимодействия для блага страны. К данному слоту относятся использованные во

вторичном метафорическом значении слова и словосочетания типа *участвовать в баталии, идти в бой, кинуться в бой, наступление, авангард, арьергард, осада, оккупация* и т.п. Результаты деятельности политических субъектов (особенно часто выборов) представлены словами и выражениями типа *победа, победить, одержать победу, выиграть бой, выиграть битву, поражение, нанести поражение, потерпеть поражение, проиграть, капитуляция, капитулировать* и т.п.

Примером лексемы, сравнивающей деятельность политиков с началом военных действий, может служить выражение *объявить войну* (официальное – в установленном порядке, при помощи дипломатической процедуры – заявление о прекращении мира между государствами и начале военных действий), использованное в политическом дискурсе во вторичном значении.

Приведем примеры:

«По информации, озвученной Ренато Усатым на организованной им пресс-конференции, уже на следующей неделе начнется процедура по снятию политической партии «Patria» с выборов 30 ноября. (...) В связи с таким развитием событий Ренато Усатый обратился ко всем сторонникам своей партии. «Я **объявляю войну** Филату и Плахотнюку и заявляю о полной мобилизации наших сторонников, к которым обращаюсь с просьбой готовиться к маршу на Кишинев. (...) – заявил Усатый» [МК, 19.11.2014а].

«Глава думского комитета по международным делам Алексей Пушков считает, что санкции западных стран в отношении России, похоже, связаны не с украинским кризисом. Дипломат полагает, что США и Европа хотят создать условия для смены политического режима в России.

– Они, похоже, видят свою задачу не в том, чтобы найти подлинный выход из украинского кризиса, а в том, чтобы **объявить** новую политическую **войну** России, ослабить нашу экономику и попытаться подготовить условия для того, что некоторые на Западе уже откровенно называют сменой режима в нашей стране, – приводит его слова агентство Интерфакс» [КП, 17.09.2014].

С приравниванием мира политики к войне имеем также дело при лексеме *рекрутировать* («1. Взять – брать в рекруты. 2. Книжн. Призвать – призывать для выполнения каких-л. обязанностей (обычно трудных); обязать в соответствии с долгом, общественными потребностями»

[БТСРЯ, 1115]), использованной во вторичном метафорическом значении. В данном случае политики (члены политических партий, члены госдумы, министры и т.д.) выступают в роли рекрутов («В иностранных армиях: лицо, принятое на военную службу по найму или повинности || В российской армии (1705-1874): лицо, взятое на военную службу по рекрутской повинности» [БТСРЯ, 1115]), в связи с чем могут появляться ассоциации их деятельности с действиями солдат:

«На городских выборах в прошлом году мы могли лицемерить довольно большое количество народных избранных из облдумы. На нынешних в свой партийный авангард, как своеобразные алаверды, партии **рекрутировали** всех более-менее ресурсных депутатов гордумы» [МК, 20.08.2014].

«Наглядной цифрой, подтверждающей этот тезис, могут стать те 48 делегатов, которых **рекрутировала** в краевой парламент «партия власти» [МК, 07.12.2011а].

«Сами партии не стремятся всерьез развивать свои региональные, а тем более местные сети, не пытаются **рекрутировать** новых активистов. «Вождем» удобнее сидеть в Москве, громко требовать «гарантий оппозиции» и втихую приторговывать руководящими постами в партийных отделениях и местами в кандидатских списках» [Из, 25.01.2010].

«Период перед думскими выборами ознаменовался не только сенсационными «слияниями и поглощениями», но и ожесточенной борьбой за влияние на молодежный электорат. Практически все реальные претенденты на мандаты Госдумы пятого созыва не только делают комплиментарные высказывания в адрес молодых избирателей, но и активно **рекрутируют** их в ряды своих сторонников» [Из, 30.08.2007].

«И когда единороссы праздновали победу на предыдущих выборах, говорят, Попов посмеивался – дескать, не волнуйтесь, ребята, не готово просто еще. Ну и доделал. Хорошо сбитую команду политтехнологов с налаженной системой **рекрутирования** избирателей, кстати, очень похожую на предвыборные технологии Алексея Навального» [КП, 02.10.2013].

«Ясно, что на людях это отразилось в известной степени негативно, жизненный уровень понизился, многие потеряли свою работу. Поэтому для оппозиции **рекрутировать** в свои ряды людей, которые недовольны сегодняшним положением, конечно, значительно легче, чем это было

раньше. Но все-таки то, что «Единая Россия» сохранила ведущие позиции, это очень хороший показатель» [КП, 15.12.2011].

Сравнение деятельности политиков и начала военных действий имеет место также в случае использования в политическом дискурсе лексемы *мобилизация*. Ее значение представляется следующим образом: «1. Призыв военнообязанных запаса на действительную военную службу. 2. Приведение армии в состояние готовности к ведению военных действий. 3. Призыв, привлечение кого-л. для выполнения каких-л. задач, имеющих существенное значение для кого-, чего-л.» [БТСРЯ, 549]. В политическом дискурсе данная лексическая единица выступает во вторичном значении и встречается в контексте выборов: сторонники политических партий приравниваются к солдатам, вожди которых (лидеры политических партий) призывают к готовности к войне (выборам – борьбе за голоса электората, за места в государственной думе и т.п.).

Приведем примеры употребления в прессе:

«По мнению политолога Станислава Белковского, власть сама поставила себя в такое положение, что каждый ее ход лишь ухудшает ее собственные позиции. Для Кремля оба варианта были плохи, уверен политолог: реальный срок дал бы дополнительный импульс политической карьере оппозиционера, условный – демонстрирует слабость власти. «Она спасовала перед политическим потенциалом Навального и его незаурядным результатом на выборах мэра Москвы», – говорит Белковский. Но на это пришлось пойти, чтобы не дать повод для *мобилизации* сторонников Навального, считает эксперт» [АиФ, 16.10.2013].

«Резкий подъем гражданской активности после выборов Думы predetermined жесткую тактику власти. Понудил ее предпринять невероятные усилия по *мобилизации* сторонников – и на митинги в поддержку кандидата № 1, и к урнам для голосования» [АиФ, 07.03.2012].

«Во-вторых, считает Стризов, сыграло свою роль спокойствие электората. Степень *мобилизации* населения на выборах уже была спрогнозирована различными фондами исследования общественного мнения примерно в тех же процентах, которые мы увидели 14 сентября (чуть больше 36%)» [МК, 24.09.2014].

«Сергею Ивановичу все равно нужно транслировать образ партийного босса – Владимира Жириновского – на крымский уровень. Раньше

получалось неплохо, сейчас уже не то состояние. Думаю, он попадет в Госсовет РК – и будет использовать парламентскую трибуну для популизма ЛДПР. Широкую организационную работу он никогда не любил, чего либерал-демократы не требуют – и предпочитают менее затратную **мобилизацию** электората» [МК, 30.07.2014].

«Выиграла от высокого уровня доверия президенту со стороны граждан страны и партия власти. В январе за «Единую Россию» готовы были проголосовать 48,4% россиян. В конце марта – 56,3%. Как отмечает Алексей Гражданкин, это произошло за счет **мобилизации** пассивных сторонников партии» [Из, 31.03.2014].

«Я не знаю, каким образом и какая оппозиция может консолидироваться. Несомненно, никак не будут консолидироваться КПРФ, «Яблоко», ЛДПР и «Справедливая Россия». А кто такой ПАРНАС? ПАРНАС – это табличка, название бланка для участия в выборах. У него нет структуры. Реально думаю, что высокий потенциал **мобилизации** будет у Навального, но он будет конкурировать с электоратом Прохорова, – рассуждает политолог Глеб Павловский, сомневающийся, что Навальный и Прохоров могут договориться» [Из, 27.11.2013].

«Правящая партия «Единство» решила на них прибегнуть к **мобилизации** латышского национал-радикального электората, поскольку потеряла поддержку своих собственных, либерально настроенных избирателей из-за громких коррупционных скандалов» [КП, 28.07.2014].

«Наибольший интерес у политиков и экспертов вызывает предложенная всеми четырьмя думскими фракциями поправка о введении так называемых квалификационных требований к партиям. По мнению политологов, принятие этой поправки приведет к появлению адекватного фильтра для новых политических игроков и побудит малые партии к **мобилизации** своего электората» [КП, 12.02.2014].

Примером аналогии действия политиков и хода военных действий может служить использование в политическом дискурсе выражения *участвовать в баталии* (*участвовать в выборной баталии, участвовать в политической баталии*), при помощи которого политики сравниваются с солдатами, принимающими участие в сражении:

«По мнению Минченко, все эти выводы можно было сделать, наблюдая за минувшей кампанией, и они наверняка пригодятся тем, кто

будет *участвовать в следующих выборных баталиях*» [МК, 17.09.2014а].

«Хабаровский общественно-политический совет образца 1999-го не *участвовал ни в этих политических баталиях*, ни в каких других. Но коммунистов в его первый состав не включили, делая тем самым своеобразный вызов стоявшему за ними кукловоду» [МК, 14.07.2014].

«По словам эксперта, Усупашвили *участвовал во всех политических баталиях*, зарекомендовал себя как разумный, квалифицированный, честный, эрудированный политик и человек» [Из, 21.10.2012].

«Она, может быть, не столь опытна в уличной политике и вообще в политике больших вопросов, потому что ее политическая деятельность начиналась с частного вопроса – с ХиМКинского леса. И у людей, которые не столь долго находятся в политической сфере, структуре, *в политических баталиях участвуют*, у них могут быть какие-то еще иллюзии по поводу того, как все можно изменить» [КП, 21.05.2012].

Следующим примером может служить лексема *наступление*, которая также проводит параллель между деятельностью политиков и ходом военных действий. Как милитарный термин, данное существительное обозначает движение вперед, громя или тесня противника. Использование этой лексической единицы во вторичном метафорическом значении может быть связано с сильными отрицательными ассоциациями (подчеркивается агрессия действий политиков).

Примеры:

«До поры до времени новые киевские власти фактически не вмешивались в деятельность Коломойского. Однако в последние месяцы Петр Порошенко, пытающийся сосредоточить в своих руках все нити государственного управления, начал *наступление* на олигархическую вольницу, начав, в первую очередь, с ее самого яркого представителя» [АиФ, 25.03.2015].

«Член партии «Свобода» Андрей Ильенко считает избрание мэра в Севастополе проявлением сепаратизма, на которое новой власти необходимо отреагировать «самым жесточайшим образом». «Все это необходимо жестко пресекать и карать. Если сейчас закрыть на все это глаза, они залижут раны и снова пойдут в *наступление*. Мы должны действовать в рамках закона, слышать и Запад, и Восток, но мы не должны допускать сепаратизма», – отметил Ильенко» [АиФ, 26.02.2014].

«Ранее в МИД России принятый Верховной Радой закон о защите телерадиопространства назвали последствием «антироссийской истерии» и «*наступлением* на свободу слова», отметив, что на Украине «методично создаются правовые механизмы политической цензуры под предлогом защиты национальной безопасности» [МК, 02.04.2015б].

«Козей также сказал, что Россия, по его мнению, ведет «информационную войну» с Западом. «Без сомнения, Польша уже стала целью российского *наступления* в этом отношении... Оно включает в себя телевизионные каналы, радиостанции и активность различных троллей в социальных сетях», – пояснил он» [МК, 17.03.2015].

«По словам представителя внешнеполитического ведомства, на Украине продолжается *наступление* на свободу слова» [Из, 23.07.2014].

«Однако это не означает автоматической поддержки всех действий власти, подчеркнул национал-демократ. – Это не значит, что мы находимся в сердечном согласии с этой властью по остальным вопросам. Те, кто ведет реальные *наступления* на гражданские права и свободы, которые под сурдинку «русской весны» проводят власти, нас совершенно не устраивают, мы категорически выступаем против этого, потому что это удивительное лицемерие в одной стране выступать за местные референдумы по расширению прав местного самоуправления на Украине и в то же время зажимать эти права в России, нас эта ситуация совершенно не устраивает, – полагает Тор» [Из, 25.04.2014].

Сравнение политической активности с ходом военных действий присутствует также во вторичном метафорическом значении лексемы *авангард* и *арьергард*. Они сравнивают политиков (политические партии) с передовой («Часть войск (флота), находящаяся впереди главных сил (при движении в сторону противника)» [БТСРЯ, 24]) и задней («Часть войск или флота для прикрытия главных сил при отступлении или на марше» [БТСРЯ, 48]) частью войск, находящихся в движении:

«Год назад «Справедливая Россия» была в *авангарде* протеста, а сейчас это вновь лояльная партия» [АиФ, 01.02.2013].

«2014 года стал годом самых больших надежд для русских националистов – и одновременно, пожалуй, годом самого жестокого их крушения. Когда 18 марта страна слушала внеочередное послание Путина Федеральному собранию в связи с грядущим присоединением Крыма к России, казалось, что националисты победили и из маргинального

уличного движения превратились в политический *авангард*» [МК, 02.01.2015].

«В нынешнем мире идеологическая и политическая борьба в значительной мере происходит в области искусства. Уличные перформансы стали почти неотличимы от политических манифестаций, а политические манифестации – от уличных перформансов. В *авангарде* идеологической борьбы стоит сегодня уличное искусство» [Из, 07.10.2013].

«Украинские политики соревнуются между собой в том, кто из них больше ненавидит Россию. Явного лидера пока нет, но бывший министром обороны Украины в 2006-2007 годах Анатолий Гриценко явно в *авангарде*» [КП, 04.12.2014].

«По словам Карасева, пока сложно говорить о том, кто в ближайшие годы будет на Украине властью, а кто оппозицией. «Вроде бы оппозиция сейчас – это «Партия регионов», но она находится в большом *арьергарде*», – говорит Карасев» [АиФ, 27.05.2014].

«Тем временем против того, «кого нельзя назвать» и списка кандидатов от партии «Единая Россия» сразу выдвинулось несколько колонн: самой массовой оказалась колонна КПРФ, затем под флагом «Справедливой России» в наступление двинулись общественники, создавшие оппозиционные городской власти ТОСы. Странно, но среди оппозиции оказались и энергетики (Гемаля Гендунова). В *арьергарде*, видимо, в надежде ухватить крохи с барского стола, следуют коммерсанты («Гражданская платформа») и чиновники той же мэрии (Игорь Зураев, Алексей Хандархаев)» [АиФ, 27.08.2014].

«Политик Борис Немцов в «президиум» пробираться не стал, а смешался с VIP категории «В», толпившимися в *арьергарде*» [Из, 13.10.2008].

«Потом, возможно, осенью создать первую в России лейбористскую партию, которая защищала бы интересы наемных работников в новом мироустройстве. В рядах лейбористов профсоюзные лидеры хотят видеть и «цивилизованную часть экологов». А пока даже разрозненный *авангард*, аморфный *арьергард* и неизвестные полководцы антиглобалистского движения в который раз бросают вызов главам государств «большой восьмерки» – заставляют мировую элиту собираться в осаде» [Из, 22.07.2001].

Последнюю группу, принадлежащую к слоту «начало войны, ее ход и итоги», составляют лексические единицы, сравнивающие действия политиков с завершением военных действий. Примером может служить активное употребление в политическом дискурсе лексем *победа* («1. Успех в бою, в войне, полное поражение войск противника. 2. Успех в соревновании, состязании и т.п. 3. Успех в борьбе за что-л., достижение в результате борьбы, преодоления чего-л. 4. *обычно мн.* Успехи в любовных делах» [БТСРЯ, 848]), *победить* («1. Нанести поражение противнику, выиграть бой, войну. 2. *что.* Завоевать, покорить. 3. Одержать верх в каком-л. соревновании, состязании, оказаться первым. 4. (*кого*) Споря с кем-л., возражая кому-л., выйти победителем. 5. *кого.* Добиться успеха у кого-л., завоевать чью-л. любовь, привязанность, симпатии и т.п. 6. *кого-что.* Преодолеть, превозмочь; побороть» [БТСРЯ, 848]), *одержать победу* («Взять верх, добиться победы, одолеть» [БТСРЯ, 700]) использованных в стертом метафорическом значении. Данные лексемы выступают особенно часто в контексте выборов: выборы – это борьба за голоса электората, война между политическими партиями, в которой побеждают самые сильные.

Приведем примеры:

«Для нас очень важны местные выборы, прежде всего *победа* в борьбе за пост примара Кишинева. Город нужно взять уже в первом туре» [МК, 01.04.2015].

«Но если бы люди поверили, что *победа* «Единой России» не является максимально вероятной, то рейтинг “Единой России” ухнул бы в три раза в тот же момент» [МК, 29.09.2011].

«На президентских выборах 26 марта 2000 года *победил* петербуржец Владимир Путин, ранее временно исполнявший обязанности лидера страны» [АиФ, 27.03.2015].

«В округе может быть до 13 оппозиционных кандидатов, если будет больше, то точно *победит* партия власти, потому что в одномандатных округах они отбирают друг у друга голоса, – пояснил он» [МК, 03.04.2015].

«Действующий президент Узбекистана Ислам Каримов *одержал* убедительную *победу* на выборах главы государства» [АиФ, 30.03.2015].

«По предварительным данным, Либерально-демократическая партия *одержала* весомую *победу*» [АиФ, 16.12.2012].

«Данный пост он занимал до 14 февраля 2014 года, пока не был назначен первым замглавы администрации Благовещенска. 14 сентября **одержал победу** на выборах мэра Благовещенска, получив 17828 голосов горожан (36,68 %)» [Из, 25.03.2015а].

Лексема *победа* выступает в политическом дискурсе особенно часто с определением *сокрушительная* («уничтожающая, разрушительная» [БТСРЯ, 1232]), что может быть связано с появлением сильных ассоциаций в сознании аудитории: отрицательных (у сторонников побежденной партии, побежденного политика) или положительных (у сторонников победившей партии или победившего политика):

«Выборы 2009 года завершились **сокрушительной победой** «Единой России», представители которой победили во всех 17 одномандатных округах, а также безоговорочно заняли первое место по партийным спискам» [АиФ, 15.09.2014].

«И пусть результаты голосования не принесли Собянину **сокрушительной победы**, как Андрею Воробьеву в соседнем Подмосковье (к такой победе врио столичного мэра, похоже, и не стремился), сути дела это не меняет» [АиФ, 09.09.2013].

«Президентская **победа сокрушительна!** Путину невозможно противостоять!» [МК, 25.03.2015а].

«Правда **«сокрушительная победа»** Ивана Кляйна меркнет на фоне явки на выборы – на них пришло всего чуть более 20% томичей. Жители города в своем большинстве просто проигнорировали данные выборы, посчитав, видимо, что достойных кандидатов на них попросту нет» [МК, 25.12.2013].

«В октябре 2009 г. «Единая Россия» героически полагала душу свою за друга своего Ю.М. Лужкова на выборах в Мосгордуму, не обинуясь даже и немалыми соблазнами, возникшими после **сокрушительной победы** приверженцев Ю.М. Лужкова» [Из, 11.03.2010].

Похожие ассоциации (отрицательные или положительные) может вызывать у аудитории также использование лексемы *победа* с определением *триумфальная*:

«Спустя год после **триумфальной победы** на парламентских выборах, этот же козырь приносит победу ее кандидату на выборах президента» [АиФ, 28.10.2013б].

«Провозглашать Медведева кандидатом в президенты на съезде означало бы для Путина ломать собственную игру. Нет, если ВВП и

предложит оставить Медведева в президентах, то он сделает это с позиции силы – после своей *триумфальной победы* на думских выборах» [МК, 22.09.2011].

«Даже карикатурный претендент на пост губернатора Московской области Геннадий Гудков любит поговорить о том, как именно его бояться в Кремле и как, значит, всячески ставят ему палки в колеса, опасаясь его *триумфальной победы*» [Из, 26.08.2013].

«Именно на это указывают итоги единого дня голосования, принесшего практически во всех регионах *триумфальную победу* «Единой России» [КП, 26.12.2012].

Политическая жизнь сравнивается с завершением военных действий также при помощи использования лексем *поражение*, *потерпеть поражение*. Как в случае лексемы *победа*, так и в случае данных лексических единиц особенно сильные эмоции у аудитории может вызывать их употребление с определением *сокрушительный*.

Приведем примеры:

«*Потерпев сокрушительное поражение* на президентских выборах (12,8 % против 54,7 % у Порошенко), экс-премьер Украины Юлия Тимошенко очень быстро исчезла с первых полос украинской прессы, не говоря уже о ведущих мировых СМИ» [АиФ, 22.07.2014].

«Таким образом, – делает вывод Прудник, – оппозиция, не поддержавшая Путина в украинском вопросе, *потерпела сокрушительное поражение*» [МК, 09.06.2014].

«Нынешние выборы главы Баргузинского района могут стать традиционными для «медведей» – во второй раз «единороссы» рискуют *потерпеть сокрушительное поражение* на этой северной территории» [МК, 13.04.2011].

«Честно говоря, Порошенко радоваться больше нечему, лично он потерпел *сокрушительное сокрушительное поражение* на этих выборах, уступив первое место в партийном забеге своему «заклятому другу», партнеру и конкуренту Яценюку» [Из, 28.10.2014].

«В Раде будет много желающих повоевать, но они же понимают, что сделать это сейчас, означает – *потерпеть сокрушительное поражение*. Поэтому, думаю, все ограничится словесной войной в стенах парламента» [КП, 28.10.2014].

Слот «организация военной службы»

В современном российском политическом дискурсе используются также образованные путем метафорического переноса лексемы, принадлежащие к слоту «организация военной службы». Данные единицы можно условно разделить на несколько групп (слотов). Первую группу образуют наименования воинских подразделений, которые в политическом дискурсе используются во вторичном значении. Это лексемы типа: *армия, батальон, гвардия, дружина, корпус, отряд, полк, штаб*, и т.п. С их помощью описывается объединение субъектов политической деятельности (политиков, членов партии, депутатов, избирателей и т.п.), направленное на достижение общей цели (например, победы в выборах). Данные лексические единицы могут вызывать у адресата отрицательные эмоциональные коннотации (ощущение, что жизнь в стране идет по законам военного времени).

Примером может служить употребление в политическом дискурсе существительного *штаб*. Оно имеет значения: «1. Орган управления войсками в частях, соединениях и объединениях всех видов вооруженных сил; лица, входящие в этот орган. 2. Помещение, в котором находится такой орган» [БТСРЯ, 1505]. В политическом дискурсе данная лексическая единица используется в своем вторичном значении для обозначения руководящего органа партии.

Приведем примеры из прессы:

«Вывод: президентская партия вопреки предположениям некоторых политологов не растеряла симпатии, а, наоборот, набрала их – после того как П. Порошенко пошел на мирные соглашения с ДНР и ЛНР. Выходит, напрасно украинские СМИ вдалбливали в головы телезрителей, что это плохо и даже опасно для страны, критиковали Порошенко за то, что он буквально выдавил из парламента, как пасту из тубика, закон об особом статусе Донбасса. Этот факт нам подтвердил и источник в *штабе* «Народного фронта». «После того как стали известны социологические рейтинги, в штабе провели большое совещание и рекомендовали руководителям сменить тон» [АиФ, 30.09.2014].

«Когда кандидаты собирали подписи в свою поддержку, *штаб* «Единой России» внезапно объявил, что за Полтавченко подписалось уже более 1000 муниципальных депутатов» [АиФ, 12.08.2014б].

«Если на митинге руководитель белгородского регионального отделения партии «Воля» Тамара Северина вещала об импичменте

президенту, нечестных выборах и предательстве власть имущих, то в *штабе* партии разговор пошел совсем о других вещах» [МК, 26.11.2014].

«По информации «Известий», Осовцов уже начал формировать *штабы* партии, в которых его считают своим координатором» [Из, 30.09.2013].

В политическом дискурсе эта единица часто используется с определениями типа: *политический, партийный*.

Примеры:

«Население, по свидетельству социологов, под «особым путем» понимает совсем не то, о чем говорят в *политических штабах*» [АиФ, 16.04.2014].

«Конечно, когда Россия вводит в действие «тяжелые орудия» в виде выступлений В. Путина или С. Лаврова, эти снаряды, как правило, пробивают оборону противника. Эти голоса трудно замолчать или исказить. Но глобальные информационные войны сегодня выигрывают не генералиссимусы, а «мягкая сила» *политических штабов*» [АиФ, 15.10.2014б].

«После громкого скандала с «Правым делом» в офис ОНЭКСИМа на Тверском бульваре въехал *политический штаб* новой политической структуры под руководством бизнесмена – «Гражданской платформы» [Из, 16.03.2015].

«Внутренняя перестройка. Вот этой опцией в спешно формирующихся сейчас *партийных штабах* и займутся в самые ближайшие дни» [МК, 12.12.2014].

Лексема *штаб* употребляется также с определениями, которые указывают на территориальный охват, типа *центральный, региональный, городской*:

– *центральный*

«Яценюк стал лидером украинского «Народного фронта». Спикер Верховной рады Александр Турчинов назначен руководителем *центрального штаба* партии» [АиФ, 10.09.2014].

«Декларированное лидером партии Сергеем Мироновым намерение к слиянию с ОНФ подкрепляется реальными шагами. Официальный представитель эсеров Алексей Казаков в экстренном порядке делегирован для участия в заседаниях *центрального штаба* ОНФ, в регионах, судя по всему, тоже не теряются, спеша выторговать себе лучшие условия для капитуляции» [МК, 10.02.2015].

«Как поясняют в ИСЭПИ, статья во главе списка Баталиной помогло то, что она переориентировалась на широкий круг социальных вопросов, которые в кризис будут предопределять запросы избирателей к власти и политикам. Этому помогла ее деятельность в *центральной штабе* ОНФ и ее назначение главой совета сторонников «Единой России» (ЕР), на площадке которого партия будет взаимодействовать с разными социальными группами и общественниками» [Из, 3.02.2015].

– *региональный*

«Депутаты Волгоградской областной думы за минувшую неделю успели одобрить практически все предложенные губернатором кандидатуры по посты руководителей структурных подразделений администрации региона. Предполагаемые назначенцы также были согласованы волгоградскими единороссами и членами *регионального штаба* ОНФ» [МК, 28.01.2015].

«В 2005 году Руслан Гаттаров стал начальником *регионального штаба* «Молодой гвардии Единой России» [Из, 30.01.2014].

«Как сообщили «Известиям» в исполкоме «Народного фронта», последним отделением на регистрацию стало московское. Именно в Москве 31 октября пройдет учредительная конференция ОНФ, на которой участники примут решение о создании столичной ячейки, изберут *региональный штаб* и региональную ревизионную комиссию» [Из, 31.10.2013].

– *городской*

«Вчера состоялась XXV конференция Махачкалинского местного отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия». В ней приняли участие члены Совета сторонников партии, депутаты Народного Собрания Республики Дагестан и Махачкалинского городского Собрания, актив *городского штаба* «Молодой Гвардии «Единой России» [МК, 27.11.2014].

Данная лексическая единица выступает часто в контексте выборов, входя в совтав слососочетания *предвыборный штаб*:

«В 2013 году Швецова возглавила *предвыборный штаб* Сергея Собянина на выборах мэра Москвы» [АиФ, 29.10.2014].

«Возможно, со временем некоторые люди из окружения Влах, из членов ее *предвыборного штаба* и вольются в ряды социалистов» [МК, 1.04.2015].

«Сын экс-мэра Одессы Алексея Костусева, к началу одесских событий Гончаренко был депутатом Одесского областного совета и главой местного *предвыборного штаба* Петра Порошенко» [МК, 2.03.2015].

«Ранее секретарь генсовета ЕР Сергей Неверов заявил, что в партии готовится реорганизация. Он отметил, что исполком партии является по сути ее *предвыборным штабом*, руководитель которого должен уделять этой работе «24 часа в сутки» [Из, 19.09.2014].

«2 мая Гончаренко уже был руководителем *предвыборного штаба* Порошенко в Одесской области» [Из, 3.03.2015].

Примером, принадлежащим к данной группе, может служить также лексема *гвардия*. Она имеет значения: «1. Лучшие, отборные воинские части (первоначально – для охраны императора). 2. В некоторых странах: военное или военно-полицейское формирование; воинская часть, являющаяся личной охраной главы государства, военачальника и т.п. 3. Лучшая, испытанная часть какого-л. коллектива, группы» [БТСРЯ, 196]. В политическом дискурсе данная лексема обычно используется в своем вторичном значении, для обозначения лучших политиков, обычно с определениями, образуя словосочетания типа: *ельцинская гвардия* (для обозначения политиков из окружения Б.Н. Ельцина), *кремлевская гвардия* (для обозначения политиков из окружения Президента), *питерская гвардия* (для обозначения политиков родом из Санкт-Петербурга) и т.п.:

«Наконец, не последнюю роль сыграло регулярно обострявшееся в кризисные моменты пьянство первого президента России Бориса Николаевича Ельцина – обстоятельство по-настоящему трагическое, приводившее к срывам важных решений и многократно становившееся причиной национального позора. Наблюдаю не в первый раз: в наши дни тему президентского пьянства *ельцинская гвардия* склонна обыгрывать в юмористическом ключе. Дескать, дело-то прошлое. Простите, не смешно» [МК, 9.10.2013].

«Подобные совпадения как минимум дают основания задуматься над ролью Сатарова в современной политике. Особенно на фоне постоянно распространяющихся слухов, что «*ельцинская гвардия*» (Гайдар, Батулин, Лившиц) возвращается в Кремль» [МК, 26.06.2002].

«В минувшие недели тучи явно сгустились над видным представителем старой *кремлевской гвардии*, помощником президента Джахан Поллыевой. В ранге замглавы администрации или помощника президента она курировала написание речей главы государства еще со времен Ельцина» [МК, 6.10.2009].

«44-летний Владислав Сурков никогда не входил во внутренний кремлевский ареопаг. В глазах «*питерской гвардии*» он всегда был кем-то вроде буржуазного военспеца. Зато в области публичной политики он признанный король и поводырь» [МК, 14.04.2009].

Самым распространенным является словосочетание *старая гвардия*, которое применяется для определения испытанных, долго сотрудничающих с кем-то политических союзников:

«*Старая гвардия* возвращается на политическую арену» [МК, 5.07.2000].

«По другим слухам, Борис Абрамович попал под широкомасштабную кампанию по окончательному избавлению нынешней кремлевской администрации от старых кадров ельцинской «семьи». Если это так, то компанию БАБу (Борис Абрамович Березовский) здесь могут составить генпрокурор Устинов, секретарь Совбеза Рушайло, министр печати Лесин – все эти люди не только числятся в составе *старой гвардии*, но и окутаны в последнее время массой слухов о своей грядущей отставке» [МК, 29.10.2001].

«Даже Путин уже не молод, а уж Зюганов и его «*старая гвардия*» и подавно. Поэтому успех коммунистов скорее всего будет меньше, чем возможно» [МК, 2.11.2011].

«Позиция президента Медведева достаточно ясна – нужна модернизация, нужны новые кадры, новые подходы к управлению, – считает политолог Алексей Титков. – Кроме того, значительная часть так называемой «*старой гвардии*» в 2005-2006 годах переназначалась под негласным условием, что это их последний срок, их возможность благоприятным для себя образом сдать дела и подготовить свое будущее. Предполагаю, что в случае с Илюмжиновым тоже был такой вариант» [Из, 8.09.2010].

«Пусть Юрий Яковлевич разберется с этим, но и губернатор Омской области, думаю, что найдет общий язык с мэром и я вам обещаю, что это будет развиваться тем темпом, который бы вы хотели видеть. Что касается сути вопроса – безусловно, это чрезвычайно важная вещь. Потому что нам

нужны в этой сфере такие заинтересованные люди. Чувствуется, вообще *старая гвардия* как бы востребована» [КП, 25.04.2013].

К данной группе принадлежит также лексема *отряд* («1. Специальное или отдельное воинское формирование. 2. Группа людей, организованная для какой-л. деятельности. 3. Зоол. Подразделение внутри семейства в систематике животных» [БТСРЯ, 760]), использованная в метафорическом значении. В политическом дискурсе это существительное применяется во вторичном значении, для обозначения группы людей (членов партии, депутатов, избирателей и т.п.), объединенных совместной целью (победой в политической борьбе, особенно во время выборов).

Употребление данного существительного можно проиллюстрировать следующими примерами:

«По словам украинского политолога, директора Института глобальных стратегий Вадима Карасева, раньше «Спильна справа» подчинялась партии «Батькивщина». «Это политическая пехота, которая действует в интересах более могущественных сил и всегда на подхвате», – поясняет Карасев. Кто руководит ею, сегодня пока неясно. «Возможно, что никто, – предполагает эксперт. – Этот политический *отряд* мог выйти из повиновения одной из политических партий и начать самостоятельную игру» [АиФ, 31.01.2014].

«Ельцин плохой, но кто придет на его место? Зюганов? Полной веры в коммунистов не было даже у пенсионеров – самого преданного им *отряда* избирателей» [МК, 15.01.2015].

«Власть выступает под лозунгом «Защитим детей от всего плохого, что есть в Интернете, и заодно себя!», и передовой *отряд* депутатов пишет очередной закон про блокирование каких-нибудь сайтов, тыча пальцем в гаджет и оповещая весь мир о своих планах через Twitter» [МК, 14.08.2013].

«Пресс-конференция вылилась в предъявление взаимных претензий. С одной стороны – Анастасия Шубина и Антон Медведев (ее зам. по ИКМО), с другой – целый *отряд* эсеров с кандидатами, членами избирательных комиссий и т.д.» [Из, 16.03.2010].

«Сергей Миронов, председатель Совета федерации РФ, лидер «Российской партии жизни»: «Сегодня великий день, исторический. Дата 28 октября может потом войти в учебники истории. Мы партию создаем не только для того, чтобы преодолеть 7-процентный барьер на выборах.

Мы решаем общенациональную задачу создания многопартийной системы в России, боевого политического *отряда* большинства россиян» [Из, 30.10.2006].

«Выборы в Мосгордуму состоялись! Городская избирательная комиссия обработала 100% голосов. В итоге самый представительный *отряд* своих депутатов отправляет в столичный парламент «Единая Россия» – 28 мандатов. У КПРФ – 5, у ЛДПР и «Родины» – по одному, у самовыдвиженцев – еще 10 мандатов. По закону официальные результаты голосования объявят 18 сентября» [КП, 16.09.2014].

К данной группе можно причислить также лексическую единицу *дружина*. Данное существительное имеет значения: «1. В Древней Руси: приближенные князя, составлявшие ядро его войска и участвовавшие в управлении государством – княжеством и феодальным владением князя. 2. Устар. Войско, рать. 3. В России до 1917 г.: войсковое подразделение, войсковая часть (по преимуществу в войсках ополчения). 4. *с опр.* Группа, отряд, добровольное объединение, созданные с какой-л. целью» [БТСРЯ, 286]. В политическом дискурсе оно используется во вторичном метафорическом значении для описания группы политиков, объединенных совместной политической целью:

«Критика в адрес Януковича и его «донецкой *дружинны*» в основном касалась реанимации в Украине порядком подзабытого после падения СССР понятия «политзаключенный» [МК, 14.12.2012].

«С одной стороны, у них (либералов. – Ред.) историческая диссидентская стойка на национализм, брезгливость и идиосинкразия. С другой стороны, они пытаются понять, как можно использовать «правых» и «ультраправых» для собственной политической выгоды, и обсуждают «почему у оппозиции не получается наказать Манежку-2» и получить из «правых» свою боевую *дружину*», – пишет, к примеру, пользователь Wiki Serge» [МК, 26.05.2011].

Следующую группу составляют наименования участников военных действий. К этой группе можно причислить такие лексические единицы, как: *солдат, рядовой, новобранец, полководец, генерал, флагман, партизан, гвардеец, борец, враг, противник, союзник, камикадзе* и т.п.

Примером лексической единицы, входящей в состав данной группы, является использованное во вторичном метафорическом значении

существительное *противник* («1. Тот, кто враждебно, отрицательно относится к кому-чему-л, противодействует кому-, чему-л. 2. Тот, кто выступает против кого-л. в споре, игре, спортивном состязании и т.п. 3. *собир.* Неприятельское войско, неприятель» [БТСРЯ, 1031]). Данная лексема (часто выступающая в словосочетании *политический противник*) имеет отрицательную эмотивную окраску, при ее помощи могут подчеркиваются враждебные отношения между субъектами политического процесса (может создаваться впечатление, что политики борются друг с другом, а не работают совместно для блага страны и граждан).

Приведем примеры:

«Убийство оппозиционера такого уровня может привести к серьезным имиджевым потерям для власти, но вряд ли – к быстрой смене режима. «Оранжевые» революции готовятся годами... Тем временем повестки дня сторонников власти и ее *противников* резко расходятся, и подобного рода события будут лишь усиливать их отторжение друг от друга. Политическое противостояние станет еще более жестким» [АиФ, 3.03.2015а].

«По его словам, убийство Бориса Немцова крайне выгодно *противникам* российского президента хотя бы потому, что уже сейчас западная пресса пестрит заголовками «Критик Путина убит в Москве» [Из, 28.02.2015а].

«Директор Украинского института анализа и менеджмента политики Руслан Бортник рассказал, что считает принятие антикоммунистических законов устранением *политических противников*, передает РИА Новости» [АиФ, 12.04.2015].

«Между тем, слухи о проблемах со здоровьем у российского лидера уже возникали: как сообщает ТАСС, осенью 2012 года пресс-секретарь сообщил, что во время сентябрьского саммита АТЭС во Владивостоке президенту «было больно ходить», что Песков связал с увлечением Путина дзюдо. А в декабре 2012 года сам глава отметил, что домыслы о его здоровье могут быть выгодны *политическим противникам*» [МК, 12.03.2015а].

«Состоялось шесть голосований, но ни в одном наши *политические противники* не смогли добиться необходимого им решения» [Из, 27.01.2015].

«Кровь Немцова – начало большой крови!» Это оппозиционер Илья Пономарев откликнулся. То ли из Киева, то ли из Вашингтона. Депутат

Госдумы РФ ныне все больше по заграницам обретаются, обличает режим. «Мы вступили в новую эпоху – эпоху физического уничтожения **политических противников** режима, – заявляет на «Эхо Москвы» Юлия Латынина» [КП, 2.03.2015б].

Похожим примером является использование в политическом дискурсе существительного *враг* («1. Тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л.; противник. 2. Военный противник, неприятель. 3. *чего*. Принципиальный противник чего-л. 4. О том, кто приносит вред, зло. 5. *Разг.* Дьявол, черт» [БТСРЯ, 156]). Данная лексическая единица, использованная во вторичном значении, описывая политиков, находящихся в состоянии вражды к другим политикам (*политический враг*), также может вызывать отрицательные коннотации (агрессия) и отрицательно характеризовать отношения в мире политики, что иллюстрируют примеры из прессы:

«Глушенко занимал видное положение в ЛДПР, был близок к ее руководству. Эта партия и ее лидер были **политическими врагами** Старовойтовой, своими выступлениями и разоблачениями она сильно мешала многим, в том числе и Глушенко. Однако об этом в уголовном деле – глухое молчание» [МК, 25.03.2015б].

«По сути, Петр Порошенко оказал себе медвежью услугу и создал очень влиятельного **врага** – политического оппонента» [Из, 25.03.2015б].

«Все в трудное время сплотились вокруг президента, это правильно, поскольку если не сплачиваться вокруг лидера, тогда геополитические **враги** достигают тех целей, которые они поставили, – заявил он. – С помощью санкций они хотели ослабить Россию» [Из, 11.11.2014].

«Про Немцова чего только не говорили и чего только к нему не пытались прилепить, но вопросов по поводу его человеческой порядочности не было даже у его злейших **политических врагов**» [КП, 28.02.2015].

Сильные отрицательные эмоции может вызывать употребление данной единицы в словосочетаниях типа *враг России, враг народа, враг демократии*, которые могут служить средством дискредитирования политиков, представляя их как действующих вопреки интересам страны и ее граждан:

«Из выступлений представителей других фракций стало ясно: депутаты будут голосовать за выдачу коллеги следствию не только

потому, что уверены в его виновности, но и потому, что считают его своим политическим противником и вообще – «*врагом России*» [МК, 7.04.2015б].

«Почему же тогда российский либерализм рождает сейчас в основном носителей «не программы, но позиции»? Стандартное объяснение идеологических антиподов либералов – «да все они там в пятой колонне – *враги России*, которые всеми фибрами души желают нашей Родине зла» – я сразу же вывожу за рамки дискуссии» [МК, 7.04.2015в].

«Например, в него вошли Владимир Елецких, известный воронежский краевед, Владимир Калинин, депутат городской Думы от КПРФ, и общественные деятели патриотического толка: историк Николай Сапелкин и организатор движения «Русские люди» Константин Квасов. Причисление этих людей к «*врагам народа*» смешно и нелепо» [МК, 18.03.2015в].

«Эта попытка придать себе лишний вес привела к тому, что губернатор теперь объявлен главным *врагом* карельской *демократии*» [МК, 8.04.2015а].

К группе лексем, обозначающих участников военных действий, можно причислить также существительное *новобранец*. Оно описывает субъектов политического процесса как участников военных действий, сравнивая политиков (новых членов партии, новых депутатов, новых сенаторов и т.п.) с молодыми солдатами («Тот, кто только что призван на военную службу» [БТСРЯ, 653]), а их деятельность с военной службой.

Употребление данной лексики можно проиллюстрировать следующими примерами:

«В списке наиболее вероятных кандидатов на «политическое выживание» оказались двое «*новобранцев*» – экс-депутат Госдумы Рамазан Абдулатипов, назначенный на пост главы Дагестана, и бывший мэр Магадана, возглавивший регион. Логично, что пока для этих двух губернаторов угроз снятия как минимум со стороны федерального центра нет» [АиФ, 19.03.2013].

«Первый думский мандат Пономареву также делегировал Новосибирск. Именно от этого города «Справедливая Россия» в 2007 году выставила своего «*новобранца*», который вплоть до думской кампании руководил молодежным крылом КПРФ» [АиФ, 28.03.2014].

«Партийным **новобранцам** в торжественной обстановке были вручены партийные билеты» [МК, 17.12.2012].

«Удивляет то, с какой легкостью «партия власти» расстается со своими активистами, и с какой легкостью набирает новых. (...) Простая арифметика: 50 человек ушло – 50 человек пришло! Дебет – кредит. Только вместо денег – люди. О качестве таких **новобранцев** – разговор отдельный» [МК, 15.05.2013].

«Как рассказал «Известиям» курирующий патриотическую работу в совете депутат от «Единой России» Виктор Водолацкий, **новобранцы** будут работать на добровольных началах, а в обмен на это они получают опыт и шанс реализовать свои идеи через депутатов» [Из, 10.01.2013].

«В субботу Миронов выразил уверенность в том, что партия в будущем созыве Госдумы будет представлена депутатской группой или фракцией. Для этого нужно, чтобы РПЖ поддержали (а не просто знали о ее существовании) не менее 5% избирателей. **Новобранцу**, не имеющему опыта партработы, предстоит нелегкий труд» [Из, 23.03.2003].

Лексема **новобранец** используется также в политическом дискурсе для обозначения стран – новых членов НАТО или ЕС (НАТО или ЕС сравниваются с армией, новые члены НАТО или ЕС – с солдатами):

«Причина подобных умолчаний в том, что при расширении Евросоюза было ослаблено традиционное влияние таких стран, как Германия, Франция, Италия, Испания. В европейском хоре все громче звучат голоса обиженных на Россию **новобранцев**: Польши, Румынии, прибалтийских стран» [АиФ, 09.04.2014].

«Но ради объективности надо сказать, что и Россия во многом неправа. Она, например, должна была больше стараться наладить отношения с **новобранцами** в НАТО и ЕС. За 20 лет ни один российский президент не побывал ни в одном из прибалтийских государств» [АиФ, 05.02.2014].

«Почему-то слишком часто прислушиваются к их голосам, которые требуют большей жесткости, больше санкций и изоляции, – высказал свою позицию депутат, пояснив, что России нужно больше прислушиваться к голосам той части Европы, которая создала сам ЕС, и иметь дело и с французскими парламентариями, с итальянскими, австрийскими – «с парламентариями из традиционной Европы, которые гораздо лучше выражают европейские интересы, чем **новобранцы** из Восточной Европы,

которые никак не могут пережить свои исторические комплексы» [Из, 25.02.2015].

«Возможность Германии продолжать «восточную политику» затормозилась после расширения Евросоюза и НАТО за счет **новобранцев** из бывшего «соцлагеря» [Из, 12.08.2013а].

«Ширак любил Россию – и не скрывал этого. В молодости переводил Пушкина. Защищал Москву на саммитах ЕС от «**новобранцев**» из Восточной Европы – поляков, эстонцев, латышей, литовцев» [Из, 7.05.2007].

К группе лексем, обозначающих участников военных действий, можно причислить также существительное *флагман*. Данная лексическая единица имеет значения «1. Командующий крупным соединением военных кораблей (эскадрой, дивизией, отрядом). 2. Флагманский корабль. 3. В военно-морском флоте СССР в 1935-1940 гг.: воинское звание лиц высшего командного состава, существовавшее до введения адмиральских званий. 4. Коллектив, предприятие, которому принадлежит ведущая роль в какой-л. сфере жизни, деятельности» [БТСРЯ, 1425] и в политическом дискурсе употребляется во вторичном значении для обозначения политиков, имеющих ведущую роль в партии, политической организации, Государственной Думе и т.п.

Примеры употребления в прессе:

«Прохоров покинул пост лидера политической партии и не обязан теперь нравиться различным группам электората. Значительная часть предпринимательского класса поддержит эти предложения. Прохоров может стать **флагманом** такой «разумной политики», «политики сдерживания», «адекватности» и так далее. Вот это он и попытается сделать» [МК, 7.07.2014а].

«Напомним, первым под ударом оказался руководитель администрации губернатора Вячеслав Лашманкин – **флагман** политического курса первого лица региона» [МК, 18.04.2012].

«Региональными **флагманами** «Правого дела» являются близнецы Рявкины и глава фонда «Город без наркотиков» Евгений Ройзман» [МК, 24.08.2011].

В политическом дискурсе ведущие политики сравниваются также с *генералами* («Воинское звание высшего командного состава в армии; лицо, носящее это звание» [БТСРЯ, 198]):

«В глазах иностранных медиа портрет Путина, каким его иной раз изображали – *генерала* без армии, – теперь изрядно потяжелел, обрел прочную, фешенебельную раму. Оказалось, что у «*генерала*» есть армия: 38% избирателей, пришедших к урнам; есть теперь и своя гвардия, которая по первому слову в огонь, – думское большинство» [МК, 9.12.2003].

Наименования участников военных действий, использованные в политическом дискурсе во вторичном значении, указывают не только иерархичность отношений между субъектами политической деятельности (*рядовой, новобранец, полководец, генерал, флагман* и т.п.), но и своего рода специализацию (*партизан, гвардеец, борец, десант, стратег, камикадзе* и т.п.). Примером может служить существительное *партизан* («1. Участник вооруженной народной борьбы, проводимой в тылу противника; член партизанского отряда. 2. Разг. О резервисте. 3. *кого-чего. Устар.* Один из первых сторонников кого-, чего-л.» [БТСРЯ, 783]), которое характеризуют политиков как действующих «в тылу» своих политических оппонентов.

Употребление данного существительного можно проиллюстрировать следующими примерами:

«Между тем на предстоящих в 2016 г. выборах в Госдуму эксперты неизменно отводят ОНФ стратегическую роль базового инкубатора одномандатников для партии власти. Но для стабильной генерации «фронтовикам» нужны не *партизаны*, а регулярные войсковые соединения» [МК, 10.02.2015].

«Владимир Жириновский поддержал Геннадия Зюганова в том, что Россия должна сделать для себя внутривнутриполитические выводы из украинских событий. По его мнению, никаких выборов по одномандатным округам не нужно: «Посмотрите на Украину! Одномандатники – это *партизаны*, а партии – это регулярные армии, с ними легче договариваться!» [МК, 22.01.2014].

«Мэр ушел в *партизаны*. Бывший глава Первоуральска будет доказывать незаконность своей отставки. Решение об освобождении Юрия Переверзева от должности мэра Первоуральска приняла местная дума 25

июля. Уже на следующий день Юрий Переверзев заявил, что не уйдет из администрации. Получив новую должность, он продолжит начатые проекты и будет готовиться к выборам» [МК, 31.07.2013].

«И кандидаты, и их *партизаны*, и избиратели – все на каникулах» [Из, 12.08.2013б].

Кроме *партизан*, в политической жизни, описываемой как военные действия, принимают участие также политики, составляющие *десант* («1. Войска, специально подготовленные для ведения боевых действий на территории противника; высадившееся где-л. подразделение таких войск. 2. Высадка войск на территории противника; высадка где-л. быстродействующей (обычно военизированной) группы») [БТСРЯ, 253]:

«Пока не шло речи о московских городских выборах, ожидался, по крайней мере, летний оппозиционный *десант* из столицы в Подмосковье – «на картошку». Под это дело заявил о своем выдвижении в губернаторы Геннадий Гудков, рассчитывая повторить прошлогоднюю химкинскую эпопею Евгении Чириковой – пусть неуспешную, по голосам избирателей, но хотя бы заметную в медиа. Однако теперь гудковская кампания окажется в тени усилий Навального, Митрохина и компании «засветиться» как следует на премиальной столичной площадке» [МК, 18.06.2013].

«Увы, *десант* и большинства других членов регионального парламента в горсовет окончился неудачно. Один снялся с выборов, четверым досталось лишь «серебро», а обменять облсоветовский мандат на горсоветовский смог лишь Александр Бестужев («ЕР»). В горсовет пробилась и три самовыдвиженца, но вполне возможно, что двое из них вступят во фракцию победителей» [МК, 17.03.2010].

«Предвыборный штаб Владимира Путина уже начал агитацию в рамках борьбы за президентское кресло. Сам Путин предвыборных мероприятий не проводит, зато вместо него поездки в регионы начали общественные деятели и политики, рассказали «Известиям» в штабе главного кандидата. Одни агитаторы едут в регионы группами. 15 января *десант* членов штаба, среди которых известный врач Леонид Рошаль и депутат Госдумы, бывший токарь Валерий Трапезников, уезжают в двухнедельное турне от Москвы до Сахалина» [Из, 13.01.2012].

«Столичные единороссы приготовились к победе брянского губернатора Николая Денина в Верховном суде. Автомобилисты из Общероссийского народного фронта (ОНФ) во главе с депутатом ЕР

Вячеславом Лысаковым поддержали политика автопробегом, в саму область прибыл *десант* из «Молодой гвардии «Единой России» (МГЕР) и ЛДПР, а политологи увидели в кипучей агитационной деятельности представителей партии власти однозначный прогноз по заседанию Верховного суда 11 октября» [Из, 11.10.2012].

«Неизвестно, что двигало *«десант»* из МММ к участию в выборах в КрыСовет оппозиции, но никаким регламентом ЦВК это не запрещалось» [КП, 1.11.2012].

В политическом дискурсе политики, приносящие себя в жертву каких-либо политических целей, заложники обстоятельств, рискующие своей позицией, сравниваются с *камикадзе* («1. Во время второй мировой войны в японской армии: летчик-смертник, погибавший вместе с атакующим цель самолетом. 2. О ком-л., рискующем чем-л. важным, существенным» [БТСРЯ, 413]). Данная лексическая единица может вызывать отрицательные коннотации, указывающие на отсутствие свободы действий политиков, их вынужденность выполнять неблагодарную работу, что иллюстрируют примеры:

«Они находятся меж двух огней, с одной стороны, если стратегически думать о будущем, сокращать госдолг необходимо, с другой стороны все понимают, что когда начнут сокращать госдолг, это вызовет недовольство населения», – поясняет Хестанов, отмечая, что чиновники, настаивающие на сокращении госдолга, это *«политики-камикадзе»*, потому что их после таких непопулярных мер больше не изберут никогда» [АиФ, 04.10.2013].

«Вряд ли депутаты горсовета захотят довольствоваться ролью политических *камикадзе*» [МК, 10.12.2014].

«Я давно говорю: нужен еще один министр. Министр-*камикадзе*, министр оппозиции» [МК, 1.03.2013].

«На Украине назначено «правительство *камикадзе*». Премьером стал Арсений Яценюк, министром соцполитики – подруга Юлии Тимошенко, а оборонку поручили другу Виктора Ющенко» [КП, 28.02.2014].

«Основной кандидат на пост премьер-министра Украины, председатель политсовета партии «Батькивщина» Арсений Яценюк заявил, что в предложенном составе правительства нет ни одного олигарха, а все будущие члены нового кабинета министров – «политические *камикадзе*» [КП, 27.02.2014].

Следует подчеркнуть, что военная метафорика является настолько популярной и общеупотребительной, что в случае некоторых лексем вторичное метафорическое значение является уже стертым. Данные лексические единицы употреблялись в разных контекстах настолько долго и часто, что сейчас связь со сферой-источником является почти незаметной. Примером может быть существительное *стратегия*. Значение данной лексемы – «Высшая область военного искусства – ведение крупных военных операций и войны в целом» [БТСРЯ, 1277]. Она употребляется в политическом дискурсе для обозначения искусства руководства политической борьбой (также в составе словосочетаний, например *политическая стратегия*, *электоральная стратегия*, *партийная стратегия* и т.п.), однако ее метафорическое значение является уже стертым. Похожим примером может служить существительное *тактика* («Составная часть военного искусства, включающая в себя теорию и практику подготовки и ведения боя» [БТСРЯ, 1304]), используемая для обозначения средств для достижения намеченной цели.

3. Театральная метафорика в газетных политических текстах

Очередной сферой-источником, на базе которой происходит метафорический перенос в исследуемой нами области, является сфера-источник «театр». Данные лексемы могут иметь высокий потенциал воздействия на читателя, носят оценочный характер и могут вызывать негативные ассоциации. Широкое использование в политическом дискурсе театральной метафорики связано, наверное, с тем, что одна из сторон коммуникации – граждане данной страны – в большинстве случаев выполняет роль не прямого адресата, а аудитории, которая наблюдает за политическими событиями. Граждане часто участвуют в политической жизни созерцательно, как наблюдатели, получая информацию о ней через средства массовой информации. В связи с этим политики постоянно (намеренно или непроизвольно) стараются произвести впечатление на граждан, воспринимая их как своего рода зрителей, публику.

Проанализированный лексический материал может быть разделен на несколько тематических групп. Лексические единицы, которых производные вторичные значения связаны со сферой-источником «театр», мы условно подразделили на следующие слоты:

- виды театрализованных представлений,
- жанры театрализованных представлений,
- здание и реквизит,
- работники театра / участники театрализованных представлений.

Слот «виды театрализованных представлений»

Первую группу составляют лексемы, принадлежащие к слоту «виды театрализованных представлений». Центральное место в нем занимает лексема *театр* («1. Род искусства, художественное отражение жизни посредством сценического представления, осуществляемого актерами перед зрителями; 2. Учреждение, организация, занимающиеся устройством представлений; 3. Здание, в котором происходят представления; само представление, спектакль. 4. (чего или с опр.) Место, где происходит, разворачивается что-л.» [БТСРЯ, 1309]). Данная лексическая единица выступает в политическом дискурсе во вторичном значении для

обозначения политических действий. Ее использование (также в составе словосочетания *политический театр*) может вызывать у адресатов отрицательные эмоциональные коннотации: может создаваться ощущение, что политическая деятельность является чем-то несерьезным, чем-то искусственным, далеким от реальной жизни.

Употребление данной лексемы можно проиллюстрировать следующими примерами:

«Российский политолог, эксперт Московского центра Карнеги Алексей Малашенко также призывает не искать в приезде американцев признаков заговора. «Маккейну сам бог велел там быть, странно, что его так давно не было. Как же Майдан без Маккейна, нашего главного врага? – шутит эксперт. – Ему, наверно, в Кремле купили билет, чтобы он туда поехал. Это уже *театр*» [АиФ, 16.12.2013].

«Госдума на этой неделе проведет последнее заседание своей первой сессии, следующее – аж 11 сентября. О том, чем думцы занимаются в зале для пленарок, граждане судят в основном по репортажам о принятии каких-нибудь громких законов (вроде недавнего повышения штрафов для участников митингов). А что творится за кулисами этого *политического театра*?» [АиФ, 11.07.2012].

«Некоторые депутаты, голосуя «за», в кулуарах выражают надежду, что закон этот – «просто для острастки» и работать не будет. Но в *политическом театре*, как и в театре обычном, повешенное на стену в первом акте ружье в третьем акте должно выстрелить (Антон Чехов)» [МК, 14.05.2015].

«Сам Олланд и его партнерша по «нормандской четверке» канцлер Германии Ангела Меркель занимают достаточно сдержанные позиции в отношении отмены санкций. Например, визит в Россию нового премьера Греции Алексиса Ципраса в окружении глав стран Евросоюза журналистам назвали *политическим театром*, нежели важным с геополитической точки зрения событием» [Из, 13.04.2015].

Благодаря сравнению мира политики с театром, политики – субъекты политического процесса – сравниваются с работающими в театре актерами с определенными актерскими амплуа, которые действуют напоказ, которых работа направлена не на решение существенных (в случае политиков – общественных) задач, а на произведение положительного впечатления на зрителей:

«Немцов обожал давать интервью и красоваться на экране телевизора. Политическую жизнь он воспринимал как *театр*, а себя – как главного в нем актера. Мне всегда казалось, что в его негативном отношении к Владимиру Путину был немалый элемент ревности» [МК, 1.03.2015].

«А тут еще и последние выборы, неожиданно продемонстрировавшие, что не только в кино, но и в *политическом театре* занавес раздвигается все шире и шире и на сцену выходят новые герои, звучат соблазнительные слова» [АиФ, 25.09.2013].

«Каково бы ни было качество *политического театра*, оно все равно конвертируется в изрядное количество восторженных зрителей, свято верящих в беспрекословную лояльность лоялистов и бескомпромиссное фрондерство фрондеров. И тем сильнее шок почтенной публики, когда какой-либо персонаж вдруг предстает в *амплуа*, прямо противоположном тому, в котором выступал до сих пор. Подобный «разрыв шаблона», судя по комментариям в соцсетях, вызвало заявление Александра Волошина «О ситуации вокруг Украины и Крыма», опубликованное на сайте «Эха Москвы» за час до посвященного той же теме обращения Владимира Путина к Федеральному собранию» [Из, 19.04.2014].

Лексема *театр*, использованная во вторичном значении, может вызывать особенно сильные отрицательные ассоциации в составе словосочетаний *кукольный театр* и *театр марионеток*. В данном случае субъекты политической жизни сравниваются с куклами («1. Детская игрушка в виде фигурки человека. 2. Фигура человека или животного из дерева, тряпок и т.п. в специальных театральных представлениях. 3. Разг. О бездушном и пустом человеке (чаще женщине). 4. Человек, слепо действующий по воле другого; марионетка» [БТСРЯ, 478]) и марионетками («1. Театральная кукла, управляемая сверху посредством нитей или металлического прута актером-кукловодом. 2. О человеке, организации, государстве и т.п, слепо действующих по воле других, являющихся послушным орудием в руках других» [БТСРЯ, 521]), что может вызывать ощущение, что рядовые политики не действуют самостоятельно, работая для блага граждан страны, которые их выбрали, а являются лишь орудием в руках кого-то более влиятельного (власти, лидеров политических партий и т.п.), слепо подчиняясь его воле.

Приведем примеры из прессы:

«Если называть вещи своими именами, то вся бурная политическая жизнь Украины – это не что иное, как *кукольный театр* Карабаса

Барабаса, где любую, даже самую яркую персону невидимый кукловод может отправить в сундук» [АиФ, 20.08.2014].

«Александр Якоб снова стал сити-менеджером Екатеринбурга. Теперь он останется единственным главой администрации, через пять лет эту должность упразднят. В гордуме за его кандидатуру проголосовали почти все депутаты. Народные избранники выбирали сити-менеджера города под рассказ о Вильгельме де Геннине и острые выпады в сторону вице-мэра Владимира Тунгусова. Этого зама главы Екатеринбурга назвали «кукловодом», а весь парламент – *«кукольным театром»* [МК, 23.10.2013].

«Ситуация дурацкая для этой партии. Даже голосования по поводу исключения Макаревича быть не может. Если все же 13 марта вопрос возникнет, я тоже попрощаюсь со всеми, вот и все, – не поддержал позицию Шайхутдинова другой член федерального гражданского комитета Леонид Ярмольник. По его словам, его не устраивает сценарий, когда партия станет провластной и похожей на коммунистическую.

– То есть труппа *кукольного театра* увеличивается. У нас другая история. Не для того мы собирались, пояснил Леонид Ярмольник» [Из, 12.03.2015а].

«Грибаускайте неоднократно призывала лидера социал-демократов и главу коалиции Альгирдаса Буткявичюса пересмотреть состав своих союзников и заменить Партию труда на другую политическую силу.

– Успаских – это такой Карабас-Барабас, который до дрожи пугает весь литовский политический *кукольный театр*» [Из, 29.11.2012].

«Но Суркову не откажешь ни в политическом мужестве, ни в умении вести собственную игру. Бывший верховный кукловод российской публичной политики отказался играть роль заведомого лузера в *театре марионеток* Владимира Путина» [МК, 12.05.2013].

«Как Кремль разочаровался в *театре марионеток*. Вскоре после бегства президента Виктора Януковича из Киева в кабинете крупного российского сановника раздался телефонный звонок. На другом конце провода был давний знакомый чиновника – бывший коллега, а ныне крупный деятель несистемной оппозиции. Звонил он, чтобы позлорадствовать, а также чтобы предупредить: смотрите, что происходит с режимами, которые вовремя не находят общий язык с оппозицией!» [МК, 27.03.2014].

Отрицательные ассоциации может вызывать также использование в политическом дискурсе лексической единицы *театр* в составе словосочетания *театр абсурда*. Метафорическое сравнение политической жизни с течением в драматургии, изображающим мир лишенным логики, может производить впечатление бессмысленности деятельности политиков:

«Лидер партии Михаил Прохоров неожиданно для всех объявил о выходе из нее, вместе с ним заявления написали многие делегаты съезда. Накануне, по словам Прохорова, на партию была предпринята рейдерская атака: «...захватили мандатную комиссию, какие-то левые люди попали в списки, и они провели сфальсифицированный съезд. Участвовать в этом *театре абсурда*, в этой шутовской партии я не намерен» [АиФ, 21.09.2011].

«Любая отечественная реформа, будь то здравоохранение, образование или ЖКХ, оборачивается ныне исключительно *театром абсурда*, безумной растратой государственных средств, и в итоге только ухудшает положение в этих сферах» [АиФ, 5.03.2013].

«Глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков назвал *театром абсурда* заявление президента Литвы относительно «агрессии» в отношении ее страны» [МК, 12.03.2015б].

«Неприятности и у кандидата в мэры Ройзмана в Екатеринбурге. И опять очень похоже, что их организовал свой же предвыборный штаб, на этот раз в стиле *театра абсурда*» [МК, 4.08.2013].

«Или вот мое окно в севастопольский двор. На двойном борде – кандидаты с говорящими, как писал Чехов, фамилиями. Один был в Партии регионов, другой – в «Нашей Украине»; теперь оба они – в одной партии, с одними, стало быть, идеалами. Цирк? *Театр абсурда*? Да, а еще – издевка над севастопольцами» [Из, 12.09.2014].

«Ведь реальную картину харьковских политических настроений отражает именно первая – неудавшаяся – попытка. А внезапное «прозрение» городской власти выглядело бы откровенным *театром абсурда*» [Из, 28.04.2015].

«А здесь, слава богу, все иначе. И согнанный в Лужники народ – а что согнанный, секрет Полишинеля – обычная массовка на самостоятельном уровне, да и Путин не только никакой не вождь, но и вождя играет из рук вон плохо, и даже свою десятиминутную речь не смог произнести на

уровне, путаясь в словах и неся околесицу. Театр одного актера. И одновременно: *театр абсурда*» [КП, 28.02.2012].

Политическая жизнь сравнивается с театрализованными представлениями также при помощи использования лексемы *шоу* («1. Зрелище, представление. 2. *Неодобр.* О чем-л., рассчитанном на дешевый внешний эффект, на восторженную реакцию широкой публики» [БТСРЯ, 1503]). Политическая жизнь характеризуется в данном случае как деятельность напоказ, что-то несерьезное, рассчитанное на дешевый внешний эффект, на развлечение широкой публики (*политическое шоу*), что может способствовать появлению отрицательных коннотаций.

Употребление данного существительного можно проиллюстрировать следующими примерами:

«На конференции по безопасности с участием двух десятков лидеров государств и множества министров иностранных дел П. Порошенко устроил очередное *шоу*: присутствие российских войск на Украине доказывал пачкой «трофейных» паспортов» [АиФ, 11.02.2015].

«Никакого импичмента не будет, это *политическое шоу*» [АиФ, 15.08.2014].

«Значит, если не трогать Конституцию, устроить парламентские выборы на три месяца раньше срока можно, лишь организовав весной 2016 года *шоу* с досрочным роспуском Госдумы» [МК, 20.05.2015].

«А вообще, эти мысли о труде и его пользе в майские праздники приходят невольно, сами по себе. Когда посмотришь на Первомайское *политическое шоу* и сравнишь его с действительностью, то в Первомай сделаешь выбор в пользу труда – на даче, например» [МК, 6.05.2015].

«На протяжении последнего десятилетия наш Серпухов медленно, но верно, утопает в политических дрязгах. При этом зачастую разборки политиков переходят в разряд *политического шоу*, в которое, поневоле, втянуты абсолютно все горожане» [МК, 17.02.2015б].

«Один из героев уходящего декабря – Владимир Жириновский. Он дал последнее интервью в стенах Госдумы и заставил нас тем самым немного задуматься о судьбе ЛДПР. Партии исполнилось 25 лет. Бессменный ее лидер за эти годы постарел, но задора не утратил. Уж по крайней мере на фоне своих соратников он по-прежнему единственная узнаваемая фигура. Что же будет с этим «*шоу* одного человека» под

названием «ЛДПР», если грозный Владимир Вольфович уйдет в тень?» [Из, 30.12.2014].

«*Политическое шоу* становится все более забавным, к полному недоумению городских властей» [КП, 29.10.2010].

Отрицательные ассоциации может вызывать использование в политическом дискурсе лексической единицы *цирк* («1. В древнем Риме: место для конных состязаний и состязаний колесниц, для боев гладиаторов и других зрелищ. 2. Учреждение, зрелищное предприятие, устраивающее представления с участием акробатов, жонглеров, дрессировщиков и т.п. 3. Вид театрального искусства, включающий акробатику, эквилибристику, жонглирование, клоунаду, дрессировку животных и т.п. 4. Естественное чашеобразное углубление в привершинной части горы (обычно со скалистыми или покрытыми льдом, снегом стенами). 5. Своеобразная кольцевая гора, характерная для рельефа Луны. 6. *Разг.* О каком-л. нелепом, смешном событии, факте, вызвавшем у говорящего удивление своей несуразностью» [БТСРЯ, 1464] во вторичном значении (*политический цирк, предвыборный цирк*). Сравнение политической жизни с цирком (а в связи с этим политиков с работающими в нем клоунами) может производить впечатление, что деятельность политиков является чем-то смешным, нелепым, несуразным:

«Вице-премьер РФ Дмитрий Рогозин назвал *цирком* предстоящие переговоры госсекретаря США Джона Керри с украинским оппозиционером Виталием Кличко и певицей Русланой, он посоветовал позвать на встречу еще и Верку Сердючку» [АиФ, 19.01.2014].

«Скучно вам там в России? На наш предвыборный *цирк* посмотреть решили? – спрашивает меня украинский таможенник, перед тем как шлёпнуть печать в паспорт» [АиФ, 31.10.2012].

«Что это такое было: политический *цирк*, или человек не справился со своими обязанностями? – спросил коллег депутат Игорь Моляков» [МК, 23.12.2014].

«При этом глава НБУ все же критически прокомментировала перформанс Ляшко: «Я не депутат, поэтому к такому *цирку* еще не привыкла!». После этого инцидента президент Украины Петр Порошенко на заседании Национального совета реформ потребовал от Ляшко извиниться перед Гонтаревой за то, что он забросал ее денежными купюрами» [МК, 6.03.2015].

«Пробиться сквозь муниципальный фильтр на выборах глав регионов смогли лишь те, в ком власть не увидела реального конкурента. Это не выборы, а **цирк**! В нынешнем виде политическая реформа не заслужила даже двойки, – считает политик, которому было отказано в регистрации на выборах мэра Москвы и губернатора Подмосковья» [Из, 5.09.2013].

«Если уйдет и Жириновский, это будет значить, что та эпоха окончательно, безвозвратно кончилась. Старый **цирк** уехал, а зрители несколько повзрослели. Когда-то люди радовались самому факту, что в России вообще есть несколько партий, политическая конкуренция казалась невероятным достижением» [Из, 30.12.2014].

Отрицательные ассоциации может производить использование в политическом дискурсе существительного *балаган* («1. В России 18 – начала 20 в.: временная легкая (обычно дощатая) постройка для ярмарочной торговли, жилья, склада и т.п.; для театральных, цирковых и других представлений на ярмарках, народных гуляньях и т.п. 2. В России 18 – начала 20 в.: народное театральное представление (обычно на ярмарках), состоящее из комических сценок, цирковых номеров и т.п. 3. *Разг.* О том, что нарочито несерьезно; о шутовстве, паясничанье, дурачестве (обычно шумном)» [БТСРЯ, 56]) во вторичном метафорическом значении. В политическом дискурсе данная единица выражает отрицательную оценку состояния дел в стране, сравнивая мир политики с шутовством, паясничаньем, шумным дурачеством.

Приведем примеры из прессы:

«**Балаган**, устраиваемый Жириновским в Госдуме и на крупных политических мероприятиях, позволял немного оттянуть голоса у коммунистов и националистов» [АиФ, 19.04.2014].

«Без легализации национализма наша политика так и останется фальшивой. Если мы не говорим в парламенте о главной проблеме, то такой парламент – просто **балаган**» [АиФ, 22.08.2012].

«Остальные выступающие, кажется, были с ним согласны. «Как на ярмарке – развернут свой яркий **балаган**, с которым нам придется иметь дело уже в ближайшее время», – предрекал Додатко, говоря про 26 отделений новых партий, зарегистрированных в Красноярске. Что характерно, системную оппозицию партийцы не помянули ни полусловом, словно на политическом поле теперь только грязные критиканы и «Единая Россия» [МК, 5.12.2012].

«Выступавшие на сессии депутаты подчеркивали серьезность намерений ударно взяться за дело и оставить междоусобные выборные войны в прошлом. Дескать, *балагану* не место в сложной и без того политической обстановке» [МК, 30.09.2013].

«Первые теледебаты – это соревнование Кеннеди с Никсоном в 1960-м с печальным результатом для второго. С настолько печальным, что на 16 лет о дебатах забыли. Реально теледебаты вернулись в большую политику США и стали ее важным фактором в 1976 году, когда президент Форд опозорил себя в диалоге с Картером, сказав, что Польша не является частью Восточного блока. Развитие дебатов – это ТВ. Это – массовая политика, это – *балаган*» [Из, 13.08.2013].

«Однако, по мнению замначальника управления общественного порядка столичного ГУ МВД РФ Дмитрия Дейниченко, отстаивание своих гражданских позиций уже давно превратилось в *«балаган* и мешает привычной жизни людей» [Из, 24.05.2012а].

Данное существительное используется в газетном дискурсе также в составе словосочетания *политический балаган*:

«Нет сегодня конструктивной, честной, принципиальной оппозиции. Есть *политический балаган*, которому до одного места – будущее страны и народа» [МК, 13.09.2012].

«Как заявил в четверг «Известиям» красноярский лидер коммунистов Владислав Юрчик, провокационные листовки, разбросанные конкурентами КПРФ, заставляют предположить, что это соглашение – фикция, и в *политическом балагане* «честные партии участвовать не собираются» [Из, 12.04.2007].

«По мнению политолога, наиболее успешно на этих выборах выступили «партии с внятной, отличающейся идеологией – «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР, а вот «различный *политический балаган*, который, в частности, демонстрировал «Союз правых сил», никакого понимания не нашел» [Из, 03.12.2007].

К данному слоту можно причислить также существительное *маскарад*. Его значение представляется следующим образом: «1. Празднество, бал, на который приходят в масках и особых костюмах (сказочных, этнографических и т.п.). 2. Необычный наряд, вид, должный изменить внешность кого-л., чтобы не быть узнаваемым кем-л. 3. О поведении, имеющем целью скрыть внутреннюю сущность чего-л.; притворство»

[БТСРЯ, 522]. В политическом дискурсе оно выступает в своем вторичном метафорическом значении, характеризуя поведение политиков как имеющее целью скрыть их настоящие мотивы, как притворство, что может способствовать появлению отрицательных коннотаций.

Употребление данной лексемы можно проиллюстрировать следующими примерами:

«Чуть позже на большой пресс-конференции Михаил Прохоров объявил о том, что он прекращает заниматься бизнесом и сосредоточится только на политической деятельности, что в федеральном политкомитете «Гражданской платформы» будет больше гражданских активистов, чем членов партии, что стране нужна «реальная политическая конкуренция, а не нынешний *маскарад*», и что при всей нашей любви к делению на «красных и белых» «Гражданская платформа» готова стать платформой для договоренностей и совместных действий самых разных политических сил, кроме националистов» [МК, 31.10.2012а].

«Языковая тема для украинских депутатов – обязательная часть предвыборного *маскарада*» [МК, 25.05.2012].

«Все законы, которые принимает ЕР – антиконституционные, глупые. Возьмите любую отрасль. Образование, здравоохранение, пенсионный фонд – проблемы везде, – считает политик. – Потому что «Единая Россия» принимает законы не для людей, Им выгодно, чтобы в России было плохо. За этим *маскарадом* никто не будет задавать неудобные вопросы и не будет спрашивать, почему миллиарды российских рублей лежит в западных банках» [МК, 30.11.2011].

Слот «жанры театрализованных представлений»

Очередную группу лексических единиц, образованных путем метафорического переноса, составляют лексемы, принадлежащие к слоту «жанры театрализованных представлений». Примером может служить лексема *комедия* («1. Драматическое представление со смешным, забавным или ироническим сюжетом. 2. Смешное, забавное происшествие. 3. *Презр.* Лицемерие, притворство в исполнении чего-л., лицемерное поведение» [БТСРЯ, 444]). Использование в политическом дискурсе данной лексической единицы в ее вторичном метафорическом значении может вызывать у адресата ощущение, что политическая жизнь является чем-то несерьезным, вызывающим смех, а даже лицемерным

(«Разыгрывать (ломать, играть и т.п.) комедию. Вести себя личемерно, притворяться» [БТСРЯ, 444]):

«Я бы не голосовал сам за себя. Сам бы себя назвал клоуном. Для меня выглядело бы это несерьезным, как выглядят все остальные кандидаты, кроме двух правящих. Понятно, что с Немцовым это тоже была *комедия*» [АиФ, 6.09.2011].

«Кроме того, известно, что 23 сентября, Госдума рассмотрит проект постановления о снятии его с должности руководителя комитета по информационной политике. В «Справедливой России» заявили, что никакие контакты с депутатом Митрофановым не поддерживаются. «Это какая-то *комедия*, потому что всем участникам процесса давно известно, что Митрофанов с мая 2012 года не является членом нашей фракции, никаких контактов с ним не поддерживается», – сказал РИА Новости первый зампред фракции СР Михаил Емельянов» [МК, 19.09.2014].

«Каждый раз он возглавляет партию, въезжая в нее на белом коне всеобщих надежд в окружении звездной свиты, а покидает – с интригой, скорбным пафосом и опять же весь в белом. Прощание с «Правым делом» несколько лет назад больше напоминало ток-шоу, а пятничный уход (на сей раз – из «Гражданской платформы») был поставлен в жанре остросюжетной *комедии*» [МК, 13.03.2015б].

«Но не успел Владимир Путин досрочно покинуть саммит – что долго поминать-то прежний мировой порядок, – не дожидаясь официального закрытия и совместного коммюнике, как Барак Обама тут же организовал встречу с лидерами ЕС для обсуждения ситуации с Россией и Украиной. Ну, вот тут-то все стало на свои места согласно дешевым билетам на дешевую *комедию*. Что же мешало организовать нечто подобное в те часы, когда Владимир Путин находился на «дружелюбном» и «конструктивном» саммите?» [Из, 16.11.2014].

«Поскольку начатая главой «Единой России» политическая реформа не свернута, не обращена вспять, власть уже не может иметь в качестве орудия своей политической репрезентации организацию, состоящую в основном из несамостоятельных людей. А может быть, не ломать *комедию* и по-честному объявить о большом сокращении штатов, оставив в качестве рудиментов бывшего величия парламентскую фракцию, обеспечивающую нынешней власти большинство в Думе, и пока еще бесхозные региональные отделения? А все остальное распустить за функциональной ненадобностью?» [Из, 25.09.2013].

Похожим примером является существительное *фарс*. Оно имеет значения: «1. Вид средневекового западноевропейского народного театра и литературы бытового комедийно-сатирического характера. 2. В театре 19-20 вв.: комедия или водевиль легкого, игрового содержания с чисто внешними комическими приемами»; драматическое представление со смешным, забавным или ироническим сюжетом. 3. Грубая шутка, шутовская выходка» [БТСРЯ, 1417]. Данная лексическая единица, использованная во вторичном метафорическом значении, также может вызывать ассоциации с чем-то несерьезным, с шутовством, что иллюстрируют примеры:

«В то же время эксперт признает, что сами по себе эти выборы были диким *фарсом* на фоне событий на юго-востоке страны, «прошли с грубейшими нарушениями норм демократии». Вместо того чтобы провести сначала референдум о госустройстве страны, принять изменения в Конституцию о статусе русского языка и самостоятельности регионов, Киев стремился поскорее узаконить результаты госпереворота» [АиФ, 27.04.2014].

«Как *фарс*, как нечестные выборы, которые прошли с грубейшими нарушениями норм демократии. При этом Россия надеется, что Петр Порошенко сможет двигаться в сторону компромисса, поскольку с российской точки зрения нынешние члены хунты несут ответственность за массовые убийства людей снайперами на Майдане, массовое сожжение украинских граждан в Одессе и за расстрел милиционеров в Мелитополе – поэтому они на компромисс не пойдут» [АиФ, 20.05.2014].

«Когда я вижу, что большие фракции коалиции не прислушиваются к мнению других фракций коалиции, когда происходят заговоры, когда, фактически, крупные фракции коалиции голосуют в сговоре с олигархическими группами, в частности Еремеева, Хомутынника, то есть де-факто коалиция существует, а по принципиальным вопросам, там где нет общего языка, нет общей позиции, договариваются с остатками банды Януковича. Я в этом *фарсе* участвовать не собираюсь», – сказал он, добавив, что парламентское большинство «обманывает людей и возрождает преступные коррупционные схемы» в прокуратуре и судах» [МК, 22.04.2015].

«Заявление Европарламента о необходимости международного расследования убийства российского политика Бориса Немцова на фоне

фактического поощрения убийств мирных жителей Донбасса выглядит как политический *фарс*, а органы следствия России и так проводят все необходимые оперативно-следственные мероприятия, заявила глава комитета Госдумы по безопасности Ирина Яровая» [МК, 12.03.2015в].

«Выборы 25 мая на Украине – это выборы без выбора. Многие граждане Юго-Востока предпочли остаться в стороне от этого *фарса* и не пришли на избирательные участки. В последние недели велась активная кампания по бойкоту выборов, и, кажется, она возымела свое действие» [Из, 25.05.2014].

«О вмешательстве Запада в ситуацию на Украине глава российского государства ответил журналистам, что эти страны превратили политическую жизнь на Украине в *фарс*» [Из, 4.03.2014а].

«*Фарс*? Непоследовательность? Как еще назвать это, если власти – на примере графства ЛА – одной рукой возводят мемориал жертвам депортации, а другой осуществляют ее новую волну» [КП, 27.02.2012].

«Это влечет сразу очень печальные последствия. ЦИК не работает, значит, любые выборы превращаются в *фарс*. И у нас получается парламент не то что место для дискуссий, а вообще собрание людей, которые никого не представляют» [КП, 10.03.2012].

Отрицательные ассоциации может вызывать использование в политическом дискурсе лексической единицы *клоунада* («1. Цирковый жанр, шуточные или сатирические сценки, разыгрываемые клоунами. 2. Клоунская сценка; текст такой сценки» [БТСРЯ, 433]) во вторичном значении. Сравнение политической жизни с цирковым жанром (а в связи с этим мира политики с цирком, а политиков с клоунами) может производить ощущение, что деятельность политиков – это шутовство, паясничанье, дурачество, а политики – это всего лишь шуты, а не серьезные субъекты политического процесса, заботящиеся о своих избирателях:

«Дрались у мэрии в порыве застолбить место под митинг, устроили *клоунату* в Кремле: притащили на встречу с президентом и выложили на стол оторванную в драке подошву от ботинка депутата-эсера Понамарева» [АиФ, 6.03.2012].

«Вопль г-на Эйдельштейна (Эйдельштейн – фамилия отца В. Жириновского) «Я за русских!» – уже привычное политическое хулиганство, которое принесет свой результат. Но Жириновский, хотя и

остаётся самым талантливым артистом в стране, по-видимому, уже сам устает от своей *клоунады*» [АиФ, 23.11.2011].

«Термин «оппозиция» в современной политической ситуации нашей страны приравнивается, практически, к термину «враг народа». Вы знаете, мы слишком политизируем действительность нашего муниципального уровня, возмнив себя какими-то великими политическими фигурами. Если меня, когда я был председателем Совета депутатов Серпуховского района, что-то не устраивало, то я решал все это в рабочем порядке, не вынося сор, и не устраивая *клоунаду* на заседании Совета» [МК, 17.02.2015б].

«Ни одна из парламентских фракций законопроекты не опротестовала, вотума недоверия кабинету министров не вынесла, и документы вступили в силу. Без малейшего публичного обсуждения. *Клоунада* для народа» [МК, 7.08.2014].

«Эксперты считают, что намерение бизнесмена создать уже третью по счету политическую партию начинает походить на *клоунаду*» [Из, 16.03.2015].

«Губернаторские выборы у нас уже превратились в *клоунаду*. Мало того, что возникло множество фильтров, так еще и возможность любой здоровой конкуренции перечеркнута хитроумной комбинацией, по якобы досрочному сложению полномочий, – подчеркнул политик» [Из, 28.05.2014].

«Мне кажется, что их судьба нас должна волновать в гораздо большей степени. А если это так, то на самом деле мы должны приветствовать любые попытки реальной борьбы. Потому что в противном случае Медведев, Путин – а где еще реальные кандидаты? Тогда в противном случае все остальные, не побоюсь этого слова, *клоунада*» [КП, 6.09.2011].

«Вы чувствуете, что политический процесс превращается в некую *клоунаду*?» [КП, 11.09.2012а].

В политическом дискурсе встречаем также выражение *мыльная опера* («Многосерийный телевизионный сериал» [ТСРЯХХ, 405]) в ее вторичном значении. В данном случае политическая жизнь сравнивается с жанром телесериала, состоящего из огромного числа эпизодов, которые снимают и транслируются десятилетиями (у сюжета мыльной оперы почти нет начала и нет конца, она вынуждена сохранять медленный темп повествования, чтобы сюжет был понятен телезрителю, который пропустил несколько

эпизодов). Жанр мыльной оперы ассоциируется, кроме того, с мелодраматическим и эмоциональным характером сюжета, а также с невысокими художественными достоинствами, поэтому его сравнение с политикой может вызывать отрицательные эмоциональные коннотации.

Приведем примеры из прессы:

«Уже зимой республиканцам и демократам придется снова сесть за стол переговоров и начать все сначала. Как вы думаете, будет ли продолжаться эта *«мыльная опера»*, которую они сейчас устроили, или они быстро достигнут соглашения, и все стабилизируется?» [АиФ, 18.10.2013].

«Однако американские власти не перестанут «воевать», и зимой 2014 года конгрессмены возобновят бюджетные споры, уверены эксперты. «Будет примерно то же, что и сейчас, ждем продолжения *мыльной оперы*, очередного обострения. Похоже, что они вошли во вкус, трудно это представить, но это так. Камнем преткновения для обеих партий остается программа здравоохранения Обамы. Пока это будет продолжаться, и пока США будут нести такие потери», – полагает Директор департамента стратегического анализа аудиторско-консалтинговой компании ФБК Игорь Николаев» [АиФ, 17.10.2013].

«Не сомневаемся, что другой кандидат из «оппозиции» Сергей Айдаев хотел бы повторить путь, пройденный его отцом. И попытаться (чем черт не шутит!) предложить себя на пост мэра Улан-Удэ, сыграв на чувствах поклонников попкорна и «Санта-Барбары». Еще бы! Блудный сын пришел на 30-й округ, чтобы выполнить обещание, данное отцом, и помешать Александру Голкову опять избраться мэром Улан-Удэ. Чем не сюжет для *мыльной оперы*?» [МК, 23.07.2014].

«Наверное, мало кто в Сербии хорошо разбирается в многовековых хитросплетениях отношений России и Украины. Вместе с тем здесь прекрасно помнят события девяностых годов. Поэтому любой международный конфликт, в котором американцы так или иначе занимают жесткую позицию, здесь рассматривается как очередная серия *мыльной оперы* «США устанавливают мировой порядок» [МК, 5.03.2014].

«Британские журналисты иронизировали – мол, "Милибойз" превратили избирательную кампанию в *мыльную оперу*. И правда, больше четырех месяцев подданные ее величества следили за дуэлью родных братьев, экс-министров в правительстве Гордона Брауна, метивших в его преемники» [Из, 27.09.2010].

«Российский спектакль на убийстве Немцова превращается в *мыльную оперу*» [КП, 10.03.2015].

Политическая жизнь сравнивается также с другими жанрами театрализованных представлений, такими как *мелодрама* («1. Музыкально-драматическое произведение, в котором монологи и диалоги действующих лиц сопровождаются музыкой; 2. Драматургический жанр, произведения которого насыщены преувеличенными драматическими эффектами и имеют отчетливо выраженный морально-поучительный характер, а герои отличаются излишней эмоциональностью, сентиментальностью и резко противопоставляются по своему доброму и злему началу; произведения этого жанра. 3. О выражении чувств, переживаний, отличающемся преувеличенным, неестественным трагизмом» [БТСРЯ, 532]) или *трагикомедия* («1. Драматическое произведение, в котором сочетаются элементы трагедии и комедии; 2. Печальное и одновременно смешное происшествие» [БТСРЯ, 1337]), что может создавать впечатление, что политика является чем-то неестественным, напоказ, преувеличенным, а деятельность политиков кажется одновременно печальной и вызывает смех, например:

«Видимо, в июле мы станем свидетелями *мелодрамы*, во время которой, проникнувшись симпатией к журналисту, депутаты и главы городов, невзирая на свой политический окрас, окажут ему поддержку, дабы независимый кандидат прошел муниципальный фильтр. И все это без денег и партийной поддержки» [МК, 9.07.2014].

«Президент Дмитрий Медведев и премьер Владимир Путин назначили миллиардера начальником «Правого дела». Потом они разочаровались в нем и убрали из начальников. Вот и весь сюжет прохоровской *мелодрамы*» [МК, 15.09.2011].

«Жители, наблюдающие за этой политической *трагикомедией*, разочарованы как в тех, кого они избрали, так и в исполнительной власти города. Не удивительно, что терпение активной части горожан лопнуло, и на 28 февраля они заявили митинг против кризиса власти в Протвино, но администрация митинг не согласовала, потому что заявители неверно указали год» [МК, 25.02.20156].

«Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. *Трагикомедия* с законопроектами-близнецами началась несколько дней назад, когда их рассматривали на заседании фракции «ЕдРа». На прямой

вопрос: «Чем ваш законопроект отличается от законопроекта коммунистов?» – глава думских «медведей» Андрей Метельский не нашел ничего более оригинального, чем ответить: «Тем, что он написан от сердца» [МК, 31.10.2011].

«Но в ту же самую *трагикомедию* – лишь с понятным отставанием по фазе – сегодня вползает и власть. Когда «Наших» (и, вероятно, не только «Наших», это же не частные посиделки, это же зажигающая идеология) научают насчет прорыва, насчет предательства пораженческой элиты, насчет бодрой победительности, перед нами те же, что и у освободителей, снега прошедших зим, каковыми снегами пытаются усиленно торговать. Разница лишь в том, что освободители торгуют снегом начала 90-х – «В свободу, в Европу!», а охранители торгуют снегом 2000 г., т. е. тем общественным воодушевлением, которым сопровождался приход к власти В.В. Путина» [Из, 20.04.2006].

Слот «здание и реквизит»

Следующую группу составляют лексемы, принадлежащие к слоту «здание и реквизит». Примером может служить существительное *цена*. Его значения представляется следующим образом: «1. Специальная площадка, на которой даются представления. 2. Театр, театральная деятельность. 3. Отдельная часть действия, эпизод в пьесе, литературном произведении, картине и т.п. 4. Происшествие, эпизод, наблюдаемый в жизни. 5. *Разг.* Ссора, крупный разговор, объяснение. 6. *только ед. чего или с опр.* Поле деятельности, поприще» [БТСРЯ, 1296]. В политическом дискурсе данная лексическая единица (часто в составе словосочетания *политическая цена*) используется широко во вторичном значении для обозначения поля политической деятельности, политического поприща, сферы, где течет политическая жизнь страны. Вторичное метафорическое значение этого существительного может создавать в сознании адресатов ощущение искусственности мира политики, неискренности политиков, которые действуют напоказ, выступают как актеры, играющие свои роли, притворяясь кем-то, чтобы понравиться аудитории.

Примеры употребления:

«Правы ли те, кто называет нынешний Совфед «кадровым отстойником», тихим приютом для заслуженных ветеранов *политической сцены*?» [АиФ, 30.04.2015].

«Так, например, на российской *политической сцене* появился доморощенный спикер» [АиФ, 17.10.2014].

«Проект же постановления о создании парламентской ВСК по проверке фактов коррупции в органах власти так и остался в подвешенном состоянии. Через некоторое время неприятная история могла совсем забыться, но на *сцену* вышла партия «Свобода», которая провела в нынешний парламент лишь 6 человек, однако не растеряла своих политических амбиций» [МК, 7.04.2015a].

«Но тот факт, что поле битвы перемещается в семью, хорошо характеризует сложившийся политический режим и обостряет вопрос о престолонаследии. В Узбекистане сложилась своя государственность, но ее структура и система власти не дает ответа на вопрос о степени ее устойчивости. Что будет, когда прежние герои начнут сходиться со *сцены*?» [МК, 30.03.2015].

«В общем, Касьянов затерялся, и о нем как будто позабыли. Как выясняется, зря. К началу 2015 года, когда оказалось, что все остальные фавориты по тем или иным причинам покинули *сцену*, на ней осталось из прежних оппозиционных вождей только двое – он и Навальный. Они заключили альянс, и, укрепив свой авторитет союзом с неизбирающимся Навальным, Касьянов снова вышел в лидеры» [Из, 22.05.2015].

«Кризис вокруг Украины разбил национально-либеральный консенсус вокруг Навального. Националисты раскололись по «украинскому вопросу» столь жестко, что в какой-то момент вообще сошли с *политической сцены*» [Из, 20.04.2015].

«Некоторые поползновения к борьбе с коррупцией мы видим. Потому что, да, Реймер ушел со *сцены*, он никакого политического влияния не имеет. Это отстрелянная фигура. А губернатор Сахалина – да, это действующий человек» [КП, 6.04.2015].

Следующим примером лексемы, принадлежащей к слоту «здание и реквизит», является существительное *арена* («1. Круглая площадка посередине цирка, на которой даются представления. 2. Спортивная площадка для массовых зрелищных мероприятий. 3. *чего или с опр.* Поприще, область деятельности. 4. *Ист.* Центральная часть древнеримского амфитеатра для проведения гладиаторских боев, конно-спортивных состязаний и т.п» [БТСРЯ, 46]), выступающее обычно в составе словосочетания *политическая арена*. Использование данной

лексической единицы в ее вторичном метафорическом значении (область политической деятельности) может вызывать у адресатов отрицательные коннотации. Сравнение мира политики с цирковой ареной (а политиков с клоунами) может производить впечатление, что политическая деятельность – это что-то несерьезное, несурьезное, даже вызывающее смех:

«В течение всего 2014-го мы узнавали и продолжаем узнавать истинное лицо знаковых персон на казахстанской *политической арене*. В их числе высокопоставленный чиновник Серик Ахметов – он занимал посты министра обороны и даже премьер-министра» [МК, 5.05.2015].

«Несмотря на удаление Ярославцевой с *политической арены*, ее имя регулярно всплывает в новосибирских СМИ» [МК, 8.04.2015б].

«История приговорила этих деятелей – они до зимы уйдут с *политической арены*, как грязный снег после теплой весны, – завершил лидер КПРФ» [Из, 25.07.2014].

«Ранее Прохоров приобрел по дешевке партию «Правое дело», тут же попытался разогнать ее как личный крепостной театр, был собственными «крепостными» изгнан, учредил новую партию, уже вольнонаемную, на контрактной основе, выдвинул три-четыре противоречащих друг другу программы, прославился умением исчезать в решающую минуту на долгие месяцы с *политической арены* и так далее...» [Из, 19.05.2013].

«Писал: «Сейчас я вернусь в Россию и знаю, как могу быть полезным президенту». Безусловно, он надеялся на то, что те сведения о государственном перевороте, которыми он обладал, позволят ему заслужить прощение Путина. Ему хотелось вернуться на российскую *политическую арену*» [КП, 8.04.2015].

«Теперь уже бывший президент Украины Виктор Янукович отказался от борьбы за свою страну и сбежал из Украины в конце февраля нынешнего года, провел парочку пресс-конференций в Ростове-на-Дону, где, по всей видимости, проживал на тот момент. А в настоящее время, как говорят, перебрался в российскую столицу. И окончательно сошел с *политической арены*, удовлетворившись гарантиями личной безопасности, которые он попросил у российских властей» [КП, 15.11.2015].

К данному слоту принадлежит также существительное *кулисы* («1. *обычно мн.* Плоские части декорации, располагаемые по бокам сцены одна за другой. 2. *Техн.* Рычаг или система рычагов, служащая для перемены

хода машины. 3. *обычно мн.* Перемещающиеся полосы из двух-трех рядов высокостебельных растений (кукурузы, подсолнечника и т.п.), высеваемые на паровом поле для снегозадержания и защиты озимых посевов от выдувания ветром, замерзания и т.п.» [БТСРЯ, 479]). В политическом дискурсе оно используется во вторичном значении для описания ситуации, когда кто-то действует вне официальной обстановки, скрытно, тайно, что может вызывать у адресатов отрицательные коннотации (какая-то деятельность политиков закрыта от граждан страны, т.е. она наверно связана с нарушением закона).

Употребление данной лексемы можно проиллюстрировать следующими примерами:

«В результате в окружении Януковича могла начаться политическая игра, когда бывшие сторонники, за *кулисами* ведя переговоры с оппозицией, решили «сдать» лидера в обмен на политические гарантии» [АиФ, 02.12.2013].

«Госдума на этой неделе проведет последнее заседание своей первой сессии, следующее – аж 11 сентября. О том, чем думцы занимаются в зале для пленарок, граждане судят в основном по репортажам о принятии каких-нибудь громких законов (вроде недавнего повышения штрафов для участников митингов). А что творится за *кулисами* этого политического театра?» [АиФ, 11.07.2012].

«За *кулисами* столичной мэрии сейчас определяют финальные штрихи предвыборного расклада. Политический торг идет вовсю: это видно из того, что победившие на праймериз 8 июня члены «Единой России» сначала подали документы на выдвижение в избиркомы как самовыдвиженцы, а теперь начинают снимать свои кандидатуры!» [МК, 1.07.2015].

«США напрямую или из-за *кулис* всегда влияют на наши отношения с соседями. Не было диалога, если говорить по народному – нас послали подальше. Никакие аргументы не хотели рассматривать. Тогда мы сказали, что мы будем защищать наши интересы в одностороннем порядке. Да, договор Украины с ЕС был подписан, но его применение отложено на год» [МК, 4.12.2014].

«Итак, февральский смотр песни и строя показал, что мобилизационные возможности обеих сторон значительны, и в то же время, что данные способности не имеют решающего значения в той политической игре, которая будет происходить вокруг 4 марта. Похоже, реальная политика

сегодня окончательно перешла за *кулисы* политической сцены, подальше от недоуменных взглядов «рассерженных горожан» [Из, 6.02.2012].

«Мир живет по тем же законам, которые можно просчитать, но иногда они не поддаются логическим объяснениям. Хотя за *кулисами* большой политики всегда стоят конкретные люди, которые и принимают решения» [КП, 5.06.2012].

Отрицательные ассоциации может вызывать у адресатов лексема *закулисье* («Закулисное пространство цирка, театра» [Епишкин 2010]), использованная в политическом дискурсе во вторичном метафорическом значении:

«Мезенцев показал умение решать трудные проблемы политического *закулисья*. Но самое важное – он получил статус политика федерального масштаба» [АиФ, 30.01.2012].

«Интересно, а знает ли Березовский хотя бы одного человека в России, кто поддерживает лично его, ждет его возвращения? Думаю, даже самым яростным противникам В. Путина в страшном сне не привидится второе пришествие «БАБа» (Борис Абрамович Березовский) во властное российское *закулисье*» [АиФ, 16.12.2011].

«Повторюсь, возможно, эта конкретика находится в сфере тайной дипломатии. И это нормально. Реальная политика делается не на глазах у репортеров, а в тиши *закулисья*. Но не исключено и то, что Россия в отношении Украины не до конца избавилась от привычки вести реактивную политику – политику, основанную на постоянном реагировании на ход событий, а не на стремлении добиться какой-либо четко сформулированной цели» [МК, 18.11.2014].

«Напомним, РПР была основана еще в 1990 году, не раз входила в парламент в составе блоков и коалиций, а в 2007 году была вычищена с поредевшего партийного поля и ушла в оппозиционное *закулисье*. Ее лидер Владимир Рыжков тем временем объединился с Михаилом Касьяновым (РНДС) и Борисом Немцовым («Солидарность») в единый либеральный союз – ПАРНАС» [МК, 17.06.2012].

«Показательно, что о желании Аллы Борисовны вступить в «Правое дело» стало известно почти одновременно с заявлением Ивана Охлобыстина о его намерении участвовать в президентских выборах. И та, и другая фигура достаточно независима, чтобы действовать не по указке «кремлевского *закулисья*», а по собственной инициативе» [Из, 6.09.2015].

Отрицательные коннотации может вызывать также использование в политическом дискурсе лексемы *маска* («1. Специальная накладка с изображением человеческого лица, звериной морды и т.п., надеваемая на лицо человека. 2. Человек в такой накладке и маскарадном костюме (обычно на костюмированном балу, маскараде и т.п.). 3. *обычно кого-чего или какая*. Притворство, скрывающее истинную сущность кого-, чего-л. 4. Скульптурное изображение лица человека или головы животного. 5. Накладка специального назначения на лицо или часто лица, предохраняющая ее носителя от вредного воздействия чего-л. (газа, микробов, светового потока и т.п.). 6. *Проф.* О чем-л., приспособленном для военной маскировки. 7. Слой густо наложенного на лицо крема, лекарственного состава и т.п. для лечения кожи» [БТСРЯ, 522]) в ее вторичном метафорическом значении. Благодаря этому существительному в сознании адресатов может формироваться впечатление, что политики действуют неискренне, воплощаются в какие-то роли, притворяются, скрывают свои правдивые намерения.

Приведем примеры из прессы:

«Украинские события во многом сорвали *маски* с международной дипломатии, системы международных отношений, международного права» [АиФ, 20.01.2015].

«Американцы думают, что они вольны распоряжаться судьбами целых народов. И всякий, кто выражает несогласие или оказывает им противодействие, вызывает вот такую реакцию. Раньше они пытались скрывать свое отношение под маской глобальных интересов мира, борьбой с терроризмом, подбирали риторику в формате международного права. Но сегодня, когда Америка, по сути, совершила такое количество вероломных действий, выпадающих далеко за рамки международного права, *маски* сброшены!» [АиФ, 2.12.2014].

«Затем она обвинила Россию в трусости, потому что «ведет войну на Украине и отрицает это». «Такую войну выбирают те, кто боится на поле боя поднять свой флаг. Те, кому стыдно снять *маски*. У кого для обоснования своих намерений нет никаких аргументов. Мы знаем, как на это ответить: солидарностью, скоростью и прозрачностью», – подчеркнула глава Литвы» [МК, 20.04.2015].

«По словам пресс-секретаря Владимира Путина, события на Украине сорвали *маски* с международных отношений, но даже урегулирование

ситуации в Донбассе не станет гарантом нормализации отношений России и Запада» [МК, 21.01.2015].

«Мировая практика знает множество примеров, когда такие иностранные агенты, предатели своей родины, под *маской* «оппозиции» организовывали перевороты и беспредел в собственной стране» [Из, 15.04.2015].

«Происходящие сегодня политические события позволяют как нельзя лучше понять, кто есть кто на мировой политической арене. Запад наконец сбросил все *маски*, развеял гуманистический туман и явил себя по отношению к нашей стране в своем истинном обличье. Только в единстве всех своих народов Россия образует мощный кулак, способный и защитить, и достойно ответить» [Из, 21.11.2014].

Ощущение, что субъекты политической жизни действуют неискренне, воплощаются в кого-то другого, а политика является на самом деле чем-то фальшивым, может вызывать у адресатов также использование во вторичных значениях лексем *грим* («Специальные средства (краски, накладки, наклейки и т.п.), применяемые для изменения внешности актера в соответствии с исполняемой ролью; оформление лица с помощью этих средств» [БТСРЯ, 228]) и *бутафория* («Предметы, имитирующие подлинные вещи в сценической обстановке, витринах магазинов» [БТСРЯ, 105]):

«Если пристальнее всмотреться в ярко раскрашенное лицо «Украины выборной», под толстым слоем *грима* видны морщины и усталость» [АиФ, 31.10.2012].

«Единственная сила, которая хоть как-то удерживается на левых позициях – компартия Зюганова. Электоральный центр, который так же не согласен с всеилием магнатов и олигархов, пассивен. Поэтому, бывшие депутаты, объединившись, могли бы составить всей этой *бутафории* хоть какую-то конкуренцию» [АиФ, 31.05.2011].

«На фоне политических *бутафорий*, столь характерных для сегодняшней России, это мероприятие выглядело настоящим и искренним» [МК, 30.10.2012].

«На повестке дня – создание либеральной партии, но она должна не в Кремле рождаться, откуда уже вышли «Справедливая Россия», «Правое дело» и т.п. Это же не оппозиция, а *бутафория*. Это тупиковая система,

которая замкнута только на себя и на обслуживании своих интересов» [МК, 13.04.2010].

Слот «работники театра»

Следующую группу составляют лексемы, принадлежащие к слоту «работники театра». Лексические единицы из этой группы несут смысловые компоненты не только своего рода неподлинности происходящих событий (выступления политиков тщательно готовятся, прорабатываются, режиссируются), но могут также создавать впечатление несамостоятельности субъектов политической деятельности, так как в политической деятельности различаются организаторы и исполнители тех или иных действий. Примером лексем, представляющих взаимоотношения в мире политики в виде такой оппозиции, являются существительные *кукловод* и *марионетка*. Они могут вызывать отрицательные ассоциации в сознании адресатов.

Представители власти, лидеры политических партий сравниваются метафорически с *кукловодами* («Артист кукольного театра, управляющий куклами при помощи специальных приспособлений» [БТСРЯ, 478]), которые управляют другими субъектами политической жизни:

«Довольно популярна версия, согласно которой то, что происходит на Украине, во многом – результат манипуляций со стороны Запада. И аудиозапись, на которой два американских дипломата, как опытные *кукловоды*, рассуждают, кто из украинских политиков «вне игры», а кто «подходящий человек», должна была бы если не доказать, то во всяком случае еще раз напомнить эту версию» [АиФ, 07.02.2014].

«Но эта информация почти сразу была опровергнута бывшим чиновником администрации президента Алексеем Чеснаковым. Он написал на своих страницах в Facebook и Twitter, что отправил Суркову смс по поводу распространенной в прессе информации, и тот ответил, что даже не обсуждал ни с кем таких предложений. АиФ.ru побеседовал с экспертами о политических играх вокруг бывшего «кремлевского *кукловода*» [АиФ, 06.09.2013].

«Президент РФ назвал и организаторов госпереворота на Украине: «Формально оппозицию прежде всего поддерживали европейцы, но мы прекрасно знали, не просто отдавали себе отчет, а знали, что реальными *кукловодами* были наши американские партнеры и друзья. Это они

помогали готовить националистов, они помогали готовить боевые отряды» [МК, 19.03.2015].

«А с другой стороны, все чаще заставляет верить заявлениям о несамостоятельности президента, о том, что абсолютно все его, даже самые незначительные решения диктуются некими *кукловодами*» [МК, 13.08.2014].

«Абсурда и дикости ситуации добавляет тот факт, что очаг этого «колониального бунта», срежиссированного заграничными *кукловодами*, находится на киевском майдане – площади Независимости» [Из, 03.02.2014].

«Он пояснил, что съезд состоялся накануне, когда «кремлевские *кукловоды*» руками Андрея Дунаева и Андрея Богданова без ведома лидера зарегистрировали своих делегатов и взяли под контроль мандатную комиссию» [Из, 15.09.2011б].

В свою очередь рядовые политики сравниваются с *марионетками* («1. Театральная кукла, управляемая сверху посредством нитей или металлического прута актером-кукловодом. 2. О человеке, организации, государстве и т.п, слепо действующих по воле других, являющихся послушным орудием в руках других» [БТСРЯ, 521]), что может вызывать ощущение, что они являются орудием в руках лидеров политических партий, подчиняясь их воле, а не действуют самостоятельно:

«Нарушение минских договоренностей выгодно США и их политическим *марионеткам* в Киеве, рассказал AiФ.ru политический эксперт Анатолий Вассерман» [AiФ, 04.03.2015].

«Это дает неустойчивую конфигурацию власти, провоцирует конфликт между президентом и премьером. Поскольку Яценюк является *марионеткой* США, то совершенно ясно, что давление Вашингтона на политику Порошенко усилится» [AiФ, 28.10.2014].

«Лидер «Нашей партии» открытым текстом дал понять зрителям «Итерпола»: его по-прежнему ждет молдавская тюрьма. Не взяли прямо в аэропорту по прилету, чтобы «дать погулять», – но рано или поздно арест состоится. План этот, убежден Усатый, придуман лично Владом Филатом и имеет конечной целью, через обвинения «*марионетки* Кремля» в экстремизме, обвинить и российскую власть – в попытке организации госпереворота Молдове» [МК, 12.05.2015].

«Запад не должен превращать восточноевропейские государства в «американских *марионеток*» и воздействовать на украинских политиков «фальшивыми обещаниями», пишет норвежский публицист Атле Хетланд в статье, опубликованной на страницах The Nation» [МК, 10.04.2015].

«Сейчас, когда на наших глазах Вашингтон как *марионетками* повелевает своими европейскими союзниками, заставляя отказываться от экономически выгодных проектов с Россией (как ранее с Ираном), статусы сотрудничества с Востоком и с Западом для нас должны быть как минимум уравниены» [Из, 02.12.2014].

«Коса нашла на камень – исполняющий обязанности отказался быть *марионеткой*. И теперь ему предстоит «пройти сквозь строй» депутатов из «команды Чалого», которая, как убедили на выборах простодушных севастопольцев, и есть «Единая Россия» [Из, 08.10.2014].

«Речь о депутатах из местного совета, которые – официально представляя интересы народа – голосуют за пустые и позорные бумажки. Голосуют, отлично зная, что каждое слово в них – ложь, и что они, таким образом, предают своих же собственных избирателей, называя их террористами. Это не депутаты. Это *марионетки*» [КП, 20.04.2015].

«Единственный представитель переговоров, кто выходил звонить, – это Порошенко. Если кто-то выходит согласовывать свою позицию, это значит, что он не имеет права принимать самостоятельные решения. Если у кого-то еще были сомнения, что украинская власть не *марионетка* в руках заокеанских руководителей, теперь они должны рассеяться» [КП, 12.02.2015].

Лидеры политических партий, влиятельные политические деятели и представители власти представляются в политическом дискурсе также как *режиссеры* («Художественный руководитель спектакля, кинофильма, радиопередачи и т.п.; постановщик» [БТСРЯ, 1112]) и *дирижеры* («Лицо, управляющее оркестром, хором, оперным или балетным спектаклем» [БТСРЯ, 260]), что также может вызывать в сознании адресатов отрицательные коннотации (хотя народ избирает своих представителей в органы власти, чтобы они заботились о благо избирателей, в мире политики действуют только самые влиятельные лица, все остальные подчиняются им).

Приведем примеры:

«Они лживыми обещаниями убедили людей, что всего этого легко достичь и единственная преграда на пути к «светлому будущему» – это Янукович. Но *режиссерам* этого сценария нужен был не Янукович, им нужна была Украина», – заявил бывший украинский лидер» [АиФ, 24.12.2014].

«Михаила Прохорова остается только признать ведущим театральным *режиссером* на политической сцене. Каждый раз он возглавляет партию, въезжая в нее на белом коне всеобщих надежд в окружении звездной свиты, а покидает – с интригой, скорбным пафосом и опять же весь в белом» [МК, 13.03.2015б].

«Россиянам имя Чечетова мало что говорит, а вот на Украине этот политик был весьма заметной фигурой, вызывавшей откровенную ненависть у противников «регионалов». Чечетова называли «*дирижером*» парламентской фракции Партии регионов в Раде. Благодаря его организаторским способностям обеспечивалось голосование за нужные законы даже тогда, когда, по мнению оппозиции, в зале не было кворума» [АиФ, 3.03.2015б].

«Его давняя коллега по фракции Татьяна Бахтеева заявляла, что Мельник влиял на позицию «главного *дирижера*» – первого заместителя председателя фракции ПР Михаила Чечетова, который 28 февраля покончил жизнь самоубийством, выпрыгнув с 17 этажа» [МК, 10.03.2015].

«Не будем говорить о персоналиях. Премьер-министр должен быть хорошим *дирижером*, формировать хорошую команду и понимать стратегические вопросы» [МК, 12.02.2015].

«На Украине проживает более 8 млн русских, и политики, объявившие себя законной властью, просто обязаны четко следовать сценарию, уже обкатанному в других постсоветских республиках. Для *дирижеров*, признающих только себя, меньшим злом являются неонацисты, прославляющие подвиги Бандеры и Шухевича, чем регионы, ищущие поддержки у России» [Из, 04.03.2014б].

Ощущение неподлинности политических событий может вызывать также использование в политическом дискурсе лексемы *сценарист* («Автор сценария» [БТСРЯ, 1296]) – хотя некоторые политические события производят впечатление спонтанных, но на самом деле они происходят по детально подготовленному влиятельными политическими

субъектами плану, а все остальные, как рядовые политики, так и граждане, только этот план реализуют.

Примеры употребления в прессе:

«Но ведь эти люди наверняка слышали и видели сегодняшнюю пресс-конференцию Владимира Путина, в которой ситуация на Украине была разложена по полочкам. Только понимание обстановки, ее трезвая оценка и защита интересов соотечественников как основные условия для мирного сосуществования двух государств. И тогда никаких революций с безумными *сценаристами* и кровожадными режиссерами. Но это если уметь слушать и видеть не только себя...» [Из, 04.03.2014б].

«В политике – сплошные истории и интриги. Голосуют за того, кто лучше сочиняет и произносит тексты, и за более изощренную команду тайных *сценаристов*. У них даже вопроса такого нет – а может быть, вместо текстов избирателю нужно что-то другое? Навальный чувствует конъюнктуру и не уйдет в инфографику, хотя пользуется ею» [Из, 13.12.2013].

«30 лет назад, весной 1985-го, генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев провозгласил в СССР перестройку. Как она готовилась и почему вылилась в развал страны, «Комсомолке» рассказал один из ее *«сценаристов»* [КП, 05.05.2015].

Взаимоотношения в мире политики, основанные на оппозиции «организатор политических событий – исполнитель действий», представляются также при помощи лексем *первая скрипка* и *статист*. Политические субъекты, играющие в мире политики главную роль, сравниваются метафорически с *первыми скрипками* («Скрипач, исполняющий ведущую партию в оркестре» [БТСРЯ, 1202]), рядовые политики выступают как *статисты* («Актер, исполняющий второстепенные роли без слов, участник массовых сцен» [БТСРЯ, 1262]), что может вызывать отрицательное ощущение (несамостоятельность рядовых субъектов политической деятельности), например:

«Хотя, по мнению Маркова, за «Правым сектором» и другими мелкими группами радикалов, выступающих порой с откровенно нацистскими лозунгами и хвастающихся участием в стычках, стоит именно «Свобода» О. Тягнибока. При этом отсутствие резких действий со стороны Януковича даст возможность украинцам самим разочароваться в

радикалах, которые играют в протестном движении *первую скрипку*» [АиФ, 21.01.2014].

«Ссориться с «ЕР» действительно партии не с руки, поскольку «Родина» состоит в Общероссийском народном фронте – организации, созданной в 2011 году как база для поддержки Владимира Путина. И *первую скрипку* в нем играет именно «Единая Россия» [МК, 23.02.2015].

«Во-первых, он вернул Францию на авансцену европейской политики. Франция держалась до сих пор в тени по вопросам Украины. Ее руководители редко делали далеко идущие антироссийские заявления. Они занимали достаточно умеренную позицию и всегда предоставляли Германии играть роль *первой скрипки*» [Из, 12.01.2015].

«Серьезные политические игроки от оппозиции просто не желают играть роль *статистов*». Однако есть регионы, где главным кандидатам придется все-таки побороться за свое кресло» [АиФ, 02.07.2014].

«Ни одного кандидата от оппозиции не пропустили через муниципальный фильтр. В бюллетене был только губернатор и согласованные с ним декоративные фигуры, *статисты*» [МК, 18.09.2014].

«Согласие» вновь оказалось за бортом правящей коалиции, оставшись без министерских портфелей, и теперь будет наблюдать за принятием законопроектов и законов, исполняя роль *статиста*» [Из, 29.10.2014].

«Оппозиционные кандидаты оказались лишь *статистами*, не представившими общенациональные программы, способные составить реальную конкуренцию главному кандидату» [Из, 11.08.2014].

Отрицательные коннотации могут появляться у адресатов в случае использования в политическом дискурсе лексем *клоун* («Цирковой артист-комик» [БТСРЯ, 433]) и *комик* («1. Актер, играющий комические роли. 2. Человек, обладающий способностью смешить окружающих» [БТСРЯ, 444]) в их вторичных метафорических значениях. Сравнение политиков с паясничавшими работниками цирка или смешавшими зрителей актерами может вызывать ощущение, что субъекты политической жизни – это несерьезные люди, шуты, а их деятельность – это лишь дурачество, а не конкретная общественная работа.

Употребление данных лексем иллюстрируют следующие примеры:

«Думаю, что в армейских кругах людей, которым бы доверял Порошенко, видимо, нет, не случайно он поставил на пост министра

обороны такого человека, который способен только смешить (*Валерия Гелетея – ред.*). Это вообще был уникальный случай, когда министр выступает в роли какого-то *клоуна*» [АиФ, 13.10.2014].

«Печальным примером финальной стадии такой деградации служит депутат Санкт-Петербургского законодательного собрания Милонов В., который воспринимается подавляющим большинством аудитории уже исключительно как *клоун*, преимущественно злобный» [МК, 9.12.2014].

«Если депутаты Верховного совета Латвийской ССР благодаря страху, сознательности и наличию совести свои деньги и привилегии хоть как-то обрабатывали, то многие депутаты латвийского Сейма стремятся опуститься в кресла парламента исключительно ради возможности взять, ничего не давая взамен. Звучат речи и обещания. И видимость работы, конечно, создается. Но народ она не впечатляет. Спросите у любого прохожего на опустевших улицах Риги о его отношении к сейму: в ответах часто будет звучать упоминание о *клоунах* и недовольство, одобренное ненормативной лексикой» [Из, 29.10.2014].

«Теледебаты двух кандидатов в президенты России Михаила Прохорова и Владимира Жириновского на телеканале «Россия 1» ознаменовались очередным скандалом с участием лидера ЛДПР. На сей раз он поссорился с доверенным лицом своего оппонента Аллой Пугачевой. «Я думала, что вы кружевник, политик, хитрый человек. А вы просто *клоун* и псих!» – сказала Пугачева, назвав его «позором нашей страны», и получила в ответ: «Я такой, какой я есть, в этом моя прелесть» [КП, 29.02.2012].

«И не суть важно, хороший или плохой будет из Евдокимова губернатор. Важно понять, что его избрание – еще один знак истинного отношения нашего народа к власти. В ней мы всегда ищем начала патернализма, отеческого к себе отношения, но, не находя их, склонны видеть во властях предержавших либо враждебную силу, либо "юмористов". Ну и, естественно, отдаем предпочтение вторым. Именно потому на прошедших президентских выборах самым сильным соперником В. Путина из действующих политиков мог стать только *комик Жириновский*» [Из, 06.04.2014].

Выводы

Проведенный нами анализ показал, что сфера-источник «война» является одной из продуктивных сфер-источников для возникновения вторичных значений слов, выступающих в политическом дискурсе. Следует заметить, что во многих случаях развивающаяся милитиризация языка политики может казаться чрезмерной и необоснованной. Несомненно, особую роль в случае политического дискурса играет его связь с дискурсом масс-медиа, который является в наше время основным каналом осуществления политической коммуникации. Средства массовой информации являются своего рода фильтром, выделяющим отдельные факты из общего потока информации. Об одних фактах не говорится, другие приобретают особую важность. СМИ не ограничиваются отбором событий и кодированием информации, не создают зеркальное отражение реальности, а порождают новый субъективно окрашенный образ, иногда искажающий черты реальности. Задача прессы состоит в том, чтобы конкретные сообщения оказали на читателя наибольшее воздействие и вызвали у него определенную реакцию на них.

Газетный политический текст реализует определенные прагматические установки (материализованное в тексте осознанное намерение адресанта оказать соответствующее воздействие на адресата): не только информировать читателя об актуальных событиях, имеющих место в мире, но и заинтересовать его, привлечь его внимание к газете, убедить его в достоверности изложенных событий и фактов и объективности данных оценок, а также сформировать определенное отношение читателей к описываемым событиям и лицам [Наер 1981, 108-116]. В случае газетного политического дискурса очень важным является, несомненно, оказание эмоционального воздействия на читателя (формирование общего эмоционального настроения реципиента), для чего используются определенные языковые средства. Именно такую роль выполняют в газетном политическом дискурсе лексемы, образовавшие свои вторичные значения путем метафорического переноса на основе сферы-источника «война». Они сравнивают политическую жизнь с войной, а политиков – с солдатами, эмоционально описывают отношения в сфере политики, в связи с чем могут создавать в сознании адресатов их отрицательный образ.

Военные действия ассоциируются с жестокостью, агрессией. Мир политики описывается как поле боя, политические лидеры планируют атаки и оборонительные действия, целью которых является захват территории противника. Деятельность политиков и политических партий показана не как общественная деятельность, направленная на улучшение благосостояния жителей страны, а как непрерывная борьба (политика как конфликт между политическими партиями, а не как сотрудничество). Может создаваться впечатление, что субъекты политических действий не ставят своей целью совместное решение создавшихся в обществе проблем конструктивными методами, а ориентированы на участие в политической войне, нацеленной на уничтожение противников. В связи с этим в национальном сознании может формироваться образ агрессивности политической деятельности, в котором хорошим сценарием для разрешения политических разногласий оказывается только война.

Проведенный нами анализ подтвердил, что сфера «театр» является одним из очень продуктивных источников для возникновения вторичных значений слов, функционирующих в политическом дискурсе. Собранный материал позволяет также утверждать, что лексемы, составляющие эту группу, эмоционально описывают отношения среди политиков и могут вызывать у адресата отрицательные ассоциации. Благодаря им мир политики сравнивается с театром, цирком, шоу, т.е. чем-то несерьезным, искусственным, далеким от реальной жизни. В связи с этим политики в таком контексте выступают в роли актеров, которые делают все напоказ, клоунов или комиков, которые паясничают вместо работы, кукол в кукольном театре или марионеток, которые не принимают решений самостоятельно, а подчиняются воле власти или лидеров партий (кукловодов, режиссеров, дирижеров). Деятельность политических субъектов под влиянием таких ассоциаций может казаться смешной, несерьезной, а иногда вызывать раздражение – избиратели не хотят смеяться, хотят улучшения ситуации в стране.

Театральность политического дискурса обусловлена, наверное, спецификой его основного адресата (массовый наблюдатель, а не прямой адресат) и проявляется в его сюжетно-ролевом компоненте и метафорике. Следует, однако, заметить, что театральная метафорика политического дискурса связана также, как и в случае военной метафорики, с ролью, которую играют в нем средства массовой информации, основной в наше время канал осуществления политической коммуникации. Граждане

участвуют в политике в основном созерцательно, выступая в роли наблюдателя, воспринимающего политические события как своего рода разыгрываемое для него представление, получая информацию о них именно через средства массовой информации.

СМИ воздействуют на адресата, могут изменить отношения субъекта к некоему объекту, формировать общий эмоциональный настрой реципиента, изменить сформированные стереотипные представления и т.п. Для реализации своего коммуникативного намерения и оказания воздействия на читателей журналисты используют определенные языковые средства. К числу таких специфических средств принадлежат в первую очередь лексические единицы с оценочным компонентом значения. Оценка может соответствовать существующим стереотипным представлениям реципиента и может быть направлена на модификацию старых и создание новых стереотипов. Несомненно, оказание воздействия на читателей реализуется также при помощи экспрессивности языковых средств. Экспрессивность достигается за счет разнообразных языковых средств, к числу которых принадлежат также лексические единицы с вторичным метафорическим значением. Используемые в политическом дискурсе лексемы, вторичное значение которых появилось путем метафорического переноса на базе сферы-источника «театр», характеризуются высокой степенью экспрессивности, сопровождаются отрицательной коннотацией, коннотацией иронии или сарказма, могут вызывать ощущение отстраненности описываемых событий. В сознании аудитории может образоваться впечатление, что к описываемой ими политике не стоит относиться серьезно, что она не заслуживает уважения в связи с неискренностью ее субъектов.

Надо заметить, что в некоторых случаях метафорические значения данных лексем настолько прочно вошли в язык, что можно считать их стертыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы взаимодействия языка и политики являются в современном мире очень актуальными. Камалудин С. Гаджиев замечает по этому поводу, что: «политика – это система человеческих отношений, осуществляемых во многом с помощью языка. Именно изучение языка призвано выявить содержание мифов, иллюзий, стереотипов и в более широком смысле всего комплекса вопросов» [1997, 57]. В политологии наблюдается даже тенденция рассматривать язык как компонент поля политики, а не только как средство отражения политической действительности. Язык является также, как известно, эффективным оружием политической борьбы в любой стране. Широкое распространение средств массовой информации и их активное пропагандистское воздействие на реципиентов вызывает потребность в исследовании вопроса об использовании языковых средств с целью управления общественным сознанием, влияния на итоги политических референдумов, рейтингов политических партий и общественных организаций и т.д. Использование языковых средств в борьбе за власть вызывает интерес в изучении способов логико-эмоционального воздействия средств массовой информации, влияющих на формирование у аудитории определенных представлений о политической жизни и ситуации в стране. В центре таких исследований находится мир политики, который подвергается изучению с разных точек зрения, так как он вызывает огромный интерес у представителей различных областей науки (политологов, социологов, лингвистов и т.д.). Политическая жизнь стала настолько значимой для членов общества, что можно сказать, что неотъемлемой частью любого современного социума стали политический дискурс и политическая коммуникация, суть которой заключается в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия.

Язык политики является своего рода инструментом, благодаря которому граждане страны могут понять политическую жизнь и интерпретировать ее. В свою очередь, исследование языка политики не может не принимать во внимание основных политических процессов, регулирующих жизнь данного общества. Язык и политика взаимосвязаны, так как политические действия по своей природе являются коммуникативными

актами. Своеобразие политики как вида человеческой деятельности состоит в ее преимущественно дискурсивном характере. Критерием, которое решает об определении коммуникации как политической, считается его содержание и цель. Елена И. Шейгал определяют цель политической коммуникации следующим образом: политическая коммуникация – это «любая передача сообщений, предназначенная оказать влияние на распределение и использование власти в обществе, особенно если эти сообщения исходят из официальных правительственных институтов» [2000, 34]. Содержанием политической коммуникации являются основные вопросы власти: право принимать решения (судебные, законодательные и исполнительные), контроль за принятием решений, право наказывать или награждать, распределение общественных ресурсов и т.п.

В связи с активным интересом к изучению языка политики и политической коммуникации на стыке лингвистики и политологии возникло новое научное направление: политическая лингвистика. Ее предметом стала речевая деятельность, направленная на пропаганду тех или иных идей и эмоциональное воздействие на аудиторию (граждан страны). Это исследовательское направление носит междисциплинарный характер, так как в нем сочетаются достижения лингвистики текста, когнитивной лингвистики, социолингвистики, нарративного анализа, стилистики и риторики, что предоставляет возможность установить взаимоотношения между социологическими, культурными, когнитивными и межличностными аспектами власти.

Язык политики и политическая коммуникация стали предметом лингвистических исследований сравнительно недавно. Хотя речи политиков были объектом внимания уже в древности (первые попытки систематизировать основные риторические приемы были предприняты во времена Древней Греции и Древнего Рима), но более активное изучение политической коммуникации началось только в середине XX века. Данное явление было вызвано несколькими факторами: внутренними потребностями лингвистической теории, политологическими проблемами изучения связи политического мышления с политическим поведением, необходимостью построения прогнозирующих моделей в политологии и разработки методов анализа политических текстов в области средств массовой информации для контроля различных тенденций в сфере общественного сознания.

Основным понятием политической коммуникации стал дискурс, так как именно его анализ позволяет эффективно вскрыть механизмы взаимодействия власти, познания, речи и поведения. Политический дискурс имеет большее частотное проявление по сравнению с другими видами дискурсов, так как все граждане любой страны сталкиваются с ним ежедневно. Им интересуются широкие круги общества, как профессионалы (политические деятели, политологи, журналисты и т.п.), так и почти все жители государства. Несмотря на его популярность, его феномен не поддается легко однозначному определению. Причиной является факт, что само понятие политики в настоящее время не обладает четкой дефиницией.

Основными участниками институциональной политической коммуникации являются представители института (профессионалы/ агенты/сотрудники), а также люди, обращающиеся к ним (непрофессионалы/ клиенты) [Карасик 2000а, 12-13]. Агентами политического дискурса являются политические институты и их представители (политики). Клиент в политическом дискурсе является массовым клиентом (население страны, которое прибегает к услугам политических институтов). В более узком понимании клиентами политической коммуникации можно считать только избирателей, которые голосуют за данную политическую партию и обращаются к ней с наказом [Шейгал 2000, 44].

Характерной чертой современного политического дискурса является, несомненно, его связь со средствами массовой информации. Журналистика сегодня становилась не только участником (субъектом) политической жизни, но в некоторых случаях даже ее объектом. Граждане данной страны становятся свидетелями событий из мира политики именно благодаря средствам массовой информации, но также подвержены сильному аналитическому прессингу с их стороны. В связи с тематикой настоящей работы, самым интересным для нас видом средств массовой информации является пресса. Политический газетный текст – это не просто конкретный информационный объем, но также выражение социально-прагматических установок его автора и издателя. В связи с этим он обладает своеобразными категориальными признаками, предопределяемыми выполняемыми им функциями. В отличие от газетных текстов другой тематики политический текст реализует все коммуникативные функции: информативную (функция передачи информации о факте, событии, действующих лицах), апеллятивную

(функция обращения, влияющая на его восприятие информации) и эмоционально-экспрессивную (функция выражения чувств и эмоций автора). Содержательным признаком текстов этого типа является отражение в них деятельности органов государственной власти, политических партий и общественных организаций, а также их лидеров, направленной на развитие социальной и экономической структур государства и общества. Печатные СМИ не создают зеркального отражения политической, общественной, экономической и т.д. реальности, они формируют субъективно окрашенный образ, который иногда может даже исказить действительность. Их задачей является передача идей при помощи языковых средств таким образом, чтобы они оказали на читателей определенное воздействие (программирование у читателей конкретного представления об описываемом объекте) и вызвали у них реакцию, на которую рассчитано сообщение (изменение поведения реципиента в соответствии с мировоззрением автора или установкой заказчика текста / издателя газеты). Таким образом, регулятивная функция газетных политических текстов обращена на регулирование жизнедеятельности общества в целом и каждого человека в отдельности [Трошина 1990, 11]. Политические газетные тексты непосредственно или косвенно ориентированы на вопросы распределения и использования политической власти. Хотя в них излагаются факты и мнения, но эта информация служит средством убеждения читателей и влияет на их политическую позицию.

Политический газетный дискурс является эмоциональной средой, так как в нем сочетаются разные, часто противоположные ценности. Виктор И. Шаховский видит причину эмоциональности российского политического дискурса средств массовой информации в эмоционально-напряженной политической агитации, психологически стрессовой для всех граждан. Исследователь другой причиной считает факт, что российские средства массовой информации являются в большей степени информационным оружием в процессе экономического и политического передела страны, чем эффективным общественным механизмом контроля над властью: «Все СМИ уже в течение многих лет настроены только на одну политическую волну. Эта волна по сути дела является информационной войной: друг с другом, с народом, с правительством, с администрацией президента. В своей интерактивной войне все СМИ стерли морально-этический порог и все нравственные устои России – и больше не несут никакой социальной ответственности перед обществом, которое они больше не обслуживают,

они его обливают зловонием лжи и давно уже лишили его и каждого отдельного человека как социальной личности право на достоверную и объективную информацию» [Шаховский 2000, 109]. Также Виталий Г. Костомаров обращает внимание на чередование в политических газетных текстах стандартных и экспрессивных языковых средств. Исследователь определяет язык таких текстов как обязательное и прямолинейно-постоянное соотнесение стандартизированных и экспрессивных сегментов речевой цепи, их чередование и контрастирование [Костомаров 1971, 115].

В последнее время интерес лингвистов к вопросам речевого воздействия все возрастает. Человек, особенно сегодня, является как объектом, так и субъектом этого процесса. Будучи членами общества, подвергаясь постоянному речевому воздействию и одновременно оказываям его на других, потому что при общении люди все время убеждают друг друга в своей правоте, а не только обмениваются мнениями. Исследование речевого воздействия является междисциплинарной областью, так как отдельные аспекты анализируемого процесса изучаются лингвистами, социологами, психологами и представителями других смежных дисциплин.

Настоящая работа посвящена определению воздействующей роли лексических средств с эмотивным компонентом, использованных в газетных текстах российского политического дискурса (материал из 4 российских газет, период с 2000 по 2015 гг.). Эмотивная функция политического газетного дискурса ориентирована на возбуждение (зарождение или укрепление) эмоций читателей, так как создание эмоционального фона является вступительной стадией для переубеждения адресатов и побуждения их к соответствующим действиям. Проведенный анализ показал, что экспрессивность рассматриваемых текстов и их воздействие на реципиентов достигается при помощи комплекса разнообразных языковых средств. К ним можно отнести лексические единицы с ярко выраженной коннотативной идеологической оценкой (в том числе заимствования из английского языка), лексемы из разговорного языка и жаргонов, а также лексические единицы с вторичным метафорическим значением.

Политические изменения в России (преобразование государственно-правовой и социально-экономической систем) вызвали изменения в общественном сознании, отразившиеся в языковой системе языка, также в области общественно-политической лексики. Эффектом данных

социальных процессов стало, между прочим, изменение отношения носителей языка к конкретным фактам общественной жизни. Граждане в своей речевой деятельности дают оценки данным политическим и общественным явлениям, придавая им ту или иную эмотивную окраску (как правило, социальная коннотативная оценка расположена на шкале позитивное – негативное). Изменения на уровне коннотативного эмотивного компонента значения обусловлены сдвигами в денотативном содержании лексических единиц и проявляются в снятии идеологических наслоений. Коннотативная оценочность общественно-политической лексики политического дискурса советской эпохи заключалась в ярко выраженной идеологизированности и однонаправленности (эмотивный компонент семантики лексики содержал информацию о социальных оценках явлений с точки зрения господствующей марксистско-ленинской идеологии).

Анализ собранного материала показал, что процесс снятия идеологических наслоений в лексике, используемой в современном газетном политическом дискурсе по сравнению с политическим дискурсом советской эпохи идет по трем направлениям: в эмотивном коннотативном компоненте значения данной лексической единицы устраняются семы отрицательной оценки (замена на нейтральную); в эмотивном коннотативном компоненте значения данной лексической единицы происходит замена положительной семы на нейтральную или отрицательную; в эмотивном коннотативном компоненте значения данной лексической единицы отрицательные семы меняются на положительные. Похожая тенденция замечается в случае заимствований из иностранных языков. Русский политический язык наполнен довольно большим числом заимствованных слов, прежде всего англицизмов, что было обусловлено новыми социально-экономическими условиями жизни, контактами России с другими странами и т.п. Проанализированный материал показывает, что по сравнению с советской эпохой в настоящее время многие ранее заимствованные слова изменили свою оценочную идеологическую окраску (отрицательную коннотацию, маркирующую иноязычное слово как идеологически чуждое). Они стали употребляться для обозначения также российских реалий, поэтому сейчас связаны с нейтральной оценкой.

Экспрессивная функция в политическом газетном дискурсе отчетливо проявляется также в интенсивном употреблении стилистически сниженной лексики, в том числе слов разговорного характера,

просторечий и жаргонизмов. Такие лексемы характеризуются особой образностью, обеспечивают доступность к информации самых разных читателей, с их помощью можно выразить очень широкий спектр оценок и эмоциональных состояний, они делают общение более непринужденным. Анализ показал, что эти лексические средства наделены яркой эмоциональностью, с их помощью журналисты пытаются создать в сознании аудитории определенный образ конкретного политика, охарактеризовать мир политики как несерьезную деятельность, в некоторых случаях создать ощущение, что политика может сочетаться с криминальным миром.

Особое место среди способов воздействия на аудиторию занимает метафоричность газетного политического дискурса. Использование метафор является удачным способом, чтобы попытаться преобразовать существующую в сознании читателей языковую картину мира, ввести новую категоризацию в представление хорошо известных явлений и дать им новую эмоциональную оценку. Проанализированные лексические единицы с вторичным метафорическим значением (сфера-источник «война» и сфера-источник «театр») связаны с сильной коннотативной нагрузкой. Их главной целью является формирование отношения адресата к данной теме посредством оказания на него эмоционально-психологического воздействия. Они хорошо отвечают требованиям, предъявляемым к языку современной прессы: для них свойственны оценочность, эмоциональность, максимальное количество информации при минимальном объеме текста, единство стандарта и экспрессии, образность, точность.

Выполненная работа открывает перспективы для дальнейшего изучения проблемы языкового воздействия на адресатов в политическом дискурсе средств массовой информации. Широкие перспективы открывает возможность анализа проникновения в язык прессы разговорных и просторечных слов, так как язык газеты в последнее время характеризуется большей свободой выбора лексических средств, новым стилем выражения, отказом от языковых табу и эвфемизмов. Научный интерес представляет также исследование намеченных в настоящей работе тенденций в диахронном плане, указывающее их динамику.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Газеты:

- АиФ – «Аргументы и факты»
Из – «Известия»
КП – «Комсомольская правда»
МК – «Московский комсомолец»

Словари:

- БСРЖ – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2000, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург.
БСРРЭР – Химик В.В., 2004, *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург.
БТСРЯ – *Большой толковый словарь русского языка*, 1998, гл. ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург.
БЭС – *Большой энциклопедический словарь*, 1998, гл. ред. А.М. Прохоров, Москва.
ЛЭС – *Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва.
НРЛ – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80*, 1983, ред. Н.З. Котелова, Москва 1983.
СИС – *Словарь иностранных слов*, 1982, гл. ред. Ф.Н. Петров, Москва.
СМА – Елистратов В.С., 1994, *Словарь московского арго*, Москва.
СРЯа – *Словарь русского языка*, 1981-1984а, под ред. А.П. Евгеньевой, 2-е изд., испр. и доп., Москва, т. 1.
СРЯб – *Словарь русского языка*, 1981-1984б, под ред. А.П. Евгеньевой, 2-е изд., испр. и доп., Москва, т. 2.
СРЯв – *Словарь русского языка*, 1981-1984в, под ред. А.П. Евгеньевой, 2-е изд., испр. и доп., Москва, т. 3.
СРЯо – Ожегов С.И., 1970, *Словарь русского языка*, Москва.
СРЯоШ – Ожегов С.И., 1985, *Словарь русского языка*, под ред. Н.Ю. Шведовой, Москва.
ТСИС – Крысин Л.П., 2007, *Толковый словарь иностранных слов*, Москва.
ТСРЯ – *Толковый словарь русского языка в 4-х т.*, 1935-1940, под ред Д.Н. Ушакова, Москва, т. 2.

- ТСРЯХХ – *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*, 1998, под ред. Г.Н. Складневской, Санкт-Петербург.
- ТСЯС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 1998, *Толковый словарь языка Совдепии*, Санкт-Петербург.

Другие сокращения, использованные в тексте:

- АСИ – Агентство стратегических инициатив
- АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
- ВВП – валовой внутренний продукт
- ВГУ – Воронежский государственный университет
- ВДВ – воздушно-десантные войска
- ВСК – Военно-страховая компания
- ВШЭ – Высшая школа экономики
- ГАСС – Государственное агентство социального страхования
- ГДР – Германская Демократическая Республика
- ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению
- ГУ – Главное управление
- ДНР – Донецкая Народная Республика
- ЕдРо – Единая Россия
- ЕР – Единая Россия
- ЕС – Европейский союз
- ЖКХ – Жилищно-коммунальное хозяйство
- ЗакС – Законодательное собрание Санкт-Петербурга
- ИКМО – Избирательная комиссия Муниципального образования
- ИСЭПИ – Институт социально-экономических и политических исследований
- ИТАР – Информационное телевизионное агентство России
- ИТАР-ТАСС – Информационное телевизионное агентство России «ТАСС» («Телеграфное агентство Советского Союза»)
- ИТУ – Исправительно трудовое учреждение
- КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
- КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
- КПУ – Коммунистическая партия Украины
- КрыСовет – Координационный совет оппозиции
- КС – координационный совет
- КХЛ – Континентальная хоккейная лига
- ЛА – Лос-Анджелес
- ЛДПМ – Либерал-демократическая партия Молдовы
- ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

ЛНР	–	Луганская Народная Республика
МВД	–	Министерство внутренних дел
МВФ	–	Международный валютный фонд
МГЕР	–	Молодая Гвардия Единой России
МГПИ	–	Марийский государственный педагогический институт
МИД	–	Министерство иностранных дел
МММ	–	название компании, крупнейшей в истории России финансовой пирамиды (аббревиатура начальных букв фамилий ее основателей, С. Мавроди, В. Мавроди, О. Мельниковой)
НАТО	–	Организация Североатлантического договора, Североатлантический Альянс (North Atlantic Treaty Organization)
НБП	–	Национал-большевистская партия
НБУ	–	Национальный банк Украины (Національний банк України)
НИУ	–	Национальный исследовательский университет
НКВД	–	Народный комиссариат внутренних дел
ОБСЕ	–	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВР	–	Отечество – Вся Россия
ОЗПП	–	Общество защиты прав потребителей
ОНФ	–	Общероссийский народный фронт
ОНЭКСИМ	–	название частного российского инвестиционного фонда М. Прохорова
ООН	–	Организация Объединенных Наций
ОПГ	–	организованная преступная группа
ОПЛ	–	общественно-политическая лексика
ПАРНАС	–	Партия народной свободы
ПАСЕ	–	Парламентская ассамблея Совета Европы
ПКРМ	–	Партия коммунистов Республики Молдова
ПР	–	Партия регионов (Украина)
РБ	–	Республика Беларусь
РБК	–	РосБизнесКонсалтинг
РГГУ	–	Российский государственный гуманитарный университет
РД	–	Республика Дагестан
РИА	–	Российское агентство международной информации «РИА Новости»
РК	–	Республика Крым
РНДС	–	Российский народно-демократический союз
РНЕ	–	Русское национальное единство
РПЖ	–	Российская партия жизни
РПР	–	Республиканская партия России

РСПП	–	Российский союз промышленников и предпринимателей
РСФСР	–	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТС	–	Российская торговая система
РФ	–	Российская Федерация
СКА	–	название российского хоккейного клуба
СМИ	–	средства массовой информации
Совфед	–	Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
СР	–	Справедливая Россия
ССР	–	Советская Социалистическая Республика
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
США	–	Соединенные Штаты Америки
ТАСС	–	Телеграфное агентство Советского Союза
ТВ	–	телевидение
ТОС	–	Территориальное общественное самоуправление
ХК	–	хоккейный клуб
ФБК	–	Фонд борьбы с коррупцией
ФРГ	–	Федеративная Республика Германия
ЦИК	–	Центральная избирательная комиссия
ЦК	–	Центральный комитет
ЮКОС	–	название российской нефтяной компании
GM	–	General Motors

БИБЛИОГРАФИЯ

- Автономова Н., 2000, *Деррида и грамматология*, [в:] Деррида Ж. *О грамматологии*, пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономова, Москва, с. 7-107.
- Александрова О.В., 1999, *Проблема дискурса в современной лингвистике*, [в:] *Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. научн. тр.*, отв. ред. В.И. Заботкина, Калининград, с. 9-13.
- Алефиренко Л.Б., 1982, *Структурно-семантические свойства синонимических и вариантных однокоренных терминообразований*, [в:] *Структурно-семантические особенности отраслевой терминологии*, отв. ред. Е.С. Анюшкин, Воронеж, с. 117-123.
- Алещанова И.В., 2000, *Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса*, [в:] *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научн. тр.*, под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Волгоград, с. 131-140.
- Апресян Ю.Д., 1974, *Значение и оттенок значения*, [в:] *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*, гл. ред. Д.Д. Благой, т. XXXII, вып. 4, с. 320-330.
- Апресян Ю.Д., 1992, *Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект)*, [в:] *Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке*, отв. ред. М.В. Ляпон, Москва, с. 45-64.
- Арутюнова Н.Д., 1990а, *Дискурс*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва, с. 136-137.
- Арутюнова Н.Д., 1990б, *Метафора и дискурс*, [в:] *Теория метафоры: сб. ст.*, ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журина, Москва, с. 5-32.
- Базылев В.Н., 1998, *К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса*, [в:] *Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. (Москва, 29 марта 1998 года)*, под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева, Москва, с. 6-8.
- Балашова Л.В., 2014, *Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее*, Москва.
- Балла О., 1998, *Власть слова и власть символа. Лингвистический поворот*, «Знание – сила», № 11/12, с. 27-38.
- Балли Ш., 1961, *Французская стилистика*, Москва.
- Баранов А.Н., 2001, *Введение в прикладную лингвистику*, Москва.
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г., 1991, *Парламентские дебаты: традиции и новации*, Москва.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., 1991, *Русская политическая метафора. Материалы к словарю*, Москва.

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., 1994, *Словарь русских политических метафор*, Москва.
- Барт Р., 1996, *Мифологии*, Москва.
- Бахтин М.М., 1976, *Проблема текста. Опыт философского анализа*, «Вопросы литературы», № 10, с. 122-151.
- Безменова Н.А., Белянин В.П., 1990, *Оптимизация речевого воздействия*, Москва.
- Бельчиков Ю.А., 1962, *Общественно-политическая лексика*, Москва.
- Беляева С.А., 1984, *Английские слова в русском языке XVI-XX вв.*, Владивосток.
- Бенвенист Э., 1974, *Общая лингвистика*, пер. с фр., Москва.
- Бенвенист Э., 1965, *Уровни лингвистического анализа*, «Новое в лингвистике», вып. 4, с. 434-449.
- Бисималиева М.К., 1999, *О понятиях текст и дискурс*, «Филологические науки», № 2, с. 78-85.
- Блакар Р.М., 1987, *Язык как инструмент социальной власти*, [в:] *Язык и моделирование социального взаимодействия*, сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова, Москва, с. 88-125.
- Богданов В.В., 1990, *Речевое общение: прагматические и семантические аспекты*, Ленинград.
- Богданов В.В., 1993, *Текст и текстовое общение*, Санкт-Петербург.
- Большой толковый словарь русского языка*, 1998, гл. ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург.
- Большой энциклопедический словарь*, 1998, гл. ред. А.М. Прохоров, Москва.
- Борботько В.Г., 2007, *Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике*, Москва.
- Борботько В.Г., 1998, *Общая теория дискурса: Принципы формирования и смыслопорождения*, дис. ... д-ра филол. наук, Краснодар.
- Борботько В.Г., 1981, *Элементы теории дискурса*, Грозный.
- Брагина А.А., 1981, *Значение и оттенки значения в термине*, [в:] *Терминология и культура речи*, ред. Л. И. Скворцов, Т. С. Коготкова, Москва, с. 37-47.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2006а, *Зарубежная политическая лингвистика. Учебное пособие*, Екатеринбург.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2006б, *Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики*, «Политическая лингвистика», вып. 20, с. 75-94.
- Будаев Э.В., 2007, *Становление когнитивной теории метафоры*, «Лингвокультурология», вып. 1, с. 16-32.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2008, *Метафора в политической коммуникации*, Москва.
- Бюлер К., 1993, *Теория языка. Репрезентативная функция языка*, пер. с нем., Москва.
- Валгина Н.С., 2003, *Активные процессы в современном русском языке*, Москва.

- Вдовин Ю., 2004, *Совместимы ли государственные СМИ с демократией?*, «Взгляд: Ежеквартальный аналитический бюллетень Фонда защиты гласности», № 3(4), <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/vdovin.html> (10.05.2014).
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., 1990, *Язык и культура*, Москва.
- Виноградов М.Ф., 1983, *Идеологический компонент в словарной дефиниции*, [в:] *Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: Межвузов. сб. научн. трудов*, отв. ред. З.Д. Попова, Воронеж, с. 39-44.
- Виноградов С.И., 1994, *Слово в парламентской речи и культуре общения*, «Русская речь», №1, с.43-48.
- Вишнякова О.Д., 2002, *Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка)*, Москва.
- Вовк В.Н., 1986, *Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации*, Киев.
- Вовк В.Н., 1995, *Монологизм сознания и язык политики*, «Політ. ДумКа», № 2/3, Киев, с. 21-26.
- Водак Р., 1997, *Язык. Дискурс. Политика*, пер. с англ. и нем., Волгоград.
- Воробьев А.М., 1998, *Средства массовой информации как фактор гражданского общества: процесс, тенденции, противоречия*, Екатеринбург.
- Гаврилова М.В., 2004, *Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина)*, Санкт-Петербург.
- Гаврилова М.В., 2004, *Политический дискурс как объект лингвистического анализа*, «Полис. Политические исследования», №3, с. 127-139.
- Гаджиев К.С., 1997, *Введение в политическую науку*, Москва.
- Гак В.Г., 1972, *К проблеме общих семантических законов*, [в:] *Общее и романское языкознание*, ред. Ю.С. Степанов, Москва, с. 144-157.
- Гальперин И.Р., 1981, *Текст как объект лингвистического исследования*, Москва.
- Герасименко Н.А., 1998, *Информация и фасцинация в политическом дискурсе*, [в:] *Политический дискурс в России – 2: материалы раб. совещ. (Москва, 29 марта 1998 года)*, под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева, Москва, с. 20-23.
- Гаврилова М.В., 2004, *Политический дискурс как объект лингвистического анализа*, «Полис. Политические исследования», № 3, с. 127-139.
- Гиндии С.И., 1977, *Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1968-1975)*, «Известия АН СССР», серия литературы и языка, № 4, с. 348-361.
- Голованевский А.Л., 1993, *Формирование идеологически-оценочной общественно-политической лексики в русском литературном языке 19 – начала 20 века*, автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Москва.
- Голованевский А.Л., 1995, *Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX – начала XX веков*, Брянск.
- Головин Б.Н., 1983, *Введение в языкознание*, Москва.

- Греймас А.Ж., Курте Ж., 1983, *Семиотика. Объяснительный словарь теории языка*, Москва.
- Григорьева О.Н., 2000, *Стилистика русского языка*, Москва.
- Григорьева О.Н., 2005, *Политический театр и его репертуар в языке современной газеты*, [в:] «Слово. Грамматика. Текст», вып. III, Москва, с. 137-150.
- Григорьева О.Н., 2001, *Политический театр современной России*, «Электронный журнал Полемика», *irex.ru/polemika*, № 9 (1.06.2011)
- Гудков Д. Б., 1998, *Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе*, [в:] *Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совеща.(Москва, 29 марта 1998 года)*, под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева, Москва, с. 30-36.
- Гуревич П.С., 1992, *Мифология наших дней*, «Свободная мысль», № 11, с. 43-53.
- Дейк Т.А. ван, 1989, *Язык. Познание. Коммуникация*, Москва.
- Дейк Т.А. ван, 2000, *Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия*, [в:] *Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*, вып. 2, Минск, с. 50-64.
- Демьянков В.З., 2002, *Политический дискурс как предмет политологической филологии*, [в:] *Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования*, отв. ред. и сост. В.И. Герасимов, М.В. Ильин, Москва, с. 32-43.
- Домашнев А.И., 1983, *Язык и идеология в их взаимоотношении*, [в:] *Онтология языка как общественного явления*, ред. Г.В. Степанов, В.З. Панфилов, Москва, с. 143-171.
- Дымарский М.Я., 1998, *Текст – дискурс – художественный текст*, [в:] *Текст как объект многоаспектного исследования: сб. статей научно-методического семинара „Textus”*, под ред. К.Э. Штайн, вып. 3, ч. 1, Санкт-Петербург-Ставрополь, с. 32-66.
- Дымарский М.Я., 1999, *Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.)*, Санкт-Петербург.
- Елистратов В.С., 1994, *Словарь московского арго*, Москва.
- Епишкин Н.И., 2010, *Исторический словарь галлицизмов русского языка*, Москва, <http://gallicismes.academic.ru/> (21.05.2015).
- Ерилова С.Л., 2003, *Метафоризация как способ смыслопостроения в политическом дискурсе*, дис. ... канд. филол. наук, Тверь.
- Ермакова О.П., 1996, *Семантические процессы в лексике*, [в:] *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, ред. Е.А. Земская, Москва, с. 32-66.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И., 1999, *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*, Москва.

- Желтухина М.Р., 2003, *Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*, Москва.
- Загоровская О.В., 2003, *Русский язык в начале III тысячелетия: состояние и перспективы развития*, [в:] *Проблема изучения живого русского языка на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции*, ч. 1, Воронеж, с. 15-23.
- Загоровская О.В., Есмаеел С.А., 2008, *Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка*, «Вестник Воронежского Государственного Университета, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», № 3, с. 74-82.
- Ильин М.В., 2002, *Политический дискурс как предмет анализа*, «Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования», № 3, Москва, с. 7-19.
- Иссерс О.С., 2003, *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*, Москва.
- Какорина Е.В., 1992, *Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва.
- Какорина Е.В., 1996а, *Стилистический облик оппозиционной прессы*, [в:] *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, ред. Е.А. Земская, Москва, с. 409-426.
- Какорина Е.В., 1996б, *Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет)*, [в:] *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, ред. Е.А. Земская, Москва, с. 67-89.
- Капралова С.Г., 1971, *ОПЛ в словарях*, [в:] *Уч. зап. Марийского Государственного Педагогического Института, т. 450: Статьи и исследования по русскому языку и языкознанию*, Москва, с. 13-17.
- Капралова С.Г., 1973, *Состав и оформление общественно-политической лексики в Малом академическом словаре в сопоставлении с Толковым словарем под ред. Д.Н. Ушакова*, [в:] *Вопросы грамматики и лексики русского языка: сб. трудов*, под ред. А.Н. Стеценко, Москва, с. 56-64.
- Кара-Мурза Е.С., 1998, *Язык мой – враг мой*, «Вестник МГУ», сер. «Журналистика», 10, № 4, с. 23-33.
- Карасик В.И., 2002, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград.
- Карасик В.И., 2000а, *О типах дискурса*, [в:] *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научн. тр.*, под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Волгоград, с. 5-20.
- Карасик В.И., 2000б, *Структура институционального дискурса*, [в:] *Проблемы речевой коммуникации*, под ред. М.А. Кормилицыной, Саратов, с. 25-33.
- Карасик В.И., 1998, *О категориях дискурса*, [в:] *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр.*, отв. ред. В.И. Карасик, Волгоград, с. 185-197.

- Каслова А.А., 2003, *Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Качанов Ю.Л., 1994, *Опыты о поле политики*, Москва.
- Кашаева Е.Ю., 1987, *Социально-классовая оценочность лексем современного русского языка*, Ростов-на-Дону.
- Клюев Е.В., 1996, *Фатика как предмет дискуссии*, [в:] *Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур*, под ред. Н.Н. Розановой, Москва, с. 212-220.
- Кобозева И.М., 2001, *Семантические проблемы анализа политической метафоры*, «Вестник МГУ», серия 9, № 6, с. 132-148.
- Ковалева М.М., 2000, *Отечественная журналистика: Вопросы теории и истории*, Екатеринбург.
- Коготкова Т.С., 1971, *Из истории формирования общественно-политической терминологии (по материалам последних десятилетий XIX в.)*, [в:] *Исследования по русской терминологии: сб. статей*, отв. ред. В.П. Даниленко, Москва, с. 114-166.
- Кожина М.Н., 1983, *Стилистика русского языка*, Москва.
- Конечкая В.П., 1997, *Социология коммуникации*, Москва.
- Костомаров В.Г., 1971, *Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики*, Москва.
- Костомаров В.Г., 1995, *Слово беспредел и активизация иных бессуффиксных существительных*, [в:] *Филологический сборник к столетию со дня рождения В.В. Виноградова*, отв. ред. М.В. Ляпон, Москва, с. 254-261
- Кохтев Н.Н., 2000, *Культура ораторской речи*, [в:] *Культура русской речи*, под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева, Москва, с. 98-148.
- Кравченко И.И., 1999, *Политическая мифология: вечность и современность*, «Вопросы философии», № 1, с. 3-17.
- Красных В.В., 1998, *Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация)*, Москва.
- Крысин Л.П., 1989а, *Лексикографическое описание иноязычного слова*, [в:] *Анализ текста: Лексика и лексикография*, отв. ред. Ю.Г. Коротких, А.М. Шахнарович, Москва, с. 87-96.
- Крысин Л.П., 1989б, *Социолнгвистические аспекты изучения современного русского языка*, Москва.
- Крысин Л.П., 1996, *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни*, [в:] *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, ред. Е.А. Земская, Москва, с. 142-161.
- Крысин Л.П., 2000, *О некоторых изменениях в русском языке конца XX века*, «Исследования по славянским языкам», № 5, с. 63-91.

- Крысин Л.П., 2004, *Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике*, Москва.
- Крысин Л.П., 2007, *Толковый словарь иностранных слов*, Москва.
- Крюкова Н.Ф., 2000, *Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действования при продукции и рецепции текста*. дис. ... д-ра филол. наук, Тверь.
- Крючкова Т.Б., 1982, *К вопросу о многозначности „идеологически связанной” лексики*, «Вопросы языкознания», № 1, с. 28-36.
- Крючкова Т.Б., 1984, *К вопросу о взаимоотношения языка и идеологии*, [в:] *Современная идеологическая борьба и проблемы языка*, отв. ред. Ю.Д. Дешериев, Москва, с. 61-93.
- Крючкова Т.Б., 1989, *Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии*, Москва.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г., 1996, *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва.
- Кубрякова Е.С., Александрова О.В., 1997, *Виды пространств текста и дискурса*, [в:] *Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф.*, отв. ред. Е.С. Кубрякова, Москва, с. 15-26.
- Кубрякова Е.С., 2000, *О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике*, [в:] *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров*, отв. ред. С.А. Ромашко, Москва, с. 5-13.
- Кубрякова Е.С., 2004, *Языковая картина мира и особенности ее влияния на сознание человека*, [в:] *Русское слово в русском мире: сб. ст.*, отв. ред. Ю.Н. Караулов, О.В. Евтушенко, Москва, с. 29-39.
- Кузнецова Э.В., 1989, *Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. унтов.*, Москва.
- Кузьмин С.С., 1980, *Оценочность в английской фразеологии и контекст*, Москва.
- Кулиев Г.Г., 1987, *Метафора и научное познание*, Баку.
- Купина Н.А., 1995, *Тоталитарный язык*, Екатеринбург-Пермь.
- Купина Н.А., 1999, *Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры*, Екатеринбург.
- Кусков В.В., 1986, *О некоторых особенностях современной немецкой политической лексики*, [в:] *Общие и частные проблемы функциональных стилей*, отв. ред. М.Я. Цвиллинг, Москва, с. 172-187.
- Леонтьев А.А., 2003, *Психолингвистические особенности языка СМИ*, [в:] *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*, под ред. М.Н. Володиной, Москва, с. 66-88.
- Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва.
- Литвиненко А.Н., 1991, *Воскрешение слова*, «Русская речь», № 6, с. 53-58.

- Лотман Ю.М., 1981, *Текст как динамическая система*, [в:] *Структура текста 81*, ред. В.В. Иванов, Москва, с. 104-105.
- Лысакова И.П., 1993, *Пресса перестройки*, Санкт-Петербург.
- Макаров М.Л., 1985, *Этикетные и регламентные свойства обращений*, [в:] *Прагматические и семантические аспекты синтаксиса*, отв. ред. И.П. Сусов, Калинин, с. 111-122.
- Макаров М.Л., 1997, *Языковой дискурс и психология*, [в:] *Язык и дискурс: Когнитивные и коммуникативные аспекты: сб. научн. трудов*, отв. ред. И.П. Сусов, Тверь, с. 34-45.
- Макаров М.Л., 1998, *Интерпретативный анализ дискурса в малой группе*, Тверь.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М., 1999, *Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке*, под общ. ред. Ю.П. Сенокосова, Москва.
- Махонина С.Я., 2004, *История русской журналистики начала XX века: учебное пособие*, Москва.
- Мельник Г.С., 1999, *СМИ в условиях кризиса политической культуры*, «Невский наблюдатель», № 1, с. 16-26.
- Мельников Г.П., 1991, *Основы терминоведения*, Москва.
- Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*, 1998, вып. 1, под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой, Минск.
- Мечковская Н.Б., 1996, *Социальная лингвистика*, Москва.
- Мжельская О.С., Степанова Е.И., 1983, *Новейшие англицизмы в русском языке*, [в:] *Новые слова и словари новых слов*, отв. ред. Н.З. Котелова, Ленинград, с. 125-140.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 1998, *Толковый словарь языка Совдепии*, Санкт-Петербург.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2000, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург.
- Монич Ю.В., 2000, *Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем*, «Вопросы языкознания» № 6, с. 69-98.
- Мурадова Л.А., 1986, *Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики современного французского языка*, дис. ... канд. филол. наук, Москва.
- Наер В.Л., 1981, *Прагматический аспект английского газетного текста*, «Коммуникативные и прагматические особенности текстов различных жанров», вып. 178, Москва, с. 106-116.
- Назаров М.М., 2002, *Массовая коммуникация в современном мире: методология и практика исследований*, Москва.

- Немченко В.Н., 1995, *Основные понятия лексикологии в терминах. Учебный словарь-справочник*, Нижний Новгород.
- Николаев М.Н., 1988, *К вопросу об определении общественно-политической лексики*, [в:] *Язык: этнокультурный и прагматический аспекты: сб. научн. трудов*, отв. ред. В.Н. Туркин, Днепропетровск, с. 40-43.
- Николаева Т.М., 1990, *Лингвистика текста*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва, с. 267-268.
- Николаева Т.М., 1990, *Текст*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва, с. 507.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80*, 1983, Москва.
- Нойберт А., 1979, *К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики*, [в:] *Актуальные проблемы языкознания ГДР: Язык – идеология – общество*, сост. Г. Фойдель, Москва, с. 48-69.
- Норман Б.Ю., 1994, *Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии*, [в:] *Язык и культура. Третья междунар. конф.*, сост. С.Б. Бураго, Киев, с. 53-60.
- Норман Б.Ю., 1997, *О креативной функции языка (на материале славянских языков)*, «Славяноведение», № 4, с. 26-33.
- Ожегов С.И., 1970, *Словарь русского языка*, Москва.
- Ожегов С.И., 1985, *Словарь русского языка*, под ред. Н.Ю. Шведовой, Москва.
- Олянич А.В., 2000, *Политико-экономический дискурс в программах основного высшего и дополнительного образования*, [в:] *Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики: сб. научн. трудов*, под ред. А.М. Митиной, вып. 1, Волгоград, с. 38-43.
- Опарина Е.О., 1988, *Концептуальная метафора*, [в:] *Метафора в языке и тексте*, отв. ред. В.Н. Телия, Москва, с. 65-77.
- Панкратова О.А., 2001, *Типы дискурса*, [в:] *Проблемы лингвокультурологии и семантики через призму междисциплинарной парадигмы: сб. ст.*, Волгоград, с. 17-20.
- Панов М.В., 1988, *Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики*, [в:] *Язык современной публицистики: уч. пособие*, отв. ред. М. В. Шульга, Москва, с. 4-27.
- Паршин П.Б., 1999а, *Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики*, www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm (14.06.2012).
- Паршин П. Б., 1999б, *Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики*, www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm (18.01.2012).

- Паршин П.Б., 2001, *Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики*, [в:] *Scripta Linguisticae applicatae: проблемы прикладной лингвистики*, отв. ред. А.И. Новиков, Москва, с. 181-208.
- Петров В.В., 1990, *Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу*, «Вопросы языкознания», № 3, с. 135-146.
- Пешковский А.М., 1959, *Объективная и нормативная точка зрения на язык*, [в:] Пешковский А.М., *Избранные труды*, подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И.А. Василенко и И.Р. Палей, Москва, с. 50-62, http://elib.gnpbu.ru/text/peshkovsky_izbrannye-trudy_1959/go,51;fs,1/ (15.12.2014).
- Погребняк Е., 2005, *Словарь великорусского языка делового общения*, Москва.
- Попова З.Д., Стернин И.А., 2001, *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж.
- Потебня А.А., 1976, *Из записок по теории словесности (Фрагменты)*, [в:] *Эстетика и поэзия*, ред. А.А. Потебня, Москва, с. 286-461.
- Почепцов Г.Г., 1998, *История русской семиотики до и после 1917 года*, Москва.
- Прохоров Ю.Е., 2006, *Действительность. Текст. Дискурс*, Москва.
- Протченко И.Ф., 1965, *Развитие общественно-политической лексики в советскую эпоху*, [в:] *Развитие лексики современного русского языка*, под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева, Москва, с. 17-28.
- Протченко И.Ф., 1967, *К вопросу об изучении общественно-политической лексики*, [в:] *Историко-филологические исследования*, гл. ред. М.Б. Храпченко, Москва, с. 21-42.
- Протченко И.Ф., 1985, *Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: социолингвистический аспект*, Москва.
- Прохорова В.Н., 1970, *Об эмоциональности термина*, [в:] *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии*, отв. ред. С.Г. Бархударов, Москва, с. 153-159.
- Прохорова В.Н., 1980, *Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке*, Москва.
- Реформатский А.А., 1955, *Введение в языкознание*, Москва.
- Рижинашвили И.У., 1994, *Лингвистические механизмы тенденциозного представления событий в англо-американской периодике*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербург.
- Романов А.А., 1999, *Конфликтный дискурс политика*, [в:] *Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. (Москва, 27-28 марта 1999 года)*, под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева, Москва, с. 123-126.
- Романова А.Г., 2014, *Роль и функциональный потенциал политической лингвистики в общей Системе наук о языке*, «Moscow University Young Researchers' Journal: Languages, Cultures And Area Studies», Issue 3, <http://youngresearchersjournal.org/2014/08/political-linguistics/> (12.10.2015).

- Романова Е.Г., 1997, *Функционально-семантические свойства перформативных единиц в ритуальной коммуникации*, дис. ... канд. филол. наук, Тверь.
- Русская журналистика в документах: История надзора*, 2003, сост. О.Д. Минаева, под ред. Б.И. Есина, Я.Н. Засурского, Москва.
- Сахарова Л.В., 1976, *Об идеологическом аспекте общественно-политических терминов*, «Вестник МГУ», сер.10. Филология, № 1, с. 22-33.
- Седов К.Ф., 1999, *Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты*, Саратов.
- Семененко Л.П., 1996, *Аспекты лингвистической теории монолога*, Москва.
- Серио П., 1999, *Как читают тексты во Франции: Вступ. ст.*, [в:] *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*, пер. с франц. и португ., ред. П. Серио, Москва, с. 12-53.
- Скляревская Г.Н., 1993, *Метафора в системе языка*, Санкт-Петербург.
- Скляревская Г.Н., 1995, *Прагматика и лексикография*, [в:] *Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. К 60-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова: сб. статей*, ред. коллегия Ю.С. Степанов, Е.А. Земская, А.М. Молдован, Москва, с. 63-71.
- Словарь иностранных слов*, 1982, гл. ред. Ф.Н. Петров, Москва.
- Словарь русского языка*, 1981-1984а, под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп., т. 1, Москва.
- Словарь русского языка*, 1981-1984б, под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп., т. 2, Москва.
- Словарь русского языка*, 1981-1984в, под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп., т. 3, Москва.
- Солганик Г.Я., 1981, *Лексика газеты: Функциональный аспект: учеб. пособие*, Москва.
- Солганик Г.Я., 1988, *Об особенностях языка газеты*, «Русский язык за рубежом», № 5, 1988, с. 35-38.
- Солганик Г.Я., 1991, *Синтаксическая стилистика*, Москва.
- Соловьев А.И., 2004, *Политический дискурс медиакратии: проблемы информационной эпохи*, «Полис. Политические исследования», № 6, с. 124-132.
- Социология. Основы общей теории*, 1996, отв. ред. Г.В. Осинская, Л.Н. Москвичева, Москва.
- Средства массовой информации постсоветской России: Учебное пособие*, 2002, под ред. Я.Н. Засурского, Москва.
- Степаненко А.В., 2002, *Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: (на материале русского и немецкого языков)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва.
- Степанов Ю.С., 1995, *Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности*, [в:] *Язык и наука конца XX в.*, сост. и общ. ред. Ю.С. Степанов, Москва, с. 41-48.

- Степанов Ю.С., 1997, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва.
- Стернин И.А., 1979, *Проблемы анализа структуры значения слова*, Воронеж.
- Стернин И.А., 1996, *Общественно-политические процессы в России и изменения в русском языке и общении*, [в:] *Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников*, науч. ред. О.В. Загоровская, ч. 2, Воронеж, с. 84-85.
- Стернин И.А., 2000, *Социальные факторы и развитие современного русского языка*, [в:] *Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр., вып. 2: Язык и социальная среда*, отв. ред. В.Б. Кашкин, Воронеж, с. 4-16.
- Стриженко А.А., 1980, *Роль языка в системе средств пропаганды*, Томск.
- Стриженко А.А., 1988, *Язык и идеологическая борьба*, Иркутск.
- Супрун А.Е., 1996, *Лекции по теории речевой деятельности*, Минск.
- Сусов И.П., 1988, *Деятельность, сознание, дискурс и языковая система*, [в:] *Языковое общение: процессы и единицы. сб. науч. тр.*, отв. ред. И. П. Сусов, Калинин, с. 7-13.
- Татаринов В.А., 1996, *Теория терминоведения: Теория термина: История и современное состояние*, т. 1, Москва.
- Телия В.Н., 1986, *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*, Москва.
- Телия В.Н., 1988, *Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция*, [в:] *Метафора в языке и тексте*, отв. ред. В.Н. Телия, Москва, с. 26-52.
- Толковый словарь русского языка в 4-х т., 1935-1940*, т. 2, под ред. Д.Н. Ушакова, Москва.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*, 1998, под ред. Г.Н. Складчиковой, Санкт-Петербург.
- Трошина Н.Н., 1990, *Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия*, [в:] *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации*, отв. ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов, Москва, с. 62-69.
- Тураева З.Я., 1986, *Лингвистика текста*, Москва.
- Феденева Ю.Б., 1997, *Функции метафоры в политической речи*, [в:] *Художественный текст: структура, семантика, прагматика*, под ред. Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина, Екатеринбург, с. 179-188.
- Федорова Л.Л., 1991, *Типология речевого воздействия и его место в структуре общения*, «Вопросы языкознания», № 6, с. 46-50.
- Филинский А.А., 2002, *Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.*, автореф. дис... канд. филол. наук., Тверь.
- Харченко В.К., 1991, *Функции метафоры*, Воронеж.

- Хаютин А.Д., 1970, *Общественно-политическая терминология Ж.-Ж. Руссо в свете современного понимания термина*, дис. ... канд. филол. наук, Самарканд.
- Химик В.В., 1999, *Русское просторечие как культурный феномен*, [в:] *Преподавание русского языка как иностранного: традиции и перспективы*, редкол.: К.А. Рогова, В.В. Химик, Е.Е. Юрков, А.В. Голубева, Санкт-Петербург, с. 107-126.
- Химик В.В., 2004, *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург.
- Чудинов А.П., 2001, *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*, Екатеринбург.
- Чудинов А.П., 2003а, *Методика сопоставления метафорических моделей*, «Филологический сборник. Язык. История. Культура», вып. 5, Кемерово, с. 61-69.
- Чудинов, А.П., 2003б, *Политическая лингвистика*, Екатеринбург.
- Чудинов А.П., 2006, *Политическая лингвистика: учеб. пособие*, Москва.
- Чудинов А.П., Будаев Э.В., 2008, *Зарубежная политическая лингвистика*, Москва.
- Шаховский В.И., 2000, *Запахи русского политического дискурса*, [в:] *Политический дискурс в России 4: материалы раб. совещ. (Москва, 22 апреля 2000 года)*, под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева, Москва, с. 108-111.
- Шейгал Е.И., 2000, *Семиотика политического дискурса*, Волгоград.
- Шейгал Е.И., 1998, *Структура и границы политического дискурса*, «Филология», № 14, Краснодар, с. 22-29.
- Шехтман Н.Г., 2004, *Метафорическая модель «Выборы - это спортивное состязание» в российском и американском политическом дискурсе*, «Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества», т. 12, Екатеринбург, с. 156- 158.
- Ширяев Е.Н., 1994, *Общая характеристика парламентской речи и ее особенностей*, [в:] *Культура парламентской речи*, ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев, Е.М. Лазуткина, Москва, с. 8-22.
- Шмелева Т.В., 1993, *Ключевые слова текущего момента*, «Collegium», № 1, Киев, с. 33-41.
- Шмелева Т.В., 1994, *Жанровая система политического общения*, [в:] *Политическое поведение и политические коммуникации: Психологические, социологические и филологические аспекты: тезисы и тексты докл. науч.-практ. конф.*, Красноярск, с. 55-57.
- Шмидт В., 1979, *Соотношение языка и политики как предмет исследования социальной эффективности языка с позиций марксизма-ленинизма*, [в:]

- Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык – идеология – общество*, сост. Г. Фойдель, Москва с. 73-77.
- Щерба Л.В., 2004, *Языковая система и речевая деятельность*, Москва.
- Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды*, 1980, под ред. Д.Э. Розенталя, Москва.
- Якобсон Р., 1975, *Лингвистика и поэтика*, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, ред. Е.Я. Басин, М.Я. Поляков, Москва, с. 193-230.
- Agar M., 1985, *Institutional Discourse*, Amsterdam.
- Balczyńska-Kosman A., 2013, *Język dyskursu publicznego w polskim systemie politycznym*, „Środkowoeuropejskie studia polityczne”, Nr 2, с. 143-153.
- Banasik A., 2002, *Jak uwodzą politycy? Język marketingu politycznego w kampanii wyborczej '97*, Katowice.
- Batko-Tokarz B., 2009, *Przeobrażenia dyskursu sejmowego (na przykładzie analizy pytań w debacie sejmowej)*, „Język Polski”, z. 2, с. 112-123.
- Boniecka B., 1998, *Tekst potoczny a dyskurs*, [в:] *Tekst. Problemy teoretyczne*, red. J. Bartmiński, B. Boniecka, Lublin, с. 45-62.
- Boniecka B., 1999, *Lingwistyka tekstu: teoria i praktyka*, Lublin.
- Borkowski I., 2003, *Świt wolnego słowa. Język propagandy politycznej 1981–1995*, Wrocław.
- Bralczyk J., 1996, *Język polityki i polityków*, [в:] *O zagrożeniach i bogactwie polszczyzny*, red. J. Miodek, Wrocław, с. 121–134.
- Bralczyk J., 1999, *O używaniu języka w polskiej polityce w latach dziewięćdziesiątych*, [в:] *Polszczyzna 2000. Orędzie o stanie języka na przełomie tysiącleci*, red. W. Pisarek, Warszawa, с. 197-217.
- Bralczyk J., 2003, *O języku polskiej polityki lat 80-tych i 90-tych*, Warszawa.
- Brown G., Yule G., 1983, *Discourse Analysis*, Cambridge.
- Brzozowska D., 2014, *Dyskurs i jego kolokacje*, [в:] *Dyskurs w perspektywie akademickiej: materiały z międzynarodowego okrągłego stołu, 3-5 kwietnia 2009 r., Mińsk, Białoruś*, red. I. Uchwanowa-Szmygowa, M. Sarnowski, T. Piekot, M. Poprawa, G. Zarzeczny, Olsztyn, с. 12-13.
- Brzozowski P., 2003, *Język polityki jako podstawowe narzędzie działania politycznego i nieodłączny atrybut władzy w świetle produkcji dyskursu prawdziwościowego*, „Dialogi Polityczne”, Nr 1, с. 67-77.
- Cackowska M., Mendel M., Strużyńska-Kujałowicz A., Szkudlarek T., 2006, *Analiza dyskursu w europejskich badaniach porównawczych – między fenomenografią a hermeneutyką. Przykład dyskursywnej konstrukcji granic profesjonalizmu w kształceniu psychologów*, [в:] *Europa w polskich dyskursach*, red. A. Horolets, Toruń, с. 13–33.

- Cameron D., 1990, *Demythologizing Sociolinguistics: Why Language Does Not Reflect the Society*, [w:] *Ideologies of Language*, ed. by J.E. Joseph, London, c. 79-93.
- Chilton P., Schaeffner C., 1997, *Discourse and politics*, „Discourse Studies: A multidisciplinary introduction”, vol. 2: Discourse as Social Interaction, London, c. 206-230.
- Chomsky N., 2004, *Language and politics*, Oakland-Edinburgh.
- Czesny T., 2010, *Szermierka słowna. Argumentacja w debatach politycznych*, „Język Polski”, nr 3, c. 175-188.
- Czyżewski M., 2001, *Algorytmizacja debat publicznych. Główne tendencje i ich społeczno-kulturowe uwarunkowania*, [w:] *Zmiany w publicznych zwyczajach językowych*, red. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska, Warszawa, c. 14-22.
- Czyżyk-Cyzio A., 2011, *Retoryka strachu. O perswazji w kampanii wyborczej z 2007 roku*, „Polonica”, t. XXXI, c. 37-51.
- Davis A., 1994, *Politicized Language*, [w:] *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, ed. R. E. Asher, Oxford, New York, c. 3211-3214.
- Denton R.E. Jr., Woodward G.C., 1985, *Political Communication in America*, New York.
- Dijk T.A. van, 1980, *Macrostructures. An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*, Hillsdale, New York.
- Dijk T.A. van, Kintsch W., 1983, *Strategies of discourse comprehension*, New York.
- Dijk T.A. van, 1998, *Ideology. A multidisciplinary study*, London.
- Dijk T.A. van, 2001a, *Badania dyskursu*, [w:] *Dyskurs jako struktura i proces*, pod red. T.A. van Dijk, red. nauk. wyd. pol. T. Dobrzyńska, Warszawa, c. 9-44.
- Dijk, T.A. van, 2001b, *Dyskurs jako struktura i proces*, Warszawa.
- Dobek-Ostrowska B., Frasz J., Ociepka B., 1997, *Teoria i praktyka propagandy*, Wrocław.
- Dobek-Ostrowska B., 2005, *Kampania wyborcza: Marketingowe aspekty komunikowania politycznego*, Wrocław.
- Dobrzyńska T., 1995, *Metafory wartościujące w publicystyce i wypowiedziach polityków*, [w:] *Kreowanie świata w tekstach*, red. A.M. Lewicki, R. Tokarski, Lublin, c. 201-214.
- Dobrzyńska T., 2009, *Metafora w dyskursie politycznym*, „Stylistyka” XVIII, c. 65-84.
- Dubisz S., Sękowska E., Porayski-Pomsta J., 2005, *Leksykalny kod polityczny we współczesnej komunikacji językowej*, [w:] *Polska polityka komunikacyjnojęzykowa wobec wyzwań XXI wieku*, red. S. Gajda, A. Markowski, J. Porayski-Pomsta, Warszawa, c. 151-165.
- Duszak A., 1998, *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*, Warszawa.
- Duszak A., 1996, [w:] *Słownik pojęć filozoficznych*, red. W. Krajewski, Warszawa, c. 38.
- Fairclough N., Duszak A., 2008, *Wstęp. Krytyczna analiza dyskursu – nowy obszar badawczy dla lingwistyki i nauk społecznych*, [w:] *Krytyczna analiza dyskursu*, red. A. Duszak, N. Fairclough, Kraków, c. 7-29.

- Fairclough N., Wodak R., 1997, *Critical discourse analysis*, [B:] *Discourse as social interaction*, ed. by T.A. van Dijk, London, c. 258-284.
- Fairclough N., Wodak R., 2006, *Krytyczna analiza dyskursu*, [B:] *Współczesne teorie socjologiczne*, wybór i oprac. A. Jasińska-Kania, L. Nijakowski, J. Szacki, M. Ziółkowi, Warszawa, c. 1047-1056.
- Fillmore Ch., 1974, *Pragmatics and the Description of Discourse*, „Berkeley Studies in Syntax and Semantics”, Vol. 1, C. Fillmore et al, Berkeley, California, c. V-1-V-21.
- Frankowska M., 1994, *Frazeologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989-1993*, [B:] *Język a kultura*, t. 11, *Język polityki a współczesna kultura polityczna*, pod red. J. Anusiewicz i B. Sicińskiego, Wrocław, c. 21-47.
- Fras J., 2005, *Komunikacja polityczna. Wybrane zagadnienia gatunków i języka wypowiedzi*, Wrocław.
- Gajda S., 2005, *Tekst/dyskurs oraz jego analiza i interpretacja*, [B:] *Współczesne analizy dyskursu. Kognitywna analiza dyskursu a inne metody badawcze*, red. M. Krauz, S. Gajda, c. 11-20.
- Graber D.A., 1981, *Political Languages*, [B:] *Handbook of Political Communication*, ed. by D.D. Nimmo, K.R. Sanders, Beverly Hills, London, c. 195-224.
- Grabias S., 1994, *Język w zachowaniach społecznych*, Lublin.
- Grzegorzczak R., 1998, *Głos w dyskusji o pojęciu tekstu i dyskursu*, [B:] *Tekst. Problemy teoretyczne*, red. J. Bartmiński, B. Boniecka, Lublin, c. 37-43.
- Grzegorzczak R., 2008, *Wstęp do językoznawstwa*, Warszawa.
- Grzmił-Tylutki H., 2010, *Francuska lingwistyczna teoria dyskursu: historia, tendencje, perspektywy*, Kraków.
- Habrajska H., 1994, *Wykorzystanie ironii do walki politycznej*, [B:] *Język a kultura*, t. 11, *Język polityki a współczesna kultura polityczna*, pod red. J. Anusiewicz i B. Sicińskiego, Wrocław, c. 57-68.
- Hacker K.L., 1996, *Political Linguistic Discourse Analysis*, [B:] *The Theory and Practice of Political Communication Research*, ed. by M.E. Stuckey, New York, c. 28-55.
- Helgorsky F., 1983, *Norme et Histoire*, „Le français moderne”, № 1, c. 15-41.
- Howarth D., 2008, *Dyskurs*, Warszawa.
- Kamińska-Szmaj I., 1992, *Stereotyp jako narzędzie propagandy*, „Poradnik Językowy”, nr 1, c. 15-26.
- Kamińska-Szmaj I., 1994, *Judzi, zohydza, ze czci odziera. Język propagandy politycznej w prasie 1919-1923*, Wrocław.
- Kamińska-Szmaj I., 2000, *Język polityki w prasie po roku 1989*, „Seminaria Naukowe Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego”, 2 (53), c. 6-10.
- Kamińska-Szmaj I., 2001, *Słowa na wolności. Język polityki po 1989 roku*, Wrocław.

- Kamińska-Szmaj I., 2004, *Propaganda, perswazja, manipulacja – próba uporządkowania pojęć*, [w:] *Manipulacja w języku*, red. Piotr Krzyżanowski i Paweł Nowak, Lublin, c. 13–27.
- Kamińska-Szmaj I., 2005, *Wyrazy obraźliwe w intertekstualnej przestrzeni*, „Poradnik Językowy”, z. 4, c. 9-16.
- Kamińska-Szmaj I., 2006, *Wpływ czynników zewnątrzjęzykowych na sposób tworzenia inwektyw politycznych w XX wieku*, [w:] *Przemiany języka na tle przemian współczesnej kultury*, red. K. Ożóg, E. Oronowicz-Kida, Rzeszów, c. 38-49.
- Kamińska-Szmaj I., 2007, *Agresja językowa w życiu publicznym. Leksykon inwektyw politycznych 1918-2000*, Wrocław.
- Kamińska-Szmaj I., 2008a, *Język polityki na tle przemian kulturowych*, „Język a Kultura”, 20, c. 253-265.
- Kamińska-Szmaj I., 2008b, *Język propagandy politycznej w II Rzeczypospolitej*, „Poradnik Językowy”, nr 8, c. 61-74.
- Kamińska-Szmaj I., 2009, *Język w komunikacji politycznej w PRL i III RP*, [w:] *Zielonogórskie Seminarium Językoznawcze 2007-2009*, red. M. Hawrysz, Zielona Góra, c. 93-101.
- Kamińska-Szmaj I., 2011, *Język polityki czy styl //dyskurs polityczny*, [w:] *Dyskursy trzeciego tysiąclecia*, red. E. Pajewska, Szczecin, c. 67-74.
- Kamińska-Szmaj I., 2013, *Komunikacja polityczna – język, styl, dyskurs*, [w:] *Stylie współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej*, red. E. Malinowska, J. Nocoń, U. Żydek-Bednarczuk, Kraków, c. 407-465.
- Kamińska-Szmaj I., 2013, *Upowszechnianie nowych słów i znaczeń we współczesnych dyskursach medialnych*, [w:] *Dyskursy trzeciego tysiąclecia*, red. E. Pajewska, Szczecin, c. 87-99.
- Kiklewicz A., Wilczewski M., 2010, *Innowacje semantyczne w języku polityki. Miłość w dyskursie publicystycznym*, „Język Polski”, z. 3, c. 167-174.
- Kloch Z., 2006, *Odmiany dyskursu. Semiotyka życia publicznego w Polsce po 1989 roku. Monografie FNP*, Wrocław.
- Kłosińska K., 2004a, *Językowe cechy politycznego „dyskursu zamkniętego”*, [w:] *Sztuka perswazji. Socjologiczne, psychologiczne i lingwistyczne aspekty komunikowania perswazyjnego*, red. R. Garpiel, K. Leszczyńska, Kraków, c. 155-170.
- Kłosińska K., 2004b, *Retoryka form osobowych w dyskursie politycznym*, „Poradnik Językowy”, z. 1, c. 19-39.
- Kłosińska K., 2005, *O retoryce partii politycznych*, [w:] *Demokracja w Polsce. Doświadczenie zmian*, red. U. Jakubowska, K. Skarżyńska, Warszawa, c. 210-221.
- Kłosińska K., 2012, *Etyczny i pragmatyczny. Polskie dyskursy polityczne po 1989 roku*, Warszawa.

- Kochan M., 1994, „Przyklejanie etykietek”, czyli o negatywnym określaniu przeciwnika, [w:] *Język a kultura*, t. 11, *Język polityki a współczesna kultura polityczna*, pod red. J. Anusiewicza i B. Sicińskiego, Wrocław, s. 85-90.
- Kołodziejek E., 1994, *Językowe środki zwalczania przeciwnika, czyli o inwektywach we współczesnych tekstach politycznych*, [w:] *Język a kultura*, t. 11, *Język polityki a współczesna kultura polityczna*, pod red. J. Anusiewicza i B. Sicińskiego, Wrocław, s. 69-74.
- Kowalski S., Tulli M., 2003, *Zamiast procesu Raport o mowie nienawiści*, Warszawa.
- Kudra B., 2001, *Kreatywność leksykalna w dyskursie politycznym polskiej prasy lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych*, Łódź.
- Kujawa I., 2009, *Strategie dyskursu polityki a medialny obraz świata (na materiale współczesnej prasy niemieckiej)*, „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio FF, Philologiae”, Vol. XXVII, s. 43-58.
- Labocha J., 1996, *Tekst, wypowiedź, dyskurs*, [w:] *Styl a tekst*, red. A. Gajda, M. Bałowski, Opole, s. 49-53.
- Labocha J., 2008, *Tekst, wypowiedź, dyskurs w procesie komunikacji językowej*, Kraków.
- Lakoff G., Johnson M., 1980, *Metaphors We Live by*, Chicago, в русском переводе Лакофф Дж., Джонсон М., 2004, *Метафоры, которыми мы живем*, пер. с англ., под ред. и с предисл. А.Н. Баранова, Москва.
- Laskowska E., 2002, *Sytuacje komunikacyjne w dyskursach politycznych*, [w:] *Język trzeciego tysiąclecia II*, t. 1, red. G. Szpila, Kraków, s. 175-182.
- Laskowska E., 2004, *Dyskurs parlamentarny w ujęciu komunikacyjnym*, Bydgoszcz.
- Laskowska E., 2010, *Style dyskursu publicznego*, [w:] *Styl, dyskurs, media*, red. B. Bogółębska, M. Worsowicz, Łódź, s. 179-186.
- Lisowska-Magdziarz M., 2006, *Analiza tekstu w dyskursie medialnym: przewodnik dla studentów*, Kraków.
- Lubaś W., 1993, *Żurnalistyczne ciosy polityczne*, „Twórczość”, nr 3, s. 127-130
- Maguś W., 2013, *Język polityki podczas wyborów prezydenckich w 2010 roku na przykładzie kampanii Jarosława Kaczyńskiego*, [w:] *Współczesne media. Język mediów*, pod red. I. Hofmann, D. Kępy-Figury, Lublin, s. 379-392.
- Malewska-Szałygin A., 2004, *Tradycja stosowania pojęcia dyskurs i jego przydatność w antropologii współczesności*, „Etnografia Polska”, t. XLVIII, z. 1-2, s. 81-97.
- Malikowski M., 1989, *Instytucja i instytucjonalizacja jako kategorie teoretyczne socjologii*, „Studia Socjologiczne”, Nr 1(112), s. 121-146.
- McNair B., 2007, *Wprowadzenie do komunikowania politycznego*, Poznań.
- Meadow R.G., 1980, *Politics as Communication*, Norwood (New Jersey).
- Milewska B., 2008, *O ciemnej i jasnej stronie mocy w dyskursie współczesnej prasy*, „Język Polski”, z.1, s. 39-43.
- Mity, symbole i rytuały we współczesnej polityce*, red. B. Szklarski, Warszawa 2008.

- Mosiołek-Kłosińska K., 2000, *Wulgaryzacja języka w mediach*, [w:] *Język w mediach masowych*, red. J. Bralczyk i K. Mosiołek-Kłosińska, Warszawa, c. 112-119.
- Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Język polski*, 2001, red. S. Gajda, Opole.
- Nijakowski L.M., 2006, *Domeny symboliczne. Konflikty narodowe i etniczne w wymiarze symbolicznym*, Warszawa.
- Nowak P., Olejnik K., 2001, *Współcześni czarnoksiężnicy – magia i rytuał w tekstach politycznych*, „Etnolingwistyka”, t. 13, c. 27-48.
- Olechnicki K., Załęcki P., 1998, *Słownik socjologiczny*, Toruń.
- Ożóg K., 2001, *Polszczyzna przełomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia*, Rzeszów.
- Ożóg K., 2002, *Metafory potoczne w języku polityki*, „Język Polski”, z. 1, c. 21-24.
- Ożóg K., 2006, *Język populizmu w polskich kampaniach wyborczych roku 2005*, [w:] *Style konwersacyjne*, red. B. Witosz, Katowice, c. 206-216.
- Ożóg K., 2004, *Język w służbie polityki*, Rzeszów.
- Ożóg K., 2008, *Uwagi o języku polskiej polityki po roku 1989*, „Poradnik Językowy”, z. 8, c. 16-36.
- Pawelczyk P., 2000, *Socjotechniczne aspekty gry politycznej*, Poznań.
- Piekot T., 2006, *Dyskurs polskich wiadomości prasowych*, Kraków.
- Piekot T., 2014, *Trzy sposoby rozumienia słowa dyskurs*, [w:] *Dyskurs w perspektywie akademickiej: materiały z międzynarodowego okrągłego stołu, 3-5 kwietnia 2009 r., Mińsk, Białoruś, 2014*, red. I. Uchwanowa-Szmygowa, M. Sarnowski, T. Piekot, M. Poprawa, G. Zarzeczny, Olsztyn, c. 16.
- Piotrowski A., 1996, *O dyskursie politycznym polityków*, [w:] *O zagrożeniach i bogactwie polszczyzny*, red. J. Miodek, Wrocław, c. 247-253.
- Pisarek W., 1986, *Szkic wstępu do politolingwistyki*, „Prace Filologiczne”, t. XXXIII, s. 55-60.
- Pisarek W., 2000, *Język w mediach, media w języku*, [w:] *Język w mediach masowych*, red. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska, Warszawa, c. 9-18.
- Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere*, 1998, New York.
- Poprawa M., 2004, *Kilka uwag na temat terminu „dyskurs publiczny”*, „Acta Universitatis Wratislaviensis”, Studia Linguistica, t. 23, c. 61-74.
- Poprawa M., 2009, *Telewizyjne debaty polityków jako przykład dyskursu publicznego*, Kraków.
- Rytualny chaos. Studium dyskursu publicznego*, 2004, pod red. M. Czyżewskiego, S. Kowalskiego, A. Piotrowskiego, Wrocław.
- Sambor J., 1985, *Nowomowa – język naszych czasów*, „Poradnik Językowy”, z. 6, c. 365-377.
- Satkiewicz H., 2000, *Językowe przejawy agresji w mediach*, [w:] *Język w mediach masowych*, red. J. Bralczyk i K. Mosiołek-Kłosińska, Warszawa, c. 28-33.

- Seidel G., 1985, *Political discourse analysis*, „Handbook of Discourse Analysis”, Vol. IV, London, c. 43-60.
- Sękowska E., 1996, *Charakterystyka dyskursu politycznego na przełomie XX i XXI wieku*, „Poradnik Językowy”, z. 3, c. 8-28.
- Sękowska E., 2007, *Polska leksyka polityczno-społeczna na przełomie XX i XXI wieku. Słownik*, Warszawa.
- Schudson M., 1997, *Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s*, „Media, Culture and Society”, Vol. 19, c. 311-330.
- Siewierska-Chmaj A., 2006, *Język polskiej polityki. Politologiczno-semantyczna analiza expose premierów Polski w latach 1919-2004*, Rzeszów.
- Skarżyńska K., 2001, *Jak porozumiewają się politycy: język ostrych kategoryzacji; psychologiczne przyczyny i konsekwencje*, [w:] *Zmiany w publicznych zwyczajach językowych*, red. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska, Warszawa, c. 119-128.
- Skąpska G., Ziółkowski M., 1998, *Instytucja społeczna*, [w:] *Encyklopedia socjologii*, kom. red. Zbigniew Bokszański i in., t. 1, Warszawa, c. 317-319.
- Sławek J., 2005, *Funkcja perswazyjna metafor i ironii we współczesnych prasowych tekstach informacyjnych*, [w:] *Język polski. Współczesność – Historia V*, pod red. W. Książek-Bryłowej, H. Dudy, Lublin, c. 79-91.
- Smól J., 2001, *Rola środków stylistycznych w kreowaniu obrazu rzeczywistości w prasie z 1989 roku*, „Język Polski”, z. 1-2, c. 24-31.
- Stubbs M., 1983, *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*, Oxford.
- Szacki J., 2006, *Historia myśli socjologicznej*, Warszawa.
- Uchwanowa-Szmygowa I., 2014, *Przeszłość i przyszłość pojęcia dyskurs*, [w:] *Dyskurs w perspektywie akademickiej: materiały z międzynarodowego okrągłego stołu*, 3-5 kwietnia 2009 r., Mińsk, Białoruś, 2014, red. I. Uchwanowa-Szmygowa, M. Sarnowski, T. Piekot, M. Poprawa, G. Zarzeczny, Olsztyn, c. 13-16.
- Ulicka G., 2007, *Tendencje w rozwoju języka polityki*, [w:] *Lingwistyka a polityka*, red. S. Dubisz, J. Porayski-Pomsta, E. Sękowska, Warszawa, c. 84-115.
- Walczak B., 1994, *Co to jest język polityki?*, [w:] *Język a kultura*, t. 11, *Język polityki a współczesna kultura polityczna*, pod red. J. Anusiewicz i B. Sicińskiego, Wrocław, c. 15-20.
- Warnke I., 2009, *Żegnaj tekście – witaj dyskursie? O sensie i celu poststrukturalistycznego uwolnienia pojęcia tekstu*, [w:] *Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy*, red. Z. Bilut-Homplewicz, W. Czachur, M. Smykała, Wrocław, c. 343-360.
- Wieczorek K., 2011, *Język dyskursu politycznego w Polsce posttotalitarnej*, „Kwartalnik Opolski”, nr 1, c. 51-69.
- Witosz B., 1997, *Opis w prozie narracyjnej na tle innych odmian deskrypcji: zagadnienia struktury tekstu*, Katowice.

- Witosz B., 2009, *Dyskurs i stylistyka*, Katowice.
- Witosz B., 2012, *Badania nad dyskursem we współczesnym językoznawstwie polonistycznym*, „Oblicza komunikacji”, nr 5, c. 61-76.
- Wodak R., 2011, *Wstęp: badania nad dyskursem*, [w:] *Jakościowa analiza dyskursu w naukach społecznych*, red. R. Wodak, M. Krzyżanowski, Warszawa, c. 11-48.
- Wojtak M., 2011, *O relacjach dyskursu, stylu, gatunku i tekstu*, „Tekst i Dyskurs – Text und Diskurs”, nr 4, c. 69-78.
- Zawadowski L., 1966, *Lingwistyczna teoria języka*, Warszawa.
- Zimny R., Nowak P., 2009, *Słownik polszczyzny politycznej po roku 1989*, Warszawa.
- Żarski W., 2006, *Czy taka lingwistyka tekstu? (Uwagi o tekście, dyskursie i kulinariach)*, [w:] *Język a komunikacja 12: Oblicza komunikacji 1: perspektywy badań nad tekstem, dyskursem i komunikacją*, red. I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Zaśko-Zielińska, Kraków, c. 73-91.

Электронный ресурсы:

<http://www.marketcenter.ru/content/doc-2-8120.html> (24.04.2014)

<http://media-law.ru/law.html> (9.04.2014)

Газеты, электронный ресурс:

- «Аргументы и факты», 16.10.2007, <http://www.aif.ru/politics/world/497> (26.11.2014)
- «Аргументы и факты», 06.02.2008, <http://www.aif.ru/society/1778> (12.11.2014)
- «Аргументы и факты», 13.08.2008, <http://www.aif.ru/politics/article/20213> (29.05.2013)
- «Аргументы и факты», 21.10.2008, <http://www.aif.ru/politics/world/7001> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 29.10.2008, <http://www.aif.ru/society/article/22229/8> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 13.05.2009, <http://www.aif.ru/money/article/26723> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 27.05.2009, <http://www.aif.ru/society/history/11402> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 17.05.2011, <http://www.aif.ru/onlineconf/1392498> (20.05.2015)
- «Аргументы и факты», 31.05.2011, <http://www.aif.ru/politics/world/25744> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 09.10.2009, <http://www.aif.ru/society/230726> (14.11.2014)
- «Аргументы и факты», 5.05.2010, <http://www.aif.ru/money/article/34503> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 03.06.2010, <http://www.aif.ru/politics/article/comments/35238/12> (29.05.2013)
- «Аргументы и факты», 19.04.2011, <http://www.aif.ru/society/24903> (21.11.2014)
- «Аргументы и факты», 21.09.2011, <http://www.aif.ru/society/27998> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 23.11.2011, <http://www.aif.ru/society/article/47538> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 2.02.2011, <http://www.aif.ru/society/article/40560> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 01.06.2011, <http://www.aif.ru/culture/person/25717> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 08.06.2011, <http://www.aif.ru/society/25857> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 6.09.2011, <http://www.aif.ru/politics/world/27705> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 14.10.2011, <http://www.aif.ru/culture/265669> (12.11.2014)

- «Аргументы и факты», 23.11.2011, <http://www.aif.ru/society/29401> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 05.12.2011, <http://www.aif.ru/politics/world/29666> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 15.12.2011, <http://www.aif.ru/money/29952> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 16.12.2011, <http://www.aif.ru/society/29962> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 30.01.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/30684> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 29.02.2012, <http://www.aif.ru/society/31414> (10.12.2014)
- «Аргументы и факты», 2.03.2012, <http://www.aif.ru/sport/news/116546> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 6.03.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/31656> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 07.03.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/31620> (09.04.2015)
- «Аргументы и факты», 13.03.2012, <http://www.aif.ru/society/272756> (26.11.2014)
- «Аргументы и факты», 4.04.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/32324> (20.05.2015)
- «Аргументы и факты», 23.04.2012, <http://www.aif.ru/sport/article/51547/4> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 05.06.2012, <http://www.aif.ru/politics/news/137400/3> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 06.06.2012, <http://www.aif.ru/society/33840> (10.12.2014)
- «Аргументы и факты», 11.07.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/34559> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 30.07.2012, <http://www.aif.ru/culture/news/170933> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 22.08.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/35478> (21.11.2014)
- «Аргументы и факты», 7.09.2012, <http://www.aif.ru/money/dontknow/10185> (10.09.2012)
- «Аргументы и факты», 12.10.2012, <http://www.aif.ru/onlineconf/1392717> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 31.10.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/37457> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 17.11.2012, <http://www.aif.ru/culture/38070> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 21.11.2012, <http://www.aif.ru/money/article/57373> (29.05.2013)
- «Аргументы и факты», 16.12.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/290252> (10.04.2015)
- «Аргументы и факты», 27.12.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/39285> (10.12.2014)
- «Аргументы и факты», 01.02.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/40161> (09.04.2015)
- «Аргументы и факты», 13.02.2013, <http://www.aif.ru/dontknow/dontknows/power/12803> (29.05.2013)
- «Аргументы и факты», 5.03.2013, <http://www.aif.ru/society/opinion/41103> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 12.03.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/41401> (26.11.2014)
- «Аргументы и факты», 19.03.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/41574> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 03.04.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/42062> (27.03.2015)
- «Аргументы и факты», 21.05.2013, <http://www.aif.ru/society/43552> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 12.06.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/307168> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 03.07.2013, <http://www.aif.ru/money/corruption/44841> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 11.07.2012, <http://www.aif.ru/politics/world/34559> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 17.07.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/45260> (03.12.2014)
- «Аргументы и факты», 01.08.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/45701> (14.11.2014)
- «Аргументы и факты», 08.08.2013, <http://www.aif.ru/society/law/45832> (26.11.2014)
- «Аргументы и факты», 19.08.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/46090> (17.04.2015)

- «Аргументы и факты», 27.08.2013, <http://www.aif.ru/society/people/946365> (05.12.2014)
- «Аргументы и факты», 06.09.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/46660> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 09.09.2013, <http://www.aif.ru/society/46683> (10.04.2015)
- «Аргументы и факты», 10.09.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/46721> (27.03.2015)
- «Аргументы и факты», 12.09.2013, <http://www.aif.ru/society/46855> (14.11.2014)
- «Аргументы и факты», 20.09.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/46660> (14.11.2014)
- «Аргументы и факты», 25.09.2013, <http://www.aif.ru/society/932492> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 26.09.2013, <http://www.aif.ru/society/933441> (03.12.2014)
- «Аргументы и факты», 04.10.2013, <http://www.aif.ru/money/economy/938892> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 09.10.2013, <http://www.aif.ru/politics/world/943309> (05.12.2014)
- «Аргументы и факты», 12.10.2013, <http://www.aif.ru/politics/world/943381> (12.12.2014)
- «Аргументы и факты», 14.10.2013, <http://www.aif.ru/society/people/946365> (28.11.2014)
- «Аргументы и факты», 16.10.2013, <http://www.aif.ru/politics/russia/948680> (09.04.2015)
- «Аргументы и факты», 17.10.2013, <http://www.aif.ru/money/economy/949280> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 18.10.2013, <http://www.aif.ru/onlineconf/1392848> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 28.10.2013a, <http://www.aif.ru/opinion/1009943> (26.11.2014)
- «Аргументы и факты», 28.10.2013б, <http://www.aif.ru/politics/world/1010004> (10.04.2015)
- «Аргументы и факты», 13.11.2013a, <http://www.aif.ru/society/1021992> (14.11.2014)
- «Аргументы и факты», 13.11.2013б, <http://www.aif.ru/society/law/1022081> (14.11.2014)
- «Аргументы и факты», 27.11.2013, <http://www.aif.ru/society/1032527> (14.11.2014)
- «Аргументы и факты», 02.12.2013, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1035362> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 16.12.2013, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1066760> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 15.01.2014, <http://www.aif.ru/politics/russia/1083536> (14.11.2014)
- «Аргументы и факты», 19.01.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/uanews/1085828> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 21.01.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1087189> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 29.01.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1092396> (12.12.2014)
- «Аргументы и факты», 31.01.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1095419> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 24.02.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/uanews/1112062> (05.12.2014)
- «Аргументы и факты», 05.02.2014, <http://www.aif.ru/politics/world/1097414> (14.04.2015)

- «Аргументы и факты», 07.02.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/uadontknows/1100418> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 25.02.2014а, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1112480> (03.12.2014)
- «Аргументы и факты», 25.02.2014б, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1112508> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 25.02.2014в, <http://www.aif.ru/euromaidan/uaneews/1113080> (05.12.2014)
- «Аргументы и факты», 26.02.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/uadontknows/1114234> (09.04.2015)
- «Аргументы и факты», 27.03.2014, <http://www.aif.ru/money/mymoney/1132572> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 28.03.2014, <http://www.aif.ru/politics/russia/1134373> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 09.04.2014, <http://www.aif.ru/politics/opinion/1145094> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 16.04.2014, <http://www.aif.ru/society/opinion/1149935> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 19.04.2014, <http://www.aif.ru/politics/opinion/1151560> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 27.04.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1177159> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 30.04.2014, <http://www.aif.ru/politics/world/1160866> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 04.05.2014, <http://www.aif.ru/politics/russia/1162001> (17.03.2015)
- «Аргументы и факты», 16.05.2014а, <http://www.aif.ru/euromaidan/uaneews/1170676> (05.12.2014)
- «Аргументы и факты», 16.05.2014б, <http://www.aif.ru/politics/world/1170543> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 16.05.2014в, <http://www.aif.ru/society/people/1170274> (12.12.2014)
- «Аргументы и факты», 18.05.2014, <http://www.aif.ru/politics/world/1170883> (27.03.2015)
- «Аргументы и факты», 20.05.2014, <http://www.aif.ru/onlineconf/1392933> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 27.05.2014, <http://www.aif.ru/politics/world/1177442> (09.04.2015)
- «Аргументы и факты», 02.07.2014, <http://www.aif.ru/politics/russia/1199429> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 09.07.2014а, <http://www.aif.ru/politics/russia/1204190> (27.03.2015)
- «Аргументы и факты», 09.07.2014б, <http://www.aif.ru/society/opinion/1204123> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 10.07.2014, <http://www.aif.ru/politics/russia/1206172> (27.03.2015)
- «Аргументы и факты», 11.07.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1206917> (17.03.2015)

- «Аргументы и факты», 22.07.2014, <http://www.aif.ru/politics/world/1213755> (10.04.2015)
- «Аргументы и факты», 29.07.2014, <http://www.aif.ru/society/safety/1218067> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 12.08.2014а, <http://www.aif.ru/politics/opinion/1314301> (03.12.2014)
- «Аргументы и факты», 12.08.2014б, <http://www.aif.ru/politics/russia/1315100> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 15.08.2014, <http://www.aif.ru/onlineconf/1392960> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 20.08.2014, <http://www.aif.ru/society/opinion/1320505> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 26.08.2014, <http://www.aif.ru/politics/world/1324473> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 27.08.2014, <http://ulan.mk.ru/articles/2014/08/27/a-vot-teper-sidi-i-slushay.html> (09.04.2015)
- «Аргументы и факты», 02.09.2014, <http://www.aif.ru/politics/russia/1329453> (03.12.2014)
- «Аргументы и факты», 03.09.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/report/1329317> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 05.09.2014, <http://www.aif.ru/money/opinion/1329620> (21.11.2014)
- «Аргументы и факты», 15.09.2014, <http://www.aif.ru/politics/russia/1338071> (10.04.2015)
- «Аргументы и факты», 26.09.2014, <http://www.aif.ru/politics/russia/1346788> (14.11.2014)
- «Аргументы и факты», 30.09.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1349360> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 09.10.2014, <http://www.aif.ru/money/opinion/1354793> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 13.10.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1359370> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 14.10.2014, <http://www.aif.ru/society/history/1359671> (12.12.2014)
- «Аргументы и факты», 15.10.2014а, <http://www.aif.ru/politics/world/1359825> (12.12.2014)
- «Аргументы и факты», 15.10.2014б, <http://www.aif.ru/society/opinion/1360034> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 17.10.2014, <http://www.aif.ru/society/opinion/1361455> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 28.10.2014, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1370094> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 29.10.2014, <http://www.aif.ru/society/people/1370969> (14.04.2015)
- «Аргументы и факты», 31.10.2014, <http://www.aif.ru/money/mymoney/1370746> (19.11.2014)

- «Аргументы и факты», 12.11.2014, <http://www.aif.ru/money/market/1379560> (19.11.2014)
- «Аргументы и факты», 17.11.2014, <http://www.aif.ru/politics/world/1383815> (17.03.2015)
- «Аргументы и факты», 26.11.2014, <http://www.aif.ru/society/opinion/1390276> (28.11.2014)
- «Аргументы и факты», 2.12.2014, <http://www.aif.ru/politics/1396394> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 05.12.2014, <http://www.aif.ru/money/economy/1399187> (24.03.2015)
- «Аргументы и факты», 22.12.2014, <http://www.aif.ru/money/economy/1412626> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 24.12.2014, <http://www.aif.ru/politics/world/1413760> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 27.12.2014, <http://www.aif.ru/politics/world/1416714> (20.03.2015)
- «Аргументы и факты», 28.12.2014, http://www.aif.ru/ny/summary_and_forecasts/1413643 (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 16.01.2015, <http://www.aif.ru/politics/1425408> (17.03.2015)
- «Аргументы и факты», 17.01.2015, <http://www.aif.ru/culture/showbiz/1423086> (24.03.2015)
- «Аргументы и факты», 20.01.2015, http://www.aif.ru/politics/russia/interviu_Dmitriia_Peskova_Argumentam_i_faktam_ot_20_janvaria_2015_goda (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 11.02.2015, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1443905> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 25.02.2015, http://www.aif.ru/politics/world/zhiteli_Ameriki_protiv_vooguzheniia_Ukrainy (оступ 20.0.2015)
- «Аргументы и факты», 3.03.2015a, <http://www.aif.ru/politics/russia/1459000> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 3.03.2015b, http://www.aif.ru/politics/world/sindrom_kvachchenko_samoubiystvo_kak_cherta_ukrainskoy_politiki (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 04.03.2015, <http://www.aif.ru/money/economy/1460499> (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 10.03.2015, http://www.aif.ru/politics/world/tureckie_tayny_sultanu_erdoganu_grozit_perevorot (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 13.03.2015, <http://www.aif.ru/politics/world/1466338> (09.04.2015)
- «Аргументы и факты», 25.03.2015, <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1474531> (09.04.2015)
- «Аргументы и факты», 27.03.2015, <http://www.aif.ru/politics/russia/1476664> (10.04.2015)
- «Аргументы и факты», 30.03.2015, <http://www.aif.ru/politics/world/1478356> (10.04.2015)
- «Аргументы и факты», 12.04.2015, <http://www.aif.ru/politics/world/1488049> (17.04.2015)
- «Аргументы и факты», 28.04.2015, http://www.aif.ru/society/people/poslednee_iskushenie_bukovskogo_veteran-dissident_popalsya_na_detskom_porno (21.05.2015)
- «Аргументы и факты», 30.04.2015, http://www.aif.ru/politics/russia/kto_pravit_rossiyey_aif_uznal_sredniy_vozrast_chinovnikov_i_deputatov (21.05.2015)

- «Аргументы и факты», 10.06.2015, http://www.aif.ru/society/people/ilya_glazunov_cenzura_neobhodima (21.11.2015)
- «Аргументы и факты», 9.09.2015, http://www.aif.ru/society/bolshinstvo_britancev_doveryaet_koroleve_bolshe_chem_politikam (21.11.2015)
- «Аргументы и факты», 16.10.2015, http://www.aif.ru/society/opinion/cena_oshibki_slishkom_velika (21.11.2015)
- «Аргументы и факты», 18.10.2015, http://www.aif.ru/politics/world/yakov_kedmi_ssha_skripyat_zubami_vidya_sblizhenie_rossii_s_islamskimi_stranami (21.11.2015)
- «Аргументы и факты», 19.10.2015, http://www.aif.ru/society/history/konstituciya_kotogo_u_ne_bylo_kak_loris-melikov_ne_spas_rossiyu_ot_revolyucii (21.11.2015)
- «Аргументы и факты», 9.11.2015, http://www.aif.ru/politics/world/chapaev_pod_prikrytiem_kak_na_ukraine_provodyat_dekommunizaciyu (20.12.2015)
- «Аргументы и факты», 25.11.2015, <http://www.aif.ru/dosug/1846838> (20.12.2015)
- «Аргументы и факты», 28.11.2015, http://www.aif.ru/society/history/vtoraya_skripka_kommunizma_kak_top-menedzher_engels_gotovil_revolyuciyu (20.12.2015)
- «Аргументы и факты», 8.12.2015, http://www.aif.ru/politics/russia/anketa_kandidata_proekt_er_gotovit_k_predvaritelnomu_golosovaniyu (20.12.2015)
- «Аргументы и факты», 17.12.2015, http://www.aif.ru/culture/person/pisatel_boris_ekimov_lyudi_uzhe_ponyali_chno_nadeyatsya_nuzhno_tolko_na_sebya (20.12.2015)
- «Известия», 22.07.2001, <http://izvestia.ru/news/249429> (09.04.2015)
- «Известия», 05.04.2002, <http://izvestia.ru/news/260429> (19.11.2014)
- «Известия», 18.06.2002, <http://izvestia.ru/news/264567> (26.11.2014)
- «Известия», 14.07.2002, <http://izvestia.ru/news/264369> (03.12.2014)
- «Известия», 17.07.2002, <http://izvestia.ru/news/264532> (31.05.2013)
- «Известия», 04.08.2002, <http://izvestia.ru/news/265316> (19.11.2014)
- «Известия», 23.03.2003, <http://izvestia.ru/news/274506> (14.04.2015)
- «Известия», 16.09.2003, <http://izvestia.ru/news/281336> (05.12.2014)
- «Известия», 21.09.2002, <http://izvestia.ru/news/268669> (12.12.2014)
- «Известия», 09.10.2002, <http://izvestia.ru/news/268198> (05.12.2014)
- «Известия», 02.12.2003, <http://izvestia.ru/news/284520> (26.11.2014)
- «Известия», 07.08.2004, <http://izvestia.ru/news/292895> (05.12.2014)
- «Известия», 9.11.2004, <http://izvestia.ru/news/534834> (31.05.2013)
- «Известия», 21.01.2005, <http://izvestia.ru/news/298741> (19.11.2014)
- «Известия», 23.11.2005, <http://izvestia.ru/news/308581> (14.04.2015)
- «Известия», 08.12.2005, <http://izvestia.ru/news/309179> (05.12.2014)
- «Известия», 12.12.2005, <http://izvestia.ru/news/309277> (05.12.2014)
- «Известия», 20.04.2006, <http://izvestia.ru/news/313085> (17.04.2015)
- «Известия», 31.07.2006, <http://izvestia.ru/news/315813> (03.12.2014)
- «Известия», 3.08.2006, <http://izvestia.ru/news/315964> (14.04.2015)

- «Известия», 30.10.2006, <http://izvestia.ru/news/386603> (17.04.2015)
- «Известия», 29.12.2006, <http://izvestia.ru/news/320503> (05.12.2014)
- «Известия», 26.01.2007, <http://izvestia.ru/news/321083> (19.11.2014)
- «Известия», 30.01.2007, <http://izvestia.ru/news/321177> (19.11.2014).
- «Известия», 12.04.2007, <http://izvestia.ru/news/323653> (21.11.2014)
- «Известия», 7.05.2007, <http://izvestia.ru/news/324410> (14.04.2015)
- «Известия», 25.06.2007, <http://izvestia.ru/news/326939> (03.12.2014)
- «Известия», 30.08.2007, <http://izvestia.ru/news/407534> (08.04.2015)
- «Известия», 03.10.2007, <http://izvestia.ru/news/329309> (28.11.2014)
- «Известия», 03.12.2007, <http://izvestia.ru/news/331245> (21.11.2014)
- «Известия», 17.12.2007, <http://izvestia.ru/news/331747> (12.12.2014)
- «Известия», 12.02.2008, <http://izvestia.ru/news/333271> (10.12.2014)
- «Известия», 20.02.2008, <http://izvestia.ru/news/333499> (26.11.2014)
- «Известия», 4.06.2008, <http://izvestia.ru/news/426780> (17.04.2015)
- «Известия», 23.07.2008, <http://izvestia.ru/news/430862> (14.04.2015)
- «Известия», 13.10.2008, <http://izvestia.ru/news/341668> (09.04.2015)
- «Известия», 21.10.2008, <http://izvestia.ru/news/341931> (10.12.2014)
- «Известия», 20.02.2009, <http://izvestia.ru/news/345786> (10.09.2012)
- «Известия», 4.03.2009, <http://izvestia.ru/news/346118> (14.04.2015)
- «Известия», 1.04.2009, <http://izvestia.ru/news/347029> (26.11.2014)
- «Известия», 13.04.2009, <http://izvestia.ru/news/347469> (10.12.2014)
- «Известия», 16.10.2009, <http://izvestia.ru/news/354294> (05.12.2014)
- «Известия», 09.11.2009, <http://izvestia.ru/news/355084> (10.12.2014)
- «Аргументы и факты», 1.12.2009, <http://www.aif.ru/society/233151> (17.04.2015)
- «Известия», 23.12.2009, <http://izvestia.ru/news/356846> (26.11.2014)
- «Известия», 13.01.2010, <http://izvestia.ru/news/357198> (14.04.2015)
- «Известия», 25.01.2010, <http://izvestia.ru/news/357625> (08.04.2015)
- «Известия», 25.02.2010, <https://iz.ru/news/466896> (14.04.2015)
- «Известия», 11.03.2010, <http://izvestia.ru/news/359385> (10.04.2015)
- «Известия», 16.03.2010, <http://izvestia.ru/news/359570> (17.04.2015)
- «Известия», 18.03.2010, <http://izvestia.ru/news/359642> (17.04.2015)
- «Известия», 24.03.2010, <http://izvestia.ru/news/359880> (14.04.2015)
- «Известия», 31.03.2010, <http://izvestia.ru/news/360144> (14.04.2015)
- «Известия», 02.08.2010, <http://izvestia.ru/news/364264> (19.11.2014)
- «Известия», 05.08.2010, <http://izvestia.ru/news/364471> (03.12.2014)
- «Известия», 8.09.2010, <http://izvestia.ru/news/365624> (14.04.2015)
- «Известия», 27.09.2010, <http://izvestia.ru/news/366367> (17.04.2015)
- «Известия», 6.10.2010, <http://izvestia.ru/news/366704> (17.04.2015)
- «Известия», 28.10.2010, <http://izvestia.ru/news/367595> (27.03.2015)
- «Идвестия», 29.12.2010, <https://iz.ru/news/344197> (27.03.2015)

- «Известия», 28.01.2011, <http://izvestia.ru/news/370638> (26.11.2014)
- «Известия», 7.02.2011, <http://izvestia.ru/news/485339> (12.11.2014)
- «Известия», 10.03.2011, <http://izvestia.ru/news/372220> (17.04.2015)
- «Известия», 22.04.2011, <http://izvestia.ru/news/374106> (17.04.2015)
- «Известия», 20.04.2011, <https://izvestia.ru/news/489226> (20.05.2015)
- «Известия», 29.08.2011, <http://izvestia.ru/news/498830> (12.11.2014)
- «Известия», 4.09.2011, <http://izvestia.ru/news/499421> (17.04.2015)
- «Известия», 15.09.2011a, <http://izvestia.ru/news/500797> (27.03.2015)
- «Известия», 15.09.2011b, <http://izvestia.ru/news/500829> (21.05.2015)
- «Известия», 29.09.2011, <http://izvestia.ru/news/502376> (26.11.2014)
- «Известия», 15.10.2011, <http://izvestia.ru/news/503983> (12.11.2014)
- «Известия», 20.10.2011, <http://izvestia.ru/news/504471> (29.05.2013)
- «Известия», 31.10.2011, <http://izvestia.ru/news/505472> (10.09.2012)
- «Известия», 6.11.2012, <https://izvestia.ru/news/539071> (19.11.2014)
- «Известия», 5.12.2011, <http://izvestia.ru/news/508714> (14.04.2015)
- «Известия», 11.12.2011, <http://izvestia.ru/news/509311> (19.11.2014)
- «Известия», 28.12.2011, <http://izvestia.ru/news/511078> (05.12.2014)
- «Известия», 13.01.2012, <http://izvestia.ru/news/511838> (17.04.2015)
- «Известия», 26.01.2012, <http://izvestia.ru/news/513208> (10.09.2012)
- «Известия», 6.02.2012, <http://izvestia.ru/news/514351> (21.05.2015)
- «Известия», 17.02.2012, <http://izvestia.ru/news/515835> (27.03.2015)
- «Известия», 19.02.2012, <http://izvestia.ru/news/515932> (29.05.2013)
- «Известия», 03.03.2012, <http://izvestia.ru/news/520711> (05.12.2014)
- «Известия», 6.03.2012, <http://izvestia.ru/news/517657> (10.09.2012)
- «Известия», 12.03.2012, <http://izvestia.ru/news/518157> (27.03.2015)
- «Известия», 15.03.2012, <http://izvestia.ru/news/518575> (27.03.2015)
- «Известия», 28.03.2012, <http://izvestia.ru/news/520084> (10.09.2012)
- «Известия», 9.04.2012, <https://iz.ru/news/521347> (27.03.2015)
- «Известия», 24.05.2012a, <http://izvestia.ru/news/525372> (21.05.2015)
- «Известия», 24.05.2012b, <http://izvestia.ru/news/525425> (12.11.2014)
- «Известия», 1.06.2012, <http://izvestia.ru/news/526103> (10.09.2012)
- «Известия», 28.06.2012, <http://izvestia.ru/news/528899> (10.09.2012)
- «Известия», 6.07.2012, <http://izvestia.ru/news/529588> (14.04.2015)
- «Известия», 16.07.2012, <http://izvestia.ru/news/530274> (10.09.2012)
- «Известия», 17.07.2012, <http://izvestia.ru/news/530602> (10.09.2012)
- «Известия», 25.07.2012, <http://izvestia.ru/news/531289> (29.05.2013)
- «Известия», 2.08.2012, <http://izvestia.ru/news/532025> (10.09.2012)
- «Известия», 14.08.2012, <http://izvestia.ru/news/532859> (29.05.2013)
- «Известия», 21.08.2012, <http://izvestia.ru/news/533423> (10.09.2012)
- «Известия», 22.08.2012, <http://izvestia.ru/news/533414> (10.09.2012)

- «Известия», 24.08.2012, <http://izvestia.ru/news/533657> (10.09.2012)
- «Известия», 3.09.2012а, <http://izvestia.ru/news/534283> (10.09.2012)
- «Известия», 3.09.2012б, <http://izvestia.ru/news/534356> (10.09.2012)
- «Известия», 4.09.2012, <http://izvestia.ru/news/534367> (10.09.2012)
- «Известия», 5.09.2012а, <http://izvestia.ru/news/534499> (10.09.2012)
- «Известия», 5.09.2012б, <http://izvestia.ru/news/534537> (10.09.2012)
- «Известия», 11.09.2012а, <http://izvestia.ru/news/534927> (05.12.2014)
- «Известия», 11.09.2012б, <http://izvestia.ru/news/534951> (03.12.2014)
- «Известия», 27.09.2012, <http://izvestia.ru/news/536315> (14.11.2014)
- «Известия», 03.10.2012, <http://izvestia.ru/news/536743> (27.03.2015)
- «Известия», 10.10.2012, <http://izvestia.ru/news/537420> (10.12.2014)
- «Известия», 11.10.2012, <http://izvestia.ru/news/537425> (17.04.2015)
- «Известия», 19.10.2012, <http://izvestia.ru/news/538023> (26.11.2014)
- «Известия», 21.10.2012, <http://izvestia.ru/news/538091> (09.04.2015)
- «Известия», 20.11.2012, <https://izvestia.ru/news/539904> (20.05.2015)
- «Известия», 21.11.2012, <http://izvestia.ru/news/539968> (12.12.2014)
- «Известия», 29.11.2012, <http://izvestia.ru/news/540550> (17.04.2015)
- «Известия», 18.12.2012, <http://izvestia.ru/news/541773> (29.05.2013)
- «Известия», 19.12.2012, <http://izvestia.ru/news/541850> (05.12.2014)
- «Известия», 10.01.2013, <http://izvestia.ru/news/542666> (14.04.2015)
- «Известия», 20.02.2013, <http://izvestia.ru/news/545359> (29.05.2013)
- «Известия», 7.05.2013, <https://izvestia.ru/news/549880> (21.05.2015)
- «Известия», 13.05.2013, <http://izvestia.ru/news/550035> (14.11.2014)
- «Известия», 19.05.2013, <http://izvestia.ru/news/550557> (21.05.2015)
- «Известия», 03.06.2013, <http://izvestia.ru/news/551380> (27.03.2015)
- «Известия», 04.06.2013, <http://izvestia.ru/news/551453> (21.11.2014)
- «Известия», 24.07.2013, <http://izvestia.ru/news/554211> (17.04.2015)
- «Известия», 5.08.2013, <http://izvestia.ru/news/554882> (17.04.2015)
- «Известия», 12.08.2013а, <http://izvestia.ru/news/555199> (14.04.2015)
- «Известия», 12.08.2013б, <http://izvestia.ru/news/555291> (14.04.2015)
- «Известия», 13.08.2013, <http://izvestia.ru/news/555382> (21.05.2015)
- «Известия», 26.08.2013, <http://izvestia.ru/news/556085> (10.04.2015)
- «Известия», 5.09.2013, <http://izvestia.ru/news/556543> (17.04.2015)
- «Известия», 11.09.2013, <http://izvestia.ru/news/266967> (12.11.2014)
- «Известия», 25.09.2013, <http://izvestia.ru/news/557688> (17.04.2015)
- «Известия», 30.09.2013, <http://izvestia.ru/news/557865> (14.04.2015)
- «Известия», 07.10.2013, <http://izvestia.ru/news/558344> (09.04.2015)
- «Известия», 24.10.2013, <http://izvestia.ru/news/559438> (19.11.2014)
- «Известия», 29.10.2013, <https://izvestia.ru/news/561554> (21.05.2015)
- «Известия», 31.10.2013, <http://izvestia.ru/news/559824> (14.04.2015)

- «Известия», 21.11.2013, <http://izvestia.ru/news/561090> (19.11.2014)
- «Известия», 27.11.2013, <http://izvestia.ru/news/561288> (09.04.2015)
- «Известия», 01.12.2013, <http://izvestia.ru/news/561693> (19.11.2014)
- «Известия», 09.12.2013, <http://izvestia.ru/news/562166> (26.11.2014)
- «Известия», 13.12.2013, <http://izvestia.ru/news/562247> (21.05.2015)
- «Известия», 15.01.2014, <http://izvestia.ru/news/564003> (14.11.2014)
- «Известия», 30.01.2014, <http://izvestia.ru/news/564764> (14.04.2015)
- «Известия», 03.02.2014, <http://izvestia.ru/news/564905> (21.05.2015)
- «Известия», 21.02.2014, <http://izvestia.ru/news/566316> (19.11.2014)
- «Известия», 26.02.2014, <http://izvestia.ru/news/566634> (19.11.2014)
- «Известия», 4.03.2014а, <http://izvestia.ru/news/566953> (21.05.2015)
- «Известия», 04.03.2014б, <http://izvestia.ru/news/566990> (21.05.2015)
- «Известия», 05.03.2014, <http://izvestia.ru/news/567029> (21.11.2014)
- «Известия», 16.03.2014, <http://izvestia.ru/news/567558> (19.11.2014)
- «Известия», 28.03.2014, <https://iz.ru/news/568275> (21.05.2015)
- «Известия», 31.03.2014, <http://izvestia.ru/news/568337> (09.04.2015)
- «Известия», 06.04.2014, <http://izvestia.ru/news/288805> (21.05.2015)
- «Известия», 10.04.2014, <http://izvestia.ru/news/568892> (17.04.2015)
- «Известия», 11.04.2014, <http://izvestia.ru/news/569088> (19.11.2014)
- «Известия», 19.04.2014, <http://izvestia.ru/news/567791> (21.05.2015)
- «Известия», 25.04.2014, <http://izvestia.ru/news/569945> (09.04.2015)
- «Известия», 28.04.2014, <http://izvestia.ru/news/570002> (14.11.2014)
- «Известия», 08.05.2014, <http://izvestia.ru/news/570523> (14.11.2014)
- «Известия», 14.05.2014, <http://izvestia.ru/news/570716> (14.11.2014)
- «Известия», 20.05.2014, <http://izvestia.ru/news/571059> (12.12.2014)
- «Известия», 21.05.2014, <http://izvestia.ru/news/571169> (19.11.2014)
- «Известия», 25.05.2014, <http://izvestia.ru/news/571432> (21.05.2015)
- «Известия», 28.05.2014, <http://izvestia.ru/news/571549> (17.04.2015)
- «Известия», 17.07.2014, <http://izvestia.ru/news/573996> (19.11.2014)
- «Известия», 23.07.2014, <http://izvestia.ru/news/574268> (09.04.2015)
- «Известия», 25.07.2014, <http://izvestia.ru/news/574382> (21.05.2015)
- «Известия», 11.08.2014, <http://izvestia.ru/news/575096> (21.05.2015)
- «Известия», 20.08.2014, <http://izvestia.ru/news/575542> (27.03.2015)
- «Известия», 26.08.2014, <http://izvestia.ru/news/575777> (26.11.2014)
- «Известия», 03.09.2014, <http://izvestia.ru/news/576167> (19.11.2014)
- «Известия», 9.09.2015, <https://iz.ru/news/591231> (27.11.2015)
- «Известия», 12.09.2014, <http://izvestia.ru/news/576663> (21.05.2015)
- «Известия», 18.09.2014, <http://izvestia.ru/news/576904> (19.11.2014)
- «Известия», 19.09.2014, <http://izvestia.ru/news/576877> (14.04.2015)
- «Известия», 29.09.2014, <http://izvestia.ru/news/577189> (19.11.2014)

- «Известия», 08.10.2014, <http://izvestia.ru/news/577734> (21.05.2015)
- «Известия», 28.10.2014, <http://izvestia.ru/news/578679> (10.04.2015)
- «Известия», 29.10.2014, <http://izvestia.ru/news/578718> (21.05.2015)
- «Известия», 31.10.2014, <http://izvestia.ru/news/578826> (19.11.2014)
- «Известия», 11.11.2014, <http://izvestia.ru/news/578418> (17.04.2015)
- «Известия», 16.11.2014, <http://izvestia.ru/news/579495> (17.04.2015)
- «Известия», 21.11.2014, <http://izvestia.ru/news/579709> (21.05.2015)
- «Известия», 24.11.2014, <http://izvestia.ru/news/579807> (17.04.2015)
- «Известия», 02.12.2014, <http://izvestia.ru/news/580189> (21.05.2015)
- «Известия», 19.12.2014, <http://izvestia.ru/news/581056> (24.03.2015)
- «Известия», 22.12.2014, <http://izvestia.ru/news/581046> (17.04.2015)
- «Известия», 30.12.2014, <http://izvestia.ru/news/581499> (17.04.2015)
- «Известия», 12.01.2015, <http://izvestia.ru/news/581671> (21.05.2015)
- «Известия», 22.01.2015, <http://izvestia.ru/news/582055> (24.03.2015)
- «Известия», 27.01.2015, <http://izvestia.ru/news/582316> (17.04.2015)
- «Известия», 3.02.2015, <http://izvestia.ru/news/582579> (14.04.2015)
- «Известия», 11.02.2015, <http://izvestia.ru/news/582889> (17.03.2015)
- «Известия», 17.02.2015, <http://izvestia.ru/news/583151> (17.03.2015)
- «Известия», 25.02.2015, <http://izvestia.ru/news/583357> (14.04.2015)
- «Известия», 28.02.2015a, <http://izvestia.ru/news/583538> (17.04.2015)
- «Известия», 28.02.2015b, <http://izvestia.ru/news/583540> (24.03.2015)
- «Известия», 3.03.2015, <http://izvestia.ru/news/583628> (14.04.2015)
- «Известия», 16.03.2015, <http://izvestia.ru/news/584067> (17.04.2015)
- «Известия», 12.03.2015a, <http://izvestia.ru/news/583651> (17.04.2015)
- «Известия», 12.03.2015b, <http://izvestia.ru/news/584000> (17.04.2015)
- «Известия», 13.03.2015, <http://izvestia.ru/news/584052> (27.03.2015)
- «Известия», 16.03.2015, <http://izvestia.ru/news/584067> (14.04.2015)
- «Известия», 18.03.2015, <http://izvestia.ru/news/584196> (24.03.2015)
- «Известия», 19.03.2015a, <http://izvestia.ru/news/584277> (20.03.2015)
- «Известия», 19.03.2015b, <http://izvestia.ru/news/584272> (20.03.2015)
- «Известия», 25.03.2015a, <http://izvestia.ru/news/584514> (10.04.2015)
- «Известия», 25.03.2015b, <http://izvestia.ru/news/584561> (17.04.2015)
- «Известия», 13.04.2015, <http://izvestia.ru/news/585087> (21.05.2015)
- «Известия», 15.04.2015, <http://izvestia.ru/news/585398> (21.05.2015)
- «Известия», 20.04.2015, <http://izvestia.ru/news/585669> (21.05.2015)
- «Известия», 28.04.2015, <http://izvestia.ru/news/585987> (21.05.2015)
- «Известия», 22.05.2015, <http://izvestia.ru/news/586894> (21.05.2015)
- «Известия», 3.06.2015, <https://izvestia.ru/news/587352> (21.11.2015)
- «Известия», 21.06.2015, <https://izvestia.ru/news/589048> (21.11.2015)
- «Известия», 22.06.2015, <https://izvestia.ru/news/587995> (21.11.2015)

- «Известия», 1.09.2015, <https://iz.ru/news/590791> (21.11.2015)
- «Известия», 6.09.2015, <http://izvestia.ru/news/499672> (21.05.2015)
- «Известия», 9.09.2015, <https://izvestia.ru/news/591231> (21.11.2015)
- «Известия», 20.10.2015, <https://izvestia.ru/news/594711> (21.11.2015)
- «Известия», 27.10.2015, <https://izvestia.ru/news/594066> (21.11.2015)
- «Известия», 9.12.2015, <https://izvestia.ru/news/598628> (20.12.2015)
- «Известия», 17.12.2015, <https://izvestia.ru/news/599538> (20.12.2015)
-
- «Комсомольская правда», 16.05.2003, <http://www.kp.ru/daily/23032/3691/> (14.04.2015)
- «Комсомольская правда», 28.02.2008, <http://www.kp.ru/daily/24056.4/300962/> (17.04.2015)
- «Комсомольская правда», 1.02.2010, <https://www.kp.ru/daily/24434/601642/> (20.05.2015)
- «Комсомольская правда», 26.04.2010, <https://www.msk.kp.ru/daily/24479.5/636894/> (21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 17.10.2010, <https://www.kp.ru/daily/24379/559962/> (20.05.2015)
- «Комсомольская правда», 29.10.2010, <http://www.msk.kp.ru/daily/24583/753137/> (21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 3.11.2010, <https://www.kp.ru/daily/24587.3/754825/> (20.05.2015)
- «Комсомольская правда», 10.11.2010, <https://www.kp.ru/daily/24589.3/757532/> (20.05.2015)
- «Комсомольская правда», 9.12.2010, <https://www.kp.ru/daily/24605.3/775189/> (21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 12.05.2011, <http://www.kp.ru/online/news/890570/> (17.03.2015)
- «Комсомольская правда», 6.09.2011, <http://www.msk.kp.ru/daily/25841.5/2813434/> (17.04.2015)
- «Комсомольская правда», 22.09.2011, <https://www.vologda.kp.ru/daily/25758.4/2743424/> (17.03.2015)
- «Комсомольская правда», 24.11.2011, <http://www.kp.ru/daily/25793.3/2774911/> (24.03.2015)
- «Комсомольская правда», 15.12.2011, <http://www.kp.ru/daily/25805.4/2785297/> (08.04.2015)
- «Комсомольская правда», 25.01.2012, <https://www.kp.ru/daily/25823/2800593/> (21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 07.02.2012, <http://www.kp.ru/radio/stenography/26150/> (24.03.2015)

- «Комсомольская правда», 27.02.2012, <http://www.msk.kp.ru/daily/25841.5/2813434/>
(21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 28.02.2012, <http://www.msk.kp.ru/daily/25842/2814063/>
(21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 29.02.2012, <http://www.msk.kp.ru/online/news/1093192/>
(21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 10.03.2012, <http://www.msk.kp.ru/radio/stenography/28689/>
(21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 24.04.2012, <http://www.msk.kp.ru/daily/24045/101039/>
(24.03.2015)
- «Комсомольская правда», 21.05.2012, <http://www.kp.ru/daily/25885.5/2847890/>
(09.04.2015)
- «Комсомольская правда», 5.06.2012, <http://www.msk.kp.ru/radio/stenography/34811/>
(21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 7.06.2012, <https://www.kp.ru/daily/25896.4/2854990/>
(20.05.2015)
- «Комсомольская правда», 21.08.2012, <http://www.msk.kp.ru/radio/stenography/41971/>
(24.03.2015)
- «Комсомольская правда», 11.09.2012а, <http://www.msk.kp.ru/radio/stenography/44085/>
(17.04.2015)
- «Комсомольская правда», 11.09.2012б, <http://www.msk.kp.ru/radio/stenography/44099/>
(24.03.2015)
- «Комсомольская правда», 2.10.2012, <http://www.kp.ru/daily/25959/2899348/>
(14.04.2015)
- «Комсомольская правда», 10.10.2012, <https://www.kp.ru/daily/25964/2903103/>
(20.05.2015)
- «Комсомольская правда», 17.10.2012, <http://www.kp.ru/online/news/1273060/>
(17.04.2015)
- «Комсомольская правда», 1.11.2012, <http://www.kp.ru/daily/25977/2912121/>
(17.04.2015)
- «Комсомольская правда», 13.12.2012, <https://www.kp.ru/daily/26001.4/2927995/>
(10.04.2015)
- «Комсомольская правда», 26.12.2012, <http://www.kp.ru/daily/26008/2932544/>
(10.04.2015)
- «Комсомольская правда», 25.04.2013, <http://www.kp.ru/daily/26069.4/2975807/>
(14.04.2015)
- «Комсомольская правда», 30.05.2013, <http://www.kp.ru/daily/26084.4/2986856/>
(24.03.2015)
- «Комсомольская правда», 25.06.2013, <https://www.kp.ru/daily/26098.2/2996051/>
(24.03.2015)

- «Комсомольская правда», 26.06.2013, <https://www.kp.ru/daily/26099.3/2996540/>
(22.05.2015)
- «Комсомольская правда», 15.08.2013, <https://www.kp.ru/online/news/1511760/>
(20.05.2015)
- «Комсомольская правда», 02.10.2013, <http://www.kp.ru/daily/26140.1/3030267/>
(08.04.2015)
- «Комсомольская правда», 12.02.2014, <http://www.kp.ru/daily/26193/3081217/> (09.04.
2015)
- «Комсомольская правда», 27.02.2014, <http://www.kp.ru/online/news/1672182/>
(14.04.2015)
- «Комсомольская правда», 28.02.2014, <http://www.kp.ru/daily/26197/3087085/> (14.04.
2015)
- «Комсомольская правда», 1.04.2014, <https://www.kp.ru/daily/26213/3098222/> (20.05.
2015)
- «Комсомольская правда», 28.07.2014, <http://www.kp.ru/daily/26258.5/3140008/>
(09.04.2015)
- «Комсомольская правда», 16.09.2014, <http://www.msk.kp.ru/daily/26282/3160237/>
(17.04.2015)
- «Комсомольская правда», 17.09.2014, <http://www.kp.ru/online/news/1846333/>
(17.03.2015)
- «Комсомольская правда», 11.09.2014, <http://www.msk.kp.ru/daily/26281.4/3158251/>
(24.03.2015)
- «Комсомольская правда», 28.10.2014, <http://www.kp.ru/daily/26300.5/3178447/>
(10.04.2015)
- «Комсомольская правда», 04.12.2014, <http://www.kp.ru/daily/26316.4/3194357/>
(09.04.2015)
- «Комсомольская правда», 12.01.2015, <http://www.kp.ru/daily/26326/3210599/> (24.03.
2015)
- «Комсомольская правда», 11.02.2015, <http://www.kp.ru/daily/26336/3222968/> (20.03.
2015)
- «Комсомольская правда», 12.02.2015, <http://www.kp.ru/daily/26341.4/3223993/>
(21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 21.02.2015, <http://www.kp.ru/daily/26344/3227630/> (20.03.
2015)
- «Комсомольская правда», 26.02.2015, <http://www.kp.ru/daily/26347.4/3229682/>
(24.03.2015)
- «Комсомольская правда», 28.02.2015, <http://www.kp.ru/daily/26348.7/3230500/>
(17.04.2015)
- «Комсомольская правда», 02.03.2015а, <http://www.kp.ru/daily/26348.5/3230923/>
(24.03.2015)

- «Комсомольская правда», 2.03.2015б, <http://www.kp.ru/daily/26348.5/3230967/> (14.04.2015)
- «Комсомольская правда», 10.03.2015, <http://www.kp.ru/online/news/1996645/> (17.04.2015)
- «Комсомольская правда», 14.03.2015, <http://www.kp.ru/daily/26354.7/3236037/> (20.03.2015)
- «Комсомольская правда», 19.03.2015, <http://www.kp.ru/online/news/2004595/> (20.03.2015)
- «Комсомольская правда», 20.03.2015, <http://www.kp.ru/online/news/2006759/> (24.03.2015)
- «Комсомольская правда», 23.03.2015, <http://www.kp.ru/online/news/2008732/> (24.03.2015)
- «Комсомольская правда», 6.04.2015, <http://www.kp.ru/radio/stenography/128362/> (21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 8.04.2015, <http://www.kp.ru/daily/26365.3/3245334/> (21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 20.04.2015, <http://www.kp.ru/daily/26366.5/3250471/> (21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 05.05.2015, <http://www.msk.kp.ru/daily/26376/3255854/> (21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 5.06.2015, <https://www.kp.ru/daily/26390/3268000/> (20.12.2015)
- «Комсомольская правда», 15.11.2015, <http://www.kp.ru/daily/26308.7/3186241/> (21.05.2015)
- «Комсомольская правда», 17.12.2015, <https://www.kp.ru/video/531948/> (20.12.2015)
- «Комсомольская правда», 24.12.2015, <https://www.kp.ru/radio/26511/3526257/> (28.12.2015)
- «Московский комсомолец», 10.01.2000, <http://www.mk.ru/old/article/2000/01/10/129214-mkprognoz.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 17.10.2000, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2000/10/17/117990-pritsel-primakova.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 11.04.2001, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2001/04/11/110616-gruppovoy-seksizm.html> (05.12.2014)
- «Московский комсомолец», 26.05.2001, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2001/06/26/107648-zerkalo-dlya-derzhavyi.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 5.07.2000, <http://www.mk.ru/old/article/1999/07/05/138198-reyting-sluhov.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 27.07.2000, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/1999/07/27/137558-eltsin-hotel-i-ryibku-sest.html> (28.11.2014)

- «Московский комсомолец», 21.12.2000, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/1999/12/21/132493-oligarhi-na-belyih-konyah.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 8.09.2001, <http://www.mk.ru/old/article/2003/12/21/121936-myi-umyi-vyi-uvyi.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 29.10.2001, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2001/10/29/102352-reyting-sluhov.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 13.04.2002, <http://www.mk.ru/old/article/2002/04/13/168464-ugo-prishlos-tugo.html> (21.11.2014)
- «Московский комсомолец», 26.06.2002, <http://www.mk.ru/old/article/2002/06/26/165642-osobnosti-natsionalnoy-korrupsii.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 16.06.2003, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/06/16/134739-chitayte-v-zavtrashnem-mk.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 25.07.2003, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/07/25/132804-chechenskiy-svyaznoy.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 9.12.2003, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/12/09/122421-paradoks-russkoy-dushi.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 10.12.2003, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/12/10/122361-posle-draki.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 21.12.2003, <http://www.mk.ru/old/article/2003/12/21/121936-myi-umyi-vyi-uvyi.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 08.04.2004, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2004/04/08/115869-dima-yura-oba-na-.html> (20.03.2015)
- «Московский комсомолец», 17.11.2004, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2004/11/17/100496-myasorubka-imeni-gryizlova.html> (05.12.2014)
- «Московский комсомолец», 28.03.2005, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/03/28/198220-soyuz-i-varvaryi.html> (12.11.2014)
- «Московский комсомолец», 11.08.2005, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/08/11/192847-stsenarii-dlya-bolshogo-kavkaza.html> (21.11.2014)
- «Московский комсомолец», 25.11.2005, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/11/25/188919-sapozhnikneumeha.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 10.01.2006, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/01/10/187398-soyuz-iz-poslednih-sil.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 31.05.2007, <http://www.mk.ru/old/article/2007/05/31/144851-ministr-stal-zhertvoy-travli.html> (10.12.2014)
- «Московский комсомолец», 02.08.2007, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2007/08/02/89530-zachem-lukashenko-gazovaya-dieta.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 20.09.2007, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2007/09/20/80320-krasnorechie-sluzhitelya-femidyi.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 11.10.2007, <http://www.mk.ru/old/article/2003/12/21/121936-myi-umyi-vyi-uvyi.html> (31.05.2013)

- «Московский комсомолец», 22.10.2007, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2007/10/22/74128-bryunetka-vnutrennego-sgoraniya.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 30.01.2008, <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2008/01/30/57652-poluchi-nashist-granatu.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 01.07.2008, <http://www.mk.ru/social/article/2008/07/01/33675-zloy-gruzin-polzet-na-bereg.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 14.01.2009, <http://www.mk.ru/old/article/2009/01/14/4507-yuschenko-roet-yamu-smenschiku.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 14.04.2009, <http://www.mk.ru/politics/article/2009/04/14/255997-vertikal-vne-vlasti.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 24.09.2009, <http://www.mk.ru/politics/interview/2009/09/24/356514-10-let-odin-medved.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 6.10.2009, <http://www.mk.ru/politics/article/2009/10/06/363197-velikaya-oktyabrskaya-evalyutsiya.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 21.12.2009, <http://www.mk.ru/politics/article/2009/12/21/403279-kvot-kampaniya-kakaya.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 02.03.2010, <http://www.mk.ru/politics/article/2010/03/02/440511-po-prigovoru-styida.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 17.03.2010, <http://novos.mk.ru/article/2010/03/17/448839-gorsovvet-vyibor-sdelan.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 13.04.2010, <http://vrn.mk.ru/article/2010/04/13/467638-partstroitelstvo-aktualno.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 29.04.2010, <http://novos.mk.ru/article/2010/04/29/478759-viktor-tolokonskiy-vragov-u-menya-net.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 27.05.2010, <http://www.mk.ru/politics/article/2010/05/27/498566-nasledniki-po-pryamoy.html> (21.11.2014)
- «Московский комсомолец», 13.06.2010, <http://www.mk.ru/politics/article/2010/07/13/516195-sekirbashkir.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 30.08.2010, <http://www.mk.ru/politics/article/2010/08/30/526095-batku-pozdravili-konferentsiy.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 10.10.2010, <http://www.mk.ru/culture/2010/10/10/535457-borba-s-terrorizmom-chto-opyat.html> (26.11.2014)
- «Московский комсомолец», 01.03.2011, <http://www.mk.ru/politics/2011/03/01/569328-ot-knuta-do-pryanika-i-obratno.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 22.03.2011, <http://www.mk.ru/politics/2011/03/22/574751-ukogo-spisok-bolshe.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 13.04.2011, <http://ulan.mk.ru/articles/2011/04/13/580475-kataklizma.html> (10.04.2015)
- «Московский комсомолец», 26.05.2011, <http://www.mk.ru/editions/daily/2011/05/26/592561-staryie-grabli-dlya-liberalov.html> (17.04.2015)

- «Московский комсомолец», 24.08.2011, <http://www.mk.ru/old/article/2011/08/24/617158-pravoe-delo-kak-politicheskiy-tyanitolkay.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 15.09.2011, <http://www.mk.ru/politics/2011/09/15/623996-do-svidaniya-nash-laskovyy-misha.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 22.09.2011, <http://www.mk.ru/politics/2011/09/22/626104-kogda-nam-zhdut-putinskoj-smetanyi.html> (10.04.2015)
- «Московский комсомолец», 29.09.2011, <http://www.mk.ru/politics/2011/09/29/628178-vyiboryi-bez-vyibora.html> (10.04.2015)
- «Московский комсомолец», 19.10.2011, <http://ulan.mk.ru/articles/2011/10/19/634040-volk-v-ovechey-shkure.html> (26.11.2014)
- «Московский комсомолец», 31.10.2011, <http://www.mk.ru/politics/2011/10/31/638279-v-mosgordume-ne-podelili-znamya-pobedy.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 2.11.2011, <http://saratov.mk.ru/articles/2011/11/02/639295-tishina-pered-zatishem.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 30.11.2011, <http://vologda.mk.ru/articles/2011/11/30/647626-aleksey-mitrofanov-myi-prizyivaem-golosovat-za-oppozitsiyu.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 07.12.2011a, <http://brl.mk.ru/articles/2011/12/07/650149-den-posle-vyiborov.html> (08.04.2015)
- «Московский комсомолец», 7.12.2011b, <http://saratov.mk.ru/articles/2011/12/07/651121-gosduma-lish-chut-pokrasnela.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 09.12.2011, <http://www.mk.ru/social/2011/12/09/651488-gosudarstvennyie-prestupniki.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 10.12.2011, <http://www.mk.ru/politics/article/2011/12/09/651579-navalnyiy-kak-zerkalo-provalnogo.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 27.12.2011a, <http://brl.mk.ru/articles/2011/12/27/656988-problema-vyibora.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 27.12.2011b, <http://www.mk.ru/politics/2011/12/27/657224-putinu-pozavidoval-byi-lyudovik-xiv.html> (12.11.2014)
- «Московский комсомолец», 17.01.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/01/17/661471-komu-nuzhen-kudrin.html> (21.11.2014)
- «Московский комсомолец», 14.03.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/03/14/681651-parlament-mesto-dlya-diskussiy.html> (26.11.2014)
- «Московский комсомолец», 18.04.2012, <http://eburg.mk.ru/articles/2012/04/18/694459-igra-v-kadryi.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 03.05.2012, <http://www.mk.ru/moscow/2012/05/03/700320-stomatologi-proshestvuyut-po-sadovomu-nazlo-blogeram.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 16.05.2012, <http://arh.mk.ru/articles/2012/05/16/704163-chertova-dyuzhina.html> (28.11.2014)
- «Московский комсомолец», 23.05.2012, <http://yaroslavl.mk.ru/interview/2012/05/23/706825-glavnoe-dlya-nas-rabotat-v-interesah-zhiteley.html> (10.09.2012)

- «Московский комсомолец», 25.05.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/05/25/708000-russkiy-yazyk-spasenie-dlya-ukrainyi.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 30.05.2012, <http://arh.mk.ru/article/2012/05/30/709572-deputat-maksim-korelskiy-obschestvennoe-ne-znachit-nezavisimoe.html> (10.09.2012)
- «Московский комсомолец», 17.06.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/06/17/715526-ryizhkov-nemtsov-i-kasyanov-snova-vmeste.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 25.07.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/07/25/729630-rodina-putina-pod-zapretom.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 14.08.2012а, <http://www.mk.ru/politics/2012/08/14/736644-pochemu-glavnoy-mishenyu-stal-gudkov.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 14.08.2012б, <http://novos.mk.ru/article/2012/08/14/736582-slovo-i-delo.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 18.08.2012, <http://www.mk.ru/moscow/article/2012/08/17/738170-u-novogo-i-o-glavyi-himok-dva-mesyatsa-do-vyiborov-a-planov-gromade.html> (10.09.2012)
- «Московский комсомолец», 22.08.2012, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/08/21/739008-konflikt-glubokoy-zamorozki2.html> (10.09.2012)
- «Московский комсомолец», 4.09.2012, <http://www.mk.ru/social/article/2012/09/04/743877-onischenko-pozhalel-tri-milliona-alkogolikov.html> (10.09.2012)
- «Московский комсомолец», 5.09.2012а, <http://baikal.mk.ru/article/2012/09/05/744718-100-dney-bez-raskachki.html> (10.09.2012)
- «Московский комсомолец», 5.09.2012б, <http://eburg.mk.ru/article/2012/09/05/744552-alyuminievyiy-raskol.html> (10.09.2012)
- «Московский комсомолец», 5.09.2012в, <http://www.mk.ru/culture/interview/2012/09/03/743698-kakoe-budushee-zhdet-metro.html> (10.09.2012)
- «Московский комсомолец», 6.09.2012, <http://baikal.mk.ru/news/2012/09/06/745306-glavoy-irkutskogo-gorodskogo-otdeleniya-er-izbran-eksministr-zdravoohraneniya.html> (10.09.2012)
- «Московский комсомолец», 11.09.2012а, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/09/11/746872-putin-perestal-byit-menshim-zlom.html> (14.09.2012)
- «Московский комсомолец», 11.09.2012б, <http://www.mk.ru/politics/news/2012/09/11/746989-sredi-kandidatov-v-chlenyi-spch-lidiruyut-hakamada-parfenov-i-kucherena.html> (14.09.2012)
- «Московский комсомолец», 11.09.2012в, <http://www.mk.ru/social/news/2012/09/11/746850-mgu-ne-voshel-v-sotnyu-luchshih-vuzov-mira.html> (14.09.2012)
- «Московский комсомолец», 12.09.2012а, <http://www.mk.ru/politics/2012/09/12/747841-rada-kak-nikogda.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 12.09.2012б, <http://tomsk.mk.ru/article/2012/09/12/747536-ozero-nadezhdyi.html> (14.09.2012)

- «Московский комсомолец», 12.09.2012в, <http://vlad.mk.ru/article/2012/09/12/747464-otkryitost-i-kurs-na-innovatsii.html> (14.09.2012)
- «Московский комсомолец», 13.09.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/09/13/748430-net-segodnya-chestnoy-oppozitsii.html> (21.11.2014)
- «Московский комсомолец», 03.10.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/10/03/756551-kak-izmenilsya-vvp-za-13-let.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 05.10.2012, <http://baikal.mk.ru/articles/2012/10/05/757306-oppozitsionnost-kak-bolezn.html> (10.12.2014)
- «Московский комсомолец», 18.10.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/10/18/763102-kapitalisticheskij-agitprop.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 24.10.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/10/24/765683-schuvstvom-glubokogo-samoudovletvoreniya.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 29.10.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/10/29/767215-kogo-raduet-novaya-rada.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 30.10.2012, <http://www.mk.ru/social/2012/10/30/767958-vse-eto-iz-nashey-istorii-stroki.html> (21.05.2015)
- Московский комсомолец», 31.10.2012а, <http://eburg.mk.ru/articles/2012/10/31/768436-utrety-silyi-poyavilas-platforma.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 31.10.2012б, <http://kras.mk.ru/articles/2012/10/31/768213-otstenki-k-stenke.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 5.12.2012, <http://kras.mk.ru/articles/2012/12/05/783167-medvedi-i-balagan.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 12.12.2012а, <http://eburg.mk.ru/news/2012/12/12/786467-evgeniy-kuyvashev-vo-vlast-dolznyi-prihodit-chestnyie-poryadochnyie-lyudi.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 12.12.2012б, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/12/12/786384-putin-poobeschal-perelomnyie-godyi.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 14.12.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/12/14/787786-vitsepremer-hlopnul-dveryu-kabmina.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 17.12.2012, <http://tula.mk.ru/articles/2012/12/17/788804-yuriy-afonin-ostalsya-u-rulya-tulkih-kommunistov.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 30.12.2012, <http://www.mk.ru/social/2012/12/30/794258-satiricheskie-itogi-goda.html> (26.11.2014)
- «Московский комсомолец», 30.01.2013, <http://saratov.mk.ru/articles/2013/01/30/805413-schitaem-sneg-lovim-sosulki.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 04.02.2013, <http://www.mk.ru/politics/2013/02/04/807445-kak-zarabotat-na-medvedevskoy-reforme.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 13.02.2013, <http://baikal.mk.ru/article/2013/02/13/811915-zasekrechennyie-kadryi.html> (29.05.2013)

- «Московский комсомолец», 21.02.2013, <http://www.mk.ru/politics/2013/02/21/815966-kritiki-zyuganova-aktivizirovalis-pered-sezdom.html> (20.05.2015)
- «Московский комсомолец», 22.02.2013, <http://www.mk.ru/social/news/2013/02/22/816675-deputat-ot-ldpr-prizval-obschestvennost-vyiiti-na-marsh-2-marta-v-zaschitu-detey.html> (29.05.2013)
- «Московский комсомолец», 1.03.2013, <http://www.mk.ru/social/2013/03/01/820355-mertvyie-dushi.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 5.03.2013, <http://novos.mk.ru/article/2013/03/05/821604-perehodnyiy-period-gorsoveta.html> (29.05.2013)
- «Московский комсомолец», 27.03.2013а, <http://www.mk.ru/editions/daily/2013/05/27/860249-mayskiy-urozhay-bolshoy-knigi.html> (29.05.2013)
- «Московский комсомолец», 27.03.2013б, <http://www.mk.ru/politics/article/2013/03/27/832608-ministr-sporta-prigrozil-lishit-regionyi-deneg-za-neumenie-gotovit-sportsmenov.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 22.04.2013а, <http://www.mk.ru/politics/2013/04/22/845406-putin-otsenil-ataku-belousova-na-kudrina-ne-vse-zhe-emu-na-nas-naezzhat.html> (10.12.2014)
- «Московский комсомолец», 22.04.2013б, <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/04/22/845491-satarov-rasskazal-kak-omon-sprovotsiroval-besporядki-6-maya.html> (29.05.2013)
- «Московский комсомолец», 12.05.2013, <http://www.mk.ru/politics/2013/05/12/852699-kak-prezident-obelsya-ministrami-ili-politpeyzazh-posle-uhoda-curkova.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 15.05.2013, <http://ulan.mk.ru/articles/2013/05/15/854065-spasibo-samarinovu.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 18.05.2013, <http://www.mk.ru/politics/article/2013/05/18/856080-medvedev-poslal-quotedinuyu-rossiyuquot-v-prorub.html> (31.05.2013)
- «Московский комсомолец», 29.05.2013, <http://kras.mk.ru/articles/2013/05/29/861086-politika-pod-kayfom.html> (10.12.2014)
- «Московский комсомолец», 18.06.2013, <http://www.mk.ru/mosobl/2013/06/18/871045-a-cto-esche.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 31.07.2013, <http://eburg.mk.ru/articles/2013/07/31/892294-mer-ushel-v-partizanyi.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 4.08.2013, <http://www.mk.ru/politics/2013/08/04/894218-cto-podstavlyayet-prohorova.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 14.08.2013, <http://www.mk.ru/politics/2013/08/14/899608-russkie-nozhnitsyi-dlya-vsemirnoy-pautiny.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 21.08.2013, <http://spb.mk.ru/article/2013/08/21/902840-peterburg-vspominaet-zabyityiy-podvig.html> (19.11.2014)

- «Московский комсомолец», 30.09.2013, <http://kras.mk.ru/article/2013/09/20/918608-gorsovets-krasnoyarska-vyibral-vozhaka-po-vozzrastu.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 9.10.2013, <http://www.mk.ru/politics/article/2009/10/06/363197-velikaya-oktyabrskaya-eyalyutsiya.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 14.10.2013, <http://www.mk.ru/moscow/article/2013/10/14/930254-deputaty-mosgordumyi-o-sobyitiyah-v-biryulevo.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 23.10.2013, <http://eburg.mk.ru/article/2013/10/23/934906-pervyy-i-posledniy.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 26.10.2013, <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/10/26/936754-levichev-rasskazal-kak-oni-s-putinyim-spasli-stranu.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 24.12.2013, <http://www.mk.ru/politics/2013/12/24/964222-anatoliy-vasserman-o-saakashvili-iskrenne-nadeyus-cto-on-possorit-ukrainu-s-evrooy-i-ssha.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 25.12.2013, <http://tomsk.mk.ru/article/2013/12/25/1003344-2013-god-razoblacheniya-kressovskoy-elityi.html> (10.04.2015)
- «Московский комсомолец», 08.01.2014а, <http://www.mk.ru/politics/article/2014/01/08/967660-chum-gang-banda-prezidenta-baraka-obamyi.html> (28.11.2014)
- «Московский комсомолец», 08.01.2014б, <http://www.mk.ru/social/interview/2014/01/08/967677-kto-gde-pochemu.html> (26.11.2014)
- «Московский комсомолец», 22.01.2014, <http://www.mk.ru/politics/article/2014/01/22/973885-gosduma-prinyala-zayavlenie-ob-ukrainskom-obostrenii-i-pagubnoy-rolizapada.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 5.03.2014, <http://www.mk.ru/politics/article/2014/03/05/994226-v-belgrade-proshel-miting-v-znak-podderzhki-rossii.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 16.03.2014а, <http://www.mk.ru/politics/article/2014/03/16/998779-kiberberkut-atakuet-sayty-nato.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 16.03.2014б, <http://www.mk.ru/politics/article/2014/03/16/998867-geniy-vseh-vremen-inarodov.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 18.03.2014, <http://www.mk.ru/zloba-dnya/article/2014/03/18/100036-bolshe-sanktsiy-horoshih-i-raznyih.html> (10.12.2014)
- «Московский комсомолец», 26.03.2014, <http://spb.mk.ru/article/2014/03/26/1003937-v-rossii-stalo-modno-rugat-svoyu-stranu.html> (10.12.2014)
- «Московский комсомолец», 27.03.2014, <http://www.mk.ru/politics/article/2014/03/27/1005065-kak-rossii-izbezhats-maydana.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 15.04.2014, <http://www.mk.kg/article/2014/04/15/1014094-nodnyiy-stan.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 05.05.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/05/05/beskompromissnaya-rossiya.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 19.05.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/05/19/pochemu-putin-otvodit-voyska-ot-granitsyi-s-ukrainoy.html> (12.12.2014)

- «Комсомольская правда», 20.05.2014, <http://www.kp.ru/daily/26232/3115458/>
(24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 29.05.2014, <http://volg.mk.ru/articles/2014/05/29/kommunisty-po-ponjatijam.html> (21.11.2014)
- «Московский комсомолец», 01.06.2014, <http://ast.mk.ru/articles/2014/06/01/kak-zhivetsja-chinovniku-kotoryjj-ne-beret-vzjatki.html> (14.11.2014)
- «Московский комсомолец», 6.06.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/06/06/rossiyskuyu-politiku-slovami-ne-opisat.html> (20.05.2015)
- «Московский комсомолец», 09.06.2014, <http://nn.mk.ru/articles/2014/06/09/na-rastushhey-volne.html> (10.04.2015)
- «Московский комсомолец», 16.06.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/06/16/deputaty-vozmushheny-postupkom-milonova-brosivshego-v-urnu-flag-ukrainy.html>
(14.11.2014)
- «Московский комсомолец», 02.07.2014, <http://chel.mk.ru/articles/2014/07/02/kto-otgryzet-golosa-u-dubrovskogo.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 4.07.2014, <http://baikal.mk.ru/articles/2014/07/04/predvybornoe-vikhlyanie.html> (26.11.2014)
- «Московский комсомолец», 7.07.2014а, <http://www.mk.ru/politics/2014/07/07/razgosudarstvit-i-zastrakhovat-principy-effektivnoy-politiki-ot-mikhaila-prokhorova.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 07.07.2014б, <http://www.mk.ru/politics/2014/07/07/umer-eduard-shevardnadze.html> (26.11.2014)
- «Московский комсомолец», 9.07.2014, <http://murmansk.mk.ru/articles/2014/07/09/velikolepnaya-pyatyorka-i-vratar.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 14.07.2014, <http://hab.mk.ru/articles/2014/07/14/v-khabarovske-razvorachivaetsya-politkampaniya-za-vybory.html> (09.04.2015)
- «Московский комсомолец», 22.07.2014, <http://www.mk.kg/articles/2014/07/22/skolko-verevochke-vitsya.html> (28.11.2014)
- «Московский комсомолец», 23.07.2014, <http://ulan.mk.ru/articles/2014/07/23/syuzhet-dlya-mylnoy-opery.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 30.07.2014, <http://crimea.mk.ru/articles/2014/07/30/dva-zhirinovskikh-shturmuyut-parlament-kryma.html> (09.04.2015)
- «Московский комсомолец», 7.08.2014, <http://mk.kn.md/articles/2014/08/07/gde-iskat-milliard-ionice.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 10.08.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/08/10/kak-30-let-nazad-prezident-reygan-razbombil-sovetskiy-soyuz-na-vechnye-vremena.html>
(26.11.2014)
- «Московский комсомолец», 13.08.2014, <http://mk.kn.md/articles/2014/08/13/molchanie-prezidenta.html> (21.05.2015)

- «Московский комсомолец», 20.08.2014, <http://volg.mk.ru/articles/2014/08/20/trinadcat-narodnykh-izbrannikov-gordumy-volgograda-khotyat-povysit-svoy-deputatskiy-status.html> (08.04.2015)
- «Московский комсомолец», 28.08.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/08/28/zubr-v-belorusskoy-gushhe-sekret-vyzhivaniya-lukashenko.html> (21.11.2014)
- «Московский комсомолец», 31.08.2014, <http://www.mknews.de/articles/2014/08/30/nipechali-ni-vozdykhaniya.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 03.09.2014, <http://ufa.mk.ru/articles/2014/09/03/naivnye-khitrosti-poroshenko.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 04.09.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/09/04/zhirinovskiy-predlozhit-vysadit-v-kieve-chetyre-divizii-vdv-rossii.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 10.09.2014, <http://ulan.mk.ru/articles/2014/09/10/golkov-sukhorukov-tolstoukhov-i-drugie.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 11.09.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/09/11/vybory-14-sentyabrya-samye-skandalnye-epizody-kampanii-svyazany-s-dosrochnym-golosovaniem.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 15.09.2014, <http://baikal.mk.ru/articles/2014/09/15/deputat-gosdumy-nazval-pobedu-sergeya-serebrennikova-na-vyborakh-mera-bratska-shansom-vyvesti-gorod-iz-krizisa.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 16.09.2014, <http://kazan.mk.ru/articles/2014/09/16/slugidvukh-gospod-pochemu-konstruktivnaya-oppozitsiya-provalila-vybory-v-gossovvet-rt.html> (03.12.2014)
- «Московский комсомолец», 17.09.2014a, <http://volg.mk.ru/articles/2014/09/17/politicheskie-eksperty-schitayut-cto-u-vsekh-gubernatorskikh-vyborov-etogo-goda-est-neskolko-obshhikh-chert.html> (09.04.2015)
- «Московский комсомолец», 17.09.2014b, <http://volg.mk.ru/articles/2014/09/17/volgogradskaya-oblast-prinamaetsya-za-generalnuyu-uborku.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 18.09.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/09/18/kto-ostavil-putina-v-blednoy-teni.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 19.09.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/09/19/bastrykin-rekomenduet-gosdume-pomoch-sledstviyu-v-poiske-mitrofanova.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 24.09.2014, <http://volg.mk.ru/articles/2014/09/24/zapros-na-mnogopartiynost-i-oppozitsionnost-v-volgograde-okonchatelno-poteryal-svoyu-aktualnost.html> (09.04.2015)
- «Московский комсомолец», 01.10.2014, <http://crimea.mk.ru/articles/2014/10/01/krumskie-obshhestvenniki-zovut-na-pomoshh-putina.html> (05.12.2014)
- «Московский комсомолец», 09.10.2014, <http://www.mk.ru/social/2014/10/09/poydi-i-podnimi-ippolita.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 13.10.2014, <http://ast.mk.ru/articles/2014/10/13/maksimterskiy-chleny-nashey-partii-patrioty-do-mozga-kostey.html> (14.11.2014)

- «Московский комсомолец», 14.10.2014, <http://chel.mk.ru/articles/2014/10/14/stanislav-mosharov-vnov-izbran-glavoy-chelyabinska.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 28.10.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/10/28/vozrodit-komsomol-slozhnee-chem-vernut-krym.html> (28.11.2014)
- «Московский комсомолец», 29.10.2014, <http://volg.mk.ru/articles/2014/10/29/kakie-vyvody-iz-sluchivshegosya-na-minuvshey-nedele-teplovogo-krizisa-stoit-sdelat-v-pervuyu-ochered.html> (05.12.2014)
- «Московский комсомолец», 30.10.2014, <http://kavkaz.mk.ru/articles/2014/10/30/vybory-merov-na-stavropole-otmenila-kraevaya-duma.html> (14.11.2014)
- «Московский комсомолец», 05.11.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/11/05/mogerini-vybory-v-dnr-i-lnr-protivorechat-minskomu-protokolu.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 06.11.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/11/06/proekt-razlyubi-rossiyu-iskhod-ideologicheskoy-skhatki-s-zapadom-opredelit-nashe-budushhee.html> (12.12.2014)
- «Московский комсомолец», 07.11.2014a, <http://karel.mk.ru/articles/2014/11/07/v-pomeshhenii-petrozavodskogo-soveta-veteranov-prokhodyat-obyski.html> (14.11.2014)
- «Московский комсомолец», 07.11.2014б, <http://www.mk.ru/politics/2014/11/07/naryshkin-ssha-nastolko-obnagleli-chno-otkryto-koordiniruyut-mezhdunarodny-shantazh-rossii.html> (21.11.2014)
- «Московский комсомолец», 11.11.2014, <http://tomsk.mk.ru/articles/2014/11/11/s-mandatom-na-nary.html> (14.11.2014)
- «Московский комсомолец», 12.11.2014a, <http://samara.mk.ru/articles/2014/11/12/publichno-otkazalis-ot-vyborov.html> (14.11.2014)
- «Московский комсомолец», 12.11.2014б, <http://crimea.mk.ru/articles/2014/11/12/priznanie-kryma-vne-predelov-ukrainy.html> (28.11.2014)
- «Московский комсомолец», 17.11.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/11/17/ukraina-zabiraet-u-donbassa-gossobstvennost.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 18.11.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/11/18/nemolboy-a-umeniem-kak-rossiya-dolzha-otmenyat-zapadnye-sankcii.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 19.11.2014a, <http://mk.kn.md/articles/2014/11/19/usaty-dva-vladika-v-shoke-ot-nashikh-reytingov-i-gotovyat-snyatie-partii-patria-s-vyborov.html> (20.03.2015)
- «Московский комсомолец», 19.11.2014б, <http://yar.mk.ru/articles/2014/11/19/zarplata-zabludilas.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 12.11.2014, <http://mkala.mk.ru/articles/2014/11/12/ramazan-abdulatipov-perekhod-granicy-dolzhen-byt-zakonnym-i-komfortnym.html> (19.11.2014)
- «Московский комсомолец», 26.11.2014, <http://chr.mk.ru/articles/2014/11/26/sekta-ili-partiya.html> (14.04.2015)

- «Московский комсомолец», 27.11.2014, <http://mkala.mk.ru/articles/2014/11/27/magomed-suleymanov-izbran-sekretarem-makhachkalinskogo-mestnogo-otdeleniya-vpp-edinaya-rossiya.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 4.12.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/12/04/poslanie-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-pryamaya-translyaciya.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 9.12.2014, <http://www.mk.ru/politics/2014/12/09/senator-dobrynin-predlaet-sdat-mandaty-epatazhnym-deputatam.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 10.12.2014, <http://kras.mk.ru/articles/2014/12/10/protiv-dvoevlastiya-prinyali-mery-predostorozhnosti.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 12.12.2014, <http://mkisrael.co.il/articles/2014/12/12/vesennie-khlopoty.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 23.12.2014, <http://cheb.mk.ru/articles/2014/12/23/chuvashskie-deputaty-chistyat-ryady-i-deformiruyut-mestnoe-samoupravlenie.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 02.01.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/01/02/ot-krymnash-do-vsyo-propalo-poteryanny-shans-russkikh-nacionalistov-v-2014-godu.html> (09.04.2015)
- «Московский комсомолец», 15.01.2015, <http://saratov.mk.ru/articles/2015/01/15/zagugulina-elcina.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 21.01.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/01/21/zapad-davno-mechtaet-svergnut-putina-peskov-schitaet-cto-konflikt-na-ukraine-prosto-predlog.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 28.01.2015, <http://volg.mk.ru/articles/2015/01/28/duma-otfiltrovala-obladministraciyu.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 04.02.2015, <http://vrn.mk.ru/articles/2015/02/04/deputatov-gordumy-budut-izbirat-ponovomu.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 6.02.2015, <http://www.mk.ru/social/2015/02/06/umer-pervyy-ministr-obrazovaniya-postsovetskoy-rossii-eduard-dneprov.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 10.02.2015, <http://volg.mk.ru/articles/2015/02/10/oleg-mikheev-gotovitsya-stat-frontovikom.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 12.02.2015, <http://mk.kn.md/articles/2015/02/12/vorovat-dengi-legche-iz-publichnogo-byudzheta-a-ne-iz-pomoshhi-zapada.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 17.02.2015a, <http://www.mk.ru/politics/2015/02/17/polnyy-putevoditel-po-vyboram-glav-regionov-v-2015godu.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 17.02.2015b, <http://serp.mk.ru/articles/2015/02/17/nikolay-dizhur-gorodu-nuzhny-zdorovye-politicheskie-sily.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 18.02.2015, <http://volg.mk.ru/articles/2016/02/18/sobor-aleksandra-nevskogo-v-volgograde-vozrodyat-vsem-mirom.html> (20.05.2015)

- «Московский комсомолец», 19.02.2015, <http://www.mk.ru/economics/2015/02/19/dnr-pereshla-na-rossiyskiy-gaz-posle-togo-kak-kiev-varvarki-perekryl-kran-chtoby-poseyat-paniku.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 23.02.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/02/23/v-borbe-za-nacionalisticheskii-elektorat-kreml-gotov-sdelat-stavku-na-partiyu-rogozina.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 25.02.2015a, <http://mk.kn.md/articles/2015/02/25/artur-reshetnikov-pkrm-ne-chast-alyansa-a-oppozitsiya.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 25.02.2015b, <http://serp.mk.ru/articles/2015/02/25/bezvlastie-bezvolie-ili-bezumie.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 26.02.2015, <http://www.mk.ru/economics/2015/02/26/peskov-moskva-gotova-postavlyat-gaz-v-donbass-besplatno.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 28.02.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/02/28/zakharchenko-stal-predsedatelem-pravyashhego-dvizheniya-dnr-doneckaya-respublika.html> (20.03.2015)
- «Московский комсомолец», 1.03.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/01/vystrel-v-rossiyu.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 2.03.2015, <http://www.mk.ru/social/2015/03/02/pochemu-rossiyskie-sledovateli-otpusili-deputata-goncharenko.html> (14.04.2015)
- «Московский комсомолец», 03.03.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/03/lukashenko-zaveril-putina-v-bratstve-narodov-imeya-v-vidu-dvukhmilliardnyy-kredit.html> (20.03.2015)
- «Московский комсомолец», 6.03.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/06/lyashko-snova-sorval-vystuplenie-glavy-nacbanka-v-rade-gontareva-ne-zhenshhina-a-vurdalaka.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 10.03.2015, <http://www.mk.ru/incident/2015/03/10/samoubiystvo-eksdeputata-ot-partii-regionov-melnika-svyazyvayut-s-imenem-akhmetova.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 12.03.2015a, <http://karel.mk.ru/articles/2015/03/12/kreml-predpochitaet-ne-obrashhat-vnimaniya-na-slukhi-o-bolezni-putina.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 12.03.2015b, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/12/kprf-trebuetsya-vesti-sankcii-protiv-litvy-i-polshi-za-voennuyu-podderzhku-kieva.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 12.03.2015в, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/12/yarovaya-nazvala-farsom-prizvyv-k-mezhdunarodnomu-rassledovaniyu-ubiystva-nemcova.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 13.03.2015a, <http://ast.mk.ru/articles/2015/03/13/elena-maksyutina-povyshenie-moralnykh-principov-pozvolit-sdelat-semi-krepche-i-splochennee.html> (24.03.2015)

- «Московский комсомолец», 13.03.2015б, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/13/kak-prokhorov-i-makarevich-sdavali-partbilety-grazhdanskoy-platfomy.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 17.03.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/17/valensa-rossiya-raspadetsya-esli-risknet-napast-na-polshu.html> (09.04.2015)
- «Московский комсомолец», 18.03.2015а, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/18/semero-smelykh-protiv-sankcii.html> (20.03.2015)
- «Московский комсомолец», 18.03.2015б, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/18/yacenyuka-obvinili-v-korrupcii-a-okhranu-kolomoyskogo-v-ubiystvakh.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 18.03.2015в, <http://vrn.mk.ru/articles/2015/03/18/osppekulyaciyakh-na-patriotizme.html> (25.03.2015)
- «Московский комсомолец», 19.03.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/19/poroshenko-rossiyskiy-voenny-khab-v-krymu-grozit-konfliktom-v-chernomorskom-regione.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 20.03.2015а, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/19/sammit-es-provedet-diskussiyu-o-celesoobraznosti-prodleniya-sankciy-protiv-rossii.html> (20.03.2015)
- «Московский комсомолец», 20.03.2015б, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/20/ekspertssha-podgotovili-scenariy-perevorota-na-ukraine-zadolgo-do-maydana.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 21.03.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/21/pensii-v-dnr-budut-vyplachivat-v-rublyakh-grivnakh-i-dollarakh.html> (24.03.2015)
- «Московский комсомолец», 25.03.2015а, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/25/pervyy-srok-15-let.html> (10.04.2015)
- «Московский комсомолец», 25.03.2015б, <http://spb.mk.ru/articles/2015/03/25/pochemu-zakazchiki-politicheskikh-ubiystv-ostayutsya-neizvestnymi.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 30.03.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/03/30/uzbekistan-v-posledniy-raz-izbral-karimova.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 01.04.2015, <http://mk.kn.md/articles/2015/04/01/igor-dodon-socialisty-khotyat-ne-konfrontacii-a-sotrudnichestva-no-tolko-ne-s-vorami-i-oligarkhami.html> (10.04.2015)
- «Московский комсомолец», 2.04.2015а, <http://nn.mk.ru/articles/2015/04/02/smekh-smekhom-a-logika-takova.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 02.04.2015б, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/02/poroshenko-zapretil-rossiyskie-filmy-iserialy-osilovikakh.html> (09.04.2015)
- «Московский комсомолец», 03.04.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/03/oppoziciya-vystupit-edinyim-frontom-v-borbe-za-mandaty-v-gosdume.html> (10.04.2015)
- «Московский комсомолец», 7.04.2015а, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/07/ataka-na-yacenyuka-bronirovannye-krazy-dovezut-do-otstavki.html> (21.05.2015)

- «Московский комсомолец», 7.04.2015б, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/07/lishaya-ponomareva-neprikosновенности-kollegi-pripomnili-emu-krym-i-gryaznuyu-odezhdu.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 7.04.2015в, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/07/pochemu-demokraticheskie-sily-rossii-okazalis-v-tupike-i-kak-oni-mogut-iz-nego-vyyti.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 8.04.2015а, <http://karel.mk.ru/articles/2015/04/08/zadny-khod.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 8.04.2015б, <http://kras.mk.ru/articles/2015/04/08/v-kulturu-krasnoyarska-dobavili-novosibirskuyu-notku.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 8.04.2015в, <http://mk.kn.md/articles/2015/04/08/dorin-kirtoake-nazval-mikhaya-gimpu-durakom.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 8.04.2015г, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/08/ponomarev-o-lishenii-deputatskogo-immuniteta-oni-zapugany-kremlem.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 9.04.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/09/kak-elektoralnaya-strategiya-kremlya-na-2016-god-svyazana-s-krizisom.html> (17.04.2015)
- «Московский комсомолец», 10.04.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/10/norvezhskiy-publicist-strany-vostochnoy-evropy-ne-dolzhen-stat-marionetkami-ssha.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 20.04.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/20/minoborony-litvy-kiev-voyuet-na-donbasse-za-bezopasnost-vsey-evropy.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 21.04.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/21/den-vyrozhdeniya-lenina.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 22.04.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/04/22/timoshenko-mozhet-zanyat-mesto-lyashko-v-rade.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 5.05.2015, <http://mk-kz.kz/articles/2015/05/05/dlya-kazahstana-minuvshiy-god-mozhno-nazvat-godom-sryvaniya-masok.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 6.05.2015, <http://chel.mk.ru/articles/2015/05/06/pervomayskoe-politicheskoe-shou-zastavlyaet-delat-vybor-v-polzu-truda.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 12.05.2015, <http://mk.kn.md/articles/2015/05/12/belcy-podpishut-dogovor-s-nizhnim-novgorodom-a-zatem-s-sanktpeterburgom.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 14.05.2015, <http://www.mk.ru/zloba-dnya/2015/05/14/gosduma-primet-zakon-pozvolyayushhiy-zapretit-grinpis-i-transperensi-interneshnl.html> (21.05.2015)

- «Московский комсомолец», 20.05.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/05/20/duma-bez-ognya-ne-byvaet-shou-s-dosrochnym-rospuskom.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 25.05.2015, <http://www.mk.ru/social/2015/05/25/vsem-spasibo.html> (21.11.2015)
- «Московский комсомолец», 26.05.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/05/26/chya-isklyuchitelnost-isklyuchitelnee.html> (21.11.2015)
- «Московский комсомолец», 16.06.2015, <http://www.mk.ru/politics/2016/06/16/putin-ssha-vsegda-vmeshivalis-v-vybory-prezidenta-v-rossii.html> (21.11.2015)
- «Московский комсомолец», 24.06.2015, <http://chel.mk.ru/articles/2015/06/24/on-navsegda-ostalsya-molodym.html> (21.11.2015)
- «Московский комсомолец», 1.07.2015, <http://www.mk.ru/moscow/2014/07/01/partbilet-v-meshke-ne-utaish-prefekt-yuvao-menyaet-kazachestvo-na-mandat-deputatamosgordumy.html> (21.05.2015)
- «Московский комсомолец», 27.07.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/07/27/chlen-britanskogo-parlamenta-vtoroy-shotlandskiy-referendum-neizbezhen.html> (21.11.2015)
- «Московский комсомолец», 17.09.2015, <http://www.vnovomsvete.com/articles/2015/09/17/bez-socializma-po-na-darmovshhinku.html> (21.11.2015)
- «Московский комсомолец», 21.09.2015, <http://www.mk.ru/politics/2015/09/21/eksperty-ocenili-vliyanie-pobedy-partii-ciprasa-na-otnosheniya-s-rossiey.html> (21.11.2015)
- «Московский комсомолец», 13.11.2015, <http://www.mk.ru/culture/2015/11/13/aleksandr-kabakov-o-brezglivosti-liberalakh-putinoidakh-i-pozdnem-bunine.html> (21.11.2015)
- «Московский комсомолец», 3.12.2015, <http://www.mk.ru/social/2015/12/03/vzyav-vlast-lenin-i-ego-soratniki-srazu-stali-stroit-kommunizm.html> (20.12.2015)

УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ АВТОРОВ, ЦИТИРУЕМЫХ В ТЕКСТЕ

- Автономова Н. 22
Александрова О.В. 29, 32, 34
Алефиренко Л.Б. 103
Алещанова И.В. 32
Апресян Ю.Д. 102, 185
Арутюнова Н.Д. 20, 24, 33, 184
Базылев В.Н. 45
Балла О. 31
Балли Ш. 183
Бальчиньска-Косман А. (Balczyńska-Kosman A.) 41
Баранов А.Н. 41, 45, 67, 187, 193
Барт Р. 63
Бахтин М.М. 31
Безменова Н.А. 81, 94
Бельчиков Ю.А. 84
Беляева С.А. 119
Белянин В.П. 81, 94
Бенвенист Э. 19, 33
Бжозовски П. (Brzozowski P.) 41
Бисималиева М.К. 29, 33, 34
Блакар Р.М. 52
Богданов В.В. 32, 60
Бонецка Б. (Boniecka B.) 22
Борботько В.Г. 20, 29, 30, 32
Брагина А.А. 103
Будаев Э.В. 7, 8, 10, 37, 186
Бюлер К. 51
Вальчак Б. (Walczak B.) 41
Верещагин Е.М. 125
Вечорек К. (Wieczorek K.) 51
Виноградов М.Ф. 90
Витош Б. (Witosz B.) 34
Вишнякова О.Д. 24
Вовк В.Н. 66, 189
Водак Р. (Wodak R.) 25, 44, 50, 57, 59, 61, 62, 63, 65
Войтак М. (Wojtak M.) 23
Воробьев А.М. 78
Вудвард Г.К. (Woodward G.C.) 51
Гаджиев К.С. 67, 265
Гайда С. (Gajda S.) 40
Гак В.Г. 185
Гальперин И.Р. 30
Герасименко Н.А. 45
Гжегорчицова Р. (Grzegorzcykowa R.) 22
Гжмил-Тылютки Х. (Grzmił-Tylutki H.) 32, 37
Гиндии С.И. 20
Голованевский А.Л. 86, 89, 103
Грабяс С. (Grabias S.) 23
Грейбер Д. (Graber D.) 42, 53
Греймас А.Ж. 19
Григорьева О.Н. 47, 192
Гудков Д.Б. 60
Гуревич П.С. 62
ван Дейк Т.А. (van Dijk T.A.) 19, 23, 24, 44, 61
Демьянков В.З. 13, 36, 187
Дентон Р.Э. младший (Denton R.E. Jr.) 51
Джонсон М. (Johnson M.) 186, 192
Добек-Островска Б. (Dobek-Ostrowska B.) 41
Домашнев А.И. 88
Душак А. (Duzak A.) 24, 38
Дымарский М.Я. 25, 33
Дэвис А. (Davis A.) 43
Епишкин Н.И. 250

- Ерилова С.Л. 38
Ермакова О.П. 137, 165
Есмеев С.А. 134
Жарски В. (Żarski W.) 22
Желтухина М.Р. 14
Завадовски Л. (Zawadowski L.) 29
Загоровская О.В. 134, 181
Земская Е.А. 165
Зюлковски М. (Ziółkowski M.) 56
Ильин М.В. 45
Иссерс О.С. 14
Казакевич Е.Г. 41, 67
Каминьска-Шмай И. (Kamińska-Szmaj I.) 40
Кара-Мурза Е.С. 80
Какорина Е.В. 15, 136, 138, 157, 166
Капралова С.Г. 85, 86
Карасик В.И. 12, 19, 22, 23, 26, 29, 75, 91, 267
Караулов Ю.Н. 187, 192
Каслова А.А. 192
Качанов Ю.Л. 64
Кашаева Е.Ю. 86
Клюев Е.В. 58, 63
Кобозева И.М. 188, 189
Ковалева М.М. 78
Коготкова Т.С. 84
Кожина М.Н. 138
Конецкая В.П. 33
Костомаров В.Г. 125, 167, 269
Кохтев Н.Н. 47
Кравченко И.И. 63
Красных В.В. 23
Крысин Л.П. 119, 124, 134
Крюкова Н.Ф. 186
Крючкова Т.Б. 85, 88, 89, 90, 102, 125
Кубрякова Е.С. 32, 33, 186, 187
Кудра Б. (Kudra B.) 77
Кузнецова Э.В. 154
Кузьмин С.С. 101
Кулиев Г.Г. 189
Купина Н.А. 87, 88
Курте Ж. 19
Кусков В.В. 85
Куява И. (Kujawa I.) 45, 53
Лакофф Дж. (Lakoff G.) 186, 192
Леонтьев А.А. 82
Лисовска-Магдзяж М. (Lisowska-Magdziarz M.) 25
Литвиненко А.Н. 136
Лотман Ю.М. 32
Лузина Л.Г. 187
Лысакова И.П. 137
Любась В. (Lubaś W.) 192
Лябоха Я. (Labocha J.) 23
Ляковска Э. (Laskowska E.) 23, 46
Макаров М.Л. 20, 21, 61
Малевска-Шалыгин А. (Malewska-Szałygin A.) 22
Мамардашвили М.К. 31
Махонина С.Я. 76
Мельник Г.С. 78
Мельников Г.П. 120
Мечковская Н.Б. 55
Мжельская О.С. 130
Мокиенко В.М. 167
Монич Ю.В. 59
Мурадова Л.А. 84, 85, 86
Назаров М.М. 78
Наер В.Л. 81, 94, 260
Никитина Т.Г. 167
Николаев М.Н. 87
Николаева Т.М. 22, 30
Нияковски Л.М. (Nijakowski L.M.) 24
Норман Б.Ю. 55, 64
Ожуг К. (Ożóg K.) 192
Олянич А.В. 29
Опарина Е.О. 189

- Оцепка Б. (Osierka B.) 41
 Павелчик П. (Pawelczyk P.) 42
 Панкратова О.А. 23
 Панкрац Ю.Г. 187
 Панов М.В. 15
 Паршин П.Б. 25, 42, 45, 50
 Пекот Т. (Piekot T.) 22
 Петров В.В. 185
 Пешковский А.М. 79
 Попова З.Д. 186
 Почепцов Г.Г. 84
 Протченко И.Ф. 83, 85, 86, 88, 104
 Прохоров Ю.Е. 29
 Прохорова В.Н. 103, 185
 Пятигорский А.М. 31
 Реформатский А.А. 119
 Рижинашвили И.У. 43
 Розина Р.И. 165
 Романов А.А. 60
 Романова А.Г. 9, 10
 Романова Е.Г. 60
 Сахарова Л.В. 88
 Северска-Хмай А. (Siewierska-Chmaj A.) 53
 Седов К.Ф. 24
 Сайдел Дж. (Seidel G.) 50
 Семененко Л.П. 66
 Серио П. 25
 Скларевская Г.Н. 90, 104, 105, 183, 189
 Скомпска Г. (Skapska G.) 56
 Славек Й. (Sławek J.) 192
 Смуть Й. (Smól J.) 192
 Солганик Г.Я. 86, 89, 95, 138
 Соловьев А.И. 76
 Стаббс М. (Stubbs M.) 23
 Степаненко А.В. 189
 Степанов Ю.С. 24, 43
 Степанова Е.И. 130
 Стернин И.А. 102, 104, 121, 186
 Стриженко А.А. 61, 81, 94
 Супрун А.Е. 55
 Сусов И.П. 25
 Татаринов В.А. 103
 Телия В.Н. 102, 184, 186, 189
 Трошина Н.Н. 80, 268
 Тураева З.Я. 31
 Ухванова-Шмыгова И. (Uchwanowa-Szmygowa I.) 27
 Феденева Ю.Б. 192
 Федорова Л.Л. 14
 Фейклаф Н. (Fairclough N.) 25, 38
 Филинский А.А. 51
 Филлмор Ч. (Fillmore Ch.) 19
 Франковска М. (Frankowska M.) 192
 Фрас Я. (Fras J.) 41
 Харченко В.К. 189
 Хаютин А.Д. 86
 Химик В.В. 138, 154
 Чилтон П. (Chilton P.) 53
 Чудинов А.П. 7, 8, 10, 11, 37, 87, 186, 187, 188, 190, 192
 Шаховский В.И. 268
 Шацки Е. (Szacki J.) 56
 Шейгал Е.И. 19, 29, 32, 35, 39, 43, 44, 45, 48, 51, 54, 58, 59, 64, 66, 68, 73, 83, 192, 193, 266, 267
 Шеффнер К. (Schaeffner C.) 53
 Шехтман Н.Г. 192
 Ширяев Е.Н. 59
 Шмелева Т.В. 47, 68
 Шмидт В. 88
 Щерба Л.В. 30
 Эгер М. (Agar M.) 56
 Эльгорски Ф. (Helgorsky F.) 28
 Якобсон Р. 51

- Agar M. (Эгер М.) 56
 Balczyńska-Kosman A. (Бальчиньска-Косман А.) 41
 Boniecka B. (Бонецка Б.) 22
 Brown G. 32
 Brzozowski P. (Бжозовски П.) 41
 Cameron D. 44
 Chilton P. (Чилтон П.) 53
 Davis A. (Дэвис А.) 43
 Denton R.E. Jr. (Дентон Р.Э. младший) 51
 van Dijk T.A. (ван Дейк Т.А.) 19, 23, 24, 44, 61
 Dobek-Ostrowska B. (Добек-Островска Б.) 41
 Duszak A. (Душак А.) 24, 38
 Fairclough N. (Фейклаф Н.) 25, 38
 Fillmore Ch. (Филлмор Ч.) 19
 Frankowska M. (Франковска М.) 192
 Fras J. (Фрас Я.) 41
 Gajda S. (Гайда С.) 40
 Graber D. (Грейбер Д.) 42, 53
 Grabias S. (Грабяс С.) 23
 Grzegorzczukowa R. (Гжегорчикова Р.) 22
 Grzmił-Tylutki H. (Гжмиль-Тылютки Х.) 32, 37
 Hacker K.L. 19
 Helgorsky F. (Эльгорски Ф.) 28
 Johnson M. (Джонсон М.) 186, 192
 Kamińska-Szmał I. (Каминьска-Шмай И.) 40
 Kintsch W. 20
 Kudra B. (Кудра Б.) 77
 Kujała I. (Куява И.) 45, 53
 Labocha J. (Лябоха Я.) 23
 Lakoff G. (Лакофф Дж.) 186, 192
 Laskowska E. (Ляковска Э.) 23, 46
 Lisowska-Magdziarz M. (Лисовска-Магдзяж М.) 25
 Lubaś W. (Любась В.) 192
 Malewska-Szałygin A. (Малевска-Шалыгин А.) 22
 Meadow R.G. 37
 Nijakowski L.M. (Нияковски Л.М.) 24
 Оcierka B. (Оцепка Б.) 41
 Olechnicki K. 57
 Ożóg K. (Ожуг К.) 192
 Pawełczyk P. (Павелчик П.) 42
 Piekot T. (Пекот Т.) 22
 Schaeffner C. (Шеффнер К.) 53
 Seidel G. (Сайдел Дж.) 50
 Siewierska-Chmaj A. (Северска-Хмай А.) 53
 Skąpska G. (Скомпска Г.) 56
 Sławek J. (Славек Й.) 192
 Smół J. (Смуль Й.) 192
 Stubbs M. (Стаббс М.) 23
 Szacki J. (Шацки Е.) 56
 Uchwanowa-Szmygowa I. (Ухванова-Шмыгова И.) 27
 Walczak B. (Вальчак Б.) 41
 Wieczorek K. (Вечорек К.) 51
 Witosz B. (Витош Б.) 34
 Wodak R. (Водак Р.) 25, 44, 50, 57, 59, 61, 62, 63, 65
 Wojtak M. (Войтак М.) 23
 Woodward G.C. (Вудвард Г.К.) 51
 Yule G. 32
 Załęcki P. 57
 Zawadowski L. (Завадовски Л.) 29
 Ziółkowski M. (Зюлковски М.) 56
 Źarski W. (Жарски В.) 22

УКАЗАТЕЛЬ АНАЛИЗИРУЕМЫХ В ТЕКСТЕ СЛОВ И СЛОВСОЧЕТАНИЙ

- авангард 206, 211
авторитарная замашка 140
администрация 134
анархия 134
арена 249
армия 216
арьергард 206, 211
атака 196, 199
базар 163
балаган 239
балансировать на грани войны 205
баталия 196, 201
батальон 216
беспартийный 105, 107
беспредел 166
битва 196, 203
блокада 196
большевик 111, 114
большевистский 115
борец 222, 228
борьба 204
борьба за власть 204
борьба за места 204
борьба за пост 204
бутафория 254
бюджетник 149, 154
вкалывать 144, 145
война 193
война компроматов 194
война плакатов 194
враг 222, 224
враг демократии 224
враг народа 224
враг России 224
выборная баталия 201, 203
вываливать 146
вываливаться 146
вывалить 145
вывалиться 145
вызвать на поединок 205
выиграть битву 206
выиграть бой 206
газовая война 195
гвардеец 222, 228
гвардия 216, 219
генерал 222, 228
Горби 154, 155
городской штаб 217, 218
грим 254
дворянство 105, 108
деидеологизация 105, 109
демократия 134
депутат 134
десант 227, 228, 229
диктаторская замашка 140, 141
диктатура 134
дипломат 134
дирижер 257
для прикола 173
дружина 216, 222
думец 151, 152
единорос 146
единоросс 146
ельциноид 160
ельцинская гвардия 219
Жирик 154
закос 172
закосить 172
закулисье 252
замашка 140

- западло 165
зачистить 170
Зю 154, 155
идеологическая война 194
идти в бой 206
избирательная баталия 201, 203
имидж 130
имиджмейкер 131
императорская замашка 140, 141
империя 134
имперская замашка 140, 141
информационная блокада 196
информационная война 194
истеблишмент 126
истэблишмент 126
кагэбэшник 151
камикадзе 222, 228, 230
кандидат 134
канцелярия 134
канцлер 134
капитализм 105
капитулировать 206
капитуляция 206
кинуться в бой 206
клоун 260
клоунада 244
коллективист 111
комедия 241
комик 260
коммунист 111
комсомолец 111
консервативный 116
конституция 134
кореш 163
корешить 163
корпус 216
коррупция 133
кремлевская гвардия 219
кукла 234
кукловод 255
кукольный театр 234
кулисы 250
культурный истеблишмент 127
ленинец 114
либерал 134
либерализм 105, 109
либераст 158
листовочная война 194
литературный истеблишмент 127
лобби 126, 127
лоббирование 128
лоббировать 128
лоббист 128
лукашист 159
майдаун 159
марионетка 234, 255, 256
марксизм 111, 112
марксизм-ленинизм 111, 112
маска 253
маскарад 240
мелодрама 247
министр 134
многопартийность 116
мобилизация 205, 208
монархия 105, 106
мочить 175
мочить в сортире 176
мужик 140
мыльная опера 245
мэрия 134
мямлить 144
навар 139, 168
наварить 139, 168
наемник 149, 150
наехать 174
нанести поражение 206
напасть 205
напихать 144
наступление 206, 210
нацбол 146, 148

- нашист 146, 148, 154
нейтралитет 134
новобранец 222, 225, 228
объявить войну 205, 206
одержать победу 206, 212
оккупация 206
оппозиция 105, 107
оппортунизм 110
оппортунист 111
осада 206
отряд 216, 221
параша 165
парламент 134
партизан 222, 228
партийный штаб 217
партия 134
пацан 162
первая скрипка 259
переворотчик 153
перестройщик 153
питерская гвардия 219
плутократия 105, 106
плюрализм 116, 128
победа 206, 213
победить 206, 213
побоище 196
подготавливаться к войне 205
подковерная война 194
показать кому-л. кузькину мать 156
политическая арена 248
политическая баталия 201
политическая борьба 204
политическая разборка 161
политическая стратегия 231
политическая сцена 248
политическая тусовка 171
политический балаган 240
политический враг 224
политический противник 223
политический театр 233
политический цирк 238
политический штаб 217
политическое шоу 237
полк 216
полководец 222, 228
поп-музыкальный истеблишмент 127
по приколу 173
поражение 206, 215
потерпеть поражение 206, 215
потерпеть сокрушительное поражение 215
предвыборная баталия 201, 202
предвыборная борьба 204
предвыборная война 194
предвыборная стратегия 231
предвыборный цирк 238
предвыборный штаб 218
президент 134
премьер 134
призыв к войне 205
прикол 172
проиграть 206
пропаганда 134
противник 222, 223
псевдодемократическая замашка 140, 142
путингоид 160
путиноид 160
путинюгенд 157
ради прикола 173
радикальная замашка 140, 142
разборка 161
раскрутка 168
революционер 111, 113
революция 134
региональный штаб 217, 218
режиссер 257
рейтинг 131, 132
рекрутировать 205, 206

- репрессия 134
республика 134
рядовой 222, 228
рэкет 133
саммит 131
секретарь 134
сенат 134
сепаратизм 134
советский 115
сокрушительная победа 214
солдат 222
соскочить с иглы 177
социалистический 116
союзник 222
сражение 196
старая гвардия 220
статист 259
стратег 228
стратегия 231
сцена 248
сценарист 258
тактика 231
талдычить 143
театр 232
театр абсурда 236
театр марионеток 234
торговая война 195
трагикомедия 247
триумфальная победа 214
тусовка 171
управленец 149, 150
участвовать в баталии 206, 209
участвовать в выборной баталии 209
участвовать в политической баталии 209
фарс 243
федерация 134
флагман 222, 227, 228
фракция 134
холуйский 142
художественный истеблишмент 127
центральный штаб 217
цирк 238
шоу 237
штаб 216
экономическая блокада 196, 197
экономическая война 195
электоральная баталия 201, 203
электоральная стратегия 231
энергетическая блокада 196, 198
эфирная война 194
яблочник 146, 147

Aspekty lingwopragmatyczne współczesnego prasowego dyskursu politycznego (na materiale języka rosyjskiego)

STRESZCZENIE

Komunikacja polityczna stanowi obiekt stale utrzymującego się zainteresowania językoznawców, które w latach dwudziestych-pięćdziesiątych XX wieku przekształciło się w samodzielny kierunek badań (lingwistyka polityczna). Początkowo badacze koncentrowali się na obserwacji dyskursu totalitarnego (problem kształtowania opinii publicznej i mechanizmów manipulacji, skuteczności agitacji politycznej i propagandy wojskowej, relacji między semantyką jednostek leksykalnych i procesami politycznymi itp.). Począwszy od lat sześćdziesiątych i siedemdziesiątych XX wieku skupiono się na analizie komunikacji politycznej w zachodnich państwach demokratycznych. W okresie zimnej wojny szczególną uwagę naukowców przyciągał dyskurs militarystyczny. W tym czasie badacze zajmowali się najczęściej problemami analizy leksyki politycznej, teorii i praktyki argumentacji politycznej, komunikacji politycznej w perspektywie diachronicznej, wykorzystania symboli politycznych i metafor politycznych, funkcjonowania języka polityki w warunkach kampanii wyborczej oraz debat prezydenckich i parlamentarnych, dyskursu partyjnego itp. Obecny etap rozwoju badań nad komunikacją polityczną (koniec XX wieku i początek XXI wieku) związany jest z pojawieniem się nowych wątków (dyskurs terroryzmu, dyskurs „nowego porządku światowego”, poprawność polityczna, tolerancja społeczna, komunikacja społeczna w społeczeństwie tradycyjnym, dyskurs fundamentalistyczny itp.).

Celem niniejszej pracy jest analiza jednostek leksykalnych z komponentem emotywnym wykorzystywanych w tekstach prasowych współczesnego rosyjskiego dyskursu politycznego oraz ocena ich możliwości wpływu na czytelników. Badanie zostało przeprowadzone na podstawie tekstów informacyjno-publicystycznych (2000 tekstów) o tematyce politycznej i społecznej, opublikowanych w 4 gazetach (wersje elektroniczne gazet „Аргументы и факты”, „Известия”, „Комсомольская правда”, „Московский комсомолец”) z lat 2000-2015, a także na bazie publikacji leksykograficznych. Monografia składa się ze wstępu, czterech rozdziałów, zakończenia i bibliografii.

We wstępie uzasadniono wybór tematu i jego aktualność, przedstawiono krótki zarys historii badań nad komunikacją polityczną i dyskursem politycznym, określono cele badawcze.

Rozdział pierwszy „Lingwistyka polityczna: aparat pojęciowy i terminologia” stanowi opis koncepcji dotyczących podstawowych dla niniejszej pracy pojęć „dyskurs” i „dyskurs polityczny”, a także cech charakterystycznych dyskursu politycznego.

Analiza dyskursu stanowi przedmiot zainteresowania badaczy już od dłuższego czasu, jednak termin „dyskurs” jako jeden z najbardziej skomplikowanych nie poddaje się próbom stworzenia jednoznacznej definicji. Powodem braku jednej obowiązującej interpretacji jest prawdopodobnie interdyscyplinarność pojęcia. Termin ten znajduje zastosowanie w aparacie pojęciowym różnych dyscyplin naukowych i używany jest w stosunku do różnych sfer komunikacji, w związku z tym analizowany jest z różnych perspektyw. Niejednoznaczność definicji powoduje, że „dyskurs” jest zwykle opisywany w porównaniu do innych zjawisk, na przykład do pojęcia „tekst” i „mowa”. Niektórzy autorzy używają tych terminów całkowicie zamiennie, jako synonimów, niemniej jednak podejmowane są także próby ich rozróżnienia (na podstawie różnych kryteriów: forma ustna i pisemna, charakter abstrakcyjny i konkretny, przeciwieństwa „proces/wynik”, sfera funkcjonowania itp).

Podobnie niejednoznaczne i trudne w interpretacji jest pojęcie „dyskursu politycznego”. W związku z tym badacze nie wypracowali dotychczas jednego obowiązującego podejścia ani do problemu definicji tego zjawiska (przy wąskiej interpretacji jest to dyskurs polityków, przy szerokiej – język sfery publicznej, a więc jego autorami są przedstawiciele władzy, politycy, różnego rodzaju siły społeczne, środki masowego przekazu, przedstawiciele danego narodu), ani jednego podejścia metodologicznego, ani klasyfikacji gatunków należących do niego. Dyskusje wywołują też pełnione przez dyskurs funkcje (przy różnorodności klasyfikacji można założyć, że podstawową funkcją dyskursu politycznego jest funkcja instrumentalna – walka o władzę, a wszystkie pozostałe są aspektami jej realizacji). Dyskurs polityczny wyróżnia się szeregiem określonych cech (np. instytucjonalność, ideologiczność, fantomowość, teatralność itp.), jednak nie są one charakterystyczne wyłącznie dla tego typu dyskursu. Konkretnie cechy dyskursu politycznego są również realizowane w różnym stopniu w zależności od danego gatunku.

Rozdział drugi „Praktyki dyskursywne środków masowego przekazu” poświęcony jest prezentacji związków dyskursu politycznego z dyskursem

medialnym. W niniejszym rozdziale opisano również cechy języka prasy oraz scharakteryzowano prasowy tekst polityczny.

W przypadku dyskursu politycznego skutkiem braku ściśle określonych granic semantycznych jest jego przecięcie z wieloma innymi rodzajami dyskursu (dyskurs prawniczy, dyskurs naukowy, dyskurs pedagogiczny, dyskurs reklamowy itp.), jednak z punktu widzenia niniejszych badań najważniejszą rolę odgrywa powiązanie dyskursu politycznego z dyskursem środków masowego przekazu, wśród których szczególne miejsce tradycyjnie zajmuje prasa. Media drukowane są nie tylko źródłem informacji, ale także środkiem regulacji, zarządzania i manipulowania życiem politycznym i społecznym kraju. Manipulowanie opinią publiczną w środkach masowego przekazu może przejawiać się w przekazywaniu informacji niezgodnych z prawdą lub niewystarczających, jednak jednym z najważniejszych sposobów wywarcia wpływu na adresata jest bezpośrednie lub pośrednie wyrażanie oceny. Element oceniający wypowiedzi autora w prasowych tekstach politycznych jest zawsze zorientowany społecznie, tekst gazety politycznej jako element komunikacji społecznej i politycznej to nie tylko informacja, ale także wyraz stanowiska społeczno-pragmatycznego jej autora i wydawcy.

Znakami werbalnymi, wykorzystywanymi w dyskursie politycznym, są nie tylko wyrazy i związki wyrazowe, ale także teksty, w tym teksty prasowe. W odróżnieniu od innych tekstów publicystycznych, prasowy tekst polityczny realizuje wszystkie funkcje komunikacyjne (informacyjną, apelacyjną i ekspresyjną). Z tego względu tekst polityczny musi posiadać szereg cech, takich jak informatywność, intersubiektywność, prawdziwość, perswazyjność, skuteczność, ideologizacja. Połączenie tych parametrów w danym prasowym tekście politycznym zależy od jego gatunku.

Rozdział trzeci „Leksyka polityczna w praktykach dyskursywnych prasy rosyjskiej” poświęcony jest ukazaniu potencjału lingwopragmatycznego słownictwa z komponentem emotywnym we współczesnych prasowych tekstach politycznych. W niniejszym rozdziale dokonano analizy leksemów, które w związku ze zmianami w życiu społeczno-politycznym zmieniły swoje konotacje ideologiczne, a także określono potencjalne oddziaływanie językowe leksyki potocznej i żargonizmów oraz zapożyczeń z języka angielskiego.

Zmiany na poziomie komponentu emotywnego znaczenia leksemów używanych we współczesnym rosyjskim dyskursie politycznym obserwowane są często i przejawiają się w usuwaniu naleciałości ideologicznych i zmianie konotacji ideologicznych. Komponent emotywny semantyki leksyki społeczno-

-politycznej czasów Związku Radzieckiego zawierał informacje o ocenach społecznych zjawisk z punktu widzenia ideologii marksistowsko-leninowskiej (jednostki nazywające pojęcia wrogie tej ideologii związane były z wyraźną oceną negatywną). Analiza materiału leksykalnego zebranego na podstawie artykułów słownikowych wskazuje, że proces usuwania komponentu wartościowania ideologicznego w słownictwie, używanym w dyskursie politycznym w czasach radzieckich, w stosunku do współczesnego rosyjskiego dyskursu politycznego przebiega w trzech kierunkach: w emotywnym konotacyjnym komponentie znaczenia danej jednostki leksykalnej znikają sememy oceny negatywnej (zastąpione zostały przez sememy oceny neutralnej); w emotywnym konotacyjnym komponentie znaczenia danej jednostki leksykalnej zachodzi zmiana sememów oceny pozytywnej na sememy neutralne lub negatywne; w emotywnym konotacyjnym komponentie znaczenia danej jednostki leksykalnej sememy neutralne zostają zmienione na pozytywne. Zjawisko to można zaobserwować na podstawie materiałów słownikowych, w artykułach słownikowych, z których zniknęły wskaźniki dawnej wyraźnej oceny ematywnej, zawarte w definicjach i materiale ilustracyjnym (np. w *społeczeństwie burżuazyjnym*, w *społeczeństwach wyzyskujących*, *wrogi postępowi*, *wrogi maksymowi-leninizmowi*, *przodujący*, *postępowy*, *pożyteczny społecznie* itp.).

W rozdziale trzecim określono także potencjalne oddziaływanie na emocje adresatów zapożyczeń z języka angielskiego we współczesnych prasowych tekstach politycznych. Wiele zapożyczonych w przeszłości wyrazów przeszło swoistą przemianę: poszerzyło swoje znaczenie, zmianie uległo ich zabarwienie emocjonalne i wartościujące. Proces ten jest szczególnie widoczny w zapożyczeniach, które w czasach radzieckich odnosiły się tylko do realiów zagranicznych. Dane leksemy związane były z konotacją negatywną, przedstawiającą wyraz obcojęzyczny jako obcy ideologicznie (ich użycie w tamtym okresie było zdeterminowane przez konfrontację ideologiczną marksizmu-leninizmu z innymi doktrynami). W czasach współczesnych zaczęto ich używać do oznaczania realiów rosyjskich, a nie tylko zagranicznych, jednocześnie zmieniły one swoje zabarwienie wartościujące (zmiana z zabarwienia negatywnego na neutralne).

Funkcja ekspresyjna w prasowym dyskursie politycznym przejawia się także w intensywnym wykorzystaniu wyrazów potocznych i żargonizmów, którym poświęcona jest kolejna część rozdziału trzeciego. Jednostki leksykalne tego typu pozwalają osłabić oficjalny charakter wypowiedzi, nadać tekstom wyjątkową plastyczność i obrazowość, dzięki nim dziennikarz może wyrazić swoje (często negatywne) zdanie o świecie polityki. Głównym celem stosowania

wania potocznych jednostek leksykalnych w dyskursie politycznym jest znalezienie nowych środków ekspresji, zwiększających wpływ informacji na odbiorcę, a także zbliżenie świata polityki i życia codziennego (polityk przedstawiany jest jako zwykły człowiek, jeden z szeregowych mieszkańców kraju). W artykułach o polityce można również zaobserwować przykłady użycia żargonizmów. Ekspresywność żargonizmów (większa niż w przypadku wyrazów o zabarwieniu neutralnym) bardziej przyciąga uwagę czytelnika, jednocześnie aktywizując denotatywne znaczenia wartościujące. Dane jednostki leksykalne mogą wywoływać negatywne skojarzenia i tworzyć wyobrażenia na temat podobieństwa życia politycznego i działań polityków ze światem przestępczym, światem show biznesu, życiem młodzieży. Warto zauważyć, że powodem obecności tej grupy słownictwa w języku prasowym jest również liberalizacja norm językowych związanych z demokratyzacją stosunków społecznych (zniesienie ograniczeń w używaniu w języku literackim jednostek z nieskodyfikowanej części języka narodowego).

W rozdziale czwartym „Metaforyka polityczna jako kognitywny mechanizm oddziaływania językowego” badane są funkcje leksemów o wtórnym znaczeniu metaforycznym w prasowych tekstach politycznych.

Zainteresowanie fenomenem metafory, które pojawiło się już w starożytności, rozwija się aktywnie także w epoce nowożytnej, kiedy pojawiło się wiele koncepcji opisujących naturę, istotę i funkcje metafory. Zgodnie z tradycyjnym ujęciem metafora (z greckiego *metaphorá* – przeniesienie) to figura stylistyczna lub mechanizm językowy, polegający na użyciu wyrazu oznaczającego pewną klasę obiektów, zjawisk itp., w celu scharakteryzowania lub nazwania obiektu należącego do innej klasy obiektów, lub nazwania innej klasy obiektów podobnych do danego pod jakimkolwiek względem. Współcześnie brak jednolitej, uniwersalnej typologii metafor językowych. Podejścia badawcze do tego zagadnienia można zredukować do dwóch obszarów – semantycznego (metafora oznacza zjawisko językowe, sposób nadawania myśli zewnętrznej formy i upiększanie jej) i kognitywnego (metafora nie jest zjawiskiem językowym, ale mentalnym, a więc metaforyczność jest szczególnym sposobem myślenia).

Metaforyczność można uznać za jedną z najważniejszych cech współczesnego dyskursu politycznego, gdyż wspólną orientacją komunikatywną wypowiedzi polityków jest niewątpliwie ich dążenie do tego, aby przyciągnąć uwagę, zainteresować, przekonać odbiorców do swoich racji, co zapewnia właśnie metaforyczność. Metafory pomagają przywódcom politycznym przekształcać językowy obraz świata w świadomości adresatów, wprowadzać nową kate-

goryzację w prezentację dobrze znanych odbiorcom zjawisk i nadawać im nową ocenę emocjonalną. Jednostki leksykalne z wtórnym znaczeniem metaforycznym używane w dyskursie politycznym niosą ze sobą silne konotacje, ich głównym zadaniem jest tworzenie określonego stosunku adresata do tematu wypowiedzi poprzez wywieranie wpływu emocjonalnego i psychologicznego.

Problemem metaforyki języka polityki zajmowali się tacy uczeni, jak A.N. Baranow, J.N. Karaułow, O.Ż. Grigorjewa, A.A. Kasłowa, J.B. Fiedieniewa, A.P. Chudinow, E.I. Shejgal, N.G. Shechtman, M. Frankowska, M. Johnson, G. Lakoff, W. Lubaś, K. Ożóg, J. Smól, J. Sławek i in. Należy jednak podkreślić, iż jest to nadal perspektywiczny kierunek badań, dlatego że modele metaforyczne ulegają zmianom pod wpływem sytuacji politycznej, społecznej i ekonomicznej w państwie (mogą pojawiać się nowe modele, częstotliwość istniejących może ulegać zmianie, mogą też one zniknąć). Niniejsza analiza pokazała, że metaforyzacja jest wciąż bardzo produktywnym sposobem wyrażenia ekspresyjności w przypadku słownictwa, używanego we współczesnym prasowym rosyjskim dyskursie politycznym. Badaniem objęte zostały leksemy ze sferą źródłową „wojna” i „teatr” jako związane z największym wpływem na emocje odbiorców.

Koncepty sfery źródłowej „wojna” często tworzą podstawę metaforyki politycznej w celu ukształtowania struktury konceptualnego obszaru polityki, a także dla nadania oceny emocjonalnej jego elementów. Jest to prawdopodobnie spowodowane związkiem dyskursu politycznego z dyskursem mass mediów. Badacze zajmujący się tą tematyką widzą przyczynę militaryzacji języka polityki także w bogatym doświadczeniu wojskowym ludzkości, w militaryzacji świadomości narodu rosyjskiego, w agonalności obiektu refleksji (istota polityki to walka o władzę). Analizowane leksemy obrazowo przedstawiają relacje w świecie polityki, opisując życie polityczne za pomocą terminów militarnych. Działania wojenne kojarzą się z okrucieństwem, agresją, porównanie z nimi może przywoływać traumatyczne wspomnienia i wywoływać strach o przyszłość. Podkreślane są wrogie relacje między podmiotami procesu politycznego (świat polityki opisywany jest jako pole bitwy), w niektórych przypadkach leksemy tego typu mogą służyć jako środek dyskredytowania polityków (np. *wróg Rosji*, *wróg narodu*). Aktywność polityków i partii politycznych nie jest przedstawiana jako działalność społeczna mająca na celu poprawę dobrobytu mieszkańców kraju, ale jako ciągła walka (polityka jako konflikt między partiami politycznymi, a nie jako współpraca). Może się wydawać, że podmioty procesów politycznych nie stawiają sobie za cel wspólne rozwiązy-

wanie problemów w społeczeństwie metodami konstruktywnymi, ale koncentrują się na zniszczeniu przeciwników.

Kolejną sferą źródłową, na podstawie której zachodzi metaforyzacja w badanym obszarze, jest sfera „teatr”. Powszechne stosowanie w dyskursie politycznym metaforyki teatralnej wynika prawdopodobnie z faktu, że mieszkańcy kraju często uczestniczą w życiu politycznym w sposób pośredni, jako obserwatorzy (swego rodzaju publiczność), uzyskując informacje o nim za pośrednictwem środków masowego przekazu. W związku z tym politycy stale (celowo lub bezwiednie) próbują zaimponować obywatelom, postrzegając ich jako rodzaj widzów, publiczność.

Jak pokazała analiza, sfera źródłowa „teatr” jest nadal jedną z bardzo produktywnych sfer źródłowych powstawania wtórnych metaforycznych znaczeń wyrazów funkcjonujących w dyskursie politycznym. Badane leksemy mogą mieć duży potencjał oddziaływania na czytelnika, noszą charakter oceniający i mogą wywoływać negatywne skojarzenia. Życie polityczne jest opisywane jako działanie na pokaz, oderwane od rzeczywistości, przesadnie emocjonalne, obliczone na efekt, jako lekka rozrywka dostępna wszystkim lub nawet jako bufonada, wygłupianie się. Politycy porównywani są do aktorów, których praca to wcielanie się w pewne role, których działania nie mają na celu wypełniania swoich zadań publicznych, ale wywieranie pozytywnego wrażenia na widzach. Wyjątkowo negatywne asocjacje mogą pojawić się przy porównywaniu podmiotów życia politycznego do statystów, lalek i marionetek (szeregowi politycy nie działają niezależnie, pracując dla dobra obywateli, którzy ich wybrali, ale są narzędziem w rękach kogoś bardziej wpływowego – władz, przywódców partii politycznych itp., porównywanych ze scenarzystami, reżyserami, dyrygentami – ślepo wypełniając polecenia) lub do klaunów (działania polityków są czymś śmiesznym). Zachowanie polityków bywa charakteryzowane jako nieszczerze, mające na celu ukrycie ich prawdziwych intencji, udawanie.

W „Zakończeniu” podsumowane zostały główne wyniki analizy i określono perspektywy dalszych badań nad lingwopragmatycznymi aspektami prasowego dyskursu politycznego.

**Linguo-pragmatic aspects
of contemporary press political discourse
(on the basis of Russian language material)**

SUMMARY

Political communication is a subject of permanent interest on the part of linguists, which transformed in the 1920s-50s into an independent research area (political linguistics). Initially researchers concentrated on the observation of the totalitarian discourse (the problem of shaping the public opinion and mechanisms of manipulation, efficiency of political agitation and military propaganda, relations between the semantics of lexical units and political processes, etc.). From the 1960s and 70s onwards the researchers focused on the analysis of political communication in western democratic countries. During the cold war they were especially attracted by militaristic discourse. At that time the researchers usually dealt with the issues of the analysis of political lexis, theory and practice of political argumentation, political communication in a diachronic perspective, the use of political symbols and metaphors, functioning of the political language in the circumstances of election campaign, as well as presidential and parliamentary debates, party discourse etc. The current stage of the development of studies on political communication (the late 20th c. and the early 21st c.) is connected with the emergence of new threads (discourse of terrorism, discourse of “the new world order”, political correctness, social tolerance, social communication in the traditional society, fundamentalist discourse, etc.).

The objective of this paper is to analyze lexical units with an emotive component used in press texts of the contemporary Russian political discourse, as well as to assess its influence on readers. The studies were conducted on the basis of information-publicist texts (2000 texts) on political and social issues, published in 4 newspapers (electronic versions of the newspapers: “Аргументы и факты”, “Известия”, “Комсомольская правда”, “Московский комсомолец”) in the period 2000-15, as well as on the basis of lexicographic publications. The monograph consists of an introduction, four chapters, a conclusion and bibliography.

The introduction includes the justification of the selection of the subject and its topicality, presents a short outline of the research on political communication and discourse, as well as determines the research aims.

Chapter one, "Political linguistics: the conceptual apparatus and terminology" is a description of the concepts referring to the terms "discourse" and "political discourse", fundamental for this work, as well as the characteristics of political discourse.

Even though the analysis of discourse has been the subject of interest of researchers for quite a long time, the term "discourse", as one of the more complicated ones, evades attempts at creating a clear definition. The reason for the lack of one binding interpretation is probably the interdisciplinary nature of the term. The term is applicable in the conceptual apparatus of various fields of science and is used in relation to various communication spheres; therefore it is analyzed from different perspectives. The ambiguity of the definition results in "discourse" being described in comparison with other phenomena, such as "text" and "speech". Although certain authors use these terms as completely interchangeable, as synonyms, there are also attempts to distinguish them (on the basis of various criteria: oral and written form, abstract and concrete nature, opposites "process/result", the sphere of functioning, etc.).

Similarly ambiguous and difficult to interpret is the concept of "political discourse". Therefore, researchers have not developed yet one binding approach to either the problem of the definition of this phenomenon (at its narrow interpretation it is discourse of politicians, at the broad definition the language of public sphere, thus its authors are the representatives of power, politicians, various social forces, mass media, representatives of a particular people), or one methodological approach, or a classification of genres belonging thereto. Discussions are also triggered by its functions (at the variety of classifications it is possible to assume that the fundamental function of political discourse is the instrumental function: power struggle, and all the others are aspects of its implementation). Political discourse is characterized by several particular qualities (e.g. institutionality, ideology, phantom, theatricalness, etc.); however, these features are not characteristic exclusively of this type of discourse. Concrete qualities of political discourse are also implemented to a different degree depending on the particular genre.

Chapter two "Discursive practices of mass media" is devoted to the presentation of connections of political discourse and medial discourse. This

chapter also describes the qualities of the press language and characterizes the press political text.

In the case of political discourse a result of the lack of strictly determined semantic borders is its crossing with many other types of discourse (legal discourse, academic discourse, educational discourse, advertising discourse, etc.), but from the point of view of these studies the most important part is played by the connection of political discourse with mass media discourse, among which press traditionally occupies a particular place. Printed media are not only a source of information but also means of regulation, management and manipulation of political and social life of the country. Manipulating the public opinion in mass media may manifest itself in transferring information which is untrue or insufficient. However, one of the most important ways of influencing the addressee is, direct or indirect, expression of assessment. The evaluation element of the author's expression in press political texts is always socially oriented, a text in a political newspaper as an element of social and political communication is not only information but also an expression of the socio-pragmatic position of its author and publisher.

Verbal signs used in political discourse are not only words and word relationships, but also texts, including press texts. In contrast to other publicist texts, political press text realizes all communicative functions (informative, appellative and expressive). To implement them, a political text should have several qualities, such as being informative, intersubjectivity, veracity, persuasiveness, effectiveness and ideologisation. The combination of these parameters in a particular political press text depends on its genre.

Chapter three "Political lexis in discursive practices of Russian press" is dedicated to presenting the linguo-pragmatic potential of the vocabulary with an emotive component in contemporary political press texts. This chapter contains the analysis of lexemes which, as a result of changes in socio-political life, altered their ideological connotations, as well as the defines a potential linguistic effect of colloquial lexis and jargon expressions and borrowings from the English language.

Changes on the level of the sense of an emotive component are often observed in the contemporary Russian political discourse and manifest themselves in removing ideological traces and changes in ideological connotations. The emotive component of the semantics of socio-political lexis in the times of the Soviet Union contained information about social assessment of phenomena from the point of view of the Marxist-Leninist ideology (units

naming the terms hostile to this ideology were connected with a clearly negative assessment). The analysis of the lexical material collected on the basis of dictionary articles indicates that the process of removing the component of ideological valuation in the vocabulary used in political discourse in the Soviet period, in relation to the current Russian political discourse develops in three directions: in the emotive connotative component of the meanings of a particular lexical unit disappear semantic properties of negative assessment (they have been replaced with semantic properties of neutral assessment); in the emotive connotative component of the meaning of a particular lexical unit occurs a change of semantic properties of positive assessment into neutral or negative properties; in the emotive connotative component of a particular lexical units neutral semantic properties are altered into positive. This phenomenon may be observed on the basis of dictionary materials, in dictionary articles, from which disappeared indicators of the previous clear emotive assessment included in definitions and illustrative material (e.g. *in bourgeois society, in exploiting society, hostile to progress, hostile to Marxism-Leninism, leading, progressive, socially useful*, etc.).

Chapter three also describes a potential effect of borrowings from the English language in contemporary political press texts on the addressees' emotions. Many expressions borrowed in the past have undergone a peculiar transformation: they extended their meanings, their emotional and evaluative tone. The process is particularly visible in the borrowings which in the Soviet period referred to foreign reality only. Particular lexemes were connected with a negative connotation presenting the foreign expression as ideologically alien (their use in that period was determined by the ideological confrontation of Marxism-Leninism and other doctrines). Nowadays, they are used to denote the Russian reality, not only foreign, and simultaneously they have altered their evaluative tone (from negative into neutral).

The expressive function in the political press discourse manifests itself also in the intense use of colloquial and jargon expressions, to which the subsequent part of chapter three is dedicated. This type of lexemes allow for weakening the official character of the text, give texts exceptional plasticity and imagery, due to which a journalist may express their (often negative) opinion about the world of politics. The main aim of using colloquial lexical units in political discourse is finding new means of expression, enhancing the effect of information on the recipient, and also bringing closer the world of politics and everyday life (the politician is presented as a regular human being, one of the ordinary residents of

the country). In articles about politics one may also observe examples of using jargon. The expressiveness of jargon words (higher than in the case of neutral words) attracts the reader's attention stronger, simultaneously activating the denotative evaluative meaning. Particular lexemes may evoke negative associations and make images of the similarity between political life and actions of politicians and the world of crime, show business or life of young people. It is worth noting that the reason for the presence of this group of vocabulary in the press language is also the liberalization of language norms connected with democratization of social relations (abolishing limitations in the use of the units from the uncodified part of the national language in the literary language).

Chapter four "Political metaphors as a cognitive mechanism of language influence" scrutinize the functions of the lexemes of secondary metaphoric meaning in political press texts.

The interest in the phenomenon of metaphor, which appeared as early as Antiquity, is also actively developing in the modern era, when emerged a great number of conceptions describing the nature, the essence and functions of the metaphor. In accordance with the traditional approach, metaphor (Greek: *metaphorá* – transferring, carrying over) is a stylistic figure, or a language mechanism, involving the use of an expression denoting a certain class of objects, phenomena etc., in order to characterize or name an object belonging to another class of objects, or to name another class of objects similar to the given one in any respect. Now there is no uniform, universal typology of language metaphors. Research approaches to this issue may be reduced to two areas: semantic (metaphor as a linguistic phenomenon, the way of providing a thought with an external form and beautifying it) and cognitive (metaphor is not a linguistic phenomenon but mental, thus metaphoricalness is a peculiar way of thinking).

Metaphoricalness may be recognized as one of the crucial features of the current political discourse, since the mutual communicative orientation of politicians' expressions is undoubtedly seeking to attract attention and interest, convince the recipients of their views, which is secured by metaphors. Metaphors help political leaders transform the language image of the world in the consciousness of the addressees, introduce new categorization in the presentation of the phenomena well known to the recipients and provide them with a new emotional assessment. Lexical units of secondary metaphorical meaning used in political discourse convey strong connotations; their main task

is to create a particular attitude of the addressee towards the subject of the expression through emotional and psychological influence.

The problem of metaphors of the language of politics was dealt with by scholars such as: A.N. Baranov, Y.N. Karaulov, O.Zh. Grigoryeva, A.A. Kaslova, Y.B. Fyedyenyeva, A.P. Khudinov, E.I. Shejgal, N.G. Shechtman, M. Frankowska, M. Johnson, G. Lakoff, W. Lubaś, K. Ożóg, J. Smól, J. Sławek and others. It is important to underscore, however, that it is still a prospective direction of studies, because metaphorical models transform under the influence of a political, social and economic situation in the country (there may emerge new models, the frequency of those existent may change, they may also disappear). This analysis demonstrated that metaphorization is still a very productive way of expressiveness in the case of vocabulary used in the contemporary Russian political press discourse. The studies covered lexemes with the source sphere “War” and “Theater” as connected with the strongest effect on the recipients’ emotions.

Concepts of the source sphere “War” often make the basis for political metaphors in order to form a structure of the conceptual area of politics, as well as for providing an emotional assessment of its elements. It is probably caused by the connection of the political discourse with the mass media discourse. Researchers dealing with this subject see the reason for the militarization of the language of politics also in the rich military experience of mankind, in the militarization of the consciousness of the Russian people, in the agonality of the subject of reflection (the essence of politics is power struggle). The analyzed lexemes present figuratively relations in the world of politics, describing political life with military terminology. Military actions are associated with cruelty, aggression, so comparing with them may evoke traumatic memories and trigger fear for the future. Hostile relations between the subjects of the political process are emphasized (the world of politics is depicted as a battlefield); in certain cases lexemes of this type may serve as a method of discrediting politicians (e.g. *the enemy of Russia, the enemy of the people*). Activities of politicians and political parties are not presented as social activities aiming at the enhancement of the prosperity of the citizens, but as a permanent struggle (politics as a conflict between political parties, and not cooperation). It may seem that the subjects of political processes do not set as a goal common solving problems in society with constructive methods but concentrate on destroying the opponents.

Another source sphere, on the basis of which occurs metaphORIZATION in the area under scrutiny, is the sphere “Theater”. The common use in political discourse theatrical metaphors probably results from the fact that the residents of the country often participate in political life indirectly, as observers (a kind of audience), obtaining information about it through mass media. Therefore, politicians constantly (deliberately or inadvertently) try to impress the citizens, perceiving them as a kind of viewers or audience.

As the analysis demonstrated, the source sphere “Theater” is still one a very productive source spheres of emerging secondary metaphorical meanings of words functioning in political discourse. The lexemes under examination may have a great potential of effect on the reader; they carry an evaluating character and may evoke negative associations. Political life is described as actions for show, unrealistic, too emotional, calculated for effect, as light entertainment available for everybody or even as buffoonery, fooling around. Politicians are compared to actors, whose job is to incarnate into certain roles, the actions of whom do not aim at completing their public tasks, but making a positive impression on the viewers. Exceptionally negative associations may emerge at comparing political life subjects to extras, puppets or marionettes (low rank politicians do not act independently, working for the good of the citizens who elected them, but are instruments in the hands of someone more influential – authorities, leaders of political parties, etc., compared with scriptwriters, directors, conductors – blindly obeying their orders) or to clowns (actions of politicians are something funny). Politicians’ behavior can be characterized as insincere, aiming at hiding their real intentions, or as pretending.

The “Conclusion” sums up the main results of the analysis and determines the prospects of further studies on the linguo-pragmatic aspects of political press discourse.